

С.И.Сухонос

МЕТАЦИВИЛИЗАЦИЯ

Сухонос С. И.

Метацивилизация / С. И. Сухонос. – Москва: Книга по Требованию, 2011. – 448 с. – (Человечество. Из прошлого в будущее).

История человечества воспринимается сегодня как калейдоскопическое множество разрозненных событий.

Автор отказался от традиционного взгляда на историю как на совокупность случайных процессов и, проведя тщательный системный анализ наиболее известных цивилизаций (Египта, Месопотамии, Китая, Индии, Античности, Европы и России), обнаружил некий целостный и логичный План, заложенный изначально в фундамент каждой из перечисленных культур.

Показана ключевая роль Российской цивилизации, которой предстоит создать новую общность человеческих культур – гармоничную Метацивилизацию, в которой будут равновесно представлены как силы Запада, так и силы Востока.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Барьеры между цивилизациями	22
1.1. Зачем сегодня воскрешаются знания древних цивилизаций?	22
1.2. Кто живет в сумасшедшем доме?	30
1.3. Первичные цивилизации	36
1.4. Общее различие между Западом и Востоком	42
Глава 2. Системные основы первых четырех цивилизаций	59
2.1. Вертикаль и горизонталь нашего мира	59
2.2. Объекты и среды	72
Глава 3. Первичные цивилизации Востока	105
3.1. Вертикальный иерархический мир Индии	108
3.2. Горизонтальный системный мир Китая	152
3.3. Перпендикулярные иррациональные миры Китая и Индии	229
Глава 4. Первичные цивилизации Запада	251
4.1. Горизонтальный рациональный мир Египта	251
4.2. Вертикальный рациональный мир Вавилона	285
4.3. Перпендикулярные миры Египта и Вавилона	330

Глава 5. Параллельные миры Индии и Вавилона	343
Глава 6. Мозг Метацивилизации	357
Глава 7. Современная наука и модели мира цивилизаций Востока	441
Заключение	431
Литература	441

Эту книгу можно будет понять, если отказаться от традиционного взгляда на историю как на совокупность случайных процессов и вооружиться идеей о том, что вся история Цивилизации – это грандиозный целостный, логичный **План**. А различные культуры – всего лишь исполнители тех ролей, которые изначально были определены им неким "историческим регулировочным полем" для реализации первичного **Плана**

ПРЕДИСЛОВИЕ

История человечества воспринимается сегодня как калейдоскопическое множество разрозненных событий. Походы и империи, войны и перевороты, открытие новых земель и кризисы – все эти и тому подобные события излагается в исторических трактатах с предельно возможной тщательностью и вниманием к деталям, но без какой-либо попытки увидеть за этим некую общую логику, общий алгоритм, целостный замысел Творца. Яркое разнообразие цивилизаций при этом описываются как данность, аналогичная разнообразию оперения в птичьем царстве. И так же как никто не знает, почему у павлина раскрашен хвост не так, как у глухаря, так же никто не понимает, почему в долине Нила появились Сфинкс и пирамиды, в долине Янцзы – иероглифы и гексаграммы, а в Индии – йога и Будда, почему астрология родилась именно в Вавилоне, а традиция мумифицирования умерших – в Египте. Более того, историкам даже не приходит в голову ставить подобного рода вопросы.

Очевидно, что если говорить об исторических исследованиях как о научной области, то современная историческая наука находится на начальном этапе своего развития – описательном. И до сих пор нет полноценной *теоретической истории*.

Однако первые шаги к созданию теории истории были все же сделаны еще в XIX веке. И сразу по нескольким направлениям.

Первое – теория формаций К. Маркса, согласно которой общество развивается благодаря постоянной борьбе двух классов – угнетаемых и угнетателей. Были выделены различные экономические уклады: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный и капиталистический. Основываясь на этой последовательности, Марксом был сделан прогноз о переходе человечества в будущем к коммунистической формации, которая на новом уровне развития повторит общинную. В полном соответствии с этой теорией в XX веке в России и в ряде других стран мира были построены действительно новые социальные уклады, которые, однако, не выдержав борьбы с капитализмом, в конце века практически повсеместно разрушились. Сегодня ценность данной теории оценивается весьма критически.

Второе – теория цивилизаций. Первый шаг в этом направлении сделал наш соотечественник Н.Я. Данилевский. Впоследствии, уже в XX веке, основные работы в этом направлении были предприняты О. Шпенглером (Германия), Дж. Тойнби (Англия), Л. Гумилевым (СССР), С. Хантингтоном (США) и многими другими [38]. Суть этого подхода – выделение в историческом пространстве-времени отдельных ярких "кластеров", названных локальными цивилизациями, таких как древний Египет, Вавилон, древний Китай, Индия, античность... Каждая из локальных цивилизаций согласно этой теории рождается, проживает свое детство, юность, зрелость, старость, упадок и смерть на протяжении нескольких тысяч лет. Главная идея теории цивилизаций никак не связана с формационной, так как упор в ней делается не на универсальность экономических закономерностей, а на культурную самобытность. Локальные цивилизации, несмотря на всю схожесть некоторых формационных трансформаций, остаются легко узнаваемыми яркими неповторимыми *субъектами* истории, которые приходят в определенный момент ее времени и уходят затем во тьму веков. Очевидное подобие логики развития локальных цивилизаций позволило сделать ряд успешных глобальных прогнозов. Так, в частности, Шпенглер, еще в начале XX ве-

ка сравнивая Европу с древней Грецией, а США – с Римом, предрекал угасание влияния первой и растущее имперское величие последней. В чем оказался совершенно прав. В наше время сбывается прогноз 70-х годов прошлого века, сделанный С. Хантингтоном, согласно которому человечество вступило в новую фазу международных отношений – в период столкновения цивилизаций, которые будут бороться друг с другом независимо от признания или отрицания ими капитализма.

Третье направление – мистическая теория соединения различных культур в единый организм, подобный человеческому. Эта теория также родилась в XIX веке под влиянием индийской культуры и развивается в настоящее время в эзотерических кругах. Главная ее идея заключается в том, что все человечество со временем превратится в единый организм, в котором каждая из культур будет выполнять свою специфическую функцию – души, ума, очистительную роль (печень) и т.п. Естественно, что столь сложная модель будущего "сверхорганизма" не может быть сегодня построена научно, поэтому в этом направлении рождается множество красивых, но мало чем обоснованных фантазий. И никто не знает, правы ли эзотерики или нет.

Почему все эти теоретические направления в истории появились именно в XIX веке? Одна из причин – предчувствие грядущей глобализации XX века и одновременно осознание человечеством своей целостности, чему немало способствовали идеи о существовании множества цивилизаций на других планетах. Мысль о том, что человечество не единственная разумная система во Вселенной, заставила посмотреть на себя как бы со стороны, с позиций других космических цивилизаций. Такой мысленный взгляд из космоса на человечество как на единую систему поставил естественный вопрос об устройстве этой системы в целом, о законах ее эволюции и о будущем ее преобразении.

Следующее столетие действительно поставило человечество перед глобальными проблемами. Перестройка мира привела к двум грандиозным войнам, а затем и к холодной войне между двумя мировыми лагерями – социализма и капитализма. В третьей мировой войне победил более зрелый капитализм, следовательно, теория Маркса не выдержала

проверки практикой жизни. Но эта победа не привела к долгожданному миру и успокоению. Конфликты перешли из идеологической области, как и предсказывал С. Хантингтон, в плоскость цивилизационную.

Россия, которая волею судеб граничит с пятью современными цивилизациями, лучше других понимает необходимость перехода от однополярного мира к миру многополярному. Вследствие этого **особенно актуальным становится анализ системных различий между цивилизациями**, так как именно они являются определяющим фактором их роли в будущем многополярном мире.

В настоящее время наиболее распространенной версией расклада сил на этом уровне организации человечества является версия С. Хантингтона [85]. Он выделил семь основных цивилизаций нашего времени: японскую, синскую, индуистскую, исламскую, православную (Россия), западную (Европа и США), латиноамериканскую. Дополнительно и со знаком вопроса – африканскую.

Очевидно, что среди перечисленных цивилизаций лидером является западная, которая после того, как она выиграла противостояние с СССР и практически стала единоличным хозяином на планете, с начала XXI века вступила в фазу мировой Североатлантической империи [27]. Центр активности при этом перешел из Европы в США, и новым Римом стал Нью-Йорк. Именно с монополизацией в мировой политике и экономике США сегодня пытается бороться Россия и ряд других цивилизаций.

Спрашивается, в чем смысл этой борьбы? Отстоять свою культурную идентичность? Сохранить право локальной элиты на бесконтрольное управление внутри собственной территории? Противостоять безраздельному праву потребления региональных ресурсов на условиях метрополии? Да, эти причины (и многое другое) является движущими пружинами противостояния лидеру – западной цивилизации.

Однако при этом есть общая причина для борьбы с монополией одной цивилизации. **Всякая монополия есть зло** для развивающейся системы. И если в экономике развитых стран это давно стало непреложной истиной, которая обросла законодательными механизмами регулирования (антимонопольные законы), то на более высоком уровне между-

народных отношений это еще не стало догмой. Многие наивно полагают, что передовая евроатлантическая цивилизация как заботливый отец будет регулировать все процессы в мире и станет действовать исключительно в рамках либеральной демократии. Но последствия монополизации власти США показали, что ни одна страна не может полноценно управлять миром единолично. Финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, лишь продолжил цепочку негативных явлений, к которым привела такая монополизация.

Все эти негативные факторы ставят серьезный вопрос о том, насколько одна, даже столь развитая цивилизация, как западная, может управлять всем миром и может справиться с надвигающимся на него системным кризисом, в том числе и экологическим.

В рамках этого вопроса необходимо прежде всего рассмотреть, насколько объективной является претензия западной цивилизации на долговременную лидирующую позицию, а роль других цивилизаций является лишь вспомогательной, маргинальной? А это невозможно определить без анализа истории выхода западной цивилизации на лидирующие позиции в мире.

Начнем с того, что до зарождения западной цивилизации начиная с 3000 г. до н.э. возникло (и в большинстве исчезло) множество других – египетская, междуреченская, хараппская, критская, индийская, китайская, византийская, античная... Почему за несколькими исключениями ни одна из них не дожила до наших дней? Ответ на этот вопрос найти далеко не так просто, ибо он лежит в мало исследованной области логики эволюции человечества [69]. Но поскольку историю пишут победители, то западноевропейцы нашли упрощенную версию ответа, согласно которой все цивилизации, кроме западной, выбрали неверные пути развития. Лишь последняя европейская цивилизация – единственная "правильная" поэтому будет править миром всегда. Очень упрощенно эта позиция может быть сформулирована так:

В далеком прошлом люди были наивны и плохо представляли себе, как устроен мир. Они выдумывали примитивные модели Вселенной и заблуждались в отно-

шении истинной природы физических явлений. Эмпирическим путем они открыли некоторые технологии, но это не привело к настоящему прогрессу. В области теоретических наук их достижения были еще скромнее, и реальную ценность представляют для нас, пожалуй, лишь их математические работы. Общественные отношения были ущербны и не давали возможности проявить инициативу отдельному индивиду. Поэтому люди долго блуждали во тьме ложных представлений, пока в XV веке не началось истинное пробуждение Разума. С этого момента человечество пошло наконец-то по правильному пути развития, и возникла европейская цивилизация, королева среди всех других цивилизаций, которая впервые за всю историю создала истинную картину мира.

И хотя эту позицию очень аргументированно критикуют сами же западные ученые (например, О. Шпенглер [91] или А. Тойнби [74]), большинство на Западе считает, что все цивилизации прошлого угасли естественным образом в силу своей исторической "ущербности", поэтому в результате "естественного исторического отбора" выжила и по настоящему развилась лишь одна – **западная цивилизация**. Именно поэтому все остальные "дожившие" до наших дней цивилизации (китайская, индийская, исламская и прочие) служат, по мнению западных аналитиков, лишь фоном, оттеняющим успешность лидеров. Некоторые из этих цивилизаций, например китайская, резко ускорили свое экономическое развитие после того, как пошли по западному пути развития. Другие цивилизации (например, исламская) пытаются создать оппозицию Западу, что приводит к конфликтам, но не представляет реальной угрозы для его мирового господства. Российская цивилизация в XX веке, казалось бы, смогла создать реальный противовес Западу, но к концу века СССР развалился, не выдержав этой борьбы.

Можно не соглашаться с этой упрощенной версией, но невозможно не признать, что современная мировая наука и экономика созданы европейцами, поэтому именно Запад в настоящее время является локомотивом развития человечества. А почти все наши знания о других цивилизациях во многом получены благодаря раскопкам *западных* археоло-

гов и работе *западных* историков. Необходимо признать, что история человечества восстанавливается для нас в основном благодаря усилиям западной цивилизации.

Изначально европейцы смутно представляли себе прошлое человечества. И поэтому, когда в XV веке откопали древние греческие статуи и начали переводить античные труды (причем зачастую с арабского), это произвело на молодую европейскую культуру шок, реакцией на который стало Возрождение. Именно в момент открытия предшествующих цивилизаций и знакомства с их культурой закончился период "мрачного" Средневековья.

Затем Европа познакомилась с древней цивилизацией инков, начала колониальное освоение "уснувших" цивилизаций Индии и Китая. Поход Наполеона в Египет дал мощный импульс к изучению (по сути дела – к открытию Европой) грандиозной цивилизации Древнего Египта, позже – Вавилона и Шумер. Одним из наиболее ярких последних открытий умерших цивилизаций стала, пожалуй, Хараппа.

Итак, по мере того как европейская цивилизация расширяла свое мировое влияние, она обнаруживала, что до нее существовали и другие цивилизации. Причем этот процесс открытия загадок прошлых цивилизаций все еще продолжается. Во-первых, еще не расшифрована письменность Хараппы и Крита, многое осталось неясным и с шумерами, так как была утеряна большая часть глиняных табличек с их клинописными текстами. Во-вторых, продолжается изучение цивилизаций Америки [4]. Постоянно будоражат общественность попытки найти следы легендарной цивилизации Атлантиды. Кроме того, в эзотерической литературе можно найти множество фантастических описаний еще более древних и экзотических цивилизаций.

Кроме археологических открытий умерших цивилизаций и колониальной реанимации "уснувших" – Европе приходилось постоянно бороться с двумя активными цивилизациями – исламской и российской. Обе эти цивилизации воспринимались западной всегда как конкуренты за лидирующее место в мире. Причем если с арабской ветвью исламской цивилизации Запад боролся в основном в прошлом (равно как и с турками-османами) и сегодняшние конфликты во многом определяются отголосками еще Крестовых

походов, то с российской цивилизацией Запад борется потому, что ей, по нашему мнению, принадлежит будущее, а свои лидирующие позиции без боя не сдает ни одна цивилизация.

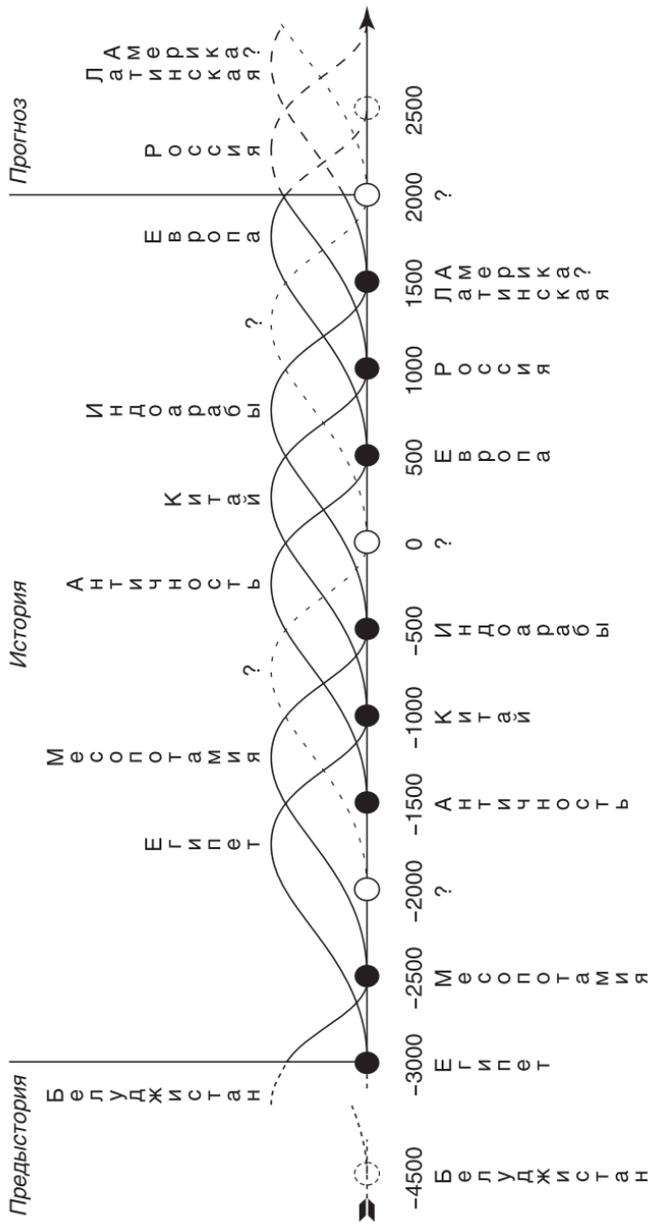
Наличие в истории множества самобытных цивилизаций ставят два главных вопроса: сколько же было цивилизаций вообще и почему часть из них исчезла, оставив после себя в лучшем случае "замороженные" культуры, а в худшем лишь легенды?

Кроме чисто познавательного значения ответ на эти вопросы может иметь очень серьезные последствия для развития Цивилизации⁽¹⁾ в будущем. Если локальные цивилизации древности действительно исчезли в силу их эволюционной бесперспективности, то европейская цивилизация оказывается лучшей из всех и ее мировое господство логически оправданно и неизбежно. Если же древние цивилизации исчезали в силу какого-то естественного хода внутренней эволюции, то и европейская цивилизация со временем, так же как они, состарится, и ей на смену придет более молодая цивилизация, например российская [57]. А если это свершится, то западное представление о мире, которое нам сегодня кажется естественным, хотя и неполным, может оказаться такой же иллюзией, как системы Египта, Вавилона и Античности. И со временем картина мира, созданная современной наукой, будет восприниматься нашими потомками так же, как сегодня воспринимаются мифы о плоской земле под звездным куполом. В таком случае необходимо уже сегодня крайне осторожно относиться к абсолютизации западного научного подхода и очень критично воспринимать созданную с его помощью картину мира.

Именно так ставится вопрос в моей предыдущей книге [69], в которой развивается версия поэтапного восхождения

---

¹ Существует два варианта использования термина "цивилизация". Первый подразумевает общечеловеческую Цивилизацию, зародившуюся 5000 лет назад на берегах Нила, Тигра и Евфрата. В этом случае принято писать термин Цивилизация с прописной буквы. Второй вариант возник вследствие развития теории "локальных цивилизаций", начало которой положил Н. Данилевский в XIX веке. В этом случае говорят о конкретных цивилизациях, например античной или китайской.

● Старт цикла в 2000 лет

Рис. 1. Периодические циклы возникновения цивилизации длительностью в 2000 лет, которые создают практически непрерывную эстафету их развития. Неясными являются начальные и конечные условия. В этой непрерывной череде есть два пропуски – 2000 г. до н.э. и Р.Х. (все цифры, естественно, приближительны)

человечества через различные цивилизации, версия, согласно которой на смену сегодняшнему лидеру обязательно придет новый, который перехватит эстафету активности и продолжит развитие в ближайшее тысячелетие (рис. 1).

Вариант поэтапного развития цивилизаций первым, пожалуй, в явном виде сформулировал О. Шпенглер, который еще "в 1918 году, когда Англия была в зените своего могущества, а Россия и Китай являлись третьеразрядными державами,.. в своей книге "Закат Европы" утверждал, что западная цивилизация вступает в зимний период своего цикла и должна погибнуть к XXIII веку. Ее сменят славянская (Россия) или синская (Китай) цивилизации, которые сейчас переживают весну своего развития" [22, с. 26–27]. Несмотря на революционность такого утверждения, несмотря на то, что оно до сих пор не принимается Западом, эта версия является всего лишь иллюстрацией известной формулы диалектики – развитие никогда не останавливается, старое всегда отмирает и уступает место новому. Непонятно, почему этот очевидный тезис так трудно доходит до подавляющего большинства западных аналитиков.

Более того, вопреки всему, что человечество узнало об эволюции, вопреки диалектике на Западе становится все более популярной точка зрения о конце развития человечества. Наиболее известна в этом отношении книга Ф. Фукуямы "Конец истории" [83]. Впрочем, это всего лишь наиболее известная книга на эту тему. Тенденция "закрывать" все направления дальнейшего развития началась в Европе еще в XIX веке. Пожалуй, первым начал эти "закрываютия" К. Маркс, объявивший, что на Гегеле развитие философии завершилось навсегда. Затем модернистами был объявлен конец искусства (символом которого стал "Черный квадрат" Малевича), в середине XX века появился сценарий "замороженной" Цивилизации – концепция "золотого миллиарда", затем вышла книга Дж. Хоргана "Конец науки" [88].

Отчасти в этой череде "закрываетий" есть своя логика, ибо развитие западноевропейской культуры к XX веку действительно завершилось [69], и она вступила в фазу имперского освоения всего доступного ей пространства. А новая цивилизация, которая идет ей на смену, еще не проявила себя в такой мере, чтобы мир признал ее преемственность.

Впрочем, оба варианта развития (с окончательной остановкой или с продолжением эстафеты) предполагают, что развитие цивилизаций шло поэтапно и *последовательно*. И поэтому в рамках такого подхода все предыдущие цивилизации воспринимаются как некая древность, достойная лишь музейного сохранения. При таком подходе считается, что все ценное, что было ими создано (например, колесо, порох, компас и т.п.), уже давно воспринято лидирующей западной цивилизацией, а все остальное (астрология, гексограммы, индийские космические эпохи и т.п.) справедливо отправлено в мусорную корзину. Поэтому многие научные достижения, картины мироздания, философия и религия древних цивилизаций в лучшем случае воспринимаются как своего рода экспонаты музея, которые интересно рассматривать, но невозможно использовать в практической плоскости. Примерно так же, как воспринимаются скелеты динозавров.

Но такая стройная и простая картина линейного прогресса может являться лишь некоторой исторической иллюзией. И об этом пишут не только в России, но и на Западе. Поэтому до сих пор во многих развитых странах действуют целые направления, представители которых продолжают поиск скрытого смысла в древних учениях, что иногда дает поразительные открытия. Признаюсь, что мне удалось прийти вполне самостоятельно к выводу о непреходящей ценности древних учений. Исследуя историю развития науки в древних цивилизациях [69], я обнаружил, что часть достижений прошлого осталось за бортом современной парадигмы совершенно незаслуженно, что в картинах мира прошлого было нечто ценное, но мимо этого прошла западноевропейская цивилизация. Поэтому данная работа будет посвящена "археологическим раскопкам" в области системной логики древних цивилизаций. И в результате этого исследования, я надеюсь, культура древних цивилизаций приобретет для нас новую ценность и актуальность.

В данной работе предлагается к рассмотрению следующая версия логики развития цивилизаций – древние цивилизации (в дальнейшем мы их будем называть *первичными*) – **Египет, Вавилон, Китай и Индия** развивались не столько последовательно, сколько *параллельно*. Каждая из

них изначально пошла своей дорогой, но история по каким-то причинам для продолжения развития всего человечества выбрала лишь египетский вариант, который через античность передал импульс развития Европе. Развитие остальных трех первичных цивилизаций было на том или ином этапе по каким-то причинам заморожено, хотя многие их локальные достижения были восприняты главной цепочкой Египет-Античность-Европа.

Метафорично идею *параллельного* развития первичных цивилизаций можно представить следующим образом. Изначальный замысел Творца в отношении человечества был грандиозен, но исполнить его целиком не могла ни одна из первых культур. Поэтому задача построения **Целостной Картины Мира**⁽²⁾ была разбита на несколько частей, и каждая из четырех первичных цивилизаций приступила к длительной проработке своей "делянки". Через 2000 лет титанического труда каждая из них создала оригинальную картину мироздания, которая легла в основу их жизнедеятельности и позволила построить уникальную культуру. При этом у каждой из культур за гранью познания остались еще не менее $\frac{3}{4}$ общей картины мира. Но поскольку свято место пусто не бывает, то "чужую" часть общей картины мира каждая из цивилизаций застроила, образно говоря, условными декорациями. В результате общая картина мира у каждой цивилизации сформировалась в виде, так сказать, ядра и оболочки. Центральные постулаты этой картины у каждой из четырех первичных цивилизаций возникли независимо и имеют, как будет показано в данной работе, принципиальные отличия. Вокруг этих неповторимых ядер под естественным воздействием соседних цивилизаций возникла периферия, где были созданы слабо проработанные системы, имеющие непосредственное отношение к другим первичным цивилизациям. Это явление в наибольшей степени свойственно самой последней из первичных цивилизаций – ин-

---

² Под этим несколько пафосным названием мы подразумеваем некую общую картину мира, которая будет построена в будущем и которая охватит все явления, включая явления тонкого мира в единой логической конструкции сверхпарадигмы. Именно тогда на базе этой сверхпарадигмы и будет построена Сверхцивилизация (об этом ниже).

дийской, которая, обладая изначально удивительным синкретизмом, впитала в себя многое не только из первичных цивилизаций, но и из античности. Естественно, что поскольку периферия у каждой из первичных цивилизаций была на много слабее проработана, чем ее ядро, то для Европы, которая в первую очередь видела в древних цивилизациях знакомые ей египетско-античные элементы, занимающие как раз их периферию, знакомство с этими цивилизациями привело к выводу об архаичной метафизичности их мироустроительных принципов. И в этом европейцы были частично правы – те области, которые первичные цивилизации создали на своей периферии, в настоящее время действительно являются архаическими предшественниками более развитой культуры Запада. Но! Не стоит воспринимать эту периферию как единственную ценность первичных цивилизаций, необходимо докопаться до их "ядерной сущности".

Очевидно, что для данного исследования первичный интерес представляют именно системные ядра первичных цивилизаций, то, что их кардинально отличает друг от друга.

Один из ключевых вопросов, который возникает при такой постановке проблемы – почему человечество далеко продвинулось по египетскому направлению и отстало на других? Как будет показано дальше, в этом есть простая и закономерная логика и нет никаких случайностей. Несмотря на весь свой прогресс, следует сразу же изложить важный методологический постулат, без которого смысл дальнейшего изложения останется не вполне ясным. Европа шла по *узкой* дороге, позволявшей ей развивать лишь *часть* представлений о мире. Именно поэтому сжигались на кострах инквизиции все альтернативные концепции, а сегодня европейская наука монополизировала в своей узости область дальнейшего развития познания, организовала (явные и тайные) различные комитеты по борьбе с так называемой "лженаукой" и упорно не замечает огромное количество природных явлений, вся "вина" которых заключается лишь в том, что западная наука не может их объяснить [62].

Впрочем, даже не углубляясь в эту тему, можно понять ситуацию исходя из самых общих соображений. Во-первых, ускоренное развитие всегда предполагает выбор некоторой

главной линии, когда все второстепенные и побочные направления временно отбрасываются на периферию внимания. Следовательно, европейская цивилизация, как и все в природе, не могла развиваться сразу по всем направлениям.

Кроме того, следует понимать, что, приняв эстафету от античности, Европа долгое время вообще не знала ничего об индийской и китайской культурах. Да и более близкую географически вавилонскую цивилизацию открыли очень поздно. Следовательно, Европа развивалась на базе античности, которая передала ей по наследству в основном египетские традиции. Именно в силу этого локального неполноценного "образования" Европа не могла воспринимать собственную культуру как часть *общей* культуры мира, так как попросту ничего не знала об этой общей культуре. Европейцы долгое время наивно полагали, что создаваемая ими картина мироздания является предельно полной, общечеловеческой. Проблему они увидели, лишь когда соприкоснулись с цивилизациями Китая и Индии. Но поскольку материальное развитие этих цивилизаций отставало, то прагматичные европейцы на первых порах не стали ничего менять в своей методологической основе. Лишь в XX веке, столкнувшись с совершенно иным явлением – квантового микромира и космологии, Запад стал внимательнее изучать науку Востока.

До этого европейских историков интересовали лишь те аспекты в ней, которые им были близки и понятны – физика предметного мира. Поэтому они видели в каждой из первичных цивилизаций лишь то, что им близко и понятно, а значит, в первую очередь ту часть картины мироздания, которую первичные цивилизации создавали на чужой для себя территории. Следовательно, Запад видел по большей части *метафизические декорации* собственной "делянки". Именно поэтому в Европе к науке Востока долгое время относились с пренебрежением. Проблема же в том, что европейцы не видели (и до сих пор не видят, хотя уже стали постепенно прозревать), что у трех других первичных цивилизаций были принципиально иные методологические фундаменты познания и преобразования окружающего мира. Что те видели и тщательно исследовали иную часть мира, которую в Европе даже сегодня многие стараются не замечать.

Да, эта западноевропейская *часть* Целостной Картины Мира тщательно проработана в деталях, с ее помощью можно добиваться успеха в практической деятельности, но она изначально неполноценна, ибо за ее рамками остается не менее 75% действительности. Автор убежден, что именно из-за этой методологической ограниченности в XX веке Запад столкнулся с нарастающим валом теоретических и практических проблем. Именно поэтому, хотя Запад открыл миру огромное количество новых природных явлений и научился многими из них управлять, он не может освоить самый распространенный во Вселенной процесс – термоядерный синтез. Именно поэтому западная наука тщательно обходит стороной многие психофизические феномены, НЛО, ничего не может объяснить в явлении шаровых молний и не может воспроизвести их в лабораториях. Западная цивилизация в растерянности остановилась перед загадкой темной материи, которая составляет более 95% всей материи Вселенной. Перечень проблем западной науки можно продолжить здесь на нескольких страницах, но для непредвзятого ума и так очевидно, что "не все в порядке в датском королевстве", в котором ученые упорно не хотят заниматься многими крайне интригующими явлениями. И не потому не занимаются, что не видят в этом выигрыша (чего стоит, например, способ "хранения" энергии в шаровой молнии или возможность безынерционного перемещения НЛО), а потому, что ищут новые технологии "там, где светло", образно говоря, "под фонарем" собственной парадигмы. А то, что за пределами светлого пятна "вокруг фонаря", есть области гораздо более интересные и полезные, западная наука признавать не хочет. Но рано или поздно освещенный пятачок будет перекопан вдоль и поперек и потенциал развития на нем будет исчерпан, поэтому неспроста стали появляться книги с таким символическим названием, как "Конец науки" [88].

Впрочем, в целом человечество смотрит на мир гораздо шире, чем это "позволяет" западная парадигма. Оно не обращает внимания на окрики из лагеря традиционной науки и исследует загадки психофизических явлений, пытается заглянуть за грань смерти, изучает НЛО, прислушивается к астрологам и гадалкам, ищет Атлантиду и мечтает об открытии возможности с помощью мысли не только двигать

предметы, но и создавать новые объекты. Проблема же в том, что эти исследования общество проводит без западной науки, которая хотя и не разводит костры инквизиции, но в рамках собственного поля деятельности регулярно выпалывает ростки такого рода исследований.

Итак, вопреки мнению традиционной науки о том, что все, что находится за пределами современной парадигмы, – это мифы и предрассудки, мы позволим здесь изложить еретическую версию, что современная наука изучает лишь небольшой фрагмент целостной картины мира. Этот фрагмент тщательно проработан, но отражает только часть реальности, которая построена на системной модели мира, созданной всего лишь одной из древних цивилизаций – египетской. Мы прибегнем в данной книге к допущению, что мир гораздо шире и глубже той модели, которую создала европейская наука. Шире и глубже не в мелочах и деталях, а в принципиальных основах. И если принять эту версию, то под пылью веков, покрывшей древние картины мира, скрываются сегодня не нелепые и бесполезные обломки прежних картин мироздания, а те *другие части* истинного знания о мире, которые в будущем необходимо будет соединить в единую целостную картину сверхпарадигмы. Возможно, что в связи с этим нас еще ждет научное переосмысление египетских мистерий, вавилонской астрологии, индуистской теории о переселении душ, китайского представления о неоднородном пространстве и многое другое. И невольно вспоминается пророческий фильм "Пятый элемент", в котором человечество спасается, лишь собрав вместе все части целого.

И последнее: в выдвигаемой версии развитие Цивилизации осуществляется поблочно и параллельно. Спрашивается, почему человечество сразу не взялось за создание целостной картины мира. Но разве метод поэтапной сборки не используется сплошь и рядом в природе и технике? Ведь любое крупное техническое сооружение сегодня создается изначально поблочно. Взять, к примеру, автомобиль. Сначала отдельно изготавливается кузов, двигатель, трансмиссия и многое другое. И лишь затем на конвейере все это собирается в единую машину. Так изготавливать автомобиль удоб-

нее. Возможно, и развитие человечества было изначально задумано по этому же принципу. Образно говоря, корпус изготовили в Египте, а остальные важные узлы – в Вавилоне, Китае и Индии. В будущем же предстоит все это собрать в единую конструкцию целостной **Метацивилизации**³⁾ (или **Сверхцивилизации**), мощь которой будет куда выше современной не в результате линейного прогресса, а потому, что она соберет все достижения прежних цивилизаций, все философские системы вместе в единую и гармоничную картину мира. Следовательно, человечество стоит на пороге очередного, еще более грандиозного Возрождения. Возрождения, которое принесет нам открытие глубочайшего смысла науки и культуры в первую очередь древних цивилизаций Востока. После переосмысления древнего наследия оно может быть использовано для расширения сознания всего человечества, что как минимум на порядок позволит поднять его могущество.

Рассмотрению этой версии и посвящена данная книга. Естественно, не следует надеяться, что такая грандиозная тема будет раскрыта здесь полностью. Во-первых, сегодня нам известны лишь фрагменты знаний о системах древних цивилизаций. Во-вторых, вряд ли одному человеку под силу собрать большую часть этих фрагментов. Поэтому цель этой книги гораздо скромнее – нащупать подход к этой метасборке, основываясь на четких принципах ее проведения, и рассмотреть, насколько это возможно, выдвинутую версию под разными углами зрения.

---

³ Понятие "Метацивилизация" является более конкретизированным (и поэтому зауженным) вариантом понятия Ноосферы, выдвинутого в начале XX века Э. Леруа и П. Тейяр де Шарденом. Это Ноосфера, но без всевозможных мистических и фантастических аспектов, полностью заземленное представление о том, куда может пойти развитие Цивилизации, если будет реализован вариант многополярного соборного развития всех существующих сегодня культур.

Глава 1.

БАРЬЕРЫ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ

1.1. Зачем сегодня воскрешаются знания древних цивилизаций?

Безусловно, данная работа далеко не первая в этом направлении. Но "серьезная" историческая наука не обращает внимания на подобные исследования, и причины этого не только в предвзятости западного менталитета. Главное состоит в том, что сколько бы древних цивилизаций ни обнаруживала цивилизация европейская, одно остается неизменным – все они либо совершенно исчезли, либо оставили после себя очень слабые в экономическом плане социумы. Легко из этого сделать "очевидный" вывод – все эти древние цивилизации пошли неправильным путем развития. Лишь в XX веке, когда Запад сам попал в несколько серьезнейших кризисов и был вынужден бороться многие десятилетия с социалистическим лагерем, оказалось, что мир не готов принимать диктатуру западного мировоззрения. Не готов, даже если оно позволяет достигать серьезного экономического развития. Особенно заметный удар по западному превосходству был нанесен фантастическим экономическим успехом многих стран ЮВА, которые при этом почти полностью опираются на собственные культурные традиции.

Впрочем, и в рамках западной цивилизации время от времени возникают бунтарские теории, которые уходят корнями в древние эзотерические учения. Например, сторонники Атлантиды убеждены, что та шла более правильным путем, так как развивала скрытые способности человека, опиравшиеся на психофизические силы организма. И лишь природная катастрофа (землетрясение, например) или нелепая

ошибка самих атлантов (которые якобы изменили орбиту Земли) привели ее к гибели. Но, по мнению большинства "атлантологов", с тех пор человечество идет уже многие тысячи лет неверным путем, развивая лишь внешние силы.

Есть и другие версии, например, известный исследователь цивилизации майя – Хосе Аргуэльес пытается убедить человечество в том, что существует *внетехнологический* путь, по которому развивалась древняя цивилизация майя [4]. И что благодаря развитию по этому пути вся эта цивилизация в один прекрасный момент просто перенеслась на другие более развитые планеты.

Как правило, подобные концепции выдвигают гуманитарии, которые не понимают и не любят технический прогресс. Мы не будем их здесь анализировать в силу того обстоятельства, что все они основаны не на исторических фактах, и не на логических конструкциях, а на каких-то собственных фантазиях, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Эзотерические концепции, увы, не оставляют поля для аргументированной дискуссии, поэтому с научной точки зрения бесплодны.

Впрочем, это не означает, что они вообще бесполезны. Если их воспринимать как некоторое "поле возможностей", как своего рода ненаучную фантастику, то они оказывают весьма существенное воздействие на развитие традиционного познания. Кроме того, многие из эзотерических работ отталкиваются от тех проблем, которые современная наука даже не пытается решить. Например, психофизические свойства человека действительно фантастичны и до сих пор практически не раскрыты.

Другая причина, по которой не следует сбрасывать со счетов всевозможные альтернативные версии развития человечества, заключается в том, что ядерное оружие и экологическое загрязнение ставят перед человечеством вопрос о жизнеспособности европейского пути развития. Во всяком случае, совершенно реален вариант, когда вся эта грандиозная конструкция может обрушиться и прекратить существование не только Цивилизации, но и человечества как вида.

При этом, безусловно, никакие теоретические поиски альтернативного пути развития не остановят технический прогресс человечества, тем более что у европейской цивили-

лизации далеко еще не исчерпаны варианты разрешения (хотя и временного) назревающих ресурсных и экологических кризисов. Но XX век с его геополитическими, ресурсными и экологическими потрясениями уже породил сомнения в абсолютной безальтернативности развития по этому пути. Эти семена сомнения уже посеяны в сознании общества и будут в дальнейшем прорасти различными версиями, в которых будут рассматриваться иные варианты развития, в том числе и те, которые были по каким-то причинам прерваны в прошлом.

XX век оказался наиболее кризисным для европейской картины мира по многим причинам. В том числе и благодаря новейшим открытиям в области физики и космологии, которые, как оказалось, давно уже были открыты в древнейших учениях Востока. Неудивительно поэтому то изумление перед древними учениями, которое испытали многие выдающиеся физики XX века, заново открывая для себя мудрость древних учений, такие, например, как Р. Оппенгеймер и Н. Бор:

"Общие законы человеческого познания, проявившиеся в открытиях атомной физики, не являются чем-то невиданным и абсолютно новым. Они существовали и в нашей культуре, хотя гораздо более заметное и важное место всегда занимали в буддийской и индуистской философии. То, что происходит сейчас, – подтверждение, продолжение и обновление древней мудрости" (Роберт Оппенгеймер, по [35, с. 23]).

Результатом этого научного изумления стало появление множества работ, в которых западные ученые пытаются перекинуть мосты между современной наукой и древними мистическими учениями. Одной из показательных работ на эту тему является известная книга Ф. Капры "Дао физики" [35].

Мне довелось прийти к аналогичным параллелям самостоятельно, когда я обнаружил, что многие выводы, следующие из исследования картины масштабной гармонии Вселенной [59], удивительно точно перекликаются с древними восточными учениями (этот вопрос будет подробно рассмотрен в гл. 7). Получалось, что, несмотря на то что маш-

табно-периодическая структура Вселенной могла быть открыта не раньше конца XX века (только к этому времени были накоплены достаточные фактологические данные в западной науке) и поэтому была предельно современной, ее системные выводы во многом лишь повторили древние мировоззренческие построения. Это вызвало, естественно, изумление, ведь выходило, что в древности мыслители понимали мир гораздо глубже, чем европейские ученые. Но что же тогда прогресс? И почему, несмотря на проникновение в сокровенные тайны природы, древние цивилизации угасли, не дав основы развития обществ, а их прекрасные теории остались лишь в виде ветхих рукописей, не имея широкого распространения даже в тех регионах, где они в прошлом зародились и доминировали долгие века. Откуда такая амнезия у человечества? Почему столь ценная информация была забыта и не позволила развиваться человечеству в технологическом плане?

В теорию заговора темных сил я не верил, но проблема оставалась, и нужно было найти хотя бы какую-то разумную версию, которая бы ее объясняла.

Ответ был найден в рамках исследования совершенно иной темы.

Кроме вопросов масштабного устройства Вселенной, меня всегда волновала тема высшего смысла истории. Мне еще в школе хуже всего давались те предметы, которые требовали простого запоминания множества разрозненных фактов. История была лидером в этом плане – огромное число событий, которые по большей части, казалось, не имели никакой внутренней логики; и неисчислимое количество фактов, в деталях и именах описывающих в основном взаимное истребление, коварство и предательство властителей, страдания простых людей, вызывали четкое нравственное отторжение. От знакомства с такой историей надолго портилось настроение.

Поэтому, когда в середине 90-х годов передо мной открылась удивительно красивая и стройная картина эстафеты научных цивилизаций [57], это вызвало ощущение двойной радости. Во-первых, от того, что удалось найти очередную закономерность устройства этого мира. И во-вторых – что история все же имеет высший смысл, и смысл этот упорядочивает разрозненные события в стройную логическую схему.

Перед мысленным взором вырисовывалась стройная схема эстафеты научных цивилизаций (см. рис. 1). Первой стартовала в 3000 году до н.э. цивилизация Древнего Египта. Следом через 2500 лет – цивилизация Междуречья. Они развивались относительно независимо, и каждая из них шла своим не только философски-религиозным, но и научным путем во всех областях познания.

В 1500 году до н.э. стартовала античная цивилизация, первые философы которой получали свои знания как в Египте, так и в Вавилоне. Античная цивилизация не просто взяла самое лучшее от двух своих предшественниц, но и сумела внести собственный мощный научный вклад. В частности, космологическая картина Античности далеко ушла от примитивных схем Египта и поясов Зодиака Вавилона, греки сумели построить стройную кинематическую модель Солнечной системы, которая была доведена до канонического образца Птолемеем и использовалась впоследствии всеми астрономами мира около 1500 лет! И давала весьма точные расчеты положения планет.

Но в конце V века рухнула Римская империя, а вместе с ней практически погибла античная культура. Ее осколки были спасены лишь частично, оказавшись в Индии и у арабов, а пришедшая ей на смену европейская научная цивилизация только спустя 500 лет начала переводить (в основном, повторю, с арабского) труды великих античных ученых. Примерно в 1500 году, однако, произошла очередная научно-мировоззренческая революция – пришла эпоха Возрождения. И через 100–200 лет европейские ученые окончательно отказались от научных представлений античности, заменив их современными теориями.

В этой цепочке цивилизаций на Западе: Египет и Вавилон? Античность? Европа четко прослеживалась эстафета цивилизаций, в которой каждая последующая цивилизация брала от предшественницы самое ценное, но отбрасывала "наивные заблуждения" и примитивные модели. Все выглядело предельно логично и привычно – ученик должен идти дальше учителя, знания накапливаются, в результате происходит качественный скачок.

Но помимо этой логичной эстафеты параллельно ей на Востоке проходили свои цивилизационные процессы. И хо-

тя сведений о развитии науки на Востоке было куда меньше, мне удалось выявить два восточных научных цикла по 2000 лет каждый. Китайский, который стартовал приблизительно в 1000 году до н.э., и индийский, стартовавший на 500 лет позже. И каждый из этих циклов также передал по эстафете европейской цивилизации свои лучшие достижения: порох и компас, десятиричную систему счисления и шахматы и многое другое. Но как показало изучение этого вопроса, Запад перенял лишь незначительную часть достижений восточных цивилизаций, большая же часть из них до сих пор остается для него "вещью в себе".

В этой картине эстафеты все вроде бы сводилось к Европе, которая собрала за всю историю цивилизаций самое ценное, затем на этой базе построила собственную научную картину мира и сумела значительно усилить технологическую мощь человечества. Но эта же логика эстафеты цивилизаций показывает, что на Европе его развитие не заканчивается. Так, мне удалось доказать, что следующей научной цивилизацией в этой цепочке эстафеты будет Россия, а если заглянуть еще на 500 лет вперед, то за ней эстафету подхватит Латинская Америка.

Однако в выстроенной эстафетной последовательности цивилизаций осталось одно (на первый взгляд небольшое) отклонение от стройной схемы. У каждой из цивилизаций, кроме тех научных достижений, которые она передавала следующей, оставалось нечто (на первый взгляд бесполезное и нелепое) загадочное – некоторые почти фантастические представления ("якобы знания") об устройстве пространства и времени... Фантастические *юги* индусов, невероятно сложные астрологические системы Вавилона, гексограммы китайцев и многое другое остались за скобками современной научной картины мира. Европейская цивилизация не только не признает за этими "теориями" какую-либо научность, но, более того, объявляет их вредными заблуждениями, против которых она начала бороться еще в годы инквизиции, а сегодня поставила мощный барьер в лице всевозможных комитетов по лженауке.

Автор долгие годы полностью разделял такой подход к этим "избыточным" теориям, считая их современных адептов чудаками или фальсификаторами. Но в свете пос-

ледних исследований истории эстафеты цивилизаций [69], и системного анализа мировых религий [71] мне пришлось изменить свою точку зрения на эту проблему. Во-первых, оказалось, что даже между близкими по географии и времени развития цивилизациями Запада и Востока существует гигантское системное различие, что различие мировоззрений Китая и Индии ничуть не меньше, чем, например, между Индией и Египтом.

Пытаясь дать сжатый анализ этих различий, автор столкнулся с неожиданным эффектом. Оказалось, что ни одна из древних систем миропредставления не может быть выведена из другой. Выяснилось, что каждая из систем знаний, выстроенная в этих четырех первых цивилизациях, – это отдельный мир, который развивался из **собственных специфических предпосылок**. Каждая из четырех цивилизаций строила свое мировоззрение, свою науку, свою философию и свою религию на **различной системной базе**. И оказалось, что по крайней мере четыре первые системы имеют различные основания.

При этом, безусловно, каждая из четырех мировоззренческих картин не была монохроматической, в ней были отдельные элементы, которые пересекались с другими цивилизациями, но эти элементы были локальными маргинальными направлениями внутри очень разных автономных систем знаний. Забавно, но именно часть этих периферийных направлений вошли впоследствии в европейскую цивилизацию, которая отбросила сами ядра альтернативных систем.

Анализируя в целом эту ситуацию, автор пришел к гипотезе, что Цивилизация в разных регионах стартовала как минимум по четырем направлениям, **по четырем различным дорогам развития**. И лишь по одной из них человечество продвинулось наиболее далеко: Египет → Античность → Европа. А как минимум три других направления остались в виде первичного замысла, в котором качественно и контурно были обозначены совершенно иные пути миропостижения.

Вот тогда-то и возникла идея, что другие цивилизации – это не ошибка эволюции и не ее тупиковые ветви. Образно говоря, это заранее собранные узлы автомобиля, которые

будут вставлены на последней стадии сборки Метацивилизации в нужное место в нужное время, а пока они лишь временно отложены Историей в сторону. Другими словами, можно предположить, что в отношении человечества у Творца есть Высший замысел, который в наше время почти невозможно постичь полностью. И этот замысел реализуется в разных местах мира разными культурами, каждая из которых получила свой "секретный пакет" с заданием создать отдельную подсистему будущей Глобальной Системы Мироздания...

Если принять эту гипотезу, то опережающее развитие европейской цивилизации – это лишь результат того, что она первая окончательно собрала свой узел, который составляет самую простую часть будущего автомобиля – его корпус. Это очень важная, но наименее сложная, *скелетная* часть будущей Метацивилизации. Другие узлы еще предстоит доработать и в будущем поставить на эту западноевропейскую основу. И можно предположить, что именно в XXI веке начинается наконец-то процесс метасборки этой грандиозной системы, поэтому из "соседних цехов" будут доставлены ранее изготовленные остальные узлы, и их начнут крепить на кузов. И такими другими узлами являются ранее созданные системы мироздания Китая, Индии и Вавилона.

А на вопрос, почему именно Египет и Вавилон (в меньшей мере) дали продолжение и привели к европейской цивилизации, был найден простой ответ. Причина в том, что Европа сегодня построила лишь фундамент будущего мироздания. Стены, крышу и внутреннее убранство еще предстоит возвести. И тогда понятно, почему Европа опередила другие цивилизации – потому, что как любое строительство начинается с фундамента, так и любая детально прорабатываемая система знаний начинается с ее материальной компоненты. Поэтому и генетическая предшественница Европы, наиболее материалистическая первичная цивилизация Древнего Египта стартовала самой первой из упомянутой четверки. Но *впереди* не означает, *более передовая*. Построена самая простая часть здания – **вырыт котлован материализма** и заложены основные блоки физического понимания мира. Впереди еще много сложной работы, но строить уже можно не на пустом месте, не в чистом поле,

а на готовом фундаменте. Поэтому Ф. Фукуяма был прав, когда назвал свою книгу "Конец истории". Действительно, мы стали свидетелями конца истории... закладки фундамента, конца истории линии Египет-Античность-Европа. А впереди у нас Новая История, которая ведет нас к гигантской работе, где все ранее достигнутое другими культурами, будет переосмыслено и положено в основу строительства прекрасного здания Метацивилизации.

1.2. Кто живет в сумасшедшем доме?

Сегодня в связи с тем тупиком, в который естественным образом попали западные "строители фундамента", в обществе постоянно возникают еретические призывы отказаться от науки, от научно-технического прогресса, от европейской культуры и достижений ее цивилизации и начать строить все заново на другом фундаменте. Но это все равно что начать возводить стены и крышу в чистом поле или на песке. Нет, ни одно из достижений европейской цивилизации не будет лишним в будущем храме ноосферного мировоззрения. Поэтому так важно сегодня, продолжая традиции западной науки, найти в ней некоторые связи с мировоззрением древнего Китая, с индуизмом и с откровениями цивилизаций Латинской Америки.

Безусловно, предложенный выше образ блочного строения Сверхцивилизации – это всего лишь образ, не более того. Трудно сейчас определить, сколько на самом деле крупных блоков она будет иметь, какие именно цивилизации древности будут выполнять их роль, входят ли в их число древние культуры Америки, начался ли с 2000 года процесс метасборки или еще предстоят столетия "доводки" отдельных блоков до оптимального состояния. На все эти вопросы еще предстоит дать ответ в будущем. Задача же этой работы – показать, что первые четыре цивилизации древности – Египет, Вавилон, Китай и Индия развивались *параллельными* курсами, что каждая из них создавала совершенно оригинальную и полную, самодостаточную систему мировоззрения, что эти цивилизации не были изначально тупиковыми ветвями в на-

учном плане, а были альтернативными, независимыми научными дорогами человечества. При этом каждая из них кроме самобытного развития давала и общий результат, который уже вписан в мировую науку, то, на чем сегодня построена материалистическая философская система Запада.

При этом под будущим сверхмировоззрением мы понимаем, естественно, не просто усовершенствованное современное европейское мировоззрение, а нечто принципиально более широкое. Отсюда следует, что любое развитие современной парадигмы в ее строгих методологических рамках не приведет к созданию **новой** Научной Картины Мира. Любое, сколь угодно долгое развитие современной парадигмы, без радикального расширения ее основ приведет лишь к более детальной проработке областей, составляющих все те же 25% общей картины мироздания. А чтобы понять и использовать остальные 75%, необходимо совершить грандиозную мировоззренческую революцию, на пороге которой мы сегодня как раз и находимся. Для этого необходимо будет взять за основание сумму различных систем мировосприятия, которые современная наука называет метафизикой, но которые на самом деле – результат других "срезов" общей картины мироздания.

И здесь необходимо предупредить о сложности перехода в совершенно иные системы миропредставления. Эта сложность заключается в том, что в рамках некоторых систем древности невозможно ничего понять до тех пор, пока не откажешься от исключительности европейской парадигмы. А шаг с привычного фундамента в зыбкую почву других картин мироздания – крайне опасная процедура, которая может привести к сильному интеллектуальному шоку и даже длительной панике. С этой проблемой многие уже столкнулись раньше.

"В течение двух последних столетий духовная культура древней Индии нередко воспринималась как загадочное и почти необъяснимое явление" [10, с. 3].

"Эпитеты "пугающе запутанный" и "ужасающе сложный", которыми идеологи награждали "Раздел числа"... заслужены им в полной мере..." [41, с. 172].

"Привычного нам единого пространства как чистой протяженности, гомогенной, равной себе в каждой части и не-

зависимой от вещей, мы в индуизме, пожалуй, не найдем, как не найдем и точного эквивалента нашему категориальному термину "пространство" [3, с. 126].

"Индийское мировоззрение является монистическим и мистическим, наше – дуалистическим и доктринерским. Мистика есть мировоззрение, доведенное до конца. В мировоззрении человек хочет и духовно приобщиться к бесконечному бытию, которому принадлежит по природе. Он стремится постичь таинственную волю, которая правит миром, и слиться с ней. Лишь в духовном единении с бесконечным бытием может он обрести смысл своей жизни, черпать силу, чтобы жить и действовать" (А. Швейцер по [3, с. 3]).

Именно поэтому многие мыслители Запада, пытавшиеся в XX веке постичь философию и религию Востока, опускали руки. Так, например, Ромэн Ролан, занимавшийся индийской религией и философией и написавший блестящие книги об этом, в конечном итоге счел всякие рассуждения об индуизме "бесполезным и непосильным трудом". И он был не единственным в своем отношении к подобному занятию, многие специалисты-индологи разделяют его позицию [3, с. 15–16]. К этому мнению присоединялись и такие европейские мыслители, как А. Барт и Г. Гессе. Последний отмечал "сковывающее чувство страха, которое у многих возникало при знакомстве с индуизмом, вероятно из-за непохожести основных мировоззренческих установок" [3, с. 16].

Иногда усилия западных мыслителей проникнуть в суть индийской философии даже приводили к признанию ее превосходства. Известный ученый К.Г. Юнг однажды в отчаянии написал: "Вполне возможно, что Индия – это реальный мир, а белые живут в построенном из собственных абстракций сумасшедшем доме" [3, с. 28].

Это цитирование хочется завершить примечательной выдержкой из Упанишад:

"Тогда Гарги Вачакнави стала спрашивать его. "Яджнявалкья, – сказала она, – все здесь выткано вдоль и поперек на воду. На чем же выткана вдоль и поперек и вода?" Ядж-

нявалкья ответил: "На ветре, Гарги". – "А на чем же выткан вдоль и поперек ветер?" – "На мирах воздушного пространства, Гарги". – "А на чем же вытканы вдоль и поперек миры воздушного пространства?" – "На мирах гандхарвов, Гарги"... "А на чем же вытканы вдоль и поперек миры богов?"... "А на чем же вытканы вдоль и поперек миры Брахмана?" Он сказал: "Гарги, не спрашивай слишком много, чтобы у тебя не отвалилась голова" [75, с.102].

Не менее сильные потрясения испытывают те западно воспитанные ученые, которые пытаются разобраться в китайском мировоззрении:

"В синологии существует легенда о первых людях Запада, группе ученых-иезуитов, принявших в семнадцатом веке за изучение "И цзина". Они взялись за дело с огромной энергией и были исполнены надежд. Они изучили китайский язык, расшифровали значения иероглифов и занялись толкованием их сути. Но внезапно разразилась трагедия – некоторые из блестящих молодых ученых сошли с ума. Сложность постижения мудрости "И цзина" в традиционных западных категориях сознания полностью истощила разум упорных исследователей. В результате ордену иезуитов пришлось закрыть это направление; более того, были запрещены какие-либо изучения странного и необычного китайского текста" [4, с.5].

Так же как и многие, кто пытался постичь суть восточной философии, автор пережил это сковывающее чувство страха и ощущение полной беспомощности собственного сознания перед теми выводами, к которым она приводила. Это ощущение не покидало меня более пяти лет с момента начала изучения восточных религиозных систем, необходимых для написания книги "Пять вопросов к мировым религиям", и я бы отступил перед этой проблемой, если бы не увидел в доктринах Китая и Индии уже знакомые мне элементы системного подхода и масштабных закономерностей. И постепенно я понял, что вопрос не в том, кто живет в сумасшедшем доме – индусы или белые, вопрос в том, что реальный мир гораздо шире той базы, на которую опираются белые,

индусы и китайцы. Образно говоря, *в сумасшедшем доме пока живут все, просто – в разных его палатах*. Реальный мир настолько шире любой из четырех философских систем, включая самую современную, что любая отдельная взятая философия, любое отдельное мировоззрение опирается лишь на часть полной картины мира. И стало ясно, что необходимо строить некую метасистему, которая бы была одновременно понятна для Европы, Китая и Индии. Для этого был выбран один из вариантов – системный подход, который сложился в европейской традиции в рамках движения к построению общей теории систем (ОТС), и сложился он не без влияния китайской философии.

Почему здесь выбран именно этот путь? Единственен ли он? На эти вопросы нет полного ответа. Просто так исторически сложилось, что я уже был подготовлен к этому трудами Богданова, Бертуланфи, Урманцева, Уфимцева и др. Я был к этому подготовлен и потому, что с 70-х годов участвовал в классификационном движении, которое организовали отечественные системщики: Шрейдер, Мейен, Сопиков, Чебанов, Баранцев, и многие другие. Это было довольно мощное теоретическое движение, в котором участвовали специалисты из самых различных областей, каждый из которых пытался вырваться из тесных рамок собственной профессиональной подготовки и найти в специфических законах физики, биологии, геологии, химии, лингвистики и т.д. общие законы классификации и системного упорядочивания мира. К сожалению, это движение, вспыхнувшее с особой силой на переходе между 70-ми и 80-ми годами XX века и породившее несколько очень интересных семинаров в первую очередь в Ленинграде, постепенно рассеялось в ходе перестроечных процессов и почти окончательно затихло в бурные 90-е. Сегодня автор видит, как в отдельных семинарах и конференциях продолжает жить дух тех времен, когда каждый из его участников был уверен, что ему остался еще шаг до построения либо Единой Теории Классификации всего на свете, либо до построения ОТС [78]. Отдельно следует упомянуть китаеведа В. Еремеева, который отважился переструктурировать всю китайскую систему мистики чисел, сблизить ее с индийскими и мировыми системными формами, объединить их в новую концепцию системного постижения мира

[28, 29]. Впрочем, подобная теоретическая смелость российских исследователей неудивительна, ведь еще Ф. Достоевский однажды заметил: "Дайте русским мальчикам карту звездного неба, и они на утро вернут ее исправленной".

Таким образом, на российском интеллектуальном поле более трех десятилетий уже работало много исследователей, стремящихся найти общее основание в системных законах Китая, Индии, Вавилона, Египта, средневековой Европы и других эзотерических конструкций. С точки зрения автора, такая длительная осада этой проблемы различными специалистами, идущими своими оригинальными путями, свидетельствует о том, что этот вопрос созрел и требует самого пристального внимания⁴.

В свою очередь, автор, создавший в конце 70-х годов прошлого века общую классификацию основных объектов Вселенной на основе периодической структуры масштабной оси [59], также стремился расширить эту закономерность до полной системной картины мира. В этом направлении были предприняты некоторые усилия, приведшие к созданию общей системной матрицы, которая имела на первом уровне обязательные 4 основные категории, а на следующем уровне уже $4^4 = 256$ обязательных системных блоков [53–56]. И эта матрица позволила, в частности, понять логику развития мировых цивилизаций в их восхождении по ступеням размерности пространственных моделей [67].

---

⁴ Возможно, в рамках других цивилизаций (в не только европейской) также имеются теоретические работы, направленные на создание общей для всех систем парадигмы. Здесь мы касаемся, в частности, сложной темы создания синкретической религии. Автор не будет ее рассматривать, так как этой тема частично затронута в другой книге [70]. Стоит лишь сказать, что подобная синтезирующая работа может вестись сегодня и в рамках еврейской цивилизации, для которой вообще свойственно создавать метамировоззрение; допустимо так же предположить, что в рамках каббалистической науки такая работа дала уже свои плоды. А пока мы принимаем следующую позицию – если вопрос о метасборке цивилизаций назрел, то к ней одновременно могут приступить многие исследователи, работающие в рамках различных научных и философских традиций. Но сегодня еще рано будет собирать все эти направления вместе, необходимо каждому из этих направлений дать естественным образом развиваться до некоторой стадии завершенности, до получения простых и ясных выводов. А уж потом можно будет искать между ними пути пересечения.

Опыт создания системных конструкций позволил, как мне кажется, найти тот путь, который приводит к построению общей системной "кровли" для первых четырех цивилизаций. Именно поэтому в первой части книги будет изложена та системная основа, без которой автор не рискует отправляться в опасное путешествие по углубленному пониманию мировоззренческих систем древних цивилизаций.

Собственно, системный путь, как показал исторический анализ, "изобрели", по моему убеждению, китайские мыслители. Именно они создали наиболее полную и целостную системную модель мироздания, а уже благодаря их влиянию аналогичные подходы стали продвигаться и в Европе. Поэтому путь к созданию ОТС вытекает из философии древнего Китая.

Забегая вперед, скажу, что китайский вариант – не единственный на пути к созданию общей системы мировосприятия, и в шестой главе книги будет рассмотрен альтернативный индийский вариант – организменный подход. В этом подходе заложена идея о том, что человек – это микрокосм, своего рода модель Вселенной. Этот метод постижения мира – метод аналогий, когда во всех явлениях окружающего мира исследователь видит явления и процессы, аналогичные тем, что он устанавливает для своего собственного Я и своего организма. В этом подходе вся Вселенная – это внутренний мир некоего человекоподобного Бога. Этот метод "изобрели" индусы, и именно они продвинулись по этому пути наиболее далеко. Говоря упрощенно, основа индийского постижения мира не в изучении внешних его проявлений, а в углубленном изучении самого исследователя, ибо внутри себя они ищут и находят все те законы, которые управляют и внешним миром.

1.3. Четыре первичные цивилизации

Прежде чем приступить к системному анализу, мы попытаемся кратко объяснить, какие именно цивилизации мы будем здесь анализировать и в каком их качестве.

В предыдущей работе автора [69] было выделено семь основных научных цивилизаций. Понятие "научные цивили-

зации" – нововведение автора, но для простоты можно говорить о более известном понятии локальных цивилизаций, хотя последнее охватывает гораздо большее широкий круг явлений и событий. Все научные цивилизации развиваются по одному и тому же системному алгоритму в четыре 500-летних этапа (итого – 2000 лет). Первая типичная научная цивилизация родилась в 3000 году до н.э. Затем практически каждые 500 лет происходил "запуск" нового научного цикла (см. рис. 1).

Кроме этих семи ясно выделяемых научных цивилизаций, можно предположить, что их появлению предшествовала протоцивилизация – предположительно Белуджистанская, которая, как уже почти достоверно установлено, через Хараппскую цивилизацию (2500–1500 гг. до н.э.) дала импульс развития индийской цивилизации.

В будущем, возможно, разовьется еще одна, восьмая научная цивилизация – Латиноамериканская.

Целью данной работы является анализ системных различий четырех первичных цивилизаций Египта, Вавилона, Индии и Китая (рис. 2), которые развивались независимо и параллельно друг другу. Предполагается, что в основу каждой из первичных цивилизаций была заложена индивидуальная Система⁽⁵⁾, каждая из которых является только частью целого. Это **целое** исходно предощущается, но еще не достигнуто. И только сложение вместе всех систем научных цивилизаций создаст полноценную картину мира в будущем, картину, на основе которой и будет построена Сверхцивилизация.

Итак, если первичные цивилизации развивались независимо друг от друга и параллельно, то античная и европейская цивилизации – это уже цивилизации второго и третьего этапа развития, а Российская – цивилизация четвертого этапа.

Системы первичных цивилизаций независимы именно потому, что рассматривают мир с четырех разных позиций. И поэтому каждая из них не сводима к другой, а их корни можно вывести лишь из более общей мета-системы.

---

⁵ Понятие Системы объединяет в себе мировоззрение, тип общества, религии, стиль жизнедеятельности – короче, полную жизнь цивилизации, описанную системным языком.

Рис. 2. Общепринятая карта первых четырех цивилизаций, на которую автор нанес срединную ось (продолжение "оси Савицкого" [69], разделяющую Запад и Восток. Она проходит точно через Белуджи́стан, где впервые была изобретена сельскохозяйственная цивилизация

Почему развитие человечества пошло таким сложным путем? Почему общая картина мира исследовалась в каждой цивилизации не полностью, а фрагментарно? Кто определил это "разделение заданий" на старте четырех цивилизаций? Каков высший замысел этого разделения? Подобных вопросов можно задавать много. Но прежде чем на них попытаться дать ответы, необходимо рассмотреть основные системные принципы, которые заложены в культурах первичных цивилизаций.

Чем в принципе отличаются первичные цивилизации?

Каждая из локальных цивилизаций создавала собственную картину мира, свою Систему. В этих картинах, безусловно, было много общего – ведь мир, в котором жили древние, был одним, и небо и земля для древнего египтянина и древнего индийца фактически были одинаковыми. Но было в каждой из картин мира нечто уникальное, своеобразное, неповторимое, то, что делало ее индивидуальной. Это *нечто* можно называть философской системой, которая делала акцент на различных гранях бытия и методах его познания. Это различие признают сегодня многие философы и историки. В качестве одного из примеров, можно привести высказывание виднейшего индолога Р.Н. Дандекара: "...У каждой философской системы есть свой пароль. Пароль древней западной мысли – "Я"... у древних китайцев – "мы"... у древних индийцев – "все"... [23, с. 168].

Ставя перед собой трудную задачу – найти логику высшего смысла, логику, которая содержит в себе (пусть и в свернутом, зачаточном состоянии), так сказать, логики индуизма, даосизма, конфуцианства, вавилонской астрологии и египетских мистерий как частный случай, – надо понимать, что на первом этапе невозможно решить ее в полной мере. Невозможно сразу создать "метафилософию", "метасистему". На первом этапе можно лишь попытаться заложить общие принципы такого подхода. Поэтому, чтобы не углубляться в детали этой высшей логики, мы предельно упростим себе задачу – будем рассматривать каждую из философских систем через призму простых (но предельно общих) задач, которые невольно стоят перед любой философской системой. Таким образом, мы последуем совету Яджнявалкьи и не будем слишком углубляться в таинственные миры индуизма и китайской философии, чтобы у нас "не отвалилась голова".

В первую очередь мы будем рассматривать эти системы через призму того, как они решали проблемы **построения картины мира**, что было положено в основу – вертикальный или горизонтальный вектор, индивидуальное или общее... Второй важнейший вопрос – как в рамках общей картины мира решался вопрос о **пространстве и времени**. Этот, казалось бы, очевидный и тривиальный вопрос, если его развернуть в полной мере, используя системные принципы, оборачивается множеством различных нюансов.

Так, например, модель пространства в разных мировоззрениях может быть многомерной, оно может восприниматься континуальным и дискретным, задаваться внешней системой координат или внутренней, т.е. строиться через взаимосвязи между объектами. Модель пространства может иметь иерархическую ось, а может и не иметь. Более того, представления о пространстве может вообще не быть в нашем традиционном понимании, зато может быть представление о "живом", неоднородном пространстве...

Практически то же самое можно сказать и о времени. Традиционное европейское представление о линейном механическом времени, которое служит лишь системой отсчета для различных физических процессов, нельзя считать единственно возможным. Время может восприниматься как

многомерное, идущее с различной скоростью в различных системах, можно воспринимать время искривленным, параллельным и т.п. Более того, если в европейском подходе такие процессы, как эволюция, развитие и т.п., рассматриваются идущими в абстрактном, физическом времени, то в индийской философии оно воспринимается совершенно иначе – как вселенские эпохи определенного свойства. Таким образом, в Индии нет абстрактного времени, а есть время со своим "цветом и вкусом". При этом у соседней цивилизации – в Вавилоне время имело исключительно астрономическое свойство, определяемое периодичностью вращения светил и планет. Именно такое, чисто физическое время – "вавилонское" – и воспринимается сегодня всего лишь как фон явлений изменчивости и эволюции.

Кроме пространства-времени "реального", физического, надо внести в рассмотрение и пространство-время иного, тонкого мира, ибо большинство древних цивилизаций строили свои картины мира с учетом потустороннего мира, наполняя его различным смыслом и детализируя его с различной степенью глубины.

Как именно мы будем расслаивать пространственно-временной смысловой континуум на различные системные принципы, мы покажем дальше. А здесь автору хотелось бы набросать некий эскиз, где будет дан тот образ, который будет неразлучен со всей темой нашего исследования. И пусть этот образ будет воспринят только как вольная фантазия, через которую художественно (по мере моих сил) передается некоторая закономерность.

Фантазия №1

Перед тем как начать развитие Цивилизации на Земле, Господь призвал к себе представителей различных культур: египтянина, вавилонянина, китайца и индийца. И разложил в первый день перед ними конверты с задачами. Египтянин вытянул конверт, в котором лежал листок с линией, вавилонянину достался листок с кругом, китайцу – с плоскостью, а индийцу – лист с загадочной точкой, из которой сразу же волшебным образом стало расти иерархическое дерево Вселенной.

На второй встрече Господь дал четверым представителям еще несколько конвертов с задачами на другую тему, затем еще несколько конвертов и так до тех пор, пока все задания не были распределены между первыми цивилизациями.

На последнем свидании Господь сказал: а теперь, дети мои, я раздам вам конверты с играми, ибо после трудов праведных каждому из вас нужно отдохнуть. И египтянин вытянул карты, вавилонянин – рулетку, китаец – игральные кости, а индеец – шахматы.

Провозя их обратно на Землю, Господь дал им последнее напутствие: идите, дети мои, к своим народам, и каждый народ пусть развивает то, что получили вы здесь от меня. И пусть каждый народ приложит максимум усилий, чтобы создать свою систему мира, основанную на тех принципах, которые вам здесь достались. И пусть каждый народ думает, что мироздание, которое он строит, – единственно возможное. Но помните, дети мои, придет время, и я вас соберу вместе опять. И дам вам новую инструкцию и поставлю над вами мастера, который поможет вам из всех этих мирозданий собрать общее Мироздание. А имя мастера вы узнаете по делам его.

Были ли на этой встрече только четыре представителя или там еще был еще грек, европеец, русский, араб и индеец майя, а может быть, там были атлант и гипербореец, кто знает, кто знает. Но то, что там были эти четверо, автор попытается показать в этой книге.

Вот как примерно видит автор эту проблему, проблему развития параллельных цивилизаций, каждая из которых шла своим путем, который ведет их при этом к одной общей цели. Но эту общую цель очень трудно в деталях разглядеть из дня сегодняшнего, из мироздания, построенного европейцами, в котором на окнах – цветные витражи, пропускающие только те лучи, которые заданы архитектором этого европейского собора. А если выйти из этого европейского мироздания наружу и посмотреть на мир без фильтров, открытыми глазами, то на первых порах можно ослепнуть от яркого света, от большого разнообразия красок. И здесь опять невольно вспоминается предостережение Яджнявалкьи – как бы не отвалилась голова...

Начнем наш анализ мы с того, что эти цивилизации достаточно четко делятся на две группы (см. рис. 2) – западную (Египет и Вавилон) и восточную (Индия и Китай).

Существует, правда, ошибочное мнение, что Древний Египет и Вавилон относятся якобы к Древнему Востоку. Чтобы снять эту распространенную иллюзию, нам необходимо на первом этапе рассмотреть, в чем заключается общее различие между Западом и Востоком, и почему Египет и Вавилон необходимо отнести все-таки к Западу.

1.4. Общее различие между Западом и Востоком

Широко известно высказывание английского поэта Р. Киплинга:

*Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
Не встретиться им никогда,
Лишь у подножья Престола Божьего
В день Страшного суда.*

Действительно, начиная с первого знакомства европейцев с Китаем и Индией их не переставал удивлять, иногда поражать и даже раздражать принципиальный барьер, который они обнаруживали везде где только можно между западным и восточным образом жизни и менталитетом. Из этих высказываний, наблюдений и умозаключений на эту тему можно было бы составить немалый том. Здесь мы ограничимся лишь двумя цитатами из известной книги "Дао физики" Ф. Капры:

"На протяжении истории человечества неоднократно признавалось, что человеческий ум располагает двумя способами познания, двумя типами сознания, которые часто обозначались как рациональный и интуитивный и традиционно ассоциировались с наукой и религией. На Западе интуитивный, религиозный тип познания нередко считался менее ценным, чем рациональный, научный тип познания,

в то время как на Востоке было распространено противоположное мнение" [35, с. 33].

"В нашей культуре явное предпочтение отдавалось ценностям и подходам, в которых преобладало мужское начало Ян, и пренебрегалась его неотъемлемая женская дополняющая Инь. Мы предпочитаем самоутверждение объединению, анализ синтезу, рассудочное познание – интуитивному, науку – религии, соревнование – сотрудничеству и так далее. Односторонность развития дошла до опасных пределов и привела к социальному, экономическому, моральному и духовному кризису" [35, с. 12].

В последнем высказывании есть то зерно, которое позволяет от общих рассуждений о различии между Западом и Востоком перейти к более детальному разграничению систем миропредставления. Дело в том, что понятия Инь и Ян взяты из китайской философии, где в них вкладывается огромный смысл. С помощью этих двух начал китайские философы разделяют на две противоположные (и взаимодополняющие) половины практически весь мир. В качестве примера можно привести одну из таких (далеко не самых полных) таблиц.

Таблица 1

Признаки инь и ян

Характеристика	(▼) Инь	(▲) Ян
Температура	холоднее	горячее
Тенденция	к расширению	к сжиганию
Структура	мягче	тверже
Поведение	спокойное, пассивное	агрессивное, активное
Биологическая ориентация	растительная	животная
Климат	умеренный, холоднее	тропический, теплее
Направление действия	восходящее, направленное наружу	нисходящее, направленное вовнутрь

Вкус	сладкий	соленый
Приготовление пищи (нагрев)	кратковременное	долговременное
Внешний вид	длиннее, тоньше	короче, толще
Функция	рассеивание	слияние
Влажность	более влажный	более сухой
Цвет	темнее	светлее
Положение	центральное	периферийное
Пол	женский	мужской
Размер	большой	меньший
Вес	легче	тяжелее

Исходя из такого подхода, можно предположить, что человеческая цивилизация изначально была разделена на две противоположные половины – Запад и Восток. И различие между ними связано не только с географическими свойствами среды обитания, но и с глубокими системными принципами, суть которых еще предстоит понять в будущем. Самый простой образ, который дает аналогию такому разделению, – это образ головного мозга человека, в котором две практически одинаковые по размерам половинки выполняют различные функции. Эту аналогию мы рассмотрим в шестой главе более подробно. Здесь же важно отметить другое – если Запад и Восток имеют в истории развития человечества различные функции, каждая из которых дополняет противоположную, то все человечество представляет собой сложную систему, изначально задуманную как целостный организм, но пока еще развивающийся в своих частях отдельно. Поэтому в высказывании Р. Киплинга первая часть может быть принята безусловно, а вторая отвергнута – *вместе им в будущем быть несомненно*. Но при этом ни Востоку не стать Западом, ни Западу не стать Востоком. Их независимые индивидуальности – закономерное и необходимое условие для создания сложной системы будущей Сверхцивилизации.

При этом, естественно, возникает вопрос – а где же проходит сегодня и проходила ранее граница между Западом и Востоком.

И здесь мы обнаруживаем, что провести четкую границу между Западом и Востоком на карте мира не так легко, как может показаться на первый взгляд. Сегодня для большинства Восток – это Япония, Китай, Индия и все страны южнее их. Сахалин и Магадан – Дальний Восток, арабский мир – Ближний Восток, все остальное – Запад. Но для историков Египет относится к Древнему Востоку, хотя лежит на меридианах Европы... Очевидно при этом, что на поверхности Земли нет ни востока, ни запада, что деление это очень условно.

Почему же возникла парадоксальная ситуация, при которой, например, Египет относится историками к Древнему Востоку? А где же в те времена был "Древний Запад"? На островах Англии? Но во времена Древнего Египта на западе еще не было британской культуры и не было ни одной цивилизации вообще (напомню, что мифологические цивилизации здесь не рассматриваются). Все остальные цивилизации находились от него на востоке (см. рис. 2).

Безусловно, если историк сидит в Лондоне, то все, что восточнее Англии ему представляется Востоком. А поскольку историю древнего мира писали в основном в Западной Европе, то ученые этих стран весьма произвольно отнесли практически все древние цивилизации к разряду древневосточных. Но из этого следует, что в начале становления цивилизаций существовали лишь их восточные разновидности: Древний Египет, Междуречье, хараппская и древнекитайская цивилизации (см. рис. 2). Но где же в то время были древние западные цивилизации? Получается, их не было вообще! Таким образом, европейские историки изобрели то, что сравнимо с идеей фикс о монополе в физике, когда у магнита есть только один полюс (северный или южный), – они изобрели мир, в котором была только одна сторона света – Восток. Увы, эта ошибка до сих пор не только не исправлена, но даже не замечается исторической наукой. Она слепо повторяет классификацию, которую ввели в "просвещенной" Европе вопреки ее нелепости.

Впрочем, европейские историки имели античных предшественников:

"Термин "Древний Восток" состоит из двух слов, одно из которых является исторической характеристикой, второе –

географической. Исторически термин "древний" относится в данном случае к самым первым известным человечеству цивилизациям (начиная с IV тысячелетия до н.э.). Термин "Восток" в данном случае восходит к античной традиции: так называют бывшие восточные провинции Римской империи и прилегающие к ним территории, то есть то, что было на востоке от Рима. То, что мы называем Востоком сегодня: Центральная и Южная Азия, Дальний Восток и т.п., в понятие "Древний Восток" не входит. В целом под восточными понимаются культуры народов, имеющих неантичные культурные корни".

(<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=3037>)

Но и греки не были оригинальными – так, понятие "Восток" как географическое целое мы впервые встречаем у древних египтян, называвших восточные страны словом *Abt*, и у евреев, которые под именем "Kedem" объединяли все страны, лежащие к востоку от Палестины" [33, с. 99]. Следовательно, и древние египтяне, и древние евреи не относили себя к Востоку, они, так же как и впоследствии греки и вслед за ними европейцы, делили мир на две стороны света, исходя из идеи, что их страны находятся в самом центре мира.

Анализируя эти факты, легко понять, что каждая из цивилизаций воспринимала себя как "центр Поднебесной", следовательно, все, что лежало от нее в сторону восхода солнца, именовалось Востоком, а то, что лежало в сторону его захода, – Западом. И это было оправданно с точки зрения географии для каждой отдельной культуры. Но такой подход приводит к парадоксу – за всю историю человечества одни и те же регионы в разных культурах относили то к Западу, то к Востоку. Поэтому все эти локальные обозначения невозможно соединить в единую картину, и "древний Восток" оказывается на "современном Западе".

Безусловно, можно не ставить перед собой задачи создания единого пространства с "правильным" разделением на Запад и Восток во все времена, ведь на протяжении всей истории Цивилизации центр ее активности перемещался от Египта до Китая и обратно. И поэтому одни и те же цивилизации в разные исторические периоды оказывались то на за-

паде, то на востоке от этого центра активности. Следовательно, в любой период развития существовали ее два крыла, восточное и западное. Граница между ними при этом проходила по некоторому третьему типу цивилизационного пространства, по *срединной культуре*, в которой возникали различные локальные срединные цивилизации, например в Палестине или Тибете. Поэтому с точки зрения эволюции Цивилизации такое переменчивое обозначение вполне понятно.

Но если подняться на более высокий уровень (пусть пока только географический), над локальными эпизодами истории, то необходимо отметить, что все научные цивилизации возникли в Старом Свете, и эту территорию можно рассматривать как некоторую целостную систему. Поэтому возникает необходимость проведения некоей "абсолютной" линии, более или менее четко разделяющей Восток и Запад во все времена. Сегодня многие признают, что такой раздел проходит по границе Европейской части России, цивилизацию которой часто называют евразийской именно по этой причине. Четко эту идею сформулировал в свое время Н. Бердяев, который писал, что "Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира" [6, с.376]. В своей ранней работе [57], я предложил проводить эту границу по "оси Савицкого" (см. рис. 2), продление которой на юго-восток проходит через Иранское нагорье. (Эта ось имеет весьма интригующее значение, и более подробно данная тема будет рассмотрена в шестой главе).

С момента возникновения Древнего Египта четыре первых цивилизации естественно разделялись на два географических крыла: западное – Египет и Вавилон, и восточное – Индия и Китай (см. рис. 2). Такое разделение логично и тогда так называемый Древний Восток (Египет и Вавилон) становится на самом деле Древним Западом, в чем проявляется общечеловеческая (а не только английская) логика.

Причем в рамках выделенного периода "первых цивилизаций" оба крыла – и Запад, и Восток образовывали на карте мира некие подобные друг другу бинарные системы, которые можно условно назвать "летучей мышью" (рис. 3). Древний Запад имеет свое западное крыло – Древний Египет и восточное – Месопотамия (Шумер, Вавилон, Асси-

Рис. 3. Условная схема разделения Запада и Востока на две ветви. Все четыре цивилизации имеют некоторое треугольное сужение к югу, и между ними были свои переходные мосты: Палестина и Тибет

рия). Аналогичную картину можно нарисовать и для восточного блока, у которого западное крыло занимала Индия, а восточное – Китай.

В связи с таким разделением четырех первых цивилизаций возникает другой вопрос – где же в это время располагалась общая для первых цивилизаций срединная культура? Судя по карте (см. рис. 2), она могла располагаться где-то южнее Каспия, на продлении "оси Савицкого". Очевидно, что "ось Савицкого", соединяющая столицы [84], является лишь медианой некоторой срединной полосы, которая имеет ширину, видимо, не менее тысячи километров. Отметим, что именно в этой полосе, как считается некоторыми историками, находятся корни индоевропейцев:

"...Родина индоевропейцев – территория к югу от Черно-го и Каспийских морей. Там впервые появилось земледелие и животноводство..." [42, с. 128].

Если принять гипотезу о том, что родина арийцев находилась точно в срединной полосе, которая соединяла и соединяет два принципиально разных мира Запада и Востока, то это ставит арийскую культуру в особое положение, положение *срединной* культуры, которую нельзя отнести ни к Западу, ни к Востоку.

Очевидно, что переход от собирательства к осознанному преобразению мира – земледелию и животноводству был первым и основополагающим шагом, который и дал старт цивилизационному развитию человечества. По сути, это была, выражаясь в современных терминах, первичная *гло-*

бальная инновация возникающей Цивилизации. Поэтому очень важно отметить, что ее развитие началось не на Западе и не на Востоке, а со *срединной* культуры. Именно здесь за многие тысячи лет до появления первых научных цивилизаций были заложены основы сельскохозяйственных цивилизаций – одомашнивание скота (7 тыс. лет до н.э.), земледелие, система ирригации и т.п.

Итак, первые четыре научные цивилизации можно совершенно четко разделить на западный и восточный блок, в каждом из которых возникло по две цивилизации. Такая симметрия, как будет показано дальше, далеко не случайна. В связи с этим возникает ряд вопросов.

Было ли им присуще такое же принципиальное общее различие между Западом и Востоком, которое отмечают сегодня? Справедливо ли сравнение Ф. Капры, приведенное выше, для этих древних цивилизаций? Или это различие возникло значительно позже? Другими словами, можно ли современное различие между Западом и Востоком перенести на тысячи лет назад? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо будет сравнивать западную пару – Египет и Вавилон с восточной парой – Китаем и Индией "с высоты птичьего полета", так как внутри этих пар существуют свои принципиально различные системы мировоззрения (об этом – ниже).

Предметный мир и мир идей. Анализ первых цивилизаций показывает, что Запад изначально обладал более предметной культурой, чем Восток. Это особенно наглядно проявляется в том, как относились к своим захоронениям в Египте и Индии. Не было за всю историю человечества культуры, которая бы больше, чем египетская, заботилась о предметном, вещественном сопровождении своих усопших. Именно поэтому комплекс пирамид в Гизе стал самым грандиозным сооружением древности на Земле. И не случайно именно он дошел до наших дней в относительной целостности. В свои могилы древние египтяне клали так много предметов, что с этим не сравнятся никакие захоронения других культур. Причем клали не только предметы, но и мумии любимых животных, лодки, пищу и многое другое. Не менее старательно египтяне готовили к пребыванию в мире

ином и тело усопшего. Оно тщательно разделялось на части, мумифицировалось, внутренние органы укладывались в сосуды, а тело – во множество емкостей (саркофагов), затем все это переносилось в специальные помещения, где закрывалось от постороннего проникновения. По некоторым оценкам, на похороны и сопровождение усопшего в Древнем Египте тратили больше средств, чем на всю жизнь египтянина!

Перенесемся теперь на Восток, в Индию. Нет во всем мире более пренебрежительного отношения к смерти и к телу, чем в этой стране. Тело просто сжигается, затем пепел спускается в реку. Никаких следов, все до предела упрощено и удешевлено. Более того, сегодня, если у бедной семьи не хватает денег на покупку дров для кремации, тело лишь слегка "обжаривают" и бросают в воды реки на съедение рыбам.

Причем если мы будем мысленно продвигаться от Древнего Египта в сторону Древнего Китая, то от полюса абсолютного материализма мы приходим к полюсу абсолютного идеализма. Ибо нет более удаленной от материального мира религии, чем буддизм, который вообще отрицает реальность мира во всех его проявлениях. И хотя буддизм зародился в Индии, он там не прижился и распространился в основном на восток от Индии, став там практически доминирующей религией.

Пространство и время. Современная пространственная модель Вселенной, как показывает история науки, сложилась исключительно благодаря усилиям западного крыла Цивилизации. От первых наивных представлений о Вселенной Запад шел через теоретические расчеты положения планет в Вавилоне, через построение точной кинематической модели солнечной системы Античности, через гелиоцентрическую модель Коперника к современной сложной многоуровневой картине Вселенной, в которой изучено пространственное расположение десяти миллиардов галактик и их скоплений, исследованы структуры различных типов галактик, звездных скоплений и планетных систем. По мере развития эта картина приобретала все новые пространственные измерения [67]. Сначала это была линейная модель Египта, затем плоская многосферная модель Античности, затем трехмерная модель Европы. Запад постепенно

шел все дальше в развитии именно пространственной составляющей представления о мире. При этом время там всегда было неким фоном для пространственных событий, системой отсчета, не более того. Оно не имело никаких свойств, оставалось всегда линейным, одномерным и равномерным. В начале XX века, видимо, ощущая этот перекокс, в западной культуре стали появляться работы [37], в которых отдельные исследователи пытались наполнить категорию времени более глубоким смыслом. Приведем характерное для Запада откровение И. Пригожина:

"Всякое сложное образование определяется множеством времен, разветвляющихся одни над другими, согласно их тонким и множественным сцеплениям" (цит. по: [37, с. 22]).

Но эти отдельные мысли так и остались на периферии научной парадигмы Запада. Более того, как бы ощущая некоторый вызов со стороны времени, западная наука в конечном итоге просто редуцировала это понятие до пространственного (четвертого) измерения. Время застыло в этом пространственном континууме, что лишило западную науку возможности развивать эту категорию дальше.

Если же мы теперь перенесемся в Индию, то обнаружим картину явно противоположную. Нет, пожалуй, цивилизации, менее развившей представление о пространстве, чем Индия. Вплоть до последнего времени космография древних индусов застыла на моделях времен ранней Греции – плоская земля на черепахах или слонах. Причем есть предположение, что эта модель была привнесена в Индию из Древней Греции, так как собственные пространственные представления индусов имеют совершенно другой характер. Но не только небесное, но и земное пространство в Индии практически не исследовалось и не вызывало особого интереса:

"Значительно уступали другим отраслям науки по уровню своего развития географические познания древних индийцев. Не сохранилось ни одного географического труда, ни одной географической карты; неизвестно даже, существовали ли они в древней Индии. Данные античных авторов также позволяют думать, что многие, даже образованные,

индийцы имели довольно смутное представление о своей стране и о соседних с нею странах" [17, с. 570–571].

Но при этом нет другой такой цивилизации, которая бы такое огромное значение придавала именно категории времени. Начиная с древних Вед, затем через упанишады и вплоть до современного индуизма красной нитью проходит идея об определяющем значении для развития мира именно времени. Эта идея впервые, пожалуй, наиболее ярко была представлена в упанишадах:

"Поистине, существует два образа Брахмана – время и не-время. Далее, что под солнцем, то не-время, лишенное частей. Далее, что начинается от солнца, то – время, состоящее из частей. Поистине, год – это образ, состоящего из частей. Поистине, от года рождаются все существа...

Время дает созреть всем существам в великом Атмане. Кто же знает, в чем созревает время, тот – знаток веды.

Это воплощенное время – великий океан творений. В нем находится тот, называемый Савитаром, от которого родились луна, звезды, планеты, год и прочее. Далее от них – весь этот мир, и поистине, все, что здесь видно в этом мире хорошего и нехорошего, то – от них" [76, с. 149].

В Индии из времени рождаются пространство и объекты, в Индии именно время – "великий океан творений". Очевидно, что на Западе великий океан творений – это *пространство* расширяющейся Вселенной.

Аналогично относились к понятию пространства и в Китае:

"Китайцы-астрономы не считали нужным объяснять явления геометрически: по их мнению, все организмы, составляющие всеобщий организм, следуют своему Дао в соответствии со своей природой, а их движения могут быть описаны с помощью "непоказательной" по своей сущности алгебры. Таким образом, китайцам не было знакомо то отношение к окружности, которое бытовало в Европе, как и средневековая тюрьма хрустальных сфер" (цит. по: [35, с. 168].

Целостное или дифференцированное восприятие. Еще одной важной полярностью, разделяющей Восток и Запад, является методологическая основа их философских систем. Если Восток строит мир начиная от целого – это системный и дедуктивный подход Китая и Индии, то Запад – родина индуктивного анализа мира.

Так, в Китае мир изначально принимается целостным:

"...Космологические представления были тесно связаны со всем китайским миропониманием в целом... Небо и Земля были тесно связаны друг с другом. Небесные и земные явления представляли собой единое целое" [46, с. 95].

В Индии мир также возникает как единое целое и, разделяясь в дальнейшем на множество частей, не перестает ни на мгновение оставаться единым Брахманом:

"От Праджapati произошло два вида существ: боги и асуры" [75, с. 69].

"Он разделился на три части: треть – солнце, треть – ветер. Он же – и дыхание, разделенное на три части..." [75, с. 68].

"Три сделал для себя" – разум, речь, дыхание... Таковы же и три мира: речь – это мир, разум – воздушное пространство, дыхание – тот мир... Таковы же и три Веды... Таковы же и боги, праотцы, люди... Таковы же и отец, мать, потомство... Таково же и то, что известно; то, что должно стать известным; то, что неизвестно..." [75, с. 78–79].

Но совершенно по-иному воспринимает мир Запад, который лишь в XX веке осознал необходимость восстановления целостности картины мира, направив при этом все свои усилия на упрощенное решение этой проблемы через попытку объединения четырех типов взаимодействия – на создание Единой теории поля.

"Физику нельзя представлять себе как логически стройную систему. Скорее, в любой момент она увязывает как-то огромное число неупорядоченных идей, часть из которых пришла к нам, подобно эпосу, из героических периодов прошлого, а другая возникла, подобно утопическим рома-

нам, из наших смутных предчувствий всеобъемлющего синтеза в будущем" [14, с. 13].

Хотя редукционизм этого подхода очевиден для западных ученых, они не могут предложить ничего иного для восстановления целостности картины мира [14]. Но даже такой простой синтез, как объединение всего-то четырех физических полей в единое Поле, несмотря на потраченные усилия, до сих пор не удается реализовать Западу. Картина мира там по-прежнему выглядит как лоскутное одеяло из множества зачастую плохо стыкующихся и противоречащих друг другу частей.

Поэтому, сравнивая мышление человека Востока и Запада, большинство исследователей приходят к выводу об их принципиальных различиях и в этой области. Характерно в этой связи высказывание А. Швейцера: "Индийское мировоззрение является монистическим и мистическим, наше – дуалистическим и доктринерским" (цит. по: [3, с. 113]).

Картина мира Запада – это детально проработанные осколки целого зеркала, которые дают четкое изображение отдельных частей окружающей действительности, но которые невозможно собрать вместе, настолько их много и настолько различны у них формы. Картина мира Востока – это огромное целое зеркало не очень высокого качества, в котором видны лишь смутные очертания отдельных фрагментов окружающего мира.

В чем причина такого кардинального различия? В исходных предпосылках, которые определили вектор развития этих цивилизаций? Или она кроется еще более глубоко, на генетическом, расовом уровне?

Можно предположить, что дело тут в различных особенностях работы мозга людей на Западе и Востоке. Так, западными учеными давно уже было установлено, что как у большинства людей доминирует правая рука, так и доминирует левое рациональное полушарие. И вот недавно выяснилось, что у китайцев доминирует как раз противоположное, правое полушарие, отвечающее за интуитивное, целостное восприятие мира.

"Левое и правое полушария человеческого мозга выполняют свои функции в определении внешних звуков. Обычно левое полушарие имеет преимущество в понимании языка,

а правое – лучше приспособлено к восприятию музыки. Какие факторы определяют различия между ними? Этот вопрос уже давно представляет собой сложную проблему для научных кругов, существуют две различные точки зрения. Исследовательская группа под руководством профессора Чэнь Линя из Института науки о жизни при Китайском научно-техническом университете после глубокого изучения того, как китайцы воспринимают тоны своего языка, доказала, что на раннем этапе его понимания – 200 миллисекунд после входа звука в ухо – анализ тонов китайского языка осуществляется правым полушарием, как это происходит при восприятии музыки. Одновременно результаты проведенного исследования показали, что китайцы чаще используют правое полушарие, чем люди на Западе, которые говорят по-английски. Вот почему они должны обратить больше внимания на освоение его потенциала". Эти результаты были опубликованы 19 декабря с. г. (2008 г.) во всемирно известном научном журнале "Труды Национальной Академии наук" (США). (www.russian.northeast.cn/system/2006/12/22/000008534.shtml).

Можно еще долго перечислять те категории, по которым Запад и Восток в целом оказываются на противоположных полюсах. В деталях этого различия мы будем разбираться более подробно в следующих главах. Впрочем, основная задача не в противопоставлении этих двух "полушарий", а в нахождении скрепляющей их целостной конструкции.

Однако, может быть, процесс глобализации, набравший обороты к концу XX века, нивелировал уже эти различия? И мы будем исследовать лишь то, что навсегда кануло в лету? Действительно, сегодняшний технологический мир становится все более универсальным и однообразным, процесс глобализации затронул практически все страны Востока, и внешне эти страны становятся все более похожими на Европу и Америку. Но не стоит обольщаться внешним сходством. Об этом предупреждали нас многие мыслители XX века, в частности А. Тойнби:

"...Тезис о "единстве цивилизации" является ложной концепцией, весьма популярной среди современных запад-

ных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной среды.

Одна из причин, породивших это заблуждение, заключается в том, что современная западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру. За экономической унификацией, которая зиждется на западном основании, последовала и политическая унификация, имеющая то же основание и зашедшая почти столь же далеко. ...Западные историки преувеличивают значимость этих явлений. Во-первых, они считают, что в настоящее время унификация мира на экономической основе Запада более или менее завершена, а значит, как они полагают, завершается унификация и по другим направлениям. Во-вторых, они путают унификацию с единством, преувеличивая, таким образом, роль ситуации, исторически сложившейся совсем недавно и не позволяющей пока говорить о создании единой Цивилизации, тем более отождествлять ее с западным обществом.

...Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора.

...Подобный взгляд на современный мир следует ограничить только экономическим и политическим аспектами социальной жизни, но никак не распространять его на культуру, которая не только глубже первых двух слоев, но и фундаментальнее. Тогда как экономическая и политическая карты мира действительно почти полностью "вестернизированы", культурная карта и поныне остается такой, какой она была до начала западной экономической и политической экспансии. Как наши историки умудрились, глядя, не видеть?" [74. с. 81].

Но потребовалось еще почти полвека, прежде чем это наблюдение А. Тойнби стало настолько явно, что о нем заговорили и наиболее популярные мыслители Запада – Тоффлер, Хантингтон, Фукуяма и др.

"...Если азиаты убедятся, что своим успехом более обязаны своей, а не заимствованной культуре, если экономичес-

кий рост Америки и Европы будет уступать росту на Дальнем Востоке, если западные общества будут и дальше страдать от прогрессирующего распада основных социальных институтов, таких как семья, и если они будут относиться к Азии с недоверием и враждебностью, то системные антилиберальные и недемократические альтернативы, сочетающие экономический рационализм с авторитарным патернализмом, могут на Дальнем Востоке закрепиться. До сих пор многие азиатские страны хотя бы на словах декларируют приверженность западным принципам либеральной демократии, принимая ее форму и изменяя содержание под азиатские культурные традиции. Но может произойти и открытый разрыв с демократией, в которой сама форма будет отвергнута как искусственное заимствование с Запада, как не имеющая отношения к успешному функционированию азиатских стран, подобно тому как западные приемы менеджмента не нужны для их экономики. Начало отказа Азии от либеральной демократии как от системы можно усмотреть как в теоретических заявлениях Ли Куан Ю, так и в работах некоторых японских авторов вроде Синтаро Исихары. Если такая альтернатива в будущем возникнет, роль Японии окажется ключевой, поскольку эта страна уже сменила Соединенные Штаты как образец для модернизации для многих азиатских стран" [83, с. 369].

Это высказывание Фукуямы – запоздалое прозрение либеральных интеллектуалов Запада. В странах же Восточной и Юго-Восточной Азии и не питали особенных иллюзий в отношении "стирания граней" между Западом и Востоком. Там давно уже поняли, что без опоры на национальную самобытность невозможно достичь успеха в экономике. Особенно ярко это проявилось в Японии, которая совершила грандиозный скачок, не отбросив своей национальной самобытности, а наоборот, сделав на нее главный упор [89]. За Японией по тому же пути пошли многие страны ЮВА.

Все это свидетельствует о том, что глобализация на данном этапе подошла к своему естественному пределу, она затронула лишь технологическую и финансовую ткань современного мира, но не может преодолеть барьер культурных различий. Возможно, начиная с 2000 года мир вступил

в период антиглобалистских тенденций отдельного развития [69], ведь еще в Библии было сказано – есть время собирать камни, и есть время разбрасывать. Более того, напрасно многие думают, что явление глобализации возникло впервые в XX веке. Достаточно вспомнить историю Римской империи второй половины ее существования или период Великой Монгольской империи, чтобы понять, что глобализация и антиглобализация – фазы, периодически сменяющие друг друга на протяжении всей истории человечества. И как мы покажем далее, это естественное развитие событий для эволюции человечества, которое идет не к обезличенному бульону единства Соляриса, а к сложному многоуровневому, системно разнообразному организму будущей Сверхцивилизации.

Между тем, несмотря на очевидность и принципиальность глобального различия между Западом и Востоком, это лишь то, что лежит на поверхности куда более глубокого различия, которое существует между философскими системами Запада и Востока. Стоит только углубиться в изучение культурных особенностей первых четырех локальных цивилизаций, как окажется, что между цивилизациями Китая и Индии различие не менее фундаментально, чем в целом между Западом и Востоком. Аналогичное утверждение справедливо и для двух первых западных цивилизаций – Египта и Вавилона. Чтобы это показать более детально, мы выберем следующий методологический прием: сначала сравним философские системы Китая и Индии, а в следующей главе – Египта и Вавилона.

Но перед тем как отправиться в сложное историческое путешествие по первым четырем цивилизациям, необходимо рассмотреть наиболее общие системные категории, в зависимости от которых находятся все сферы общественной жизни.

Глава 2.

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

2.1. Вертикаль и горизонталь нашего мира

Краткая справка – "Иерархия Вселенной"

Физическая картина Вселенной известна современной науке достаточно хорошо. Одним из ее важных свойств является ее многоуровневая иерархичность. Высший уровень – Метагалактика, которая имеет пенистую структуру. Эта структура образована преимущественно сверхскоплениями галактик, которые, в свою очередь, формируются скоплениями, а те состоят из отдельных галактик. Каждая из перечисленных форм вещества имеет свои особенности и свой диапазон параметров. Галактик насчитывают порядка 10¹⁰. Каждая из них состоит из звездных скоплений и ассоциаций. Звезды образуют иногда пары и часто имеют свои планетные системы. Причем расстояния между ними в среднем в 105 раз больше, чем их собственные размеры, что напоминает нам кристаллическую структуру вещества, в которой каждый атом имеет ядро, размеры же ядер в 105 раз меньше расстояний между ядрами. Таким образом, глядя на звездное небо, мы как бы видим изнутри типичную кристаллическую структуру, ибо в ядрах атомов сосредоточено более 99% вещества, а все остальное пространство практически пусто.

Звездная система может иметь планеты, астероиды и кометы. Все это состоит из атомов, но атомы рассредоточены в этом случае в многоуровневой иерархической структуре. Возьмем в качестве примера Землю. Она имеет множество оболочек – от ионосферы до литосферы и множество внутренних слоев, вплоть до ядра. Каждая оболочка разделена

на блоки (ячейки), которые, в свою очередь, делятся на ячейки меньшего масштаба. Поэтому на любом масштабном уровне мы можем выделить свой тип структуры. Наиболее же наглядно это проявляется в структуре биосферы – одной из наиболее интересных оболочек Земли. Биосфера разделена на биогеоценозы самых различных масштабов, а они состоят из биологических объектов множества уровней. На каждом уровне есть свои подуровни. И каждый отдельный организм состоит из множества систем и элементов, например из клеток. Внутри клеток есть свой иерархический мир, и так вплоть до атомов. Атомы состоят из нуклонов и электронов – элементарных частиц. Элементарные частицы – из субэлементарных частиц. Теоретически внутри элементарных частиц есть свои уровни иерархии, по крайней мере вплоть до уровня фундаментальной длины – 10^{-33} см.

Но при этом степень иерархичности может быть разной. Так, например, в организме животного она предельная, нет ни одного потенциального уровня, который бы не был заполнен специфическими структурами, а вот в каменной статуе этого же животного уровней существенно меньше, наиболее четко сформирован лишь атомарный. Поэтому в природе есть место и для "поля" – однородной среды, заполненной огромным количеством одноуровневых элементов. Например, кристаллическая решетка состоит из атомов, которые являются элементами одного уровня. Толпа состоит из элементов одного уровня – людей. Безусловно, такие однородные структуры все равно на больших масштабах являются объектами, образующими иерархическую структуру. Так, кристаллические структуры литосферы образуют блоки земной коры, кора – оболочку Земли и т.д. Но несмотря на это, на каждом из уровней есть возможность выделить элементы лишь этого уровня и изучать именно их. Так и появились современные научные дисциплины – каждая работает на своем тонком масштабном срезе. Атомная физика исследует свойства атомов, где бы они ни находились и в какие бы структуры ни входили, ядерная физика – свойства элементарных частиц, цитология – свойства клеток, вирусология – свойства вирусов...

Следовательно, на каждом масштабном уровне можно найти как элементы, относительно свободные от иерархи-

ческого включения, так и элементы, которые входят в структуры более высокого порядка. Но при этом в конечном итоге большинство элементов любого масштаба входят в состав объекта более высокого уровня. Так, например, более 99% атомов включены в состав звезд и планет, а звезды входят в состав галактик (расположенных вне звезд до сих пор не обнаружено). Подавляющее большинство галактик включены в галактические скопления и т.д. Благодаря этому почти все вещество Вселенной структурировано по иерархическим уровням, более того, все эти уровни чередуются внутри Вселенной строго периодически [59]. Следовательно, одно из важнейших системных свойств Вселенной – ее иерархичность, которая пронизывает все уровни вещества без исключения, образуя тем самым своеобразную лестницу с периодическими ступеньками, идущую как вверх – до самой Вселенной, так и вниз – до бесконечно малых элементов нашего мира.

Мир един и целостен. Фрагментарным является лишь логическое восприятие его человеком. Так же как на чертеже в трех проекциях изображается единая конструкция, так и в философских системах мира целостный мир изображается отдельно в различных проекциях. И поскольку современная наука чрезвычайно далека от целостного воспроизведения мира, то, прежде чем приступить к попыткам его построить, необходимо разобраться с тем проекциями, которые к настоящему времени закрепились в научном сознании.

Рассмотрим очевидный факт современной научной парадигмы – она изучает мир масштабно-последовательно.

Что означает это утверждение? То, что материальный мир имеет на различных своих масштабах разную структурную и элементную наполненность, которую современная наука изучает по отдельности. Так, например, физика изучает отдельно атомы, ядра атомов и элементарные частицы. Химия – отдельно химию простых соединений, молекулярную химию, биохимию и т.д. Биология изучает отдельно вирусы, бактерии, клетки, микроорганизмы, животных, биоценозы. Если на масштабной оси отложить те слои, которые сегодня оформлены в виде отдельных дисциплин, то окажется, что они плотно заполняют М-ось от самого нижнего

уровня (физика полей и элементарных частиц) до самого верхнего – космологии. Трудно точно подсчитать, сколько таких слоев существует в науке, но совершенно очевидно, что большинство ученых работают всегда внутри одного из них и редко когда пытаются совместить несколько соседних. Если такое совмещение и происходит, то в рамках очень близких уровней (биохимия, биофизика...). Более того, в рамках одного слоя существует свое дифференциальное разделение, например, животных изучают по группам, молекулы – по типам и т.п. В конечном счете дифференциация дошла до того, что есть специалисты, которые всю жизнь изучают, например, один вид одноклеточных или паразитов или один класс химических соединений. И хотя все ученые имеют одну и ту же общеобразовательную базу, она дает им лишь общую картину целостного мира, но никак не позволяет, находясь, так сказать, внутри этой картины, перемещаться свободно. Поэтому почти любой ученый – это своего рода копатель колодца. Он начинает с поверхностного знакомства с общей картиной мира, затем берет лопату и начинает зарываться в глубь отдельного направления. Причем чем глубже он погружается, тем большим специалистом становится и тем выше ценится современным научным сообществом, и одновременно чем дальше он от поверхности, тем хуже видит горизонт и общую панораму. Спасают от разобщенности современную науку, пожалуй, лишь ее популяризаторы, в качестве которых редко выступают узкие специалисты, а чаще – талантливые журналисты.

Если при этом узкие специалисты пытаются дать общую картину мира, то она, как правило, страдает хроническим редукционизмом. Особенно это наглядно проявляется в физике – "королеве наук". Поскольку именно физика дала в XX веке наиболее впечатляющие результаты (ядерная энергия, лазеры и т.п.), то отдельные физики претендуют на объяснение всему обществу принципов устройства мира. И ничего лучше придумать не могут, как обещать, что когда им наконец-то удастся создать единую теорию поля, то с ее помощью они нарисуют и единую научную картину мира [14]. При этом они слепо верят, что несколько физических уравнений могут решить все вопросы химии, биохимии, физиологии, социологии, политики и психологии...

Масштабно-многослойная картина мира создавалась европейской цивилизацией постепенно, начиная с XVI века. Изобретение телескопа и микроскопа распахнуло перед изумленным человечеством мир мега- и микромира. И с этого момента до наших дней шло одновременно непрерывное восхождение и углубление в структуру Вселенной. Но к концу XX века этот процесс практически остановился. Выйдя в начале XX века на горизонты Метагалактики (10 млрд. световых лет), астрофизика с тех пор не может сдвинуться в сторону **больших** масштабов ни на один порядок. Практически оценка видимой Вселенной не менялась на протяжении XX века больше, чем на полпорядка. В настоящее время она остановилась на величине, близкой к $1,6 \cdot 10^{28}$ см (16 млрд. лет). Что скрывается за этим горизонтом? Астрофизики убеждены, что уже ничего, ибо, во-первых, дальше ничего не видно, а во-вторых, они построили теорию Большого взрыва, согласно которой за эти горизонтом и *быть ничего не может*, так как материальная Вселенная возникла как раз 16 млрд. лет назад и с тех пор расширяется со скоростью, близкой к скорости света в абсолютной пустоте. Поэтому за ее самыми крайними "осколками" пусто, и ничего в этой пустоте нет. Аналогичный масштабный горизонт физики обнаружили и в противоположном направлении – в микромире. В начале XX века М. Планк показал, что все законы современной физики теряют свою силу на масштабах, меньших $1,6 \cdot 10^{-33}$ см. Правда, в экспериментах науке пока не удалось добраться до этого нижнего предела (на современных ускорителях исследуются масштабы порядка 10^{-17} см), но вопрос в том, что если и существуют структуры меньше, чем указанная длина, то они подчиняются каким-то другим закономерностям, о которых физики не имеют никакого даже предварительного представления. Так, в частности, академик М. Марков, в свое время предположил, что внутри таких масштабов могут скрываться свои вселенные со своими разумными обитателями [43].

Непрерывно расширяя масштабные пределы познания, углубляясь в структуру материи и открывая все новые горизонты космоса, наука при этом на каждом этапе повторяла одну и ту же процедуру – каждый слой она принимала за отдельное "пространство закономерностей" природы, в кото-

ром действуют специфические, привязанные именно к этому слою масштабов законы, которые открывались каждый раз путем подбора параметров и обобщения их в виде различных формул. Поэтому современная наука – это своего рода торг "Наполеон", где каждый из слоев описывается собственными законами и разделен при этом на отдельные сектора. Особенно много секторного деления в слоях, близких по масштабам к человеку. Действительно, на макроуровне человеку легче всего проводить исследования, поэтому даже самого себя человек изучает не только послонно, но и с разных сторон (физиология, анатомия, психология...).

Таким образом, мы видим, что начиная с XVI века в западной науке сложилась традиция рассматривать каждый из вновь открываемых уровней отдельно. И каждый раз, открывая новый уровень, его разделяют на области исследования до тех пор, пока не исчерпывается системное разнообразие этих областей.

Все это сегодня очевидно, и здесь об этом сказано с одной конкретной целью – показать, что научное познание имеет в настоящее время как бы два направления – горизонтальное и вертикальное. Причем в первом из них исследуются закономерности одномасштабных объектов, а в вертикальном исследовании пока вообще не проводятся, так как считается, что это направление не имеет своих физических закономерностей, а является чисто параметрическим. И лишь в последние годы удалось показать, что и вертикаль нашего мира подчинена собственным масштабным законам [59]. Это свидетельствует, по моему мнению, о том, что вертикальное измерение нашего мира (которое можно еще называть масштабным или иерархическим) имеет более сложную структуру, чем горизонтальное. Именно поэтому его законы стали проявляться пока в виде простых симметрий лишь к концу XX века, тогда как законы горизонтального направления изучаются уже многие столетия.

Для нашей работы это разделение на масштабную вертикаль и горизонтальную плоскость имеет существенное значение, поскольку в дальнейшем будет показано, что философские системы различных цивилизаций по-разному ориентированы в этом горизонтально-вертикальном пространстве.

Хотя современной парадигме мир рассматривается одновременно как в горизонтальном направлении, так и в вертикальном (пусть пока и не связано), такое комплексное рассмотрение не было свойственно первым цивилизациям. Этот вывод может показаться весьма спорным, ведь мы все помним об атомизме греческой науки и иерархичности философии Индии, но именно поэтому дальше необходимо эти отдельные цивилизации исследовать с позиций выбора ими вертикального или горизонтального векторов развития. Ибо, как будет в дальнейшем наглядно показано, выбор того или иного направления организации философской системы был сделан этими цивилизациями исключительно в пользу либо одного, либо другого вектора.

Древний человек жил практически в соизмеримом ему масштабном мире. Да, над ним было огромное небо, вокруг простирались бескрайние горизонты, но сознание его часто не улавливало этой реальной бесконечности. Небеса представлялись ему куполом, по нему катились светила, которых (в мифологии) мог проглотить крокодил. До неба пытались построить лестницу во многих цивилизациях, о чем сохранилось немало сказок и легенда о вавилонской башне.

Земля также представлялась неким островом, накрытая куполом неба и окруженная каналом-океаном. Ее истинные масштабы редко осознавались древними людьми. Но еще меньше древние люди могли представить себе сложность внутреннего устройства вещества, так как не могли видеть ни клеток, ни молекул, ни тем более атомов или элементарных частиц. Хотя отдельные прозрения и возникали, но в основном они носили умозрительный характер.

Поэтому в практической жизни любого народа масштабный вектор не играл сколько-нибудь заметной роли. И мир воспринимался на практическом уровне одномасштабно, в рамках соизмеримых человеку размеров. Такой одномасштабный взгляд на мир мы будем называть горизонтальным направлением. И именно таковым представляли мир древние китайцы, они не задумывались об атомах или галактиках.

Тем более удивительно, что вопреки, казалось бы, очевидной практике в Индии модель мира строилась в первую очередь по вертикальному принципу. Это лишний раз сви-

детельствует, что метод познания окружающего мира в Индии отличался от традиционного западного метода. В Индии познание мира является важнейшей целью, однако само познание означает не исследование различных свойств окружающих индийца объектов, а в первую очередь медитативное погружение в собственное сознание, откуда он и черпает свои представления о мире.

Фантазия №2

Для того чтобы дать наглядный пример, к чему приводит выбор того или иного направления исследования окружающего нас мира, создадим следующий образ. Представим, что в здании есть две лаборатории, в которых поместили двух ученых с различным внутренним вектором любопытства. Один ученый, попав в лабораторию, насыщенную множеством аппаратуры, начал исследование с того, что тщательно описал все предметы в ней, затем их измерил и систематизировал – металлические к группе металлов, деревянные – к группе дерева и т.п. Затем он попытался найти в их описании какие-либо общие закономерности. И обнаружил, что кроме групп материалов они могут отличаться своим расположением в лаборатории (запад-восток или север-юг), своим размером, цветом, весом и т.п. Исчерпав внешнее описание и систематизацию, такой "горизонтальный" исследователь выглянул в окно и увидел вокруг здания гигантский мир, в котором обнаружил великое множество других предметов и объектов, затем он отправился по другим лабораториям и там нашел другой мир самых разнообразных предметов. Мир вне его лаборатории поразил своим объектным разнообразием, которое с трудом можно было систематизировать, поэтому исследователь остановился на первичных принципах, описал их в виде некоторой теории разнообразия горизонтального мира, вышел на лужайку, разбил там грядки и стал выращивать на них рис. Собирая урожай, наш первый исследователь видел, что все рисинки похожи друг на друга, что их множество не меняет их сути, что куча из рисинок не имеет никакой другой сути, кроме как множества рисинок. И главное для него – качество рисинок в этой куче, а не форма самой кучи.

Другой исследователь первым делом нашел в лаборатории телескоп и микроскоп. Направив телескоп на звездное небо, он увидел на нем планеты, звезды, планетные системы вокруг них, звездные острова – галактики и множество галактических скоплений. Это непрерывное разнообразие иерархической структуры мира так поразило его, что он задумался о том, а не устроен ли он сам подобно этому миру? Нет ли внутри него самого "галактик"? Взяв в руки микроскоп, наш исследователь обнаружил, что его кожа состоит из клеток, что внутри клеток есть ядра и другие структуры, что все они состоят из молекул, молекулы состоят из атомов, атомы... Это также удивило его, и он взял еще несколько предметов из лаборатории и провел исследование их структуры. И оказалось, что все они имеют молекулярную и атомарную структуру. Наш исследователь погрузился в размышления. Куда бы он ни смотрел, на каком бы объекте ни останавливался его взор, он сразу же представлял, что все они состоят из множества уровней организации вещества, а все вместе составляют внутреннюю структуру целостного мира. За оболочкой он видел внутренний, уходящий в бесконечность структурный мир, за разнообразием видел целостный организм, части которого окружали его на одном из уровней этого организма. И ему стало совершенно неинтересно, как располагались предметы в лаборатории, сколько их было и т.п. Его сознание надолго погрузилось в размышление о том, почему каждый объект мира имеет внутренний бесконечный мир и каким образом он включен во внешнюю иерархическую бесконечность. И он задумался о том, а может ли объект с одного уровня попасть на другой уровень? Может ли атом стать молекулой, насекомое стать человеком, а человек – планетой или богом? И эта тема трансформации и масштабного перемещения надолго захватила нашего второго исследователя, который уже не обращал внимания на окружающие его другие подобные предметы, ведь и они имели такую же загадочную бесконечность как внутри самих себя, так и снаружи. Затем, выйдя из здания, он пошел в лес и, усевшись там, стал размышлять над проблемами роста и развития, эволюции, изменчивости окружающего его мира, над проблемами времени и реальности того мира, который он видел вокруг себя. Ведь за оболочкой каждого объекта он теперь видел бесконечность его внутренней масштабной структуры, поэтому оболочка для него была лишь одним из слоев, срезов реальности.

Очевидно, что мы здесь в упрощенной форме описали китайского и индийского философа, у каждого был свой путь познания мира, путь, "перпендикулярный" другому пути.

Итак, если создать простой образ различных путей познания мира – в вертикальном или горизонтальном направлении, то можно сказать следующее. Какой бы объект окружающего мира мы ни взяли для системного анализа, мы тем самым совершаем одну важную операцию – как бы вырезаем объект из общей ткани вселенского бытия и рассматриваем его как некую отдельную сущность. А это означает, что как только мы выбираем любой объект для анализа, мы тем самым автоматически определяем границу (поверхность) между его внутренним устройством и внешним миром. Из этого следует очень важный вывод – любой системный анализ начинается с того, что появляется **три уровня иерархии**: сам объект, его внутренняя структура и внешняя среда вокруг него.

А вот дальнейший путь анализа в системном подходе имеет два альтернативных (перпендикулярных) направления.

Первое направление – горизонтальное, когда сопоставляются объекты одного масштабного уровня, анализируется их взаиморасположение, характер взаимодействия и т.п. Таким образом, мы мысленно отправляемся в "горизонтальное путешествие" внутри одного слоя (масштабного уровня) аналогичных объектов. Например, если мы выбираем в качестве объекта человека, то в этом случае анализируем, как люди взаимодействуют друг с другом, какие бывают типы людей, как они расселены на территории страны, какие между ними могут быть различия, каким образом их качества позволяют им действовать в окружающем мире... В этом случае мы не только не выходим за пределы одного масштабного слоя, но даже за пределы одного типа объектов в этом масштабном слое. При этом иерархическое направление будет лишь обозначено – над человеком есть Небо, а под ним есть Земля. Именно так организована вся философская система Китая – три уровня бытия (Небо, Человек и Земля) и больше никаких иерархических уровней. Вся тяжесть анализа поэтому приходится на организацию соци-

альной структуры. Это по сути дела одноуровневый, однослойный мир китайского мировосприятия

Второе направление перпендикулярно к первому, и оно заключается в том, что мы начинаем исследовать внутреннее устройство одного объекта и его иерархическую включенность в окружающий мир. В этом случае выбранный объект приобретает некую исключительность, он становится центром иерархии мира. Именно так организовано мировоззрение в Индии.

Если стать на исходную точку мысленного путешествия по миру самого человека и отправиться в вертикальном направлении, то, углубляясь, мы будем сначала исследовать анатомическое строение его тела, затем его системы жизнедеятельности (дыхание, кровоснабжение, лимфатические потоки, скелет, мышцы и т.д.), потом клеточный уровень, молекулы, атомы и т.д. вплоть до неких первичных сущностей. Двигаясь мысленно в противоположном направлении, так сказать ввысь, мы будем анализировать иерархическое устройство общества, затем поднимемся в иерархическое устройство биосферы, в планетарное устройство Солнечной системы, галактическое устройство Вселенной и т.д. Естественным образом мы дойдем до мысли о бесконечной иерархичности мира.

Причем бесконечная лестница вверх приведет нас неизбежно к идее о некоей объединяющей весь мир высшей сущности, ибо логично предположить, что именно нечто бесконечно большее должно порождать весь мир, который гораздо меньше его. Далее логика нас приводит к мысли, что если мир порожден сверху неким бесконечным Сущим, то, возможно, весь мир и есть части этого Сущего, которые человек наблюдает вокруг себя в виде объектов различного масштаба физического мира. Именно в рамках иерархического подхода легко прийти к выводу о том, что весь нижележащий мир был когда-то кем-то порожден путем членения самого себя. Поэтому независимо от того, каков облик этого порождающего начала, мир в иерархическом мировоззрении автоматически становится эволюционирующим, ведь само порождение – есть акт творения, и невозможно предположить, что в дальнейшем оно прекратилось. Следовательно, как только мы приходим к идее о высшем Сущем, из

которого порождается этот мир, то почти автоматически приходим к идее о том, что это Сущее развивается и дальше, следовательно, приходим к идее о непрерывной эволюции мира. За примером ходить древнему мыслителю далеко не надо было – ребенок, который рождается, растет и развивается, затем достигает зрелости, стареет и умирает, – самый подходящий образ для Вселенной.

Итак, выбор иерархической вертикали в построении мировоззренческой картины мира приводит нас автоматически к другим важным представлениям – мир когда-то был рожден и далее развивается и гибнет. И поскольку вертикальный мир физических объектов иерархичен, то иерархичен и божественный мир, ибо если высшая сущность порождает этот мир, то она порождает его подобным самой себе. Так, выбрав за основу вертикальную ось бытия, мы неизбежно приходим к идее о божественности мира. Тогда над человеком выстраивается многоэтажная конструкция из духовных сущностей более высокого порядка – ангелов, божеств различного ранга вплоть до высшего Бога, например Брахмана. Ниже человека размещаются сущности мелкие – всевозможные демоны разных уровней иерархии. От иерархичности божественного мира легко перейти к иерархичности пути души человека, который либо параллелен тонкому миру, либо включен в его иерархию. В случае параллельной модели рядом с человеком есть ангел – его духовный двойник, выше над ангелом выстраивается целая лестница из божественной иерархии, уходящая к Абсолюту. Ниже ангела начинается мир демонов, которые опускаются до самого дна, до первозданного хаоса. В случае "последовательного включения" человек оказывается всего лишь одним из узлов этого иерархического движения. Поднимаясь выше, он эволюционирует до полубога, затем бога невысокого уровня и так до тех пор, пока не сольется с высшим Богом. Опускаясь вниз, он проходит стадию животного, затем становится демоном, но может опуститься еще ниже, пока не растворится в хаосе тьмы и небытия, вернувшись в исходную точку элементного состава этого мира. Важно отметить, что в любом из иерархических вариантов построения модели мира мы можем как бы не замечать горизонтально-го слоя бытия.

Именно так, на мой взгляд, устроена Система Индии. В ней почти отсутствует горизонтальный вектор мира, как практически отсутствует в Системе Китая вертикальный. Следовательно, векторы двух первых цивилизаций Востока строго перпендикулярны друг другу и образуют своего рода потенциальное цивилизационное *комплексное* пространство, внутри которого практически нет синтезирующего эти две системы учения.

Итак, если мы выбираем путь исследования мира в направлении его естественной иерархичности, то тем самым создаем представление о бесконечной вертикальной иерархии. На самом верху мы должны будем поместить высшее начало этого мира, что ведет нас к вопросу о его эволюции. Внизу мы невольно должны искать первоосновы этого мира, его первичные элементы, из которых все и складывается. Следовательно, иерархическое направление едва ли не автоматически порождает эволюционизм, атомизм, поиск первоэлементов и Первосущего. Точно так же оно порождает идею о божественной природе этого мира. Причем мир божественный также оказывается иерархичным, а общество строится по принципам иерархичности, что приводит к расслоению его на различные уровни. Нижние уровни в такой системе будут заселены людьми, наиболее близкими к животным, а верхние – наиболее близкими к богам.

Именно так организована вся философская система Индии. Здесь мысль устремляется в иерархическую высь, постепенно поднимаясь вплоть до Брахмана, – и это, если можно так выразиться, брахманический путь. И одновременно здесь мысль устремляется в глубь человека, проникая на его анатомический уровень вплоть до атомарного бытия его тела – это путь йоги. Здесь общество расслоено на множество иерархических слоев, здесь развит анатомизм и атомизм, религиозность и эволюционность.

В противоположность этому в Системе Китая отсутствует вертикальный вектор, в ней нет ни многоуровневой сложной структуры мира и общества, ни понятия Бога и пути души по вертикальной лестнице эволюции, нет представления и об эволюции.

Отметим, что два вектора – вертикальный и горизонтальный в построении картины мира играют главенствующую

роль в развитии представлений о пространстве и времени, об иерархичности мира, о божественной сущности мироздания, приводят к появлению представления об эволюции или к полному отсутствию этого представления, определяют социальный тип общества и задают многие другие очень важные для мировоззрения и жизнедеятельности социума параметры.

В главах 3 и 4 мы покажем, как выбор того или иного вектора радикально меняет всю структуры цивилизационного строения Египта, Вавилона, Индии и Китая. А сейчас рассмотрим еще одну очень важную пару – объекты и среды.

2.2. Объекты и среды

В окружающей нас природе нет ничего кроме более или менее устойчиво существующих индивидов и сред и явно неустойчивых промежуточных хаотических образований – бывших и будущих индивидов и сред... Так, мы относим к индивидам такие "законченные" материальные образования как атом, молекула, животное, планета, звезда и т.д., а к средам такие образования, как вода, воздух, электрическое или магнитное поле, межзвездный "вакуум" и т.д.

Д.И. Блохинцев

На первый взгляд кажется совершенно очевидным, что вещественный мир разделен на среды и объекты (индивиды). Это различие носит настолько глобальный характер, что его можно отнести к различию *первого порядка*, выше которого стоят уже такие понятия, как материя, время, вертикальный или горизонтальный взгляд на мир и т.п.

Для западного мыслителя очень трудно представить себе картину мира, построенную только на средах или объектах. А ведь именно так формировались системы двух цивилизаций: в Китае вся метафизика строилась на паре двух сред (*Дао* и *дэ*), а в Египте вообще не использовалось понятие среды и рассматривались лишь взаимодействия между объектами. К каким радикальным различиям это привело впоследствии в религиозных, социальных и философских системах, мы рассмотрим в последующих главах. А здесь

проанализируем два аспекта этой проблемы. Во-первых, насколько объективно разделение окружающего мира на среды и объекты, не является ли это всего лишь спецификой человеческого восприятия действительности. Во-вторых, симметрично ли западная парадигма опирается на объектную и средовую основу мира. Оба вопроса при ближайшем рассмотрении оказываются далеко не столь простыми, как может показаться на первый взгляд.

Рассмотрим сначала первый вопрос.

Любое восприятие мира не может быть независимым от субъекта восприятия – человека, а следовательно, оно будет всегда относительным. Человек воспринимает мир вокруг себя в первую очередь с позиций собственного масштаба. Я сижу в комнате, вокруг меня предметы: стол, стул, лампа, компьютер. За окном деревья, машины, дома. Это объектный мир моего масштаба. Но при этом я дышу воздухом, смотрю вдаль, передо мной простирается пойма Москва-реки. Свет, воздух, вода в реке – это мир сред, мир множества мелких элементов, которые сливаются для меня в сплошную, текучую, бесформенную среду. Мне абсолютно понятно, где здесь объекты, где здесь среды. Но если я представлю себя, допустим, крошечной молекулой воды из реки, то вода и прочие привычные среды потеряют для меня свой статус, так как все эти мельчайшие частицы превратятся в соизмеримые со мной объекты. Следовательно, **восприятие объектов и сред существенно зависит от масштаба, в котором оно происходит.**

В связи с этим можно выдвинуть предположение, что любой объект является элементом какой-либо среды и в то же время является средой для элементов меньшего размера.

Рассмотрим первую часть этого утверждения. Оно очевидно для элементарных частиц и атомов, которые и создают вещественные среды повсюду во Вселенной. Даже свободные элементарные частицы являются частью среды космического излучения. Но это же утверждение менее очевидно для объектов другого масштаба. Поэтому рассмотрим конкретные примеры.

Если взять в качестве объекта песчинку, то она является элементом, например, такой среды, как песок в пустыне. Любое живое существо – объект природной среды, человек –

элемент социальной среды. Поднимаясь по масштабной лестнице выше, в космос, мы встречаем в астрофизике такое понятие, как звездная среда, в которой совокупность всех звезд галактики рассматривается как "звездный газ", вращающийся в ее среде по законам, близким к законам газодинамики. Если подняться на следующий масштабный уровень, то мы встречаем здесь такое понятие, как галактическая среда, в которой элементами ячеистой структуры Метагалактики являются галактики, число которых равно 10^{10} . Сама Метагалактика, согласно современным космологическим теориям, вполне вероятно, является частью "вселенской среды", состоящей из множества других вселенных [43].

Но является ли вторая, обратная часть нашего утверждения верной – любой ли объект является средой для объектов меньшего масштаба?

Организм человека представляет собой среду для обитания множества паразитов, а на каждую клетку приходится около 10 бактерий, которые живут внутри человеческого организма. Для паразитов и бактерий организм человека – это огромная среда, **большая**, чем Вселенная для галактик, ведь она состоит из 10^{15} клеток, в которую встроена их собственная среда, состоящая из 10^{16} бактерий. Планета Земля – среда обитания множества живых организмов, Солнечная система – среда для огромного множества пылинок, астероидов и комет. Все это верно, но если взять молекулу или атом, то можно ли говорить о среде внутри этих систем? Молекула может состоять всего из двух атомов, атом водорода состоит из двух элементарных частиц – протона и электрона. Эти системы ни при каких допущениях нельзя назвать средой. Здесь либо вторая, обратная часть утверждения неверна, либо объекты микромира имеют внутреннюю эфирную структуру, о которой наука пока еще ничего не знает.

Другой вопрос – всякая ли среда состоит из элементов?

Хотя это несомненно для всех сред макро- и мегамира, но долгое время отрицалось для всеобщей среды Вселенной – ее пространства (или вакуума). Наука считала, что вакуум представляет собой пустоту, заполненную лишь полями, и не имеет никакой элементной структуры. Поэтому вакуум и называть-то средой не совсем корректно.

Но при более глубоком изучении этого вопроса известный физик Дж. Уилер [11] предположил, что вакуум на субмикроруровне имеет зернистую структуру, масштаб которой соответствует фундаментальной длине Планка – 10^{-33} см. Впоследствии эту идею развил академик М.А. Марков, который теоретически обосновал модель пространства, состоящего из отдельных фундаментальных частиц – максимонов (или фридмонов, планкеонов и др.), свойства которых могут быть таковыми, что внутри каждой из них заключена вселенная такого же порядка, как наша [43]. А наша Вселенная, в свою очередь, может быть первичным элементом пространства для Метавселенной. Такую модель мира М.А. Марков назвал "Микро-Макро-Симметрической Вселенной".

Если этот подход верен, то в природе нет ни одной физической среды (включая эфир или вакуум), которая бы не имела элементного (объектного) состава. И поскольку внутри каждого атома и каждой молекулы есть свое пространство, заполненное фундаментальными частицами, то тем самым снимается вопрос и о внутренней среде "элементарных" объектов – она есть и у них.

Итак, любой объект – элемент среды, а среда состоит из объектов. Поэтому от выбора масштаба существенно меняется наше восприятие и того и другого. Например, человек сам по себе является объектом, и если выбрать этот уровень масштаба, то мы можем изучать его индивидуальную психику и характер. Но когда мы выходим на множество людей, то начинаем говорить о социальной среде, в которой различия между индивидуальностью людей стираются и на первое место выступают уже некие усредненные общие свойства социальных групп. И человек из личности превращается в некий абстрактный элемент социума.

Аналогично от масштаба рассмотрения существенно зависит и как воспринимаются различные системы – как среда или как объект. Так, например, водная гладь океана – среда, в которой обитает множество живых существ. Атмосфера – воздушный океан, воздушная среда, литосфера – среда минеральная. Но стоит нам подняться по масштабной шкале на уровень Солнечной системы, как становится очевидным, что и литосфера, и океан, и атмосфера – это всего

лишь целостные оболочки Земли, имеющие собственные конечные размеры, форму, структуру и прочие характеристики. Следовательно, их можно называть и объектами, пусть это и звучит непривычно, но возможно, это лишь вопрос недостатка нашего восприятия?

Мы видим, что в зависимости от масштаба типичный объект может превратиться в элемент среды, а типичная среда – в объект более высокого масштаба.

Объекты и среды переходят друг в друга в природе постоянно. Газопылевые туманности сжимаются в звезды, а когда жизнь звезд заканчивается, они взрываются и вновь превращаются в газопылевые туманности. Любой живой объект возникает из среды, а после смерти рассеивается в среде. Из праха ты пришел, в прах и обратился... Среда порождает объекты, объекты рассеиваются в среды, и весь этот непрерывный цикл воспринимается нами либо как "кипение" виртуальных частиц в вакууме, либо как медленная эволюция звезд в космосе. Разница между этими процессами лишь в масштабе времени и отношении к нему наблюдателя. Суть же, с нашей точки зрения, одна и та же.

Но несмотря на такую, казалось бы, неопределенность, если четко зафиксировать определенный уровень масштаба, то объекты и среды воспринимаются все же принципиально *разными формами* существования материи. Поэтому разделение на объекты и среды настолько универсально, что оно пронизывает философские системы любой цивилизации. Причем пронизывает, как будет далее показано, во всех областях⁽⁶⁾.

Возникает вопрос, на чем основано такое разделение? Интуитивно кажется совершенно ясным, что объекты от среды отличаются в первую очередь тем, что они имеют относительно стабильную *форму, размеры* и четко очерченные *границы*. Кроме того, *структура* объектов, как правило, неизменна. Среда же не имеет ни жесткой формы, ни четких границ, ни определенной структуры. Еще одним интуи-

---

⁶ Даже в христианской Святой Троице есть "индивидуум" Христос и неопределенная (но всепроникающая) божественная среда – Дух Святой. Так в божественной Троице нашло свое отражение важное смысловое различие мира, которое во многом определяет характер многих культур и цивилизаций.

тивно очевидным признаком различия может быть *фазовый состав* объектов и сред. Когда мы говорим о средах, то в первую очередь представляем себе газовые или жидкие среды, а вот твердая фаза, как нам кажется, является гарантом того, что перед нами объект. Однако если внимательно разобрать каждый из перечисленных выше критериев, то окажется, что ни один из них в отдельности не является надежным.

Например, если мы стоим на поверхности горного массива, под нами часть литосферы – минеральной среды. Теперь мы из нее вычленим камень, который становится уже объектом. Чем камень отличается от среды? Тем, что у него есть конечный, неизменный размер, определенная форма и граница перехода к атмосфере, на которой резко падает плотность. Но если мы разобьем камень на несколько частей, мы опять же получим объекты, хотя их форма и размеры будут другими. Получается, что наличие стабильной формы и размеров не определяет отнесение камня к категории объектов. Что же тогда определяет? Может быть, граница плотности? Но камень по отношению к атмосфере имеет такой же перепад плотности, как и литосфера. И получается, что единственным критерием, по которому мы относим камень к категории объектов, является соизмеримость с наблюдателем. Камень в наших руках выглядит объектом, так как он соразмерен нам. Литосферная плита, из которой мы его извлекли, уже воспринимается как минеральная среда, хотя разница ее с камнем лишь в размерах.

Аналогичная ситуация наблюдается и в космосе. На первый взгляд наша Галактика четко подразделяется на объекты и среды. Объекты это – звезды, звездные скопления, рукава, гало, ядро, ядрышко и т.п. (*рис. 4А*). Среда это – галактическое излучение, газовые и пылевые облака. Объекты имеют четкую форму и размеры, большой градиент плотности по отношению к фону. Среда не имеет этих признаков. Но есть пылевые облака (глобулы), плотность которых в миллионы раз выше плотности окружающей их галактической среды, что на порядки больше, чем разница в плотности между камнем и атмосферой. Такая глобула, с одной стороны, всего лишь облако космической пыли, но с точки зрения перепада плотности она – "камень" на пути других космических систем. Все эти газовые и пылевые об-

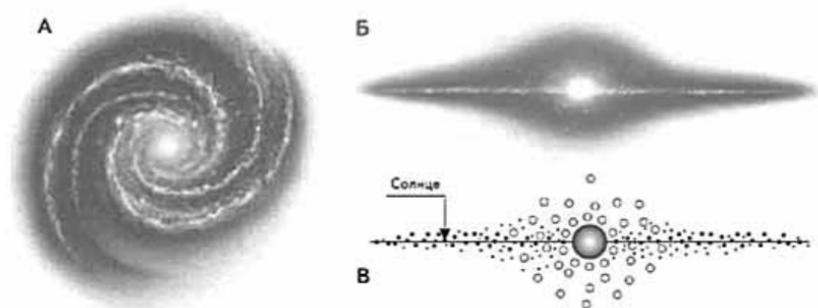

Рис. 4А. Вид нашей Галактики сверху (А) и сбоку (Б). В центре – сферическое гало, куда входят звезды II типа населения (белые кружки на схеме В – первое поколение звезд) и спиральные рукава, состоящие из звезд I типа населения (черные точки – второе поколение)

лака (рис. 4Б) имеют определенный диапазон размеров и резкий перепад плотности с окружающим пространством, зачастую не меньший, чем перепад плотности между камнем и воздухом. Более того, перепад плотности вообще теряет силу необходимого для нас критерия, если рассматривать, например, осьминога или медузу в воде. осьминог, как и все обитатели моря, имеет практически одинаковую плотность с водой, форма его крайне изменчива, размеры зависят от того, какую форму он принимает, рождается осьминог маленьким, а вырастает до гигантских размеров.

Таким образом, ни стабильность размера, ни граница плотности не являются надежными критериями, по кото-

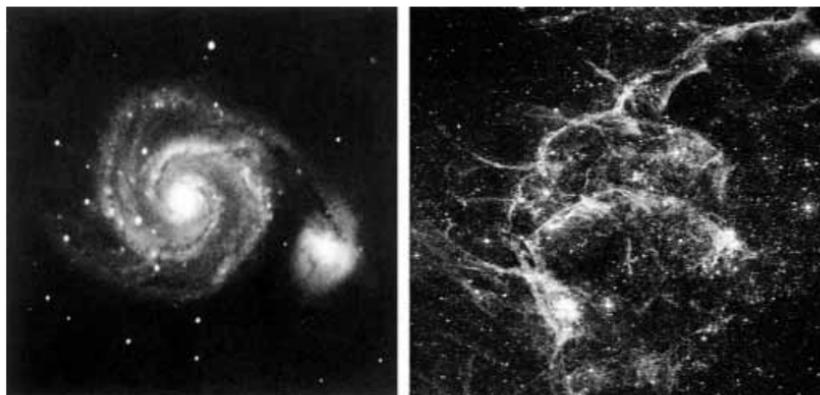

Рис. 4Б. Фото двух галактик (слева) и диффузной газовой туманности, сквозь которую видны звезды. Рукава состоят из газопылевых комплексов и облаков атомарного и молекулярно газа.

рым мы отличаем объект от среды. Рассмотрим теперь такой критерий, как стабильность формы.

Камень всегда имеет определенную форму (пусть и хаотичную), а россыпь из камней меняет свою форму, когда мы движемся по ней. Но возьмем в руки кусок влажной глины (или пластилина) и зададим вопрос – это объект или среда? До среды он явно недотягивает, скорее, это объект, но его форма может меняться не менее быстро, чем форма облака на небе.

Следовательно, стабильность формы, стабильность размера, наличие границы – все это не является строгим критерием для разделения мира на среды и объекты.

Но, может быть, дело в стабильности внутренней структуры? Интуитивно ясно, что любой индивид отличается от среды тем, что его структура гораздо более стабильна, чем средовая. Например, животное или дерево устроено внутри сложным образом, и, несмотря на изменение формы, их структура остается инвариантной. Но камень и литосфера ничем не отличаются друг от друга по критерию стабильности структуры, однако одно мы называем объектом, а другое – средой.

Остается рассмотреть еще один критерий – фазовый состав.

Большинство объектов вокруг нас не состоят из воды, воздуха и огня, они более или менее твердые. И когда мы говорим о средах и стихиях, то в первую очередь подразумеваем газ, жидкость или огонь. Следовательно, можно предположить, что главным отличием объектов от сред является то, что они имеют твердый фазовый состав. Но многие планеты состоят из газа (Юпитер, например), а звезды состоят из плазмы. Учитывая то, что 99% вещества Вселенной сосредоточено в звездах, можно утверждать, что *подавляющее большинство объектов Вселенной состоят из плазмы*, из огня, что покажется весьма странным и непривычным для земного восприятия этой темы. Получается, что объектный мир – это мир огня! Впрочем, и человек на 70% состоит из воды, следовательно, и фазовый критерий здесь не работает.

Итак, остается лишь предположить, что разделение мира на среды и объекты – условность человеческого восприятия мира. Если мы видим вокруг индивидуальные объекты,

воспринимая каждый из них как некую самостоятельную, не зависящую от окружающего мира сущность, то мы выделяем в этом мире его объектное свойство. Именно так воспринимает мир Запад. Если же мы воспринимаем даже соседа по купе как элемент социальной среды, а свою душу – как часть мирового духа, то мы выделяем в этом мире его коллективную, средовую сущность. А в этом случае каждое событие вокруг мы воспринимаем, как результат коллективного взаимодействия огромного множества факторов, которые сливаются для нас в неразличимое поле действия, в неясную и абстрактную силу, в некое *Дао* и *дэ*. Именно так воспринимает мир Восток.

Среды "конденсируются" в объекты, объекты рассеиваются в среде, все это происходит в некотором текучем процессе, в котором очень трудно выявить объективные и универсальные критерии. Эта размытость объектного мира, его временная стабильность является одним из краеугольных камней философии буддизма, в котором вообще нет объектов как таковых⁷⁾, а все, что мы привычно называем объектами, воспринимается в нем как мыслеформы нашего непросветленного сознания.

И все-таки различие между объектами и средами интуитивно нам кажется объективным, нужно лишь отметить, оно имеет относительный характер и ни один из перечисленных критериев в отдельности не является надежным. Можно поэтому предположить, что различие между средами и объектами можно определить, если брать *совокупность* разных критериев. Чем больше критериев мы используем для определения, тем ближе к интуитивной оценке мы подходим. В этом случае различие между двумя формами материи является не пороговым явлением, а определяется плавной шкалой перехода. На одном полюсе этой шкалы можно разместить все, что имеет неизменную структуру и состав, внешнюю форму, обозначаемую четкой границей. Если все это существует на протяжении конкретного интервала времени – это и будут объекты. На другом полюсе этой шкалы можно разместить все, что не имеет стабильной внешней формы, состава, структуры и границы, – это будут среды.

---

⁷⁾ Еще и поэтому Западу и Востоку так трудно понять друг друга.

А между ними можно будет расположить длинный ряд всевозможных переходных типов. Следовательно, объекты отличаются от сред большей стабильностью **по сумме признаков**. И наибольшая разница между этими двумя типами материи возникает, когда стабильность или нестабильность определяется по большему количеству критериев. Так, например, звезды отличаются от газопылевых туманностей стабильностью формы и размеров, хотя могут иметь одинаковый с ними стабильный химический состав. При этом внутренняя структура звезд не имеет жесткости, аналогичной структуре, например, автомобиля. Внутри звезд происходит постоянное перемешивание вещества, но при этом в этом изменчивом внутреннем мире звезды есть нечто постоянное – оболочки, различающиеся своей плотностью и температурой (рис. 5). Противоположный пример – осминог, хотя он постоянно меняет свою форму, что отличает его от звезды, его внутренняя структура при этом остается неизменной и в нем не происходит такого бурного переме-

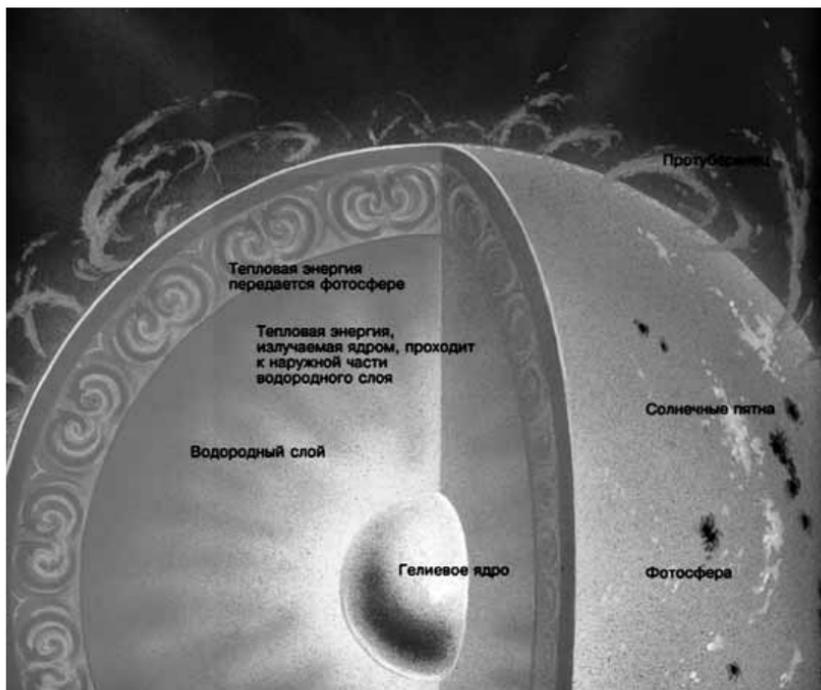

Рис. 5. Внутренняя структура типичной звезды – Солнца

шивания вещества, как в звезде. К переходному типу можно отнести, например, камень, который может иметь различную форму и размеры, но его жесткая внутренняя структура скорее делает его объектом, чем аналогичный по масштабу объем воды.

Образцом типичной среды является, пожалуй, облако в небе, которое не имеет постоянной формы, структуры и четких границ, поэтому не может взаимодействовать с другими облаками как некая целостная система⁸. Типичным представителем мира объектов является, например, каменная скульптура, которая имеет четкую форму, стабильные размеры, состав и не меняется при этом по всем своим параметрам веками.

Кстати, скульптуры гораздо больше распространены на Западе, чем на Востоке. Особенно большое значение им придавали в Древнем Египте, где Система строилась на паре "объект-объект" (см. далее). Можно предположить, что именно поэтому знаком этой древней цивилизации стали сфинкс и пирамиды в Гизе. И то и другое – **символ неизменности во времени объектной сущности мира**. Символ неизменности как бы живого (сфинкс) и неживого (пирамиды) объекта. А с другой стороны – Китай со своей ставшей символом Великой стеной, которую трудно назвать объектом, скорее это протяженная граница между двумя средами – культурным Китаем и дикими племенами кочевников.

Здесь мы подходим ко второму вопросу, поставленному в начале данного раздела. Если весь мир разделяется на два полюса – объекты и среды, то Запад выбрал полюс объектов, а Восток – полюс сред. В этом их принципиальное различие, которое будет рассматриваться дальше во всех деталях. Но поскольку современная наука имеет западное происхождение, она не замечает перекоса в сторону собственной объектной сущности мира. И для всех читателей, воспитанных в рамках западной культуры, кажется

---

⁸ Впрочем, если облако накапливает электрический заряд или приобретает спиральное вращение благодаря атмосферному вихрю (торнадо), то его взаимодействие с другими объектами становится весьма жестким.

единственно возможным такой взгляд на мир, при котором на первом плане стоят именно объекты.

Доминанта объектного восприятия мира на Западе уходит корнями в далекое историческое прошлое. Проходили тысячелетия, менялись цивилизации, но на Западе не менялось его рациональное начало, которое всегда стремилось более к познанию конкретных форм материи. Эта генетическая особенность Запада породила там своего рода *культ объекта*. На этой основе возникла сначала тотемная религия, в которой род или племя поклонялись конкретному образу животного или растения. Отсюда вырос и культ священного дерева – как правило, древнего и могучего (как вариант – священная роща в античной Греции). И дерево и роща соизмеримы человеку по масштабу, но живут гораздо дольше человека⁹. Именно неопределенный срок жизни дерева, который реально может достигать тысячи лет (а в сознании древнего человека такой срок – практически вечность), и привел к культу священного дерева. Ибо человек наделяет богов тем, что не имеет сам, но хотел бы иметь, – вечной жизнью. Культ солнца в Древнем Египте – из той же темы, поскольку египтяне полагали, что солнце – это объект, соизмеримый их миру, который путешествует на небесной лодке по небу. На следующем этапе развития религий культ природных объектов перерос в культ искусственных объектов, началось сооружение идолов, столбов, статуй и храмов¹⁰. Поклонение им отражало суть культуры Запада, где на первом месте всегда стояли объекты, а среды играли второстепенную роль, считалось, что они лишь фон для действия объектов. Этот перекосяк обязан в первую очередь прагматичной направленности западной культуры, ибо объекты изучать существенно проще. Каждый объект конк-

---

⁹ Отзвук этого культа можно, например, найти в романе Л. Толстого "Война и мир", где Андрей Болконский восхищается, впадая в несомненный мистицизм, древним дубом около своего дома.

¹⁰ На Востоке между тем древние арии – предки индийцев поклонялись огню, магической силе сомы (напитка богов) и обожествляли зарю, там доминировал культ стихийных сред. В древнем Китае шаманы общались со стихиями и пространствами, затем все это переросло в даосизм, который покоился на двух столпах – *дао* и *дэ* – нечто неопределенное, проникающее повсюду, но невидимое и неосознаваемое.

ретен и ограничен в своем пространственно-временном объеме, а среды неясны, размыты и трудноуловимы. Вполне естественно, что развитие человечество пошло по пути от простого к сложному, поэтому в первую очередь развитие получила именно эта тенденция, **поэтому Запад опередил Восток в своем развитии**. Объектный мир конкретнее и однозначнее, чем мир сред. Его изучать легче. С легкого и начало человечество. Именно поэтому *первая* древняя цивилизация Египта имеет объект-объектное основание (см. далее), а развитие этой линии не прекращалось веками. На базе египетской науки возникла античная наука, на базе античной – европейская цивилизация. Следовательно, человечество идет по самому быстрому пути – оно изучает в первую очередь наиболее простую часть мироздания – объекты. И приоритет развития Европы над другим миром означает лишь то, что этот путь (Египет → Античность → Европа) проложен через самую простую область познания, а именно *объектной* части мироздания.

Еще одной причиной, по которой в западной картине мира доминируют объекты над средами, является особенность европейской науки, которая уже с античных времен развивалась в первую очередь в городской обстановке, а мир города – это в первую очередь мир объектов. Лишь даосский мыслитель, который оставался долгие годы один на один с природой, наполненной влиянием среды, мог поставить на первое место в природе среду. Чтобы понять различие между европейским философом и философом восточным, достаточно вспомнить, что последние обычно уходили жить отшельниками в пустынные места (леса, горы), а первые чаще всего не выходили за пределы городской черты⁽¹¹⁾.

---

¹¹ Забавно представить себе Гегеля, Маркса, Канта и других западных философов, живущих в пещерах или пустынных лесных чащах. Максимум, на что была способна западная философия, – это Диоген в бочке. Но и тут очевидна доминанта объектов – бочка, вокруг город. Поэтому западное сознание и восприняло уход Иисуса в пустыню на несколько дней как грандиозный и редкий подвиг Учителя. Совершенно иная картина открывается нам на Востоке. Миллионы йогов в Индии жили и живут до сих пор в лесах. Будда первое время проводил в лесном отшельничестве, потом истощал себя голодом в уединении. Даосизм nascковз пропитан стремлением к уединенной жизни в природной среде.

Таким образом, большинству читателей, имеющих европейское образование, кажется естественным, что миром управляют объекты, что именно объекты определяют все процессы в мироздании, а среды служат всего лишь фоном и исходным материалом для формирования объектов.

Европейский предметный подход проявляется во всех пластах жизни Запада.

Это и культ индивидуальной личности, что делает ее мало зависимой от социальной среды и ведет к доминированию либерализма. На Западе индивидуальная свобода ставится выше социальной справедливости и гармонии. На Востоке, например в Китае, – все наоборот.

Это и культ потребления вещей, когда целью всей жизни становится приобретение все большего количества предметов, которые заслоняют от западного человека красоту заката, прелесть уединенного общения с природой и возможность слияния с божественным началом мира.

Это и преобладание в науке интереса к проблеме процесса движения объектов, а не к природе в ее целостности, приведшее к созданию механистической картины мира, где во главе угла лежит взаимодействие объектов, а не полей и сред. Механистическая картина причинно-следственной Вселенной могла родиться только в Европе, но никак ни в Индии или Китае. Это и линейная структура многих европейских языков¹², в которых на первом месте почти всегда стоит объект (подлежащее).

Символом западной культуры являются многие спортивные игры, в которых главная цель – овладение мячом и направление его в определенную область пространства, в цель (ворота, лунку, корзину, на площадку, в зону и т.п.). Мяч – это наилучший *символ объектного мира* (шар обладает идеально симметричной формой – поэтому это идеальный объект), вот почему борьба за этот символ объектного мира сводит миллионы болельщиков на Западе с ума.

---

¹² Тема особенностей грамматики языков различных культур с позиции объект-среда – отдельная очень большая и интересная тема, в рамках которой можно многое выявить в типологии различных цивилизаций. Увы, эту тему мы вынуждены здесь не затрагивать в силу отсутствия возможности ее детального исследования.

Любопытная трансформация происходила на Западе и с религией. Изначально она имела там явно объектную основу – тотемы, идолы и пр. Первая попытка изменить эту традицию была совершена Моисеем в пустыне, который уничтожил золотого тельца и заставил древних иудеев поклоняться невидимому абстрактному Богу. И хотя, судя по Ветхому Завету, Бог евреев принимал иногда человеческий облик, его запрещалось изображать и поклоняться этим изображениям. В Новом Завете Иисус Христос пришел на землю как индивид, но после своего ухода он оставил вместо себя Духа Святого:

"Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет" (Иоанн 14.15–17).

"Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа" (Иоанн. 3.8).

Так в западный мир, в котором доминировал всегда предметный взгляд на мир, была внедрена идея о том, что огромную роль в жизни мира играет и среда, в данном случае в виде божественного духа. При этом среда не заменяет объектный мир, а дополняет его. Эта тема – суть проблемы понимания единства Святой Троицы как единства управления миром через закон, объекты и среды. Но по мере развития западной цивилизации она все дальше отходила от восточных тенденций и все больше приближалась к полюсу абсолютной идеализации мира объектов. В европейской науке шел процесс материализации, приведшей ее к атеизму, а в западном христианстве шла незаметная редукция высших истин и ценностей до уровня предметной области, до покупки индульгенций. Дух святости, дух истины, дух божественный постепенно терял свои позиции на Западе. И постепенно на место Святой Троицы там водрузили по сути дела Санта Клауса, главным атрибутом которого является мешок подарков – то есть мешок с предметами. Причем дети любят Санта Клауса не как интересную личность, ко-

торая приходит и приносит радость общения, а за то, что он приходит и оставляет подарки под елкой, причем оставляет *незаметно и ночью*, что является знаковым. Получается, что сам Санта Клаус западным детям не нужен, им нужны предметы-подарки. Таким образом, бог на Западе постепенно превратился в разносчика вещей. Святой Дух, божья благодать и прочие духовные ценности в западной культуре практически исчезли, хотя их долгие столетия пытались привить христианство, уходящее корнями на Восток. Вместе с этими ценностями на Западе постепенно уходит из практической жизни и само христианство, ибо все меньшее количество людей там искренне верят в Бога.

Аналогичный путь постепенного изгнания среды из научной картины мира прошла и наука Запада:

"Рождению современной науки предшествовало признание полного разграничения материи и духа; это произошло в семнадцатом веке благодаря трудам Рене Декарта...

Философия Рене Декарта была важна не только для развития классической физики, она оказала огромное влияние на весь западный образ мышления вплоть до сегодняшнего дня. В соответствии со знаменитым высказыванием Декарта: "Мыслю, следовательно, существую", западный человек отождествляет себя со своим разумом, а не со всем организмом, воспринимает себя как некое *эго*, существующее внутри тела... Каждую человеческую личность можно теперь разделить на бесчисленное количество составляющих, в зависимости от ее сферы деятельности, способностей, эмоций, верований и т.д. Беспрестанные противоречия и конфликты между составляющими личности порождают постоянное метафизическое смятение и отчаяние.

Эта внутренняя раздробленность отражает наш взгляд на "внешний" мир, **который мы воспринимаем как множество отдельных вещей** (выделенно мной. – С. С.) и событий. К природной среде относятся так, как если бы она состояла из независимых частей, используемых группами людей с различными интересами. Раздробленность распространяется и на общество, которое мы делим на нации, расы, религиозные и политические группировки. Уверенность в том, что все эти осколки – в нас самих, в нашей окружающей сре-

де и в обществе – действительно не связаны между собой, можно рассматривать как основную причину целого ряда социальных, экологических и культурных кризисов современности" [35].

Астрофизика на Западе также отбросила все, что не касается объектов. Изначально в западной культуре доминировала библейская версия начала мира:

"В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды. И стало так. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И собиралась вода под небом в свои места, и явилась суша. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и подобию ее, и дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодovitое, приносящее плод, в котором семя его по роду его на земле. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для освещения земли и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большое, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы све-

тить на землю, и управлять днем и ночью, и отделить свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый.

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И стало так. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо" (Бытие 1.1–25).

Мы видим, что первые два дня (этапа) Бог занимался созданием мира сред, преобразая первичную тьму, "и Дух Божий носился над водою". Только на третий день творения Бог начал создавать мир объектов, собирая и конденсируя среды, – "и собиралась вода под небом в свои места, и явилась суша", затем на ней появились растения. Но эта библейская версия, основа которой взята, скорее всего, из восточно-западной цивилизации Вавилона, не соответствовала внутреннему настрою на доминанту объектов западного мира. Поэтому со временем Ньютон отвергает библейскую версию происхождения мира и выдвигает собственную, о которой пишет в "Оптике" следующее:

"Мне кажется вероятным, что Бог вначале сотворил материю в виде твердых, обладающих массой, цельных, непроницаемых и подвижных частиц, наделенных такими размерами, пропорциями, формами и другими свойствами, которые наилучшим образом отвечают той цели, для которой Он сотворил их; и что эти частицы, будучи цельными, несравненно плотнее любого пористого тела, из них составленного; они настолько плотны, что никогда не изнашиваются и не разбиваются; ни одна сила не может разделить то,

что Бог сотворил единым в своем первом акте творения" (цит. по: [35, с. 61].

Замена библейской версии на ньютоновскую, чисто предметную, механистическую привела в конечном итоге Запад к механистической модели Вселенной. И хотя эта модель была затем отвергнута, на ее место водрузили еще более странную – "взрывную" версию. Идея объектного мира настолько преобладала в западной науке, что в конце концов вылилась в образ "первообъекта", который в XX веке западная наука наконец-то нашла в виде первичной материальной точки, из которой произошла по западной версии вся Вселенная. Первичная точка – это абсолютный символ предметности мира, некий сжатый концентрат всех объектов, которые появляются из нее в результате Большого взрыва. Это идеальный мешок Вселенского Санта Клауса, из которого в пустоту высыпался весь предметный мир, включая и подарки детишкам в носках под елкой. Эта точка – символ всех объектов западного мира. Бог Творец в западной науке был подменен Богом-взрывником, способным только на теракт вселенского масштаба. А после Большого взрыва "первообъекта" начинается процесс рождения всего объектного мира – в абсолютной пустоте из точки появляются мириады элементарных частиц, которые, собираясь вместе, образуют атомы, из атомов собираются космические тела и т.д. Хоровод бесчисленных объектов в огромной пустой Вселенной, в процессе создания которой среды практически не участвуют.

Эту стерильную от среды картину впоследствии несколько "испортило" открытие реликтового излучения, которое заполняет Вселенную. Этого открытия на Западе не ждали, оно не вытекало из общей концептуальной направленности на объектную сторону мира. Впрочем, роль данной среды в жизни объектной Вселенной Запада оказалась настолько незначительна (да и происхождение этого излучения было отнесено к далекому прошлому – отсюда название "реликтовое"), что западная наука "позволила" ему вписаться в общую картину природы. А вот история со скрытой массой обнажает явную предвзятость Запада по отношению к средам. Еще в начале XX века было обнаружено несоответствие рас-

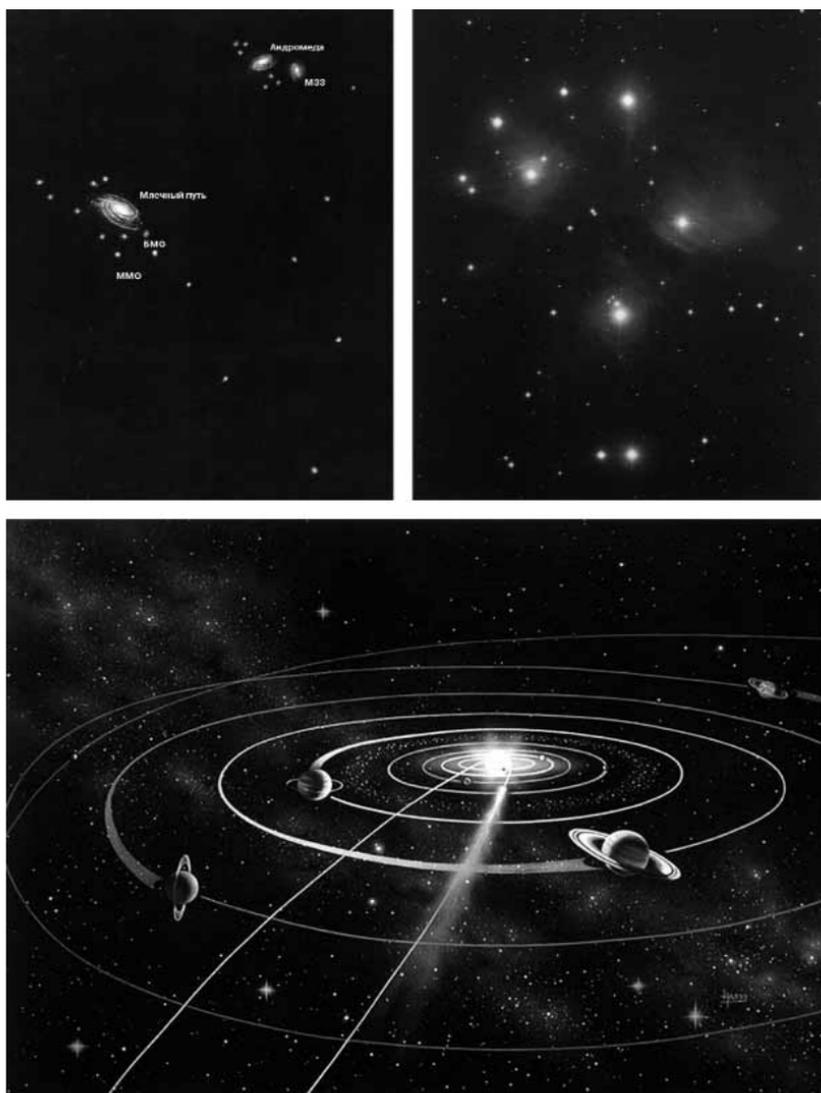
четных значений массы галактик с их реальной (наблюдаемой) массой. Массы звезд явно не хватало, причем в несколько раз, чтобы обеспечить устойчивость галактических скоплений. И не было никаких других объектов в галактиках, которые могли бы отвечать за эту массу. Но если нет объектов – нет и массы. Примерно так к этой проблеме относилась западная наука долгое время, стараясь ее просто игнорировать. Но в конце XX века не замечать эту загадку дальше стало уже просто неприлично. Поэтому парадокс дефицита массы стали все-таки обсуждать и ввели понятие темной материи, доля которой оказалась огромной – более 80%. Следовательно, масса объектного мира оказалась в четыре раза меньше массы темной материи – невидимой *среды* Вселенной. И этот парадокс до сих пор не разрешен в западной науке, поскольку в ее концептуальной основе нет места для объектов, которые бы отвечали за темную материю, все попытки найти таковые провалились. Западная наука уже около ста лет стоит перед необходимостью признать, что внутри галактик есть некая среда, обладающая гигантской массой, и роль этой среды, судя по ее массе, гораздо важнее для жизни галактик, чем роль звезд и их скоплений. Но что это за среда? Вывод о ее наличии никак не следует ни из одной космологической картины Вселенной, поэтому предположение о существовании какой-то среды с гигантской массой может вообще разрушить фундамент астрофизики Запада. И не найдя никакого объектного объяснения этому парадоксу, западная наука просто отставила его в сторону, как отставила в сторону проблему дефицита массы солнечного нейтрино, загадки шаровых молний и НЛО.

Одной из причин доминирования объектного восприятия на Западе является чувственное восприятие ночного неба. Визуально космос наполнен объектами, между которыми ничего нет – тьма. Объекты содержат более 99% вещества – это звезды. Лишь один процент массы Вселенной приходится на всевозможные видимые среды: излучение, потоки элементарных частиц, газовые и пылевые туманности. В телескоп видно, что между звездами – великая пустота, вакуум. И в европейской науке сложилось представление, что главные события Вселенной – это результат взаимодействия объектов друг с другом. Именно поэтому была создана уни-

кальная картина Вселенной, в которой большую часть пространства занимает пустота. Вкратце она такова:

В огромном пустом пространстве редко мерцают звезды. Расстояние между ними в 10^5 больше их диаметра, соответственно пространство галактики наполнено пустотой в 10^{15} раз больше, чем веществом (рис. 6). Но внутри звезд и планет вещество занимает такое же ничтожное положение. Атомы состоят из ядер, размеры которых в 10^5 раз меньше размеров атомов, но масса ядра почти в 2000 раз больше массы электронов. Поэтому пространство внутри атомов также наполнено пустотой, которой больше, чем вещества, в 10^{15} раз. Соответственно, общая плотность Вселенной оценивается примерно в 10^{-30} г/см³ [2], что в тысячу миллиардов миллиардов миллиардов раз меньше плотности воды. Если задаться вопросом, зачем Творец создал мир, который настолько пуст, то ответа не найти. Но физика не ищет ответа у Бога, она уверена, что главная среда Вселенной, вакуум, – абсолютно пуст. Поэтому в результате Большого взрыва через какое-то время, по мере дальнейшего расширения мы останемся в пустом пространстве в одиночестве, ибо удаленные на немыслимые расстояния от нас другие галактики вряд ли будут видны даже как мерцающие точки.

Ужас пустынного космоса долго витал над современным мировоззрением, вселяя тоску в души людей. Однако постепенно стали накапливаться факты, отмахнуться от которых было невозможно и которые поставили эту пустынную картину мироздания под большое сомнение. Кроме проблемы скрытой (в среде эфира) массы при исследовании микромира выяснилось, что вакуум буквально кипит частицами, которые, правда, названы виртуальными, так как частицы тут же исчезают, не успев появиться. Но все равно, кипящий частицами вакуум – это уже совсем не чистая пустота, а пустота, порождающая частицы, следовательно, можно предположить, что она наполнена материей и энергией. А это уже нечто иное – эфир, например [60].

Рис. 6. Местная группа галактик (слева), в которую входит наша Галактика и типичная звездная ассоциация Плеяды (справа). Расстояния между галактиками в десятки раз превышают их размеры даже в "тесных" группах. Расстояния между звездами в 100.000 раз больше, чем их собственные размеры. Аналогично в 100.000 раз меньше размеры планет (внизу) по сравнению с Солнечной системой.

Еще один существенный удар по объектной (механистической) картине мира нанесла физика элементарных частиц.

"Эксперименты последних десятилетий раскрыли динамическую сущность мира частиц. Любая частица может быть преобразована в другую; энергия может превращаться в частицы и наоборот. В этом мире бессмысленны такие понятия классической физики, как "элементарная частица", "материальная субстанция" и "изолированный объект". Вселенная представляет собой подвижную сеть неразрывно связанных энергетических процессов" [35].

Более того, исследования частиц показали, что их предметность расплывается при ближайшем рассмотрении, частицы превращаются в волновые пакеты. Частица-волна – вот новый образ физики элементарных частиц, который принес XX век. Электрон ведет себя при некоторых экспериментах как частица, а при других – как волна. Уже этот факт восстанавливает равновесие в паре объект-среда, ибо частица – это объект, а волна – явление среды. Более того, оказалось, что ни одну элементарную частицу вообще невозможно исследовать как объект из-за принципа неопределенности, открытого В. Гейзенбергом. Если в экспериментах физики пытаются точно определить координаты элементарной частицы, то они не могут столь же точно определить ее энергию. И наоборот. Состояние частицы полностью определяется волновой функцией, и частица может быть обнаружена в любой точке пространства, в которой волновая функция отлична от нуля. Образ объекта-электрона, вращающегося по своей орбите вокруг ядра атома, расплылся до образа электронного облака, в котором электрон мог одновременно находиться в разных его областях. Объект, таким образом, превратился в среду. Возникла квантовая физика, которую долго не могли принять даже такие известные ученые, как А. Эйнштейн, заявив, что не верит, будто Бог играет в кости. Микромир оказался настолько необычен, что до сих пор многие даже выдающиеся физики не понимают его. Так, например, Р. Фейнман писал: "...Я смело могу сказать, что квантовой механики никто не понимает" (по [98]). Все это приводит к тому, что современная физика находит наш мир "шизофреническим" [98, с. 137]. Тому же Р. Фейнману принадлежит и такое высказывание: "[Квантовая механика] дает совершенно абсурд-

ное с точки зрения здравого смысла описание Природы. И оно полностью соответствует эксперименту. Так что я надеюсь, что вы сможете принять Природу такой, как Она есть – абсурдной" (по [21]). Но с нашей точки зрения, абсурдность восприятия законов микромира обусловлена тем, что для западного сознания единственным вариантом картины мира является тот, в котором главными действующими фигурами являются объекты, которые порождают поля (среду), а не наоборот.

Поскольку изучение мира элементарных частиц подорвало многовековую уверенность западной науки в том, что все происходящее можно свести к взаимодействию исключительно объектов, то необходимо было как-то спасти традиционный взгляд на мир. Как ни странно, одним из наиболее активных спасателей этой картины стал А.Эйнштейн, который придумал кривое пространство, т.е. искривленное объектами, представляющими собой НИЧТО. Что может быть нелепее, чем абсолютная пустота, которая имеет форму? Разве что улыбка Чеширского кота в его отсутствие. Но зато в такой абсурдной картине мира по-прежнему главную роль играют объекты, кроме которых нет ничего. Именно они и искривляют пространство, которое при этом действует на них же своими искривленными пустыми поверхностями, заставляя притягиваться этим друг к другу. Барон Мюнхгаузен, вытаскивающий сам себя из болота за волосы, очень бы удивился смелости этой фантазии. Впрочем, признание важной роли в гравитационных взаимодействиях за пространством (пусть и пустой, но все-таки средой) – это уже шаг в сторону восстановления баланса в паре среда-объект. Тем более что А. Эйнштейн уже в 20-х годах прошлого столетия вернулся к признанию эфира, чего не сделали вслед за ним, впрочем, многие другие физики:

"...Общая теория относительности наделяет пространство физическими свойствами; таким образом, в этом смысле эфир существует. Согласно общей теории относительности, пространство немислимо без эфира..." [95, с. 689].

Но даже признав существование эфира, Эйнштейн вложил в него своеобразный смысл некоего абстрактного по-

тенциала, а не физической среды. Сегодня физики уже далеко не так уверенно утверждают, что пространство Вселенной пусто, уже почти признав, что оно наполнено эфиром, но пока еще не придя к убеждению, что основную роль в жизни Вселенной играют не объекты, а именно эфир. Одно из таких вынужденных признаний они сделали под давлением фактов. Оказалось, что стабильность скоплений галактик только на 3% может быть объяснена влиянием самих галактик. "К настоящему времени твердо установлено, что Вселенная состоит в основном не из звезд, газа и пыли, а из вещества неизвестной природы, которое проявляет себя лишь через гравитационное взаимодействие с обычной материей. Это вещество называют "темной материей" или "скрытой массой" [79]. Очень важно отметить, что эта материя "не имеет ничего общего с обычным веществом (основную массу обычного вещества составляют барионы – тяжелые частицы: протоны, нейтроны и т.д.). Она является гравитационно не сгущающейся, т.е. не образует под воздействием сил гравитационного притяжения компактные массивные объекты, хотя и участвует в гравитационном взаимодействии. Одним словом, скрытая масса – это неизвестное науке вещество" [98, с. 220]. Из чего следует, что около 30% всего вещества Вселенной (в 10 раз больше обычного вещества, доля которого 3%) рассредоточено по всему пространству и не образует объектов какого-либо масштаба. Следовательно, темная материя – *типичная среда*, и именно она определяет структурную устойчивость скоплений галактик. Но спрашивается, а что же собой представляет еще около 70% материи Вселенной, если это не вещество и не темная материя? Относительно недавно физики вынуждены были признать, что "эти недостающие 70% связаны с энергией вакуума" [там же, 221]. По расчетам, опубликованным в 2001 году, вклад "вакуумной энергии" в общую массу Вселенной оценивается в 62% [80], что удивительно близко к "золотой пропорции". Напомним, что термин "вакуум" справедливо многими физиками воспринимается как синоним термина "эфир". Характерно в этом отношении высказывание известного советского физика Д.И. Блохинцева: "...то, что в физике считали пустотой, на самом деле является некоторой средой. Назовем ли мы ее по-старинному

"эфиром" или же более современным словом "вакуум", от этого суть дела не меняется..." [8, с. 393].

В последнее время стали появляться работы, в которых показывается возможность объяснения гравитационных сил не через взаимодействие космических тел, а, например, через давление эфира, имеющего разную плотность в разных направлениях от объекта [60]. Если со временем подобного рода теории получают подтверждение, то представление о роли сред и объектов поменяется радикально. Окажется, что решающую роль в жизни Вселенной играет эфир – первичная среда, а объекты являются всего лишь результатом "дыхания Брахмана" – сложной внутренней жизни эфирной среды Вселенной. Причем это дыхание дает силы "танцу Шивы", и эта идея гармоничного источника всего объектного мира подтверждается современными исследованиями [59].

"В ночь Брахмана природа сохраняет неподвижность и не может танцевать до тех пор, пока этого не захочет Шива; вот Он восстает из Своего экстаза и, танцуя, посылает в неподвижную материю волны пробуждающего звука, и – чу! – материя тоже начинает танцевать, окружая Его венцом вечной славы. Он поддерживает существование многообразных явлений природы. По исполнении времени, все также продолжая танцевать, Он уничтожает в огне все формы и имена и снова отдыхает. Это поэзия и не меньшей мерой – наука" (цит. по [35, с. 253]).

Некоторые физики, осознавая принципиальные проблемы современной парадигмы, стали отходить от традиционного подхода к пространству как к пустому вместилищу сред. Так, например, Ф. Капра предполагает в своей книге "Дао физики", что "...параллели с восточными мистическими учениями обнаруживаются не только в физике, но и в биологии, психологии и других науках. Изучая взаимосвязи между физикой и этими науками, я обнаружил, что понятия современной физики могут быть перенесены и в другие области с помощью теории систем. Изучение понятие "системы" в биологии, медицине, психологии и общественных науках... показало, что подход с позиций теории систем значительно усиливает параллели между современной физикой и восточным мистицизмом" [35, с. 14].

В книге "Голографическая Вселенная" Талбота все пространство Вселенной рассматривается как общая среда, обладающая голографическими свойствами. "Главными творцами этой удивительной идеи являются два выдающихся мыслителя нашего времени: Дэвид Бом, профессор Лондонского университета, любимый ученик Эйнштейна, один из наиболее выдающихся специалистов в области квантовой физики, и Карл Прибрам, нейрофизиолог при Стэндфордском университете, автор книги "Языки мозга" – классического труда по нейропсихологии. Работа в различных областях науки, Бом и Прибрам пришли к сходным выводам" [73, с. 9]. Главное для нас в этих выводах заключается в том, что на первое место в картине Вселенной выходит не разделение мира на объект и среды, а признание целостности и того и другого:

"Наиболее захватывающим является развитие Бомом идей о полноте, или целостности (wholeness). Поскольку все в космосе состоит из непрерывной голографической ткани, пропитанной имплицативным порядком, бессмысленно, согласно Бому, говорить о вселенной, состоящей из "частей"; так же бессмысленно было бы говорить о независимо существующих формах гейзера, выходящих из одной скважины. Электрон больше не является "элементарной частицей". Это просто имя, присвоенное некоторому аспекту голодинамики. Разделение реальности на части и затем присвоение имен этим частям всегда произвольно, всегда условно, поскольку элементарные частицы, как и всё во вселенной, существует не более независимо друг от друга, чем элементы орнамента на ковре... Бом не считает, что говорить о различии между "вещами" бессмысленно. Он просто хочет, чтобы мы постоянно сознавали, что различные аспекты голодинамики, т.е. так называемые "вещи", – всего лишь абстракция, способ, с помощью которого наше сознание выделяет данные аспекты" [73, с. 62–63].

В такого рода моделях уже нет места простому перемещению объектов в пустоте. Вселенная целиком и практически мгновенно реагирует на все происходящее в самых удаленных своих местах, реагирует не через взаимодействующие объекты, а через среду. Более того, в подобных моделях сре-

да выступает уже как главное действующее начало всех событий. Это в корне меняет акценты в картине западного мироздания, поэтому авторы такого рода концепций, прекрасно понимая чуждость их для западной культуры, ищут поддержку в восточных метафизических учениях. Недаром книга Ф. Капры получила такое восточное название – "Дао физики".

Мы видим, что западная наука медленно начинает осознавать, что построенная ею картина мира весьма условна, что это только часть грандиозного полотна картины природы. И поэтому западная физика начинает постепенно разворачиваться в сторону сред.

Одним из примеров, подтверждающих целостную реакцию всей материи Вселенной на любые происходящие в ней события, является история с мысленным экспериментом 1935 года Эйнштейна-Розена-Подольского [96, с. 604–611]. Реальные эксперименты 1982 года А. Аспекта, Ж. Далибара и Ж. Роже из Оптического института Парижского университета показали, что "...два объекта, разделенные многометровым расстоянием и никак между собой не связанные, тем не менее "чувствуют" присутствие друг друга. Их поведение поразительным образом скоррелировано, так что измерения, выполненные над одним из них, мгновенно влияют на результаты измерений, выполненных над другим. Этот вывод невозможно объяснить с точки зрения классической науки..." [90, с. 22]. При этом "до сих пор остается неясным, каким образом физически осуществляется механизм "дальнодействия"" [98, с. 139–140]

Но несмотря на наличие физических экспериментов, подтверждающих целостность Вселенной и превосходство среды (эфира) над отдельными объектами, западная наука в целом не может сразу принять этот восточный подход к миру. Поэтому первая реакция на теории Бома и Прибрама на Западе была резко отрицательной [73], и до сих пор их концепции подвергаются постоянной критике и не принимаются официальной наукой. Подобного рода прозрения и прорывы к пониманию глубинных основ природы свойственны пока, увы, лишь единицам. Ибо Запад по-прежнему стоит на фундаменте, в основу которого положена доминирующая над средами роль объектов.

Причем, кстати, вопреки очевидным выводом из наблюдений за окружающей природой.

Так, если мы из микромира и космоса переместим свое внимание на окружающий нас мир, то и в обыденной человеческой жизни на земле на самом деле доминируют среды, а не объекты. Над головой у человека – воздушный океан, большая часть поверхности планеты занята мировым океаном. Почва под ногами, лес, поле – все это среды, а не объекты. Достаточно просто посмотреть некоторое время в иллюминатор летящего самолета, чтобы очень ясно ощутить, что в природе среда доминирует над городами, набитыми объектами. Города на поверхности земли сверху выглядят как редкие островки в пространстве полей, лесов и океанов. Но поскольку жизнь европейского ученого проходила по большей части именно внутри этих островков, то его в первую очередь интересовали именно объекты, а не среды (*рис. 7*).

Поворот в западной науке к пониманию истинной роли сред в жизни Вселенной только начался. Пока же в европейской научной цивилизации общепризнанным является представление о мире, в котором доминируют объекты. А в том случае, когда между ними нет прямого контакта (границами тел), то было принято предположение, что это взаимодействие передается с помощью неких гипотетических полей через пустоту. Космические тела взаимодействуют друг с другом на гигантских расстояниях через гравитационное поле, атомы – с помощью электромагнитных сил, и это определяет структуру и свойства тел. Нуклоны взаимодействуют сильными полями, элементарные частицы на субмикрорурвне – через слабые поля.

Впрочем, постепенно эту абстрактную полевую концепцию стали "объективизировать", пытаясь свести все к взаимодействию за счет обмена различного рода специальными микрообъектами – частицами. Эти обменные частицы были обнаружены в экспериментах, но так и не удалось обнаружить частицы, передающие гравитацию. Именно потому, что не удается до сих пор найти какие-либо специальные частицы (гравитоны), так и не построена единая теория поля. Кстати, автор полагает, что такими частицами являются как раз максимоны (10^{-33} см), обнаружить которые в ближайшей перспективе нереально потому, что на современ-

Рис. 7. Известная картина Дюрера «Св.Иероним в келье», 1514, изображающего ученого эпохи Возрождения.

ных ускорителях удалось добраться лишь до масштабов не меньше 10^{-17} см. И здесь опять же стоит напомнить, что любая среда состоит из объектов, следовательно, в своем стремлении свести все взаимодействия к объектным западная наука частично права. Ведь вопрос о том, что перед нами – среда или объекты, как уже упоминалось, существенно зависит от выбора масштабной координаты для рассмотре-

ния. Поэтому для протонов эфир, состоящий из максимонов, – это среда, поскольку размеры частиц эфира на 20 порядков меньше размеров протонов. Но если рассматривать механизм возможного воздействия такой среды на протоны, то вполне применим подход, в котором они передают свое возмущение через сумму единичных ударов максимонов [60]. Западная наука непоследовательна в том плане, что исключает из рассмотрения такую важную среду, как эфир. И она не права в том плане, что рассматривает взаимодействие космических тел без участия этой среды. А если и допускает участие эфира, то как некоей абстрактной полевой силы, не имеющий элементного состава и таких физических характеристик, как, например, плотность.

Таким образом, в картине Вселенной, построенной западной цивилизацией, доминируют объекты, и взаимодействие между ними также передается через объекты – специальные частицы. Несколько особняком в этой картине стоит лишь гравитация, которая является результатом воздействия на объекты искривленного пространства, искривленного именно потому, что в него опять же помещены объекты. Эфира как всеобщей среды Вселенной в этой картине уже нет. Великая пустота космоса – это грандиозная идея-фикс, которая принадлежит И. Ньютону, но великая *искривленная пустота* А. Эйнштейна – это уже нечто за пределами простого понимания¹³.

Итак, мы видим, что Вселенная современного Запада – это мир объектов, которые движутся по своим законам в великой пустоте. Это можно сравнить с футбольным полем, по которому бегают игроки. Само поле – лишь равнодушный фон для их действий.

---

¹³ Впрочем, за пределами понимания остается не только эта картина А.Эйнштейна, но и многое другое. Мы видим, что современные ученые, создав абсурдную картину природы, искренне считают, что эта картина – реальность, а не плод их абстрактных фантазий. Так, словно подхватив эстафету от художников-модернистов XX века, физики, глядя на красочно-бессмысленный пейзаж Вселенной, изображают его в своих теориях столь же непонятно, хаотично и непохоже, как это делают абстракционисты. Но если художники при этом говорят, что это их внутреннее индивидуальное восприятие природы, то современные физики-"абстракционисты" идут гораздо дальше, утверждая, что такова именно сама природа.

Но не Европа изобрела мир доминирующих объектов, она лишь приняла эстафету через античность от одной из первых цивилизаций – древнеегипетской. Анализ показывает, что первые четыре цивилизации по-разному строили свои системы, используя мир объектов и мир сред в зависимости от своего расположения в некоторой высшей матрице.

Таблица 2

**Матрица систем первых четырех цивилизаций,
построенная на паре "объект-среда"**

	<i>Запад</i>	<i>Восток</i>
<i>Доминирующая категория</i> →	Объект	Среда
Объект	Древний Египет	Индия
Среда	Месопотамия	Китай

Две первые западные цивилизации – Египет и Месопотамия во главу своих систем поставили мир объектов, две первые восточные цивилизации – Китай и Индия мир сред. При этом чисто объектный мир построил Древний Египет, а мир "чистых" сред – Китай. Две другие цивилизации строили свои системы на смешанной основе. Разница между месопотамской системой и индийской в том, что в первой доминируют над средами объекты, а во второй – наоборот, среды над объектами.

Причем последовательность возникновения первых цивилизаций иллюстрирует сложность их системных основ. Если согласиться с интуитивно очевидным предположением, что объекты лучше поддаются научному описанию и изучению, чем среды, то становится понятным, почему первыми зародились цивилизации Запада, и именно в такой последовательности – Египет, Месопотамия. Древний Египет строил свою Систему на паре "объект-объект", Месопотамия в основание положила более сложную пару – "объект-среда". Третьей возникла научная цивилизация Китая, создавшая уникальную Систему без объектов, основанную на паре "среда-среда". И замыкает эту первую четверку цивилизаций Индия, в которой Система выстроена на паре "среда-объект".

Эта на первый взгляд, казалось бы, абстрактная и простая матрица – на самом деле системный ключ к пониманию базисных свойств культуры четырех первых цивилизаций. А если учесть рассмотренную в предыдущем разделе разнонаправленность их познания мира (вертикальное или горизонтальное направления), то общий системный фундамент первых четырех цивилизаций приобретает законченный и полный вид, в котором разнообразные сочетания основных категорий не повторяются.

Таблица 3

Матрица систем первых четырех цивилизаций, построенная на базе пары "объект-среда" с учетом векторов познания (вертикаль и горизонталь)

	<i>Запад</i>		<i>Восток</i>	
<i>Доминирующая категория →</i>	Объект	<i>Вектор</i>	Среда	<i>Вектор</i>
Объект	Древний Египет	⌋	Индия	⌋
Среда	Месопотамия	⌋	Китай	⌋

Таким образом, каждая из четырех первых цивилизаций в основе своей системы имела различный набор доминирующих категорий:

Древний Египет – пара "объект-объект" в горизонтальной плоскости бытия.

Месопотамия – пара "объект-среда" в вертикали бытия.

Китай – пара "среда-среда" в горизонтальной плоскости бытия.

Индия – пара "среда-объект" в вертикали бытия.

Наша задача показать в следующих разделах, к какому принципиальному различию в религии, науке и социальной жизни привело эта фундаментальная разнонаправленность четырех первых цивилизаций.

Глава 3.

ПЕРВИЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА

В соответствии с нашей классификацией [69], Китайский цикл длился с 1000 г. до н.э. по 1000 г. н.э., а Индийский цикл с 500 г. до н.э. по 1500 г. н.э. Оба цикла создали свои оригинальные картины мира, которые дошли до нас в первую очередь в философских и религиозных системах. К сожалению, научная часть этих двух великих восточных картин мира начала полноценно открываться перед изумленным Западом лишь в конце XX в. Скорее всего, потеря исторического знания о развитии собственной науки в Китае и Индии обусловлена тем, что обе цивилизации завершили свое научное развитие многие сотни лет назад, после чего вступили в фазу стагнации и старения, что всегда приводит к резкому снижению уровня научного восприятия мира. Современное представление о китайской и индийской науке – видимо, лишь разрозненные фрагменты некогда грандиозного научного полотна Востока. Более того, эти фрагменты западная наука оценивает исключительно через призму собственных представлений о методологии познания и принципах мироустройства, что, естественно, их существенно искажает.

Подобный провал научного уровня – типичное явление для любой локальной цивилизации, закончившей свое развитие, яркий пример – так называемые темные века средневековья. Европа узнала об античности лишь в эпоху Возрождения, да и то благодаря тому, что труды греческих и римских ученых переводили с арабского евреи. Можно предположить, что возрождение древней науки Китая и Индии еще нас ждет в XXI в. И лишь после того, как будет восстановлена научная картина мира этих великих цивилизаций древнего Востока, можно будет дать полный сравнительный анализ их философских систем. В настоящее же время мы вынуждены пользо-

ваться отрывочными научными сведениями, которые во многом придется подкреплять косвенными данными из религии и других областей культуры.

Если в целом попытаться обрисовать наиболее яркое отличие между картинами мира Китая и Индии, то в первую очередь оно заключается в *перпендикулярности* их пространственных ориентаций во Вселенной. Картину мира Китая формирует горизонтальный вектор, который создает плоскую панораму земного бытия, дополняющуюся всего лишь двумя иерархическими уровнями – Земли (нижний) и Неба (верхний). Главные события для китайцев происходят в плоскости, в первую очередь – социальной жизни.

Мир Индии совершенно иной – это вертикальный мир бытия, мир иерархической структуры Вселенной, мир, где у каждого человека, у каждого живого существа, у каждого предмета на Земле есть свое место на масштабной оси, которая, постепенно поднимаясь все выше, уходит в конечном итоге в бесконечность высшего Брахмана. А вниз эта ось ведет через все более мелкие структуры в мир атомов, в мир мельчайших частиц бытия.

Безусловно, полный системный анализ мира должен включать как вертикальное, так и горизонтальное направление исследований. Но мы исходим в данной работе из гипотезы о параллельном развитии первых четырех цивилизаций, следовательно, предполагаем, что в это время шло раздельное изучение мира, что эти два пути в двух цивилизациях развивались в их "чистом" проявлении, предельно различающемся и "перпендикулярном". Можно поэтому говорить о комплексном пространстве мировоззрений Индии и Китая, как о подобии комплексного пространства в математике⁽¹⁴⁾.

Нет другой такой цивилизации в мире, для которой бы так мало значила земная жизнь человека и такое грандиозное значение имело бы бесконечное бытие его души, как цивили-

---

¹⁴ Безусловно, на практике никогда не бывает ничего в "чистом" виде, поэтому в философской системе Индии есть элементы горизонтального анализа, как и в мировоззрении Китая есть элементы вертикального.

зация Индии. Отсюда идея реинкарнации – бесконечных перерождений души, отсюда сложная иерархия богов и демонов, отсюда такое огромное значение, которое индийская философия придает тому, что будет с человеком после его смерти, и тому, с какой кармой, с каким наследием приходит его душа в земную жизнь. Иерархическая ось мира – вот главное пространственно-временное измерение Индии, ее основополагающая системная сущность, которая дает нам ключ к пониманию всего разнообразия религиозных, научных, философских и социальных систем этой цивилизации.

Нет другой такой цивилизации в мире, которую бы так мало интересовало иерархическое устройство Вселенной, как цивилизация Китая. Именно поэтому в Китае практически никогда не было настоящей религии, не было понятия Бога, конфуцианство – это социальная философия, а буддизм пришел из Индии. Образ Китая – это человек, который трезво смотрит вокруг себя, анализируя устройство социального и физического мира. А если этот мир перестанет его интересовать, он отвергает его целиком, без каких-либо попыток подняться выше или из страха перед падением вниз. Он превращается в даосского философа или буддиста. Первый отвергает социальный мир, признавая важность лишь природы вокруг себя, второй отвергает и природу. Но оба не ищут выхода в движении по иерархической шкале ценностей мира, как это делается в Индии, ибо она не существует для Китая.

Второй специфической особенностью двух цивилизаций, которая их существенно различает, является их место в матрице "объекты-среды". Китайская Система – это уникальный мировоззренческий эксперимент, когда вся картина мира исходно строится на взаимодействии двух сред – *дао* и *дэ*. А там, где невозможно игнорировать объектный мир, китайские философы низводят его до соотношения принципов, в первую очередь до Инь и Ян. Объектный мир в Китае заменяется системной матрицей основных принципов, которые суть отражение тех же двух неопределенных сред в ментальной картине мира.

Безусловно, кроме этих двух принципиальных системных различий между двумя цивилизациями можно выявить и множество других, и на некоторых из них мы впоследствии еще остановимся. С другой стороны, кроме различия

есть и нечто общее – целостное восточное восприятие мира, опора на правое полушарие. Обе цивилизации, несмотря на их громадное различие, имеют иррациональную основу, хотя и проявляющуюся очень различно.

3.1. Вертикальный иерархический мир Индии

Божественный мир

Если в основу мировоззрения положена вертикальная иерархическая ось мира, то невозможно, поднимаясь по ней все выше и выше, не прийти в конечном итоге к идее единого разумного Бога. Если, конечно, предполагать, что миром управляет не хаос, а закон. А то, что миром управляет закон, древний индеец, анализируя мир вокруг себя, не мог не заметить. Да, иногда в мире воцаряется беспорядок – ураганы, землетрясения, смерчи, засухи, наводнения и прочие земные стихии время от времени нарушают закономерный ход бытия. Но при этом Солнце регулярно появляется на небе, Луна периодически меняет свой внешний вид, звездное небо остается неизменным, деревья каждую весну распускают почки, животные и люди рождаются и умирают. Мир вокруг полон закономерных событий, которые явно доминируют над временным их нарушением в виде стихийных хаотических бедствий. А поскольку, как уже отмечалось, философская система Востока основана на целостном восприятии мира, то все эти мелкие закономерные события не могли не восприниматься иначе, как проявление некоего **общего вселенского закона бытия**, который получил в Индии название *дхармы*. Дхарма – это не Бог, это некий разлитый и невидимый явленному миру закон, своего рода "среда закона", если хотите – примерный аналог Духа Святого в христианстве. Исполнение дхармы может быть приписано некоему антропоморфному высшему божеству, Брахману, но это всего лишь подмена истинной сути, необходимая для упрощенного восприятия:

"Состоящему из мысли, недвойственному, лишенному частей, бестелесному **Брахману приписывают образы ради нужд поклоняющихся** (выделено мной. – С. С.).

Богам, наделенным образом, приписывают мужской и женский пол, члены, оружие и прочее;

Говорят, у них две, четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать, шестнадцать,

Восемнадцать рук, наделенных раковинами и прочим.

Им приписывают также тысячи внутренних свойств, цвета, повозки..."

[76, с. 235].

Западному мышлению почти невозможно вместить в своем мировоззрении картину, в которой на первом месте стоит среда, а не объекты, так как оно основано на приоритете объектов над средой. Восточное же мировоззрение – наоборот, на первое место ставит среды (во всех их проявлениях), а на второе, подчиненное, – объекты. В восточном мировоззрении объекты рождаются из сред, как результат их активности. Поэтому объектный мир Востока всегда неоднозначен, размыт, до конца не определен, он скорее похож на миражи, чем на жесткие и четкие статуи из Египта. Именно поэтому попытки воспринять глубоко восточную философию, по признанию многих выдающихся западных мыслителей (см. выше), приводят к нарастающей растерянности, переходящей в пределе в ощущение собственного безумия.

Особенно явно доминанта сред проявляется в китайской Системе, которая основана на паре "среда-среда". Но это, как ни парадоксально, и упрощает ее восприятие западным человеком по сравнению с индийской, ибо он воспринимает ее как некую *условную формальную* схему, а не как картину, описывающую реальный мир. Запад воспринимает все эти *дао* и *дэ*, *инь* и *ян* всего лишь как принципы, понятия, а не реальные объекты или процессы, а принципы и не претендуют на реальность.

В Индии же западного человека сбивает с толку то, что здесь везде присутствуют объекты, индийская Система насыщена множеством конкретных героев, которые играют заметную роль во всех процессах. Боги и герои Индии описаны столь же реально, как боги и герои Запада. Они имеют плоть и кровь, они могут умирать, воскрешаться, радовать-

ся и страдать. Но при этом все они – лишь проявление некоей всеобщей божественной среды, поэтому расплывчаты и неоднозначны:

"...Ведийские божества... смутны и безличностны и поэтому с большим трудом поддаются какой-либо классификации... Все они подчинены некоей магической потенции, которая распределена в определенных пропорциях между богами, людьми, животными, растениями и прочими феноменами видимого мира. Этим, между прочим, объясняется и тот факт, что древние индийцы не проводили кардинального различия между живой и неживой природой (камень – тоже живой), между абстрактным и конкретным, между сном и явью и т.д. Точно так же в одну группу попадали люди и животные, вещи и живые существа и т.п." [3, с. 65].

Картина мира Индии наполнена множеством различных объектов, в ней рассматриваются звезды и планеты, люди и животные, весь тот реальный мир, который видит и западный человек. Но все эти объекты, начиная от атома и заканчивая богами, обладают непостижимым для Запада свойством – превращаться в некие волшебные сущности, менять непредсказуемо свой облик, растворяться и возникать заново из ничего. Они скорее похожи на НЛО, чем на реальные вещественные сущности. НЛО могут неожиданно возникнуть и также неожиданно исчезнуть, они мгновенно перемещаются в пространстве, они бестелесны и безынерционны. Боги Индии многолики и многоруки, они имеют несколько воплощений, причем совершенно разных... Они превращаются мгновенно в свою противоположность, да и по большому счету, как объявил Будда, их нет. По моему убеждению, главная причина такого отличия описания объектов в Индии от западного описания в том, что сущности воспринимаются там как всего лишь проявление некоей первичной среды. Как правило, от внимания западного аналитика ускользает тот факт, что боги-объекты Индии вторичны, они порождаются божественными средами и управляются ими. Поэтому к их внешнему облику и характеристикам индийская мысль относится с некоторой долей небрежности, ведь они находятся в текучем состоянии перманентной изменчивости. Эту осо-

бенность – текучесть объектного мира Индии – мы рассмотрим подробно дальше в специальном разделе.

Таким образом, мир у индийцев рождается из одной первичной среды и лишь затем постепенно объективизируется, разделяется на конкретные "отдельности". Так появляются верховные боги:

"В метафизическом плане все три бога – и Брахма, и Вишну, и Шива – являются эманациями единого *Брахмана* и диалектически дополняют друг друга. Более того, эти три функции Брахмана неразделимы и не могут существовать во Вселенной друг без друга...

Брахма, Вишну и Шива являются самыми мощными энергиями Бога. Далее следуют меньшие боги, затем духи, затем люди, затем животные, птицы, насекомые и растения; чем дальше они расположены от своего первоисточника, тем они слабее" [30, с. 159].

Причем следует особенно отметить, что нарастающее разнообразие мира, берущее свой исток из первичной среды – Брахмана, трансформируется в Индии одновременно в физические среды и объекты и божественные среды и объекты (богов). И эти лавинообразные процессы образуют в конечном итоге две взаимосвязанные иерархические пирамиды – природную и божественную. Каждая из пирамид практически бесконечна, но рассмотрим вопрос, почему они именно иерархичны.

На первый взгляд вертикальный взгляд на мир как бы автоматически должен приводить к иерархическому его восприятию. Но это далеко не так. Вертикаль сама по себе еще не означает власти верхнего уровня над нижним. Она становится иерархической лишь при условии, что мир воспринимается как Целое изначально и всегда, а это свойственно только иррациональному мышлению Востока. Рациональное же мышление Запада, даже если оно признает некое Первоначало (например, первичную точку, из которой в результате Большого Взрыва родилась Вселенная), впоследствии приходит к картине, в которой каждая часть "взорвавшегося мира" всего лишь отдельный осколок, не связанный с другими осколками (фрактальность и голографичность – не синони-

мы). Точка, хотя и первична, не является господином материального мира. И на Западе рождается своеобразный образ Творца (или Бога-подрывника современной космологии), который, создав этот мир, в дальнейшем устранился от управления всеми процессами, предоставив миру развиваться самостоятельно. Разница при этом между западным креационизмом и западным материализмом лишь в том, что в религиозной картине мира на Западе есть Бог, который создал мир и время от времени вмешивается в его события, но при этом остается вне мира, трансцендентен ему, а в материалистической картине объект, из которого порождаются все части мира, исчезает (первичная точка), а его осколки подчиняются лишь абстрактным законам, но не имеют целостной связанности. Эта идея долгое время доминировала на Западе, особенно, после открытия предельности скорости света, но в последние десятилетия, в результате обнаружения связанности физического мира (эксперименты, парадоксы Эйнштейна-Бозе-Подольского), она стала подвергаться переосмыслению, и на Западе стали гораздо более внимательно рассматривать альтернативную картину, приходя в отдельных случаях к выводу, что восточная философия гораздо лучше отражает суть реальности (см. главу 7).

Совершенно по-другому строится картина мира на Востоке, где доминирует иррациональное интуитивное восприятие. Здесь связь между порождающим мир началом и его продолжением не разрывается ни на мгновение. Поэтому очевидно, что порождающее начало оставляет за собой право на управление тем миром, которое оно создает. Логичный вывод, который должен был сделать древний философ Индии, анализируя вертикальную и целостную структуру мира, заключается в том, что управление миром, как и в обществе, невозможно напрямую. Воля царя опосредованно направляется в его царстве через несколько ступеней перераспределения власти. И точно так же опосредованно воля высшего божества объемлет все части мира. И поскольку картина индийского мира изначально была иерархичной, то постепенно вся божественная картина стала такой же иерархичной. В этой иерархии за Брахманом идут Брахма, Вишну и Шива, а они "расслаиваются" в огромную пирамиду, в которой (в это трудно в это поверить, но это так) спе-

циалисты насчитывают 333 миллиона (!) богов [30, с. 158]. Но это невероятное разнообразие Индии не затмевает ни на мгновение истинного значения богов – все они лишь эманации первичной среды, которую лишь *условно* описывают как некоего антропоморфного бога – Брахмана. Поэтому упомянутое выше огромное число богов – условность, на самом деле их **бесконечно много**, а то, что индуисты насчитали их "всего лишь" 333 миллиона, – это следствие их естественной ограниченности в счете. И поэтому нет смысла искать причину, по которой богов в Индии именно 333 миллиона, а не, допустим, 555 миллионов.

Когда же родилась идея иерархичности мира в Индии? Судя по всему, еще в самом начале формирования философской системы Индии, в период упанишад. Приведем несколько цитат:

"Поистине, вначале все было одним Брахманом. Будучи одним, он не расширялся. Он сотворил еще лучший образ: *кшатру* – тех, кто кшатрии среди богов: Индру, Варуну, Сому, Рудру, Парджанью, Яму, Мритью, Ишану. Поэтому нет ничего выше *кшатры*.

...Все же он не расширялся. Он сотворил виш – те породы богов, которые обозначаются по группам: *васу, рудры, адити, вишведевы и маруты*". [75, с. 76]

Итак, первичный бог – Брахман. Напомним, что он – безликая вселенная. Сначала Брахман создает восемь высших богов, но опять же это всего лишь образ – *кшатра*; затем он создает низших богов (*виш*), которых при этом создаются не поодиночке, а породами и разбиты по группам. Эти группы постепенно расслаивались на подгруппы, и в Индии становилось все больше богов.

Чтобы спастись от этого бесконечного умножения разнообразия, брахманы напоминали время от времени, что оно весьма условно. Для этого они описывали обратную процедуру "стягивания" множества богов к Единому:

"...Сколько существует богов?". "...Три и три сотни, и три, и три тысячи". ..."Так... каковы эти три и три сотни и три и три тысячи?".

Он сказал: "Это – лишь их проявления, в действительности же богов – тридцать три". – "Каковы эти тридцать три?" – "Восемь *васу*, одиннадцать *рудр*, двенадцать *адитьев* составляют тридцать один; с Индрой и Праджапати – тридцать три".

"Каковы *васу*?" – "Огонь, земля, ветер, воздушное пространство, солнце, небо, луна, звезды – таковы *васу*...".

"Каковы *рудры*?" – "Это десять органов жизнедеятельности в *пуруше* и одиннадцатый – Атман. Когда они выходят из этого смертного тела, то заставляют нас плакать".

"Каковы *адиты*?" – "Поистине, двенадцать месяцев года – это *адиты*. Ведь они проходят, унося все это".

"Каков Индра? Каков Праджапати?" – "Гром – это Индра, жертва – Праджапати". – "Каков гром?" – "Удар молнии". – Какова жертва?" – "Жертвенные животные".

"Каковы эти шесть?" – "Огонь, земля, ветер, воздушное пространство, солнце, небо – таковы шесть. Ведь все это составляют шесть".

"Каковы эти три бога?" – "Эти три мира, ибо в них существуют все боги". – "Каковы эти два бога?" – "Пища и дыхание". – Каков один с половиной?" – "Тот, кто дует...".

"Каков один бог?" – "Дыхание. Он – Брахман, его зовут: То". [75, с. 107–108]

Здесь мы видим удивительную процедуру, обратную иерархическому расслоению, – сжатие иерархического множества в единое целое, в "То". Все тысячи богов – разновидности тридцати трех, но и 33 бога вполне помещаются в более компактную и упрощенную систему. А главным является бог вселенского дыхания – Брахман. Тот факт, что для индийского философа первопричиной возникновения объектного мира является дыхание Вселенной, имеет глубочайший физический смысл (см. главу 7). К выводу о том, что "дыхание" мира является определяющим его свойством, Запад пришел многими веками позже Индии, лишь в середине XX в., когда возникло представление о пульсирующих вселенных, в которых фаза расширения закономерно сменяется фазой сжатия.

В более поздней стадии развития индуизма вершина божественной пирамиды становится более четко выраженной,

а остальные божества теряют свою значимость на их фоне и остаются, как правило, за рамками традиционного религиозного учения:

"Индуизм признает триаду главных богов – *тримурти* ("имеющий три формы"), которую составляют Брахма, Вишну и Шива. Иногда тримурти изображается тремя головами этих богов на одном теле и **в такой форме выражает различные космические функции и аспекты** (выделено мной. – С. С.) единого Брахмана. Вишну представляет в этой божественной триаде принципы добра, справедливости, истины, света и милосердия (*саттва-гуна*), а также центростремительные силы, сохраняющие единство мира в период его существования. Шива олицетворяет центробежные силы упадка, распада, разрушения и мрака (*тамас-гуна*), а Брахма, бог-демиург, творец вселенной, отец богов и людей, – принцип активной, творческой энергии (*рад-жас-гуна*).

Несмотря на то что Вишну и Шива олицетворяют в тримурти оппозиционные силы и тенденции сохранения и разрушения мира, они не являются антагонистами, хотя в мифах часто соперничают друг с другом в утверждении собственного превосходства. В метафизическом плане все три бога – и Брахма, и Вишну, и Шива – являются эманациями единого Брахмана и диалектически дополняют друг друга. Более того, эти три функции Брахмана неразделимы и не могут существовать во вселенной друг без друга.

Огонь, горящий в одной точке, распространяет вокруг себя свет и тепло. Поэтому мир есть не что иное, как проявленная энергия высшего Брахмана. И так же как чем ближе к огню, тем ярче его свет и сильнее жар, так и энергия Высшего в большей или меньшей степени выражена в существах в зависимости от их близости к Нему. Брахма, Вишну и Шива являются самыми мощными энергиями Бога. Далее следуют меньшие боги, затем духи, затем люди, затем животные, птицы, насекомые и растения; чем дальше они расположены от своего источника, тем они слабее.

При всем этом тримурти является весьма искусственным теоретическим построением, так как в реальной религиозной практике самостоятельные культы Вишну и Шивы

не ограничиваются отведенными им ролями Спасителя или Разрушителя. И тому и другому, как говорилось, поклоняются как Высшему Богу, обладающему **всеми** божественными атрибутами и функциями... Исключение составляет только Брахма, который никогда не был популярным богом..." [30, с. 158–160].

Божественный мир индуса – это вектор наверх, к высшему божеству. Но есть и вектор вниз – в темные глубины хаоса и мрака, путь в ад. На этом пути можно найти множество демонов и бесов, число и разнообразие которых неисчислимо. Особенно ярко и образно этот бесконечный "нижний" мир демонов описан в "Махабхарате" – Главной книге индийской цивилизации.

Сын Дроны Ашваттхамана решил отомстить за смерть своего отца, напасть на победителей ночью, пока они спали, но ему путь преградил Вишну. Тогда он обращается за помощью к богу разрушения и смерти Шиве:

Теперь обращаюсь я к Шиве с мольбою:
"Лишь ты мне поможешь бороться с Судьбою!

Гирляндой из черепов ты украшен,
И всем, пребывающим в скверне, ты страшен!

К стопам припадаю ревущего Рудры:
"Лишь ты мне поможешь, всесильный, премудрый!

Я в жертву тебе отдаю свое тело,
Но дай мне свершить свое трудное дело!"

Сказал он – и жертвенник жарко зажегся
Пред мужем, который от жизни отрекся!

Возникли сиянья различного цвета,
Наполнились блеском все стороны света.

И твари явились – престрашны, премноги,
И все многоруки, и все – многоноги,

А те – многомордны, а те – многоглавы,
А эти плешивы, а эти кудрявы.

...Одни – рукоухи, другие – стобрюхи,
А третьи – как будто бесплотные духи,

Далее описывается невероятное количество самых фантастических чудищ, что свойственно именно для пышного индийского эпоса. Сравнивая это с лаконичной строгостью христианства или ислама не устаешь удивляться огромному различию в фантазийной структуре западной и индийской мифологии.

В руках у них палицы, луки и копья,
И всюду – подобья, подобья, подобья!

Весь мир оглушая и воплем и визгом,
Один – с булавой, а другой – с грозным диском,

Все с хохотом, с грохотом, с плясом и топотом, –
Они приближались к воителю скопом,

Желая вселить в Ашваттхамана гордость,
Узнать его мощь, испытать его твердость,

Приблизилась к грозному Шиве вплотную,
Увидеть резню или схватку ночную [44, с. 258–259].

Пришествие чудищ, слуг Шивы, впечатляет своим беспредельным разнообразием. Причем главное действующее лицо всех предыдущих событий – бог Кришна, неожиданно оказывается лишь исполнителем воли более высоко стоящего божества – Шивы, который, приняв решение о неизбежности гибели главных героев, без каких-либо колебаний и сожалений приступает к их тотальному истреблению.

"Мне Кришна служил хорошо, терпеливо,

Свершил для меня много славных деяний,
Всех честных, безгрешных мне Кришна желанней.

Тебя испытал я, его почитая,
Сокрытье панчалов содеяла майя,

Но так как безжалостно Время к панчалам,
Пусть ночь эта будет их смерти началом!"

Так Шива сказал, – и вошел в его тело,
И меч ему дал, и земля загудела.

И, Шиву приняв в свое тело, сын Дроны
Тогда воссиял, изнутри озаренный.

Отныне он стал всемогущим в сраженье,
Приняв излученное богом свечение.

За ним устремились, рождаясь двойко,
Незримые твари и детища мрака.

К становью врагов приближался он смело,
Как Шива, который вошел в его тело!" [44, с. 260]

Вот и вся простая конечная правда жизни. Кем бы ты ни был, все равно умрешь и достанешься богу смерти.

"Пандавы, которые мести алкали,
Внезапно увидели черную Кали.

Был рот ее кровью густою окрашен
А стан – одеяньем кровавым украшен,

И крови теплее, и крови алее,
Гирлянды цветов пламенели вокруг шеи,

Она усмехалась на темной равнине.
Силки трепетали в руках у богини:

Она уносила в силках своих цепких
Богатых и бедных, бессильных и крепких,

И радостно смерти вручала добычу –
Породу людскую, звериную, птичью". [44, с. 265]

"И не было на поле счета убитым
Под бивнем слона и под конским копытом.

Шли ракшасы за победителем следом:
Большая добыча была трупоедам!

И бесы, увидев побоище это,
Наполнили хохотом стороны света". [44, с. 267].

"...Великое множество бесов плясало,
Наевшись и костного мозга, и сала.

Их были мильоны, мильоны, мильоны,
Их злу ужаснулся весь мир потрясенный" [44, с. 271].

Мы видим, что индийская фантазия не скупится на разнообразие и количество бесов – "мильоны, мильоны...". Практически их количество бесконечно, причем все они конкретны и своеобразны, это не одинаковые черти христианства.

Мир человека и социальное устройство общества

Итак, во всех системах индуизма, начиная с упанишад, присутствует одна и та же особенность – устремленность в вертикальное пространство потустороннего мира. Следовательно, путь изначальной души (Атмана) – сложное восхождение по вертикали этого мира к Брахману, и она лишь временно проживает на земле в облике человека. При этом душа путешествует по земному иерархическому устройству весьма сложным образом и весьма долго, ибо она может быть воплощена как в травинку и насекомое, так и в человека, ведь земной слой и сам состоит из множества прослоек, и самая высшая из них – социальная.

В Индии издревле существует система из четырех каст. "Пожалуй, ни одно общественное явление в Индии не вызывало такого интереса и такого пристального внимания

ученых, как касты" [10, с. 162]. Причем совершенно ошибочно связывать касты с расами. "Материалы антропометрических обследований не подтверждают расовой теории возникновения варн... Правда, низшие, обычно неприкасаемые, касты антропологически отличаются от кастовых индусов, но племена, из которых произошли низшие касты, включились в индусскую социальную структуру уже после того, как система каст сложилась в тех районах" [10, с. 164].

Из последнего следует, что кастовая система сложилась изначально на базе системных представлений индийских мыслителей об устройстве общества. И в этой теоретической модели есть вполне понятная и простая логика, которая исходит из общей концепции. Если каждая душа совершает путь наверх к Брахману, изначально стартуя с какого-то нижнего слоя, например с растения, то, попав в мир людей, она оказывается в том слое, для которого она уже была подготовлена предыдущими рождениями. Чем больше воплощений, тем более зрелой становится душа, тем выше она поднимается в иерархии мира, в том числе и социальной. Именно этим индусы вполне логично объясняли тот очевидный факт, что разные люди рождаются с разными способностями, и то, что в разных слоях общества рождаются люди с разными уровнями талантов и склонностей. "Вследствие этого в индуизме сложилась не система "прав человека", а система "прав касты", когда социальная этика основывается исключительно на кастовой иерархии, и то, что позволено одним, категорически недозволительно другим" [30, с. 100].

Корни кастовой системы уходят в индуизм.

"Концепция иерархических каст теоретически поддерживается и индуистским учением о трех гунах – трех качествах, которые присутствуют во всех вещах. Это *саттва-гуна* – благородные качества света, истины и мудрости, способствующие духовному и нравственному развитию личности; *раджас-гуна* – активное начало, энергия и страсть, и *тамас-гуна* – мрак и инерция, т.е. то, что препятствует позитивному развитию. Применительно к человеку *тамас* направлен на удовлетворение чувств. Его цель – удовольствие, его характер – неведение. Если это свойство

контролируется, то говорят, что человек воздержан. *Раджас* – это эмоциональная энергия, возбуждающая желания. Она делает человека беспокойным и жаждущим успеха и власти; будучи подчиненной, она имеет благородный вид привязанности, жалости и любви. Она является промежуточной между *тамасом*, который ведет к незнанию и лжи, и *самтвой*, развивающей способность проникновения в Высшую Реальность. *Самтва* способствует постоянству характера и поощряет доброту. Только она способна вести человека по правильному пути.

Эти три качества (*гуны*) в различных пропорциях присутствуют во всех людях и благодаря взаимодействию между собой формируют характер человека, его темперамент, наклонности и способности, а также предопределяют его рождение в той или иной касте. Применительно к четырем сословиям *гуны* распределяются в следующих соотношениях: доминирующие качества брахманов – *самтва-раджас*, кшатриев – *раджас-самтва*, вайшьев – *раджас-тамас*, шудр – *тамас-раджас*" [30, с. 107].

С одной стороны, в Индии считается, что переход из касты в касту невозможен даже при перерождении души. Но этот социальный вывод входит в явное противоречие как с практикой, так и с более общей концепцией индуизма. "Несмотря на то что каста человека определяется его рождением и теоретически не может быть изменена, социально-кастовое движение вверх и вниз было возможно и происходило на протяжении всей истории. Человек мог **повысить или понизить** свой кастовый статус в результате заслуг или провинностей..." [30, с. 108].

Если углубиться подробнее в кастовое устройство, то оказывается, что сами касты расслаиваются на множество подуровней. Особенно хорошо это видно на примере высшей касты брахманов. "На самом верху находятся **гуру** и **пандиты** – харизматические личности, духовные лидеры и наставники, знатоки и учителя индуистской философии и теологии, специалисты по священному закону... Далее в брахманской иерархии следуют храмовые жрецы (*туджари*) и домашние жрецы (*турохит*)... Замыкают брахманскую жреческую иерархию жрецы-*патры*, специализирующиеся на совершении

посмертных обрядов... Сегодня большинство брахманов не являются жрецами. Они служат государственными чиновниками, работают юристами, учителями, врачами, военнослужащими, фермерами, поварами, водителями и пр... В настоящее время в Индии насчитывается около 1800 брахманских каст и подкаст, которые обладают различной степенью святости" [30, с. 113–115]. Вслед за брахманами идут кшатрии (царская знать, военачальники и воины), затем вайшьи – хозяйственники. "Традиционно основным долгом вайшьев считалось обеспечение экономического процветания страны, а главными сферами – земледелие, животноводство и торговля" [30, с. 119]. Еще ниже расположена каста шудр, которые составляют большинство рабочих, крестьян, ремесленников и мелких лавочников. "В рамках сословия шудр существует огромное количество низших каст и подкаст, члены которых даже между собой соблюдают ограничения относительно совместного принятия пищи и заключения смешанных браков... Вне рамок кастовой системы и, следовательно, за пределами индуистского общества находились все те, кто не принадлежал ни к одной из четырех Варн, так называемые *аварана* – неприкасаемые, или *панчамы* (пятые). Примечательно, что по примеру высших каст внутри неприкасаемых сложились свои касты и подкасты, различающиеся по положению. Более того, неприкасаемые имеют своих неприкасаемых, с которыми они не считают для себя возможным общаться" [30, с. 121].

Комментарии, как говорится, излишни. Если только в одной касте брахманов насчитывается около 2000 внутренних слоев, то вся кастовая система Индии представляет собой невероятно сложную иерархическую лестницу с тысячами (если не с десятками тысяч) ступеней. Нет ни одной другой культуры в мире, в которой можно было бы найти что-то хотя бы отдаленно похожее на социальную иерархию Индии. Этот факт – яркое свидетельство доминанты вертикального вектора в индийском мировоззрении.

При огромном множестве иерархических уровней в обществе Индия остается страной без социального движения в том смысле, что индийскую мысль в отличие от западной или китайской совершенно не интересует задача переделки структуры общества или справедливость его устройства. Ес-

ли вся история общества Запада – это история социального развития от общинного к капиталистическому обществу, это история развития всевозможных демократических и иных теорий и практик, социальных изменений, революций и потрясений, которые в конечном итоге развились до идей коммунизма, то в Индии никогда не менялась социальная структура и даже не было попыток придумать нечто иное, кроме существующих с древнейших времен кастовых уровней. Почему? Да потому, что согласно индийской точке зрения на мир, касты даны свыше – они проявление всеобщего иерархического принципа устройства Вселенной. Изменить их или отменить невозможно, как невозможно изменить иерархическую структуру Вселенной, соответственно нет никакого смысла думать о справедливости в обществе, которое устроено и так идеально. Остается лишь борьба внутри слоя между отдельными представителями за власть и лучшие условия. Но это – *личностная* борьба, которая направлена не на изменение устройства общества, а на выявление наиболее сильного в навечно сложившейся многослойной структуре. Индуса внизу не оскорбляет факт существования людей богаче его, а индуса наверху совершенно не мучает вопрос о том, поделится ему последней рубашкой с нищим или нет. Нищий стал нищим не потому, что общество устроено несправедливо (как часто думают на Западе), а потому, что эволюционный путь его души позволил ему в этой жизни родиться только нищим, следовательно, именно тут его место. И на своем месте каждый человек должен выполнять свою социальную роль. Если ты воин – должен сражаться, если крестьянин – работать в поле, если правитель – управлять и т.д. Об этом, в частности, в первую очередь говорит нам главная книга Индии – "Махабхарата". И если в Китае одним из наиболее развитых и влиятельных философских течений является конфуцианское учение, которое направлено на совершенствование качества управления обществом чиновничьего аппарата, то в Индии все совершенство управления определяется совершенством следования иерархического распределения и тем? что разрешено и что запрещено на каждом из уровней данной иерархии. Не развивать общество, а следить за строгим исполнением его вечных устоев – вот главный мотив социальных учений в Индии прошлого.

И лишь в последнее время эта многовековая традиция начинает постепенно размываться, особенно в городах.

Впрочем, несмотря на, казалось бы, четкую структуру кастового устройства жизни в Индии, в ней есть некоторые проблемы. Каждый человек рождается в конкретной касте и не может быть рожден в следующей жизни в другой касте. Но из этого главного принципа есть определенного рода исключения, поскольку допускаются смешанные кастовые браки (в основном только, когда мужчины высшей касты берет женщину из низшей касты). Кроме того, внутри касты есть множество подуровней, по которым путешествует душа при ее перерождениях. Поэтому кастовая предопределенность рождения – очень сложный вопрос для индийской философии. Ведь если душа каждого человека может развиваться только в пределах собственного кастового слоя, то это вступает в противоречие с общей концепцией о перерождении душ, в которой допускается не только переход души с животного уровня в человеческий, но иногда и обратная трансформация. Более того, отдельные отшельники не только могут приходить к людям, но и уходить в мир богов, сами боги воплощаются в людей [44]. Таким образом, несмотря на теоретический запрет рождения душ вне их кастового слоя, существует множество разного рода исключений, в которых души людей могут перемещаться не только внутри кастового слоя, но и уходить из него в мир животных и подниматься в мир людей. И в целом общая идея "лифта" душ в сложной иерархии мира оказывается более сильной, чем локальная доктрина о несмешиваемости каст.

Кроме кастовых различий в Индии действовали очень своеобразные правила управления государством. Принцип целостности, который отличает Восток от Запада, здесь проявлялся в полной мере:

"...Очень долго сохранялось традиционное, восходящее к далекой древности представление о единстве царя и царства, о царстве, являвшемся как бы телом царя, и об элементах государства как о частях (членах) его тела.

...Понятна и возлагаемая на царя главная задача – охрана страны и подданных. Если царь не мог обеспечить потерпевшему похищенного у него имущества, то должен был возместить убыток из своей казны" [10, с. 562–563].

Модель физического мира Индии

Индийскую науку практически не интересовала "география" в системном смысле этого слова, т.е. ей было безразлично взаимное расположение объектов относительно друг друга на одном уровне. Именно поэтому, как уже отмечалось выше, в Индии не развивалась и обычная география. Зато индусы придавали громадное значение внутреннему устройству каждого объекта от атома до Брахмана. А поскольку любой анализ индийский философ начинал с человека (с центра иерархической структуры Вселенной [59]), то его интересовали два главных вопроса – включенность каждого из объектов мира в иерархию высшего порядка и иерархическое устройство любого объекта. Отсюда же и огромный интерес к генезису мира и к его эволюции.

Взор наверх в иерархическом направлении привел к развитию индийской космологии, взор вдоль масштабной оси вниз, взглядывание в сущностную первооснову мира привел к появлению учения вайшешики. Анализ эволюции мира дал учение санкхьи. Таким образом, исследование материального мира в Индии также подчинялось иерархическому вектору, из которого вытекали и остальные направления, в частности, эволюционизм. "Характерной особенностью индийского материализма было признание сложности структуры и свойств атома и идея вечного движения в природе, которое не может остановиться, так как любое физическое явление связано с превращением материи, с переходом ее из одного качественного состояния в другое" [47, с. 46].

Размышления над иерархическим устройством мира начались, видимо, еще в ведический период, а корни древней космогонии Индии, нашедшие свое отражение в Ригведах, уходят в протоарийскую культуру [23, с. 31–32]. При устремлении индийской философской мысли вверх по иерархическому вектору она выстраивает многоуровневую вселенскую конструкцию. Вот как описывает мир ранняя брахманистская космологическая концепция:

"...Вселенная состоит из бесконечного множества сферических "галактик" (*чаккавала*), которые организованы в соприкасающиеся триады (в местах соприкосновения та-

ких трех *чаккавал* находится один из видов ада (*локантари-ка*). Каждая *чаккавала* окружена стеной из высоких гор (*чаккавала-наббата*). В каждой такой "галактике" есть собственные Солнце и Луна. В центре *чаккавалы* располагается священная гора Меру; именно она первая возникает после того, как мир в очередной раз подвергается разрушению. Гора Меру окружена семью концентрическими кругами скал, первый из них (ближайший по отношению к Меру) носит название Югандхара.

Пространство между скалистыми грядами заполнено океаническими водами, среди которых расстилаются четыре огромных острова (*махадвина*)... Самый большой из островов – Джамбудвипа... именно на острове Джамбудвипа находится Индия и, по-видимому, другие страны, известные древним индийцам ко времени создания описываемых представлений.

На разных уровнях горы Меру располагаются девалока, букв. "миры богов". Их шесть... Все эти миры обитаемы. Их обитатели не знают зла и страдания, присущих человеческому существованию, однако они еще не избавились от привязанности к чувственному.

Понятие "*девалока*" применяется и в более широком смысле, когда оно включает также и *брахмалоку* – миры, которые с сакральной точки зрения **представляют собой более высокие ступени иерархии** (выделено мной. – С. С.) и соответственно располагаются над перечисленными выше шестью *лока*...

У подножья горы Меру располагается обитель асуров. Это своего рода злые духи, которые находятся в состоянии постоянной войны с обитателями горных сфер; в то же время они не столько злы по своей природе, сколько необузданны, принадлежа более Хаосу, нежели Космосу (их обитель напоминает Тартар античной мифологии, а сами они – титанов и гигантов). Хотя асуры не подвергаются каким-либо мучениям, перерождение в качестве асура – в силу сказанного выше – считается одним из наиболее неблагоприятных.

Еще ниже брахманистско-буддийская картина мироздания помещает ад, или, вернее, ады. Среди них различаются "горячие" и "холодные" – в зависимости от вида мучений,

испытываемых грешниками; ады дифференцируются также по срокам, которые полагается отбыть в них тем, кто своей неблагоприятной кармой заслужил перерождения в качестве обитателя ада. Однако – и это чрезвычайно существенно – "бессрочных" адов нет. Даже у обитателя самого последнего "круга ада" сохраняется шанс улучшения кармы... шанс получить более благоприятное перерождение и в конечном счете достичь нирваны.

Наконец, отметим, что и все три острова... тоже обитаемы. В индийских космологических трудах можно найти подробнейшее описание внешности обитателей всех островов, их занятий, обычаев и т.д. Наиболее существенное различие между ними – срок жизни; так, обитатели восточного острова живут 700 лет, а северного – 1000.

Обратимся теперь к представлениям о времени и о "поведении" мироздания во времени.

Согласно брахманистско-буддийским представлениям, время бесконечно. Однако это не однонаправленная линейная бесконечность, а бесконечность цикличности. Такие циклы называются *кальпами*... Общего мнения относительно продолжительности *кальпы*, по-видимому, нет: среди называемых чисел фигурируют такие, как 1 млн. 344 тыс. лет – 1 млрд. 280 млн. лет.

Каждая кальпа делится на 4 *асанкхеи* (букв. "неисчислимое"). В течение первой из них начинается и завершается уничтожение мира – огнем, водой или ветром (иногда этот период разрушения называется временем 20 промежуточных кальп). Разрушения начинаются с "рассеяния" живых существ, которые обитают в соответствующих мирах... Как можно видеть, здесь лишний раз проявляется своеобразная антропоцентричность буддизма: миры разрушаются после (и в результате) того, как "рассеиваются" их обитатели.

В течение второй *асанкхеи* царит своего рода хаос – неупорядоченное существование, смешение элементов. В течение третьей – начинается и завершается процесс воссоздания мира. В течение четвертой имеет место состояние относительной стабильности. После чего вновь начинается тотальное разрушение, и процесс проходит все стадии заново.

Каждая *асанкхея* содержит 20 *антар*. Это – периоды, в течение которых продолжительность человеческой жизни

увеличивается от минимальной (10 лет) до максимальной, а затем снова сокращается до минимума.

Каждая *антара*, в свою очередь, делится на 4 *юги*... Различаются они тоже "применительно к человеку", т.е. с этической точки зрения: от наиболее до наименее добродетельной. В последней из них – калиюга – добродетель приходит в полный упадок, жизнь людей становится короче, полной зла и грехов, праведники бедствуют, а злодеи процветают и т.д. и т.п. ...

Наше время приходится на период *калиюги*. Разрушение мироздания начинается тогда, когда дурная совокупная карма живых существ превышает некоторую "пороговую величину". Циклическая воспроизводимость этого процесса согласуется с положением о постоянстве соотношения добра и зла в мире..." [36, с. 71–74].

Отметим, что уже на ранней стадии формирования индийской философской системы она была насквозь иерархична, что четко проявлялось и во фрактальной периодизации времени.

Но не только вверх, в космос, был устремлен анализ философской мысли индийцев, но и вниз, в глубь структуры вещества, материи и более того – основных качеств этого мира. Первый шаг в глубь устройства мира, естественно, начался с анатомии, т.к. именно человек был для индийской философии в известном смысле мерой вещей. Но шаг в этом направлении не принес первым философам никакой радости, внутреннее устройство человека вызывало отвращение:

"Почтенный! Что пользы от наслаждений желанным в этом зловонном и лишенном истинной сущности теле, составленном из костей, кожи, жил, мозга, мяса, семени, крови, слизи, слез, глазных выделений, кала, мочи, ветра, желчи и флегмы? Что пользы от наслаждений желанным в этом теле, пораженном желанием, гневом, алчностью, ослеплением, страхом, отчаянием, завистью, разъединением с любимым, соединением с нелюбимым, голодом, жаждой, старостью, смертью, болезнью и прочими бедами?"

И мы видим: все это гибнет, как эти комары, мошки и прочие твари, как травы и деревья, возникшие и исчезающие.

...Ты должен спасти меня отсюда. В этом круговороте бытия я словно лягушка в бездонном колодце" [76, с. 133–134]

В дальнейшем от анатомического исследования философская мысль в упанишадах постепенно уходила в сущностный мир.

"Тогда Гарги Вачакнави стала спрашивать его. "Яджнявалкья, сказала она, – все здесь выткано вдоль и поперек на воду. На чем же выткана вдоль и поперек вода?" Яджнявалкья ответил: "На ветре, Гарги". – "А на чем же выткан вдоль и поперек ветер?" – "На мирах воздушного пространства, Гарги". – "А на чем же вытканы вдоль и поперек миры воздушного пространства?" – "На мирах *гадхарвов*, Гарги"... "А на чем же вытканы вдоль и поперек миры богов?"... "А на чем же вытканы вдоль и поперек миры Брахмана?" Он сказал: "Гарги, не спрашивай слишком много, чтобы у тебя не отвалилась голова. Ты слишком много спрашиваешь о божественном, о котором, поистине, нельзя спрашивать слишком много"" [75, с. 102].

Итак, уже в ранних философских размышлениях индийские философы натолкнулись на проблему т.н. "дурной бесконечности", проблему "из чего состоит...". В самом деле, сколько бы мы ни анализировали структуру окружающего нас мира, как бы глубоко ни уходили в анализе ее первокрипичиков, нет конца в процедуре разделения элементов на еще меньшие элементы.

Но естественно, в дальнейшем акцент познания переместился с физических компонентов, которых было слишком много и они были слишком уж различными, в глубь сущностных категорий. Если рассматривать, как индийская философская система исследовала структуру мира "вглубь", то окажется, что она не только физический мир разлагала на первичные атомы, но и мир понятий и представлений стремилась свести к самым простым категориям. Это стремление нашло свое наиболее полное воплощение в учении вайшешиков:

"Структуру учения вайшешиков организовывала... их **категориальная** система. Если под категориями, в соответствии с критериями современной философии, понимать

фундаментальные, общепризнанные и "атомарные" – не сводимые друг к другу – понятия... то разработку шести категорий вайшешики следует признать самым существенным опытом категориализации сущего в истории индийской философии" [92, с. 203].

Учение вайшешики иногда ошибочно отождествляют с натурфилософским учением об атомизме мира. Но оно гораздо шире натурфилософского:

"...В вайшешике атомизм был не только физическим-метафизическим "учением об атомах", но и своеобразной методой, стилем мышления, отмеченным стремлением во всем дойти "до атомов", до предельных составляющих. Это стремление распространяется и на другие сферы вайшешиковской системы: учения о пространстве, времени, движении, числе, познании и т.д. Вся вайшешика будто пропитана атомизмом, поэтому мы не раз еще будем обсуждать проблемы, с которыми сталкивается подобное "дискретистское" мировоззрение" [41, с. 26].

"...Атомы являются предельно малыми, а точнее, предельно "тонкими"... составляющими соответствующих элементов. Можно сказать, что это просто миниатюрные "копии" элементов, поскольку атом, по вайшешике, обладает полным набором качеств своего "элемента", включая специфицирующее качество... которое выделяет данный элемент из всех прочих" [41, с. 22].

"Хотя натурфилософия, или "физика" (в древнегреческом смысле), порой считается основным вкладом школы вайшешики в общий философский и научный вклад индийской традиции, это парадоксальным образом не совпадает со значимостью натурфилософских размышлений в самой данной школе. Там же натурфилософия не является ни основным, ни даже сколько-нибудь самостоятельным направлением исследований, а представляет собой частное "преломление", или "приложение", метафизических принципов, сформулированных в теории категорий..." [41, с. 7].

Таким образом, учение вайшешики охватывает не только физический мир, но и многообразие всех представлений о

мире, всех материальных и метафизических категорий. Следовательно, стремление разобрать мир до основания на элементарные составляющие было одной из наиболее ярких черт индийской философской системы.

И если теперь сопоставить основную тенденцию индийской философии с тем, как к подобной атомизации относились в Китае, то сразу же станет очевидным грандиозное различие между ними.

"Сюнь-цзы (ок. 298 – 238 г. до н.э.), один из виднейших последователей Конфуция, называл пустым времяпрепровождением изучение таких вопросов, как "движение тела в пустом пространстве" или "различие между белизной и твердостью". Он прямо указывал, что "ремесленник и без этих знаний может оставаться хорошим ремесленником", и призывал не славить природу и не размышлять о ней, а "прямо приручать ее" и "управлять ею" [26, с. 29].

Итак, мы видим, что в Индии есть четыре относительно независимые философские системы. Одна из них – индуизм, описывает законы божественного мира, законы вечно-го бытия души и Брахмана. Другая – теория социального устройства мира – теория каст, регулирует законы социального бытия индуса. Третья – теория устройства физического мира. Четвертая – теория жизни человека, в первую очередь его тела, – это йога.

Иерархический вертикальный взгляд на мир, который всегда доминировал в Индии, привел к созданию философской системы, в которой на переднем плане оказались такие качества, как: *принцип максимума в описании мира, предельное разнообразие, эволюционизм, индивидуализм*¹⁵ и т.п. Действительно, если каждый отдельный объект мира воспринимается как центр бесконечной иерархии ведущей как

---

¹⁵ Индивидуализм проявляется во многих аспектах жизни индусов. Но наиболее ярко – на вершине социальной пирамиды. "Царь никому не доверял – ни родственникам, ни знати, ни слугам, ни союзникам... Становится понятным, почему во всех сочинениях, посвященных государственному управлению, столь важное место отводится секретной службе: ни одно мероприятие по охране внутренней или внешней безопасности не проводилось без участия шпионов" [10, с. 565].

вверх, так и вглубь, то он предельно индивидуален, т.к. содержит собственную внутреннюю вселенную. Поэтому каждый объект в этом мире неповторим, разнообразие этого мира бесконечно, поэтому все в этом мире организовано по принципу максимума, т.е. всего в этом мире бесконечно много. А в сочетании с принципом целостности вектор иерархичности приводит к неизбежному выводу о жизненности всего мира, следовательно, все в нем рождается, развивается и умирает, в том числе и Вселенная. Из этого вытекает имманентный индийской философской системе эволюционизм. Рассмотрим последовательно все эти свойства индийской философской системы.

Разнообразие и бесконечность

В индуизме все разнообразие неисчерпаемо, а множественность всех явлений и объектов не имеет границ – она бесконечна. В Китае же, как будет далее показано, наоборот, все сведено к достаточному минимуму, к нескольким принципам, вокруг которых безликое море двух сред – дао и дэ. "В представлении индуизма вселенная бесконечна во времени и пространстве. Хотя только в послеведийской литературе подобное представление становится преобладающим, первые намеки на него можно обнаружить уже в Ригведе" [23, с. 140].

Мир действительно огромен и разнообразен. Но Индия и Китай решали эту проблему по-разному. Индийская картина мира беспредельна по разнообразию и не имеет границ. Ведь на первом месте в ней стоит среда, которая порождает объекты. А поскольку среда безгранична по определению, то и количество объектов в ней стремится к бесконечности. Именно поэтому, по моему мнению, Система в Индии изначально строилась как аддитивная, накопительная. Индийский философ, как Плюшкин (да простится мне это сравнение!), не выбрасывал из окружающего мира ни одной детали, ни одного явления. Особенно наглядно это проявилось в индуизме, который до сих пор продолжает впитывать в себя все, что только можно впитать из других религий. Это заметно даже на уровне создания пан-

теона богов. Так, например, многие известные боги в индуизме воспринимаются как всего лишь различные воплощения (*аватары*) одного из центральных божеств – Вишну: Кришна (его восьмая *аватара*), Будда (девятая) и Христос (десятая) [30, с. 198].

Предельное разнообразие и многообразие индийской картины мира – результат доминирования масштабного вектора в индийском мышлении. Ведь каждый объект окружающего мира – центр Вселенной, ибо в нем скрыт огромный (но атомарный – по учению вайшешиков) мир внутренней структуры, а сам он включен во множество иерархических систем, которые растворяются в высшем Брахмане.

В Индии объектное разнообразие персонифицировано до божеств, которых, как уже упоминалось, насчитывают до 333 миллионов. Что интересно, так это то, что чуть ли не все божества предельно конкретны, имеют жен и детей, историю жизни, детально описан их облик. Но при этом их конкретность непривычно изменчива для западного мышления. Образно говоря, в Индии для каждого божества действует принцип неопределенности. При знакомстве по литературе с тем или иным персонажем божественного мира возникает первичное, поверхностное впечатление о нем. Но это взгляд издалека. Стоит только углубиться в историю этого божества (подойти к образу ближе), как он начинает расплываться и терять свою конкретику. Так, например, бог разрушения – Шива описывается как грязный и голый аскет, который "неразборчив в связях и дружеских привязанностях, соблазняет в лесу жен святых отшельников, бродит голый, курит марихуану и обитает в местах кремации трупов в окружении злых духов" [30, с. 229]. Но он же может быть блистательно-прекрасным [30, с. 262]. Спрашивается, почему образ богов в Индии столь неопределенный? По-моему, из-за двойственности базисной системной пары "среда-объект". Любой объект в Системе Индии – всего лишь вершина огромного, уходящего корнями в бесконечную вселенную процесса. Поэтому его облик на настоящий момент – лишь временное проявление его сложной многоликой сущности. Так стоит ли столь серьезно на нем фиксировать свое внимание? Стоит ли вообще поддаваться на обман разума, ко-

и неповторима. Конкретны и детально разнообразны и демоны, описание которых, например, в "Махабхарате" демонстрирует тягу индийской мысли к бесконечному разнообразию. Но стоит только приглядеться внимательнее ко всем этим конкретным объектам, как они начинают расплываться и терять свою однозначность, перетекают друг в друга и замещают друг друга, меняют свой облик и тип действия. Ибо мир для индийской философии непрерывно меняется, точнее – он эволюционирует.

Эволюционизм

"Согласно Ригведе, творение не есть однократный акт, оно длится постоянно. Другими словами, это процесс, а не событие" [23, с. 137].

Это одна из центральных, стержневых идей индийской Системы – мир творится постоянно. Поэтому нет в нем ничего вечного и ничего неизменного. Но не следует отождествлять эту идею с идеей эволюции Гераклита. Ибо мир изначально воспринимался в Индии живым, поэтому развивающимся не вообще, а как живой организм. В нем есть фаза зачатия, развития, старения и гибели. Как именно индийские философы пришли к этой идее, отталкивались ли они от иерархического устройства Вселенной или, наоборот, стали исследовать ее иерархическое устройство, опираясь на первичное представление о живом мире, – трудно сегодня выяснить. Можно лишь отметить, что иерархичность структуры максимально проявляется в первую очередь в живых системах. Достаточно сравнить структуру организации материи внутри живого человека и каменной статуи. В последней есть только два уровня организации – сама статуя (макрообъект) и атомы кристаллической решетки камня (микроуровень). В живом человеке уровней гораздо больше: он состоит из органов и различных систем, каждая система состоит из подсистем, те из клеток, затем идут внутренние структуры клеток, потом биомолекулы, простые молекулы и, наконец, атомы. Мы здесь перечислили лишь часть структурных уровней биологической органи-

зации тела человека. На самом деле их гораздо больше, по некоторым подсчетам – около 20. Более того, автором ранее (совместно с Х. Мюллером) был сформулирован системный принцип отличия живых систем от неживых [45]. Суть его в том, что в живых системах иерархическое пространство "упаковано" предельно плотно. Другими словами, нет ни одного размерного уровня, на котором бы не было своих действующих систем, масштабная ось живой системы плотно заполнена различными подсистемами, заполнена, можно сказать, без пропусков. И именно в этой предельной плотности (максимальной развитости иерархической структуры) и заключается главный системный принцип, благодаря которому неживая материя превращается в живую. Если от чисто биологического понимания этого явления подняться на метафизический уровень, то вывод обобщается до следующего утверждения: Вселенная развивается благодаря динамике иерархической структуры, именно она определяет степень близости тех или иных структур к живым или не живым [59]. Для нас же здесь важно отметить, что выбор в качестве определяющего направления постижения мира иерархического его измерения неизбежно приводит к построению картины мира, в которой доминирует эволюционность, изменчивость, в которой весь мир становится частью единого живого организма. Таким образом, иерархичность, эволюционность и представление о мире как о живом организме неразрывно связаны и в конечном итоге не могут существовать друг без друга в целостном мировоззрении. И действительно, как показывает анализ индийского мировоззрения, иерархичность и эволюционизм сосуществуют практически неразрывно.

Автор убежден, что все эти признаки свойственны целостному (четырёхмерному) восприятию мира. Именно поэтому, видимо, картина мира Индии была построена последней, четвертой по счету, если брать начало от Египта. Но это не означает, что Система Индии была создана самой "правильной", ведь первые четыре цивилизации развивались параллельно, выстраивая каждая свою линию в познании мира. И лишь последующий синтез систем всех цивилизаций должен привести к полноценному мировоззрению, в котором иерархический вектор Индии займет достойное, но отдельное место.

Следует отдельно отметить, что идею живой Вселенной можно встретить и в древних мифах западных культур, включая арийскую (срединную). И в этом нет ничего необычного. Стоило только древнему мыслителю поставить перед собой простейший вопрос: откуда взялся этот мир, как ответ на него сразу же давала подсказка природы. Ведь древний человек не мог увидеть вокруг себя эволюционные процессы конденсации газопылевого облака на Солнце и планеты. Он видел другое, например, как из яйца вылупивался птенец, который постепенно рос и становился птицей. На основе этой аналогии появились первые мифологические космологии – Вселенная-яйцо, которое, раскалываясь, создает две половинки – землю и небо. И модель Вселенной в виде яйца можно найти, пожалуй, во всех без исключения древних культурах как одну из первых моделей Вселенной. Усложнение этого представления – картина мира в виде семени, которое, попав в благоприятные условия, давало росток, превращающийся затем в дерево. Здесь древний мыслитель мог проследить в природе удивительную эволюцию – превращение мельчайшего объекта в гигантское ветвистое дерево. Почему бы ему не предположить, что и Вселенная выросла из своего семени? Так появились модели Вселенной второго поколения, родилась космологическая картина вселенского древа, которая также была свойственна почти всем культурам древности. Но и дерево, и яйцо давали в конечном итоге статичную модель Вселенную. Поэтому если предположить, что древние мыслители имели способности к наблюдению за изменчивостью этого мира, за его развитием, то они неизбежно должны были перейти к более сложной модели, к модели первосущества. Из чрева матери рождается младенец, который постепенно растет и становится все более сильным, пока не достигает зрелости. Со временем он стареет и умирает. Этот цикл развития был у древних перед глазами постоянно. Не заметить его было невозможно. Поэтому в древнеиндийской культуре это явление стало основой для построения картины мироздания. Уже в древних ведах, которые были созданы, по мнению Р. Дандекара еще протоариями в районе Балха [23] до того, как арийские племена пришли в Индию, мы находим несколько примеров того, как описывается возникновение мира из

первосущества. Вот наиболее известная версия происхождения мира из древнего существа Пуруши:

Пуруша – тысячеглавый,
Тысячеглазый, тысяченогий,
Со всех сторон покрыв землю,
Он возвышался [над ней еще] на десять пальцев.

В самом деле, пуруша – это вселенная,
Которая была и которая будет.
Он также властвует над бессмертием,
Потому что перерастает [все] благодаря пище.

Таково его величие,
И еще мощнее этого [сам] Пуруша.
Четверть его – все существа.
Три четверти его – бессмертие на небе.

...Луна из его духа рождена,
Из глаза солнце родилось,
Из уст – Индра и Агни,
Из дыхания родился ветер.

Из пупа возникло воздушное пространство,
Из головы развилось небо,
Из ног – земля, стороны света – из уха.
Так они устроили миры.

Х, 90 (Пуруша) [49, с. 235–236].

И хотя "в самом деле, Пуруша – это вселенная", т.е. первичная среда, он уже несет в себе противоречие пары "среда-объект". Имя собственное говорит о его объектности, он обладает телом, но каково это тело? Это тело тысячеглавое, тысяченогое, у которого тысячи глаз. Учитывая время создания этого мифа, когда, скорее всего, тысяча была наибольшим числом, которое могли только представить древние, можно говорить не об отдельном антропоморфном существе, а о некоторой средовой субстанции, состоящей из *множества* рук, ног, глаз и т.п. Надо полагать, что именно в этом многообразии и множественности уже скрыт "ген" будущей Сис-

темы Индии, заложена двойственность среды-объекта. Пуруша – не просто объект, подобный человеку, это некая сущность, наполненная множеством рук, ног, глаз и прочего, некая среда из органов, некая живая потенция развития мира. И как остаточный след этой многорукой потенции Пуруши, появились впоследствии изображения богов Индии с множеством рук или лиц. Можно предположить, что эта странная манера изображать богов многорукими и многоликими имеет корни именно в системной паре "среда-объект".

Но на самом деле уже в Ригведах изложены как минимум три версии происхождения мира от трех разных существ. Причем все они представляют собой различные варианты, в которых среды и объекты неразрывно связаны друг с другом. Здесь не найти обезличенных сред *дао* и *дэ* Китая, здесь мир начинается с воды, с голода, с Атмана в виде Пуруши, со времени, а затем на одной из стадий собственной трансформации он порождает объекты, в том числе и богов. Боги здесь вторичны, ибо вторичны в индийской Системе объекты. В конечном же итоге все это разнообразие порождающих сред унифицируется и сводится в позднем индуизме (начиная с пуранического периода) к непроявленному Брахману – такой среде, которая все порождает, остается средой, но имеет имя и одновременно может быть изображена в антропоморфном виде.

В других культурах эта первая идея о живой Вселенной постепенно уходит в мифологическое прошлое и на ее место заступают иные картины. Но только в Индии эта идея развивается на протяжении всей истории становления индийской научной цивилизации. Именно поэтому исследователи отмечают неисчезающую роль мифологии в картине мира современной Индии:

"Индуизм, – по мнению Р.Н. Дандекара, – это религия, в которой мифология (рассматриваемая... в развитии, т.е. "эволюционирующая") играет исключительную роль... В индуизме одновременно представлены различные уровни религиозной веры и религиозной практики, а также различные этапы культурного развития... Каркасом, скрепляющим эти "различные уровни" в единое целое, началом, связующим, скажем элитарные философские построения с народ-

ными обрядами и верованиями в единую религиозную систему индуизма, является, бесспорно, мифология – синкретическое мировоззрение, за пределы которого так полностью и не вышли никакие формы познания и отражения действительности из числа присущих традиционной индийской культуре" [23, с. 7].

Очевидно, что *живая* Вселенная индусов не может существовать в статическом состоянии. Она должна развиваться и со временем стареть и умирать (ибо именно так происходит в живом мире). Так из этой идеи рождается мощная ветвь размышлений об *эволюции* Вселенной (учение санкхьи), которая приводит индусов к модели периодически гибнущего и заново возрождающегося мира. Поэтому в индийской философской системе занимает такое важное место *время*. Но именно поэтому же в ней такое незначительное, почти исчезающее значение занимает представление о *пространстве*. В самом деле, если в разных местах пространства рождаются одни и те же существа и развиваются они независимо от места по одним и тем же законам, то какой смысл исследовать пространство? Ведь оно ничего не меняет в главном – в рождении, развитии и смерти. Нет такого места на земле, где бы эти три фазы не проходили неизбежно, поэтому мысль о вечном рае, о вечной жизни даже не приходит в голову древним индусам. В их мироздании рождается и гибнет все, от людей до богов, гибнет и само мироздание. И если все же в индийскую культуру "занесло" идею о рае¹⁶ (индийская культура удивительно синкретична), то и рай индусов отличается от традиционного рая Запада. Для того чтобы это понять, достаточно познакомиться с буддистской картиной колеса *сансары*, которая имеет тесные идеологические связи с индуизмом.

Любопытно, что идея происхождения мира из непроявленной среды (Брахмана), которая и сформировала из себя

---

¹⁶ Единственная первичная цивилизация, которая создала полноценный миф о рае, – египетская. Как далее будет показано, ни в Вавилоне, ни тем более в Китае не возникло представление о рае. Поэтому, если эту идею не сгенерировали сами индусы, то они ее переняли опосредованно из Египта.

впоследствии весь объектный мир, насквозь эволюционна и по сути дела очень близка к современной космологической картине, в которой, разделяясь на части, первичная материя постепенно создает (порождает) из себя элементарные частицы, звезды, галактики, планеты и т.п. Разница лишь в том, что в современной космологии мир происходит в результате деления непроявленной материи, которая взрывается. В индуизме непроявленный Брахман не взрывается, а дышит и на выдохе (фаза расширения) проявляется в виде вещественного мира. Если дыхание заменить на периодические пульсации Вселенной (расширение-сжатие-расширение...) – т.е. одной из самых последних моделей развития Вселенной, то становится очевидным, что то, к чему современная астрофизика пришла мучительным путем индуктивного обобщения многочисленных фактов и наблюдений, было "изобретено" философами Древней Индии за несколько тысяч лет до современных космологов. Единственным "непреодолимым" различием между индийской и современной космологией остается то, что в Индии непроявленный Брахман и его проявленный мир разумны и обладают свойствами, присущими живой материи. В современной же космологии Вселенная мертва и лишь на одной (в лучшем случае – нескольких) планете случайно возникла жизнь. Но если расширить представление о том, что такое жизнь, и рассматривать возможность с первого мгновения расширения Вселенной зарождения в ней "зерен мирового духа" [59, 65], которые одновременно являются носителями всей информации Вселенной и на определенной фазе своего развития становятся основой жизни, то оказывается, что современная космология пока лишь приближается к тому глубокому пониманию мира, которого достигла философия индийской цивилизации задолго до нашего времени (см. главу 7)

Эволюционность выпукло проявляется и в пантеоне индийских богов. Высшая триада богов Индии – всего лишь три закономерные стадии развития мира: рождения (Брахма), жизнедеятельности (Вишну) и разрушения (Шива).

Поскольку эволюция, развитие невозможны без творческой энергии, то в индуизме особое (можно сказать исключительное) место занимает творческая сила, олицетворяемая (опять-таки условно) богиней Сарасвати:

"Чтобы творить, Брахме, как и другим богам, необходима активная творческая женская сила (*шакти*), и он создал ее из собственного рта. Так возникла прекрасная... богиня знания, учености и искусств Сарасвати...

Сарасвати в качестве творческой энергии Брахмы олицетворяет божественное первичное Слово, необходимое для интеллектуальной манифестации бога-творца...

Доминирующими чертами облика Сарасвати являются чистота и благородство...

Сарасвати – очень популярная и своего рода уникальная индуистская богиня. Она полностью лишена каких-либо негативных функций и влияний... Царство Сарасвати – это мир красоты и совершенства, мир, созданный вдохновением художников, прозрением философов и знанием ученых. Своим почитателям она дарует спокойствие, мудрость, поэтическое вдохновение, художественный и научный талант...

Брахма не имеет самостоятельного культа, если не считать единственного посвященного ему храма в Пушкаре, в Раджастане. В отличие от других богов не существует даже специальных гимнов в его честь. По-видимому, его функция бога-творца выполнена, он запустил колесо *сансары*, и у людей, собственно, нет больше поводов обращаться к нему" [30, с. 160–163].

Эволюционность, иерархичность в сочетании с доминантой среды приводят в конечном итоге к очень живой и динамичной картине мира Индии, в которой все сущности и явления переливаются друг в друга, заменяют друг друга, в которой никогда практически нельзя провести четкие границы между событиями, богами, людьми и другими явлениями. Эта потрясающая изменчивость приводит к мерцающей всеми гранями и красками картине мира, в которой добро может превратиться во зло, божество стать человеком, а человек превратиться в зверя, змей – в стрелу, и наоборот. Этот волшебный мир похож на фантастическую картину, в которой каждая ее часть содержит все остальные и взаимопревращения происходят непрерывно⁽¹⁷⁾. Таким образом, если западное мировоззрение стремится разделить мир на неизменные явления и сущности, на строгие категории и понятия, то философия Индии призвана доказать об-

ратное – что в каждой точке этого мира заключено все его разнообразие, которое может проявляться в самых разных явлениях, что мир текуч и изменчив, что он не определен до конца ни в чем и не будет определен до конца никогда. Эта картинка эволюционирующего голографического мира является основой тех народных сказок, в которых герой оборачивается то птицей, то волком, то конем, в котором животные могут разговаривать, в котором есть шапки-невидимки, в котором может произойти все что угодно и из ничего возникнуть все.

Удивительно, но в предельном своем развитии западная космология пришла к такому же выводу – из первоначальной точки, из Ничего в ней после Большого взрыва рождается целая Вселенная. И вся современная квантовая физика элементарных частиц по своей идеологии – суть эволюционная картина мира Индии. Частицы непрерывно рождаются из вакуума, превращаются друг в друга, меньшая частица порождает большую и т.п. Образно говоря, когда западная физика забралась в самые основы материи, она нашла там ту картину мира, которую за тысячи лет до ее уже описывали древние индийские философы. Поэтому в последнее время все большую популярность набирает идея Дэвида Бома и Карла Прибрама о голографической Вселенной [73].

Но современная западная цивилизация все еще не принимает до конца идею взаимной трансформации, согласно которой не только квантовый мир элементарных частиц полон чудесных превращений, но и макромир земной жизни и мегамир космоса так же переливчаты и изменчивы, как и мир элементарных частиц. Почему не принимает? В первую очередь из-за несоизмеримости масштабов. Если бы западный философ превратился в божество, способное жить другими временными периодами, и имел бы размеры, нап-

---

¹⁷ Нечто подобное было с тонким юмором отражено в советском мультфильме "Пластилиновая ворона". Постоянные и непредсказуемые изменения героев этого мультфильма приводят к мгновенному изменению и общего сюжета. Доведенная до остроумного гротеска идея неопределенности и изменчивости предметного мира здесь выражена настолько ярко и образно, что может служить, на мой взгляд, хорошим иллюстративным материалом к общей картине индийской философии.

пример, с галактику, то, изобретя "галактический микроскоп", разрешение которого не превышало бы одного метра, и начав в него разглядывать поверхность Земли, он увидел бы, что из "ниоткуда" возникают новые люди, которые потом тут же растворяются в земле бесследно (наши долгие 70 лет – для него были бы миллисекундами). Нас, вполне реальных и живых людей, он бы назвал виртуальными элементами поверхности планеты Земля. Земной мир перед его взором предстал бы в виде мерцающего калейдоскопического марева из возникающих и исчезающих социумов всех видов, людей, зданий, техники и пр. Галактический Гаргантюа попытался бы даже составить некоторую классификацию элементарных "виртуальных частиц" на поверхности планеты, но через некоторое время обнаружил бы такое разнообразие, что у него скорее всего опустились бы руки.

Наблюдаемый физиками мир виртуальных частиц, который наводит их на идеи о *дао* и голографической Вселенной, живет в своей системе временных масштабов. Наша собственная жизнь имеет по сравнению с этим миром огромные временные масштабы, а с другой стороны мы не можем увидеть себя с "высоты галактического полета". Заслуга индуизма (и последовавшего за ним буддизма) как раз в том, что он смог взглянуть на земную жизнь с масштабов вселенских циклов, оценить ее мысленно мерилом из миллиардов лет. Для отшельников в лесах Северной Индии, которые ушли из суетного потока бытия, день превратился в миллисекунду, и они создали мысленный образ земной жизни с масштабами в миллионы лет. С этого масштаба жизнь отдельного человека потерялась в потоке вселенских превращений, и ценной стала лишь жизнь души (личного Атмана), которая от рождения к рождению проходит через множество воплощений.

В самом деле, разве на земле есть что-либо постоянное? Стоит только сжать 3,5 миллиарда лет эволюции Биосферы до двухчасового фильма, а то и мысленно "прокрутить" всю ее, как мы получим совершенно фантастическую картину, в которой все рождается из ничего (из праха) и уходит в никуда. Вот появились динозавры, и через минуты их уже нет на Земле, вот возникают ландшафты и тут же исчезают, вздымаются и разрушаются горы, камни превращаются

в песок, песок в пыль, возникают и исчезают целые континенты. Мир Земли – это калейдоскоп событий, это эволюционирующая система, в которой нет ничего постоянного.

Нет постоянства и в космосе. Звезды рождаются, несутся в галактических пространствах через пылевые облака, затем взрываются, рассыпаясь на элементарные частицы. В газопылевых комплексах сгущаются глобулы, в которых рождаются новые звезды, которые опять собирают вокруг себя остатки пыли, превращают ее в планеты, чтобы через некоторое время исчезнуть навсегда. Галактики также развиваются, они рождаются (квазары), остывают, обрастают звездами, затем либо медленно умирают, либо сталкиваются, либо взрываются с выделением невероятного количества энергии (например, галактика М 82).

Несомненно при этом, что в этой картине Вселенной, в этом калейдоскопически меняющемся мире, в котором нет вообще ничего постоянного и который произошел из ничего, из первичной точки в результате Большого взрыва, нет смысла искать что-либо неизменное и четко очерченное. Именно так относились к миру создатели индийской философской системы – они смотрели на него через призму миллионов лет эволюции. Это существенно отличает их картину мира от западноевропейской, ведущей свое происхождение от античности, в которой Космос был образцом постоянства. Именно поэтому картина мира Индии всегда была полна тайн и никогда не была определенной, статичной и конкретной. Именно поэтому в индийском пантеоне божественных сил особое место занимает богиня творческой энергии Брахмана – Сарасвати. Только она лишена каких-либо недостатков и негативных функций. Потому что именно творческая созидательная сила преодолевает постоянные разрушительные тенденции этого мира и воссоздает Вселенную заново, причем все время в новом облики.

Но если Сарасвати творит новые миры, то кто-то должен разрушать старые. И эту функцию выполняет Шива.

"Вселенные периодически появляются из Бога и исчезают, растворяясь в нем. Все, что имеет начало, должно иметь конец; все, что рождено, неминуемо должно умереть – такая аксиома индуистского сознания. Предположить проти-

воположное невозможно, так как это означало бы, что мир множественности и индивидуальные души никогда не возвратятся к своему бесконечному источнику – Брахману, следовательно, для них нет освобождения, а это разрушает всю философско-теологическую конструкцию индуизма и противоречит его основополагающему устремлению.

Исходя из этого базового постулата, к божественным функциям творения и сохранения вселенной неизбежно добавляется функция разрушения мира множественности, которую выполняет Шива. Только благодаря тому, что он периодически разрушает старые миры, появляется возможность для нового творения, ведь без разрушения старого невозможно создание нового. Шива уничтожает, чтобы творить, – разрушение и смерть, которые он несет, являются, по сути, средством трансформации к новому творению, к новой жизни и освобождению.

Шива – разрушитель. Он любит места кремации. Но что он разрушает? Не только небеса и землю в конце каждого цикла творения, но и оковы, привязывающие и сковывающие индивидуальную душу. Что есть место кремации? Это не только место, где сжигают останки смертных; это место, где сердце его почитателя получает по заслугам, где разрушается эго, где иллюзия и действия (карма) превращаются в пепел.

В роли разрушителя Шива ассоциируется с всепожирающим Временем и именуется Махакала – "Великий держатель Времени", "Великий черный". В окружении уродливых духов Шива Махакала пребывает на местах кремации и среди трупов на полях сражений (там, где царит смерть); он украшен гирляндами из человеческих черепов и увит змеями. Шива-Рудра – самый грозный и страшный из богов, единственный, кого боялись даже ведийские боги. Он движет эволюцию через насилие и разрушение, его дар – сила сражаться, сила, направленная против зла, грешников и врагов" [30, с. 238–239].

"Исполняющий "танец радости" (*анадатандава*) Шива Натараджа знаменует окончание одного цикла времени и начало следующего, то есть разрушение старой вселенной и рождение новой. В этот огромной космической значимости момент Шива совмещает в себе и примиряет все проти-

воположности – любовь и ненависть, день и ночь, добро и зло, жизнь и смерть.

Фигура четырехрукого Шивы Натараджи размещается в центре круга из мириад вспыхивающих и гаснущих огней – столько же миров появляется и исчезает в вечном процессе творения и разрушения. Огненное кольцо вокруг Шивы символизирует этот вселенский круговорот сансары.

...Все вместе четыре руки Шивы олицетворяют три космические функции Высшего Бога – творение, сохранение и защиту мира и его разрушение" [30, с. 242–243].

Мы видим, как и здесь реализуется особенность неопределенной и текучей философии изменчивости Индии. Шива – бог-разрушитель, но, как в голограмме, он же содержит в себе все три основные функции – творение, защиту и разрушение. И эти три его воплощения, казалось бы, разрушают в том числе и исходную идею о высшей триаде богов, в которой за творение отвечает Брахма и за защиту – Вишну.

Особенное положение в индийской картине мира занимает душа человека. Согласно индийской философии, она вечна, ее невозможно уничтожить даже тогда, когда разрушается и гибнет Вселенная. В поэтической форме эта идея выражена в "Махабхарате":

Мы были всегда – я и ты, и, всем людям
Подобно, вовеки и впредь мы пребудем.

Как в теле, что нам в сей юдоли досталось,
Сменяются детство, и зрелость, и старость, –

Сменяются наши тела, и смущенья
Не ведает мудрый в ином воплощенье. [44, с. 171–176].

Эта изящно и просто выраженная в "Махабхарате" идея имеет очень глубокое философское содержание:

"Сансара – это дхарма... вселенной, и ей нет ни начала, ни конца. Все сущее находится в плену у Времени, которое в индуизме символически представляется в виде вечно вращаю-

щегося колеса, постоянно возвращающегося в процессе движения к одной и той же точке. Во всем этом нет ни смысла, ни спасения, а отсюда и нежелательность вращения в нем.

Как космос существует без начала и конца во времени и пространстве, так и душа человека (*джива*) обречена на бесконечные странствия из одного тела в другое. Так может продолжаться даже не тысячи лет, а тысячи космических эпох, прежде чем она сможет обрести освобождение (*мокша*, *мукти*). Даже когда вселенная исчезает и наступает "ночь Брахмы", душа не освобождается автоматически, она пребывает в течение этого космического периода в бессознательном состоянии, при этом ее деяния (*карма*) "остаются в живых" и требуют добавочного сотворения и обновленного существования для своего искупления и конечного освобождения. И как только творение возобновляется, душа опять втягивается в круговорот *сансары*.

Сущность *сансары* как нескончаемого цикла перерождения души заключается в том, что после завершения каждой жизни (т.е. после смерти индивида) его душа вселяется в новое тело для того, чтобы продолжить свой эволюционный путь... Этот процесс продолжается вплоть до того времени, пока душа в своем развитии не достигнет освобождения (единства с Брахманом) и не разорвет тем самым бесконечную цепь постоянно чередующихся рождений-смертей-перерождений.

...В индуистской философской и теологической традиции нет единого мнения по поводу возможных форм перерождения. Кто-то считает, что душа человека (за исключением экстраординарных случаев) перерождается только в человеческом теле, но никак не в животном. Однако подавляющее большинство авторитетных авторов, включая Ману, утверждают, что греховная душа может переродиться в теле животного, птицы, пресмыкающегося, насекомого и даже растения. Отсюда и возникла идея непричинения вреда (*ахимса*) всем живым существам и неубийства (*ахатья*), ведь в любом из них может оказаться душа вашего предка или родственника.

Индуистская философия культивирует отрицательное отношение к *сансаре*, т.е. к бесконечным рождениям в "противном" физическом теле, болезням, расставаниям с близ-

кими и родными людьми, мучительным агониям и смертям. Вращаться в колесе *сансары* – значит, изнемогать в бесконечном кошмаре перерождений – рождаться и вновь мучиться и умирать, вечно возвращаясь к ужасу страданий и ожидания очередной неминуемой смерти. Все, начиная от мельчайших насекомых и кончая могущественными богами и демонами, подвержено упадку и разложению, все преходящее, и поэтому рождение в любой форме можно считать нежелательным" [30, с. 95–96].

Тема души человека – отдельная, глубокая тема индийского мировоззрения, которую мы рассмотрим в другом разделе. Здесь же мы отметим очень важную особенность – душа постоянно эволюционирует, переходя от одной формы воплощения к другой, и поднимается в этой эволюции к высшей точке – к Брахману. И в теме души мы видим всю ту же триаду свойств индийской философской системы – иерархичность, изменчивость (эволюцию), жизненную целостность. И по сути дела – ту же частичную антропоморфность, ведь если Брахман впитывает в себя самые лучшие души людей, которые поднимаются по иерархии развития, то он и состоит из этих душ как из клеток.

Объекты и среды (единичность-множественность)

Здесь мы еще раз, более подробно проанализируем уникальную особенность индийского взгляда на мир, которая определяется доминантой масштабного вектора. В самом деле, чтобы воспринимать окружающий мир как некую среду, необходимо изначально принимать все окружающие нас объекты всего лишь как элементы этой среды. А это неизбежно приводит нас к "взгляду по горизонтали". Например, чтобы воспринимать мир вокруг себя как социальную среду, необходимо людей воспринимать как элементы социальной *массы*, т.е. как *однородные и однотипные* элементы. А можно ли "собрать" среду из разнородных и *разномасштабных* элементов? Например, если мы возьмем некоторое множество атомов, песчинок, камней, глыб, астероидов

и планет, то получится ли у нас некая *среда*? Нет, мы получим планетную *систему* вокруг Солнца, а не среду. Почти очевидно, что среда должна представлять собой некое бесформенное множество собранных вместе элементов одного масштаба. Следовательно, чтобы воспринимать мир как некую среду, необходимо в первую очередь рассматривать его в одном масштабном срезе, т.е. смотреть на мир по горизонтали нашего комплексного пространства.

Выше мы уже отметили, что взгляд индийского философа – преимущественно вертикальный. Но при этом в основе Системы Индии лежит пара "среда-объект", в которой доминирует среда. Возникает противоречие. Доминанта среды противоречит доминанте вертикального вектора, и наоборот. Как найти выход из этого противоречия? Ведь из-за него восприятие индийской картины мира для западного мыслителя усложняется еще больше.

Попробуем увидеть это противоречие, проведя системный анализ. Итак, философия Индии видит мир в вертикальном измерении – брахман смотрит вверх, на высшее божество, а йог смотрит вниз (на самом деле внутрь, но для нас сейчас это не важно) – на свои органы, клетки, атомы и т.д. Брахман пытается управлять миром через обращение к высшему божеству, а йог – делать то же самое, но через самого себя. Для брахмана человек – частица Вселенной, а для йога сам человек – вся вселенная. И брахман, и йог смотрят на мир "в направлении" его масштабного измерения. Очевидно, что вертикальный вектор предполагает наличие в мире объектов, а не сред, ибо невозможно представить себе иерархическую модель мира, составленную из одних сред. Собственно иерархия начинается лишь тогда, когда появляются объекты различного масштаба, причем верхний уровень управляет нижним. Но поскольку по божественной "разрядке" Индии досталась ячейка "среда-объект", в которой приоритетное место занимают среды, между двумя доминантами возникает естественное противоречие. Из него в Индии был найден единственный выход – рассматривать мир как совокупность двух отдельных миров. Поэтому мир Индии раслаивается на *непроявленный* мир Брахмана (среда), который является основным и все порождающим, и *проявленный* мир физических объектов и богов. А его целостность опреде-

ляется тем, что непроявленный мир воспринимается как некая неопределенная мистическая среда, которая порождает и регулирует мир объектов, наполняя его во всех его иерархических проявлениях.

Поскольку принцип вертикальности порождает необходимость строить картину мира из объектов различного масштаба, их количество стремится к бесконечности, а разнообразие не поддается описанию. При этом у каждого из объектов есть своя масштабная вертикальная ось, через которую он выходит на связь с высшим началом мира. Именно этот выход на Брахмана обеспечивает миру целостность. Поэтому картина мира для индийского философа всегда открыта для нового разнообразия, она выходит в безграничный океан различных форм материи и видов божественных сущностей. Иерархичность в совокупности с целостностью мира приводит к взгляду на мир как на единый целостный сложный, многоуровневый организм, который развивается по определенному циклу, где есть рождение, развитие и смерть, затем цикл повторяется, и так до бесконечности. Мир эволюционирует, и душа человека тоже, эволюционируют и божественные сущности, нет ничего постоянного в этом мире, поэтому в далекой временной перспективе все может превратиться во всё... и в тоже время в ничто.

Но все это объектное разнообразие с его иерархией в глубинной сути индийской Системы воспринимается всего лишь как *майя* – временное воплощение потенции некоей бесконечной среды (Брахмана), которая не имеет формы, пространственных и временных границ. Этот парадокс индийской Системы привел к тому, что для "всеобщего обзора", для народных масс индийская философия явила миру огромное множество божеств и конкретных физических образов. А для глубинного анализа, для избранных брахманов она объявляет это все несущественным и на передний план выставляет непроявленную среду, управляемую *дхармой*. Эту тенденцию довел до абсолютного предела Будда, который вообще отбросил объектный мир, назвав его заблуждением незрелого ума. Тем самым он совершил решительный шаг в сторону системы, в основе которой лежала китайская пара "среда-среда". И поэтому его философия постепенно переместилась из Индии в Китай.

3.2. Горизонтальный системный мир Китая

Этот раздел можно было бы назвать "**Неиерархический мир Китая**". На первый взгляд звучит парадоксально, учитывая то гигантское значение, которое в Китае всегда придавали императорской власти. Но грандиозный отрыв императора от жизни народа лишь показывает, что в Китае весь верхний иерархический мир как бы собран в единственный верхний уровень, в одно понятие Неба, представителем которого на Земле и является как раз император. Если в Индии путь наверх – это плавная лестница со множеством ступенек, то в Китае то же самое – это волшебный взлет на самую вершину власти и могущества, причем власти и могущества земного, а не божественного. В Китае нет иерархических ступеней ни вниз, ни вверх, а есть два уровня – небесный и земной, между которыми зажат весь, образно говоря, плоский одноуровневый мир обыденной жизни китайца. Китайское представление об иерархии минимизировано до предела, до двух уровней – верхнего и нижнего. Все, что китайцы признавали за иерархическим устройством Вселенной, было уложено ими в три уровня – Небо, Человек и Земля. Как мы уже писали, это минимально возможный набор для любой философской системы. Если дополнить эту трехуровневую конструкцию разделением мира на два начала – Инь и Ян, то мы получим основополагающий набор принципов Китая – два начала и три уровня. Вокруг этого ядра и строится Система Китая.

Китайские философы, начав анализировать мир, в отличие от индийских мыслителей устремили свой исследовательский взгляд по горизонтали. Их совершенно не интересовало при этом иерархическое устройство Вселенной, достаточно было того, что мир вокруг китайца был наполнен огромным количеством различных объектов и событий, в которых необходимо было найти строгий порядок и закономерность. "Мир для китайцев – это Поднебесная (то, что под Небом), т.е. реальная земля, на которой живут люди. Поднебесная не создана Небом, но она находится под его несусыпным контролем. Это конечно, существенный фактор: когда случались катаклизмы, взоры людей, начиная с императора, сына Неба, обращались к Небу, а император шел

в храм Неба замаливать грехи, ибо именно он отвечал перед Небом за все. Однако если страна жила спокойно, о Небе редко вспоминали. Люди думали о том, что под Небом" [15, с. 616]. В силу этого обстоятельства в Китае никогда не было настоящей религии в привычном для нас значении этого слова, никогда не было жесткой иерархической структуры общества (наподобие кастового общества), таким образом, Китай изначально был страной с коммунистическими "генами", которые проявились в нем особенно ярко в XX веке. Именно в силу своей горизонтальной социальной направленности "в древнекитайском обществе пользовалась большой популярностью идея социальной гармонии, суть которой сводилась к максимально возможной социальной справедливости. Все знали свое место и отдавали свои силы на то, чтобы выполнить задачи, возложенные на них жизнью" [15, с. 607].

Китайского мыслителя никогда не интересовало внутреннее устройство вещей и объектов мира, его не интересовало устройство Вселенной, мир для китайца в силу этого обстоятельства всегда был статичен и не эволюционен. "Китайская мысль всегда отличалась практицизмом и прагматизмом, умозрительными теориями не блистала..." [15, с. 607]. Можно сказать, что основная задача китайской философской системы заключалась в том, как организовать повседневную жизнь общества, как разобраться во множестве явлений и событий каждодневного бытия, как не потеряться в огромном разнообразии мира и сохранить о нем самые простые и практичные представления. Для выполнения этой задачи китайскому мыслителю не требовалось углубленное изучение основ мироздания, размышления о вечной жизни Вселенной или ее частей. Ему требовалось лишь одно – найти быстрые, сравнительно простые и эффективные приемы для усовершенствования реальной жизни людей.

Именно поэтому в жизни Китая религия практически никогда не играла важной роли, ведь религия – это связь с Богом, а если Бога нет, то нет и связи с ним. Но поскольку у каждого человека, независимо от его принадлежности к той или иной цивилизации, есть душа и есть стремление к нахождению ее места в этом мире, то некоторые зачатки религиозных учений все равно в Китае возникали и в ходе его истории как-то развивались.

История религиозных течений в Китае может быть разделена на два основных этапа – доцивилизационный и цивилизационный. В доцивилизационный период развитие религиозных представлений в Китае было относительно типичным для любого общества, которое живет с мифологическим сознанием.

"Составить какое-нибудь понятие о древнекитайской государственной религии чрезвычайно трудно...

Как одна из сторон жизни народа, уже вышедшего из дикого состояния, древняя государственная религия... состоит в почитании Тянь – Неба, Шань-ди – Первого Государя и различных духов (Шань).

...Многие ставят ее чуть-чуть выше шаманства... В Китае вера в духов несколько схематизирована, между духами бог Неба пользуется особым почетом, тем не менее религия эта все еще стоит на уровне почитания духов и веры в волшебство.

Между Тянь – Небом, Ди – Государем, Шань-ди – Верховным Владыкой нет никакого различия... В некотором отношении божества эти отождествляют собой материальное небо, хотя его мифическое олицетворение выражено очень слабо... Небо, как божество, не высказывается каким-нибудь чудесным путем, не проявляет особой благосклонности к одним или нерасположения к другим и познается только в естественном ходе природы.

...Почитание Неба, Шань-ди, всеобщего мирового порядка находится в связи с почитанием духов. Эти два культа не противоплагаются друг другу, а скорее тесно связаны между собой: к духам прибегают наравне с Небом; им приписывается та же чудодейственная сила... Они вездесущи, непостижимы и невидимы, но вполне реальны. **Они лишены индивидуальности** (выделено мной. – С. С.)... В текстах не находится никакого подтверждения идеи подчинения духов Небу или представления о духах как служителях Шань-ди и посредниках между людьми и Небом. У духов личное чувство всегда уступает место общему; они чутки, отзывчивы, всепостигающи, но непостижимы.

...Последнее место между духами занимают души людей (Квей), причем души предков (Чу) пользуются наибольшим почитанием. Вера в бессмертие в Китае простирается только на предков. О состоянии души после того, как она освободилась от тела, находим только случайные указания; собственно учения об этом никогда не существовало" [31, с. 63–66].

"Семья была естественным центром поклонения предкам. С точки зрения многих исследователей китайского общества, этот культ был настоящей религией людей и в своей основе более важен, чем буддизм и местные верования, которые в конечном итоге объединились под знаменем даосизма. Это была, без сомнения, самая древняя религия Китая.

... Каждая семья имела свой алтарь предков, где стояли лакированные доски в золотых или красных рамках с именами предков, но не более чем в трех поколениях" [81, с. 111].

Итак, мы видим, что наиболее значимой религией древнего Китая был культ предков, но и здесь этот культ ограничивался "реальными предками" – теми, кого видели живыми их потомки. Прагматичный ум китайцев не мог оставить без объяснения и внимания тот факт, что живший среди них и активно действующий человек после смерти превращался в холодное тело, безучастное к жизни оставшихся в живых. С этим фактом реальной жизни необходимо было что-то делать. Поэтому и возникает культ предков – тех реальных людей, которые оставались в памяти и которые вдруг исчезали. Куда они исчезали? Этот вопрос все равно должен был постоянно возникать в Китае, он требовал ответа. Но ответа в китайском духе – прагматичного и горизонтального. Предок для китайца после смерти не мог вознестись на небо, не мог прийти обратно в мир людей (реинкарнация), не мог уйти в какой-либо подземный ад – ибо это было невозможно увидеть и, следовательно, доказать. Сложные представления о тонком мире и путешествии в нем души, свойственные индусам, вообще не могли прийти в голову китайцам. Но память о живших когда-то среди них и очень почитаемых людях требовала найти факту их исчезновения адекватный ответ. И этот ответ – возникновение культа предков. Их тела хоронились недалеко от жилища, к их могилам приходили их потомки и вспоминали о тех живших ранее людях, которые реально существовали

рядом с ними. Воспоминания о чем-то, когда-то реально происходившим, — вполне материалистический процесс. Мы вспоминаем о том, что когда-то путешествовали, о тех людях, которых знали, но с которыми расстались. Аналогично мы вспоминаем ранее живших предков. Все в этих "процедурах" практично и материалистично. Но при этом, безусловно, факт смерти и исчезновения личности из жизни оставался грандиозной и сложной загадкой для китайского сознания, так до конца не решенной. Но мысль китайца не отправлялось за ответом в путешествия по тонким мирам, ибо китайцы не могли себе представить ни божественной, ни человеческой иерархии, основанной на несуществующей для них вертикали. Дальше памяти и легкой мистики они не шли.

Следовательно, религиозность древних китайцев была скорее данью собственной памяти и одновременно воспитательным элементом. Для того чтобы дети уважали своих родителей, родители должны были показывать им пример уважения собственных предков, которых они знали живыми. Дань уважения постепенно превратилась в культ предков, которое было слабым подобием религиозного учения. На фоне же грандиозных конструкций соседней Индии культ предков вообще не выглядит как религия. И лишь на пустынном религиозном полотне Китая культ предков может быть воспринят как полноценная религиозная система. Именно поэтому "составить какое-нибудь понятие о древнекитайской государственной религии чрезвычайно трудно".

В этом древнем обычае как в капле сконцентрированы основные свойства китайской философской системы: целостность, прагматизм, упрощенность, ограниченность неким обозримым кругом принципов, людей и событий. Все по минимуму, все направлено на пользу земной жизни, все реалистично, никакой мистики. Предки, которым поклонялись китайцы, всегда были теми людьми, которых видел поклонявшийся. Если же сменялось еще одно поколение и умирали те, кто видел прапрадеда, то поклонение этому "мифическому" предку практически прекращалось⁽¹⁸⁾.

---

¹⁸ Только в отдельных случаях, в особенно крупных и богатых кланах список почитаемых предков мог уходить в очень далекое прошлое.

В этой особенности культа предков действительно нет ничего специфического. Если взять жизнь любого рядового современного человека (например, в России), то, как правило, он помнит и поминает лишь тех предков, с которыми общался, а это максимум – деды и прадеды. Об остальных своих предшественниках человек имеет в лучшем случае смутные представления, почерпнутые из рассказов бабушек и дедушек. Но на могилы отдаленных предков уже не ходит и, более того, вряд ли знает, где они и откуда вообще идут его родовые корни. И такое отношение к своим предкам в принципе естественно и неизбежно. Живые должны жить и решать насущные проблемы, а не превращаться в хранилище информации о собственных родовых корнях. Ибо в этом случае усилия, направленные на мертвых, приведут к обнищанию и гибели живых.

В дальнейшем, когда Китай вступил в фазу развития цивилизации, религия так и осталась в зачаточной форме (чуть выше шаманства). Все религиозные системы, которые китайская культура построила впоследствии на базе конфуцианства, буддизма и даосизма, были заимствованы из других культур. Ибо развитая религия не может возникнуть без развитой иерархии, а китайская философская система не выходила за пределы трех уровней. Поэтому духи в Китае схематичны и не подчиняются Небу, которое также является одним из духов (см. цитату выше). Собственная доисторическая религия древнего Китая (культ предков) практически не развивалась за всю дальнейшую богатую событиями историю Китая. Она осталась как базисный слой в сознании народа, на уровне верований, (ср., например, аналогичные представления у русского народа с его верой в леших, домовых и русалок). "Как на особенную черту этой религии следует указать на совершенное отсутствие мифологии или какого бы то ни было учения, а также учреждения духовенства. Религиозные церемонии входили в состав обыденной домашней и гражданской жизни, и отправления их входили в обязанности государственных чиновников, многочисленная толпа которых, однако, не составляла особой касты" [31, с. 66]. Поэтому многие, отмечая эту особенность, приходя к выводу, "...что уникальность китайской мысли, в той ее форме, как она стала развиваться на вто-

ром этапе осевого времени начиная с Конфуция, в ее безрелигиозности..." [15, с. 178].

Итак, мы видим, что религия без вертикального вектора практически не развивается. Более того, можно утверждать, что полноценной религии без вертикального вектора вообще не может возникнуть. И это убедительно демонстрирует история Китая, о религии которого в известном всеобъемлющем справочном издании Белфакса "Религии мира" (М., 1984) написано всего 9 страниц, тогда как религии Индии посвящено 100 страниц. Для сравнения – также 9 страниц занимает совокупное описание религий зулусов и аборигенов Австралии. Этот факт говорит о многом, ведь китайская цивилизация имела несравненно более грандиозную культуру, чем эти племена.

В Китае место религии отчасти занимают три различных учения: конфуцианство, даосизм и буддизм. Каждое из них, как показывает исторический анализ, зародилось не как религия, а как философская система, но постепенно (под влиянием в основном Индии) они стали принимать черты религиозно-философских систем и даже религий. Однако они приобрели лишь внешние признаки религиозности, ибо в основном не затрагивали главных вопросов, свойственных данному виду общественного сознания.

"Кант говорил, что три представления являются существенными для любой религии – без них соответствующая система воззрений не может считаться религией в собственном смысле слова: это идея Бога, идея бессмертной души и идея свободы воли... Если нет бессмертной души, то нечему ни спастись, ни погибнуть (подвергаться наказанию) в качестве воздаяния... если нет свободы воли, то человек в сущности неподсуден нравственному да и любому другому суду, коль скоро у него нет выбора – все его деяния предопределены, царствует жесткий детерминизм" [36, с. 25]. По этим признакам ни одно из трех учений Китая не может быть признано религией, ибо ни в одной из этих систем нет Бога и души. Именно поэтому в серьезных трактатах, посвященных китайской культуре [15], можно встретить такие определения, как "доктрина", "учение", "философия", но практически не применяется термин "религия".

Рассмотрим, насколько эти три учения имеют отношение к религии.

Два из них возникли в VI в. до н.э. (конфуцианство и буддизм), третье (даосизм) в IV-III вв. до н.э. Конфуцианство и даосизм – в Китае, буддизм в Индии. Однако истинно китайским учением можно признать лишь конфуцианство. Во-первых, даосизм возник под влиянием Индии, а во-вторых, дальнейшее его развитие происходило под сильнейшем влиянием проникающего в Китай буддизма. Постепенно на основе этого философского учения и китайских суеверий стала складываться и религия даосов. "Первоначально она не имела широкого распространения. Но вскоре, в период раздробленности... в Китай прибыли миссионеры из Индии и соседних с северной ее частью стран, которые принесли с собой так называемый северный буддизм Махаяны. Буддисты помогли даосам обрести внутреннюю устойчивость, а даосы способствовали укреплению и китаизации буддизма Махаяны... Обе религии, действовавшие сначала сообща, вскоре разделились и стали теми развитыми религиозными системами, которых не было в древнем Китае. Однако ни вместе, ни порознь они не сумели стать выше официального имперского конфуцианства и поэтому разделили между собой более скромное второе и третье места в системе духовной культуры и религиозных представлений имперского Китая" [15, с. 624–625].

Очевидно, что именно поэтому лишь конфуцианство не подвергалось постоянным гонениям со стороны государства¹⁹. Буддизм и испытывавший сильное его влияние – даосизм с их системой монастырей и ориентацией на выход из потока социальной жизни зачастую раздражал власти Китая, которые были настроены весьма прагматично и поэтому время от времени искореняли монашество и разрушали монастыри (справедливости ради следует сказать, что во второй половине I тыс. н.э. даосизм пользовался особым покровительством династии Тан). Наоборот, конфуцианство почти всегда оставалось распространяемой и поощряемой философской доктриной государства, так как оно направлено в первую очередь на улучшение системы управления обществом.

---

¹⁹ Не считая короткого периода господства легизма и уничтожения конфуцианских трактатов, а так же эксцессов "культурной революции" второй половины XX в.

Таким образом, в Китае получили распространение три учения, *претендующие* на роль религий. Рассмотрим последовательно, почему эти претензии так и не привели к созданию полноценной религиозной системы. Начнем с наиболее сильной из них – с **конфуцианства**.

"Религия Китая уникальная... Конфуцианство и даосизм не имеют ничего общего с монотеистическими религиями, сконцентрированными вокруг единого Бога, такими, как иудаизм, христианство или ислам. Особенно это касается конфуцианства... поэтому его часто даже не считают религией. Конфуцианство часто называют этической философией. И это имеет под собой веские основания. Даже название этой философии по-китайски – Чжу – означает «ученые, грамотные»⁽²⁰⁾. Но и философия – не совсем точное определение этого учения, в котором отсутствуют традиционные для западной философии области.

"Конфуций не был философом в общепринятом смысле этого слова. Метафизика или космология, натурфилософия или онтология, мистика или логика для него просто не существовали (как не было всего этого в... Китае и до него). Он был равнодушен ко всему, что выходило за пределы практических реалий и требований здравого смысла... Впрочем, это не значит, что проблемы философии его не затрагивали вовсе. Он не мог не задумываться над тем, как устроен мир. Но мысли его при этом – в полном соответствии со спецификой традиционного любознания в древнем Китае – были направлены в сторону жизни.

Когда его спросили, что он думает о смерти, он ответил: "Мы не знаем, что такое жизнь, что уж тут рассуждать о том, что такое смерть..."

...Конфуций не любил рассуждать о Небе, небесном пути... Небо было заменено в его учении Дао, которое представлено в афоризмах "Лунъюня" как истинный путь... Сакральное Небо было достаточно демонстративно отринуто Учителем, по мере взросления все отчетливее представлявшим себе, что легенда о небесном мандате нереальна, что на практике она не работает" [15, с. 230–231]

---

²⁰ Религии мира. Белфакс, 1984, с.246

Другой распространенной "религией" Китая является пришедший из Индии **буддизм**. Но и буддизм (по крайней мере в том виде, как он сложился здесь) невозможно однозначно считать религией в привычном для нас смысле этого слова. При внимательном анализе выясняется, что это учение, в которой отрицается возможность существования богов, ангелов, демонов и прочих атрибутов религиозного восприятия мира [71]. В буддизме по сути дела нет понятия души, поэтому и нет представления о вечной жизни, а есть некое туманное представление о принципах сознания. "Э. Кассирер применяет к буддизму парадоксальное определение "атеистическая религия", поясняя, что имеется в виду не отрицание бога или богов как таковых, а признание их существования... не имеющим сколько-нибудь заметного значения..." [36, с. 29]. Более того, признание существования богов для истинного буддиста – это всего лишь признание того, что его сознание порождает эти мыслеформы, как и мыслеформы остального мира. Весь "реальный" мир для Будды всегда был всего лишь игрой незрелого сознания личности, своего рода блужданием в собственных фантазиях. И в равной степени это относилось к богам, которые в буддизме всего лишь отражение представлений о них людей.

И не только боги не существуют для буддизма, для него не существует и единственный Бог. Это утверждение может для поверхностного взгляда выглядеть парадоксально, ведь существуют храмы и статуи Будды, которым они поклоняются. Поэтому многие на Западе ошибочно воспринимают Будду как бога, что, однако, противоречит истинной сути буддизма. "Будда... не удовлетворяет... пониманием божества. Буддизм – единственная высокоразвитая мировая религия, которая не включает в свои представления акт творения мира и последовательно проводит мысль о вечности мироздания – вернее, о периодическом саморазрушении и самовосстановлении миров... Будда вообще не воскресает – его сменяет новый Будда. Он функционально идентичен предыдущему, но это совершенно самостоятельный персонаж, отдельная личность. Уникальность Будды еще и в том, что после смерти он перестает существовать в каком бы то ни было виде" [36, с. 26].

Будда отрицал не только возможность божественного мира, но и даже возможность быть посредником между земным миром и нирваной. Он не позиционировал себя как некий проводник в нирвану, но считал, что максимум, на что он может претендовать, – быть примером того, как одному человеку удалось освободиться от оков иллюзией бытия. Если же в учении буддизма и есть какие-то внешние атрибуты, присущие религии (иллюзорные божества, например), то это результат того, что буддизм был "экспортирован" в Китай из Индии, где Будда разработал свое учение на основе индуизма. "Совершая свой великий прорыв, Будда становился уникальной исторической фигурой, потому что он учит нас достижению духовной цели **без помощи Бога** (выделено мной. – С. С.)" [97, с. 53]. Основной упор Будда всегда делал не на душу (ее он не признавал), а на сознание.

"Для последователей монотеистической веры – имеется в виду христианство, иудаизм или ислам – духовная мощь, посредством которой можно произвести необходимые перемены, идет от Бога, к которому верующие обращаются с молитвой. Путь буддистов сводится к тренировке разума и к познанию собственной истинной природы" [36, с. 145].

"Смещение проблемы из духовной сферы в информационно-когнитивную вообще характерно для буддиста, неслучайно *авидья, моха* (незнание) квалифицируется как грех, от которого нужно избавиться прежде всего... В отличие от большинства религий буддизм решает проблемы не столько добра и зла, сколько знания и незнания..." [36, с. 52–53].

Учитывая все эти особенности буддизма, большинство исследователей ставят его вне рамок традиционных религиозных систем. Более того – и вне рамок философских систем.

"...Буддизм принадлежит к числу, скорее, морально-этических и социально терапевтических учений, нежели философских. По преданию, Будда на вопросы, касающиеся происхождения мира и жизни, сущности бытия и т.п., отвечал "благородным молчанием". Иначе говоря, не эти вопросы он считал достойными обсуждения.

Пожалуй, главное для буддизма – адаптация человека к миру..." [36, с. 59].

Буддизм довольно-таки успешно проник в Китай из Индии потому, что Китай самостоятельно в принципе не мог создать даже некоего подобия религиозной системы. Но отсутствие возможности осмысливать вертикаль мира не означает, что эта вертикаль не существует или вообще не занимает умы китайцев. Проблема восприятия бесконечности все равно существует, даже если Система Китая ее пытается не замечать. Свято место пусто не бывает, поэтому Китай "импортировал" из Индии наиболее приемлемую для себя квазирелигиозную систему, давшую возможность осуществлять общение с вечностью и имевшую хотя бы какое-то подобие культа. Почему из всех религиозных систем Китай "выбрал" именно буддизм? Во многом причина этому лежит в том, что буддизм антииерархичен, в нем исключена (насколько вообще это возможно для религиозной системы) зависимость человека от высших сил. Но этот импортированный из Индии идеологический "продукт", хотя и был наиболее приемлемым для Китая, оставался для него все равно чужим, в силу принципиальной чуждости буддизма некоторым важным основам китайского менталитета. Поэтому отношение к нему в Китае всегда было сложным и таковым остается до сих пор (этот вопрос мы рассмотрим ниже более подробно).

С другой стороны, буддизм не столько проник в Китай, сколько переместился туда из Индии. Главная причина исхода буддизма из Индии в том, что *Будда был ярким противником какой-либо иерархии* во всех ее проявлениях. Поэтому "он резко выступил и против установленной в ведийском обществе кастовой системы..." [36, с. 57]. Он также резко выступал против любой идеи об иерархии мира, которая, как мы уже отмечали, была основой Системы Индии. Естественно, что учение, отрицавшее основополагающий принцип страны, не могло найти в ней себе места, поэтому его судьба быть изгнанным была изначально предначертана, как и уход в соседний Китай, в котором к вертикали мира относились аналогично – ее игнорировали. Если смотреть на судьбу буддизма не с исторических, а с метаисторических

ких позиций, с позиций некоего высшего замысла Истории, то невольно начинаешь думать о том, что это учение было специально создано в Индии для Китая (и других регионов Юго-Восточной Азии). К этому вопросу мы еще вернемся, а здесь приведем лишь один из наиболее ярких примеров того, как относился Будда к вертикали и иерархии, столь важной для индийской Системы.

"Древние индусы считали, что вселенная состоит из нескольких уровней, что существуют не только люди и животные, но также боги и духи, якши, гандхарвы и множество разных иных существ, населяющих многоуровневую вселенную, и что человеческий уровень – лишь один из "этажей" среди других" [97, с. 57]. Поэтому, когда Будду встретил мудрец Дона, то спросил Будду, кто он, перечисляя существа со всех уровней – от духа до человека. Но на все вопросы Будда отвечал – нет. "Тогда Дона пришел в полное замешательство и сказал: "Если ты не являешься ни одним из этих существ, то кто же ты?" Будда ответил: "Все эти духовные состояния, в соответствии с которыми я мог бы быть описан как якша или гандхарва, как дэв или человек, все эти состояния уже разрушены мной. Следовательно, я – Будда"" [97, с. 58].

Еще одной "религией" Китая стало философское учение **даосизма**. В основополагающей книге даосизма "Дао дэ цзин", написанной, по легенде, ее основоположником Лао-цзы, нет ни одного слова о божественном мире, о богах, ангелах, духах, о душе человека, о ее вечной жизни, о реинкарнации или наказании и поощрении после смерти. Эта книга полностью посвящена философскому осмыслению сути бытия, которое сводится в конечном итоге к проявлению во всем двух великих и туманных по смыслу категорий – *дао* и *дэ*. Можно привести здесь множество цитат о том, как именно определяются эти понятия, но мы ни при каких допущениях не увидим в них ничего сверхъестественного, или божественного. Более того, как и буддизм, даосское учение в корне антииерархично. Причем это проявляется даже в том, как относится даосизм к эволюции общества, к вертикальному его развитию. В книге о Дао ее автор идет на явное отрицание социальной и технической эволюции, видя в этом главное зло

мира. Мечта даоса – жизнь в уединенной пещере наедине с природой, без какого-либо взаимодействия с окружающим миром людей. Это философия отшельничества, философия отказа от социального развития вообще, философия возврата в исходную точку к первому Адаму (даже без Евы).

"Если расшифровать всю эту схему, окажется, что лучше всего жилось людям в далекой первобытности, когда не было никаких знаний и в мире обитали люди простых нравов с их пустыми сердцами и близостью к Дао. С отдалением от Дао выходят на передний план традиционные конфуцианские этические ценности. Таким образом, лишь тогда, когда нет дружных связей в рамках большесемейного общинного коллектива доцивилизационного времени, не обойтись без основ конфуцианской этики. Обратим внимание на то, что нормы конфуцианской этики не отбрасываются, что называется, с ходу. Они признаются, но только как жалкая альтернатива даосским этическим ценностям, среди которых первое место занимает безусловное почтение к Дао и ко всему, что с ним связано, включая первобытную простоту природы, пустые сердца и безыскусные архаические отношения примитивных коллективов людей" [15, с. 433].

Но даже в этом упрощенном виде интерес к проблемам мироздания в даосизме, по мнению многих историков, возник под воздействием внешнего влияния:

"Древнекитайский философский даосизм следует считать не только первым, но и фактически единственным из течений китайской философии, интересующимся проблемами мироздания... Что касается генезиса идей древнекитайских даосов, то здесь немало сложностей, особенно учитывая, что появившиеся за последнее время материалы позволяют предполагать, что многими из своих идей даосы обязаны заимствованиям извне, прежде всего из индоиранской мысли" [15, с. 403].

Исходное даосское учение лишь спустя многие века было использовано для создания некоторого подобия религии, что было во многом индуцировано все тем же буддизмом.

Поэтому даже в БСЭ статья "Даосизм" имеет два подраздела. В первом его определяют как одно из основных направлений древней китайской философии, а во втором – как одну из китайских религий, основанных спустя 500 лет после написания главной книги "Дао дэ цзин". Основателем даосской религии был Чжан Дао-лин (Лао-цзы).

"В отличие от синизма и учения Конфуция, даосизм имеет духовенство, монахов и "папу", в чем он сходится с буддизмом. Главное занятие этих священнослужителей состоит в очищении улиц, домов и людей от злых духов с помощью различных магических средств и в изготовлении амулетов, которые для предохранения от этих духов вешаются при входе в дом. Они совершают службы различным божествам и часто соединяются с буддийскими священниками для совершения других религиозных обрядов и церемоний... Даосизм во многом рабски подражает буддизму..." [31, с. 79–80].

Подведем итоги. В Китае за всю его историю так и не возникла собственная монотеистическая религиозная система. Верования древних предков, которые остались на уровне шаманства и обрядовых поклонений, сохранились в Китае, но не дали толчка для создания (или заимствования) развитой религии. Вступив в фазу цивилизационного развития, Китай, в отличие от всех остальных цивилизаций, создает две философские системы (без Бога) – конфуцианство и даосизм, одновременно импортирует из Индии нравственно-этическое учение буддизма. Следовательно, Система Китая в принципе не имеет оснований для возникновения религиозного учения. И в этом ее мировая уникальность. Лишь впоследствии постепенно произошли некоторые изменения, обусловленные влиянием на Китай индийской культуры. Несмотря на то что в основе философских учений Китая не было даже намека на понятие души и Бога (или богов), под влиянием других культур все три учения постепенно превратились в *религиозно-философские* учения. В первую очередь это произошло с буддизмом, который вырос на почве индуизма и по инерции нес в себе представления о потустороннем мире и богах (хотя все они и объявлялись лишь плодом непросветленного сознания). Будду, который отрицал какую-либо божественность

в принципе, многие его последователи спустя века фактически превратили в бога, которому поклоняются, возводят ему памятники и в его честь строят храмы. Этот процесс профанации буддизма, трансформации его в обычную религию хорошо проанализирован, например, в книге "Буддизм" [97], причина такой трансформации рассматривается также в работе автора "Пять вопросов к мировым религиям" [71]. Влияние буддизма через даосизм изменило и конфуцианство – оно приобретает со временем религиозный оттенок.

Поэтому даосизм, созданный Лао-цзы, и современный даосизм отличаются почти принципиально.

"Возможно, что учение Лао-цзы так и осталось бы уникальной философской системой древности, если бы его последователи не стали превращать его в религию. Как обычно, все началось с обожествления Учителя... Поздний даосизм так далеко ушел от первоначальной философской основы, что его можно считать даже независимой новой религией.

В даосизме появились храмы, боги, священство, церковная иерархия (чего не существовало в конфуцианстве). Даосские боги были заимствованы из буддизма, индуизма и древних китайских верований. В этой религии много магического. Обожествлялись звезды, пять элементов: металл, дерево, вода, огонь и земля. Почитались змеи, драконы, священные деревья и кусты. Очень много было заимствовано из философии и религиозного учения буддизма (любовь к животным, ритуалы, учение об аде и т.д.)...

В 1927 г. китайская Красная армия разгромила резиденцию даосского тянь-ши... Во времена "культурной революции" 60-х гг. XX в. в Китае даосизм подвергся, как и другие религии, основательному разгрому. Сейчас он распространен в среде эмигрантов из Китая, но в последние годы стал возрождаться в КНР" [39, с. 138–139].

Аналогичная трансформация произошла и с конфуцианством, которое постепенно, под влиянием буддизма превратилось из философской системы в религиозно-философскую.

"Сам Кун-цзы... обсуждать теологические вопросы (о боге и вере в него)... считал пустой тратой времени. О том, что та-

кое "небо", учителя конфуцианства также редко задумывались. Некоторые из них утверждали, что небо совсем даже не божественно, оно – часть природного мира..." [39, с.136].

"В древнем Китае непрерывный спор вели между собой даосы и конфуцианцы..."

С приходом в Китай буддизма картина становится еще более сложной. И даосизм и конфуцианство многое заимствовали у индийской религии. В подражание буддистам даосы изменили структуру движения, основали монастыри и написали объемный канон священных текстов.

Великое неоконфуцианское возрождение... нельзя объяснить ничем, кроме необходимости дать ответ на вызов, брошенной буддистской философией..." .

"Последним шагом на пути к оформлению конфуцианства как религии было обожествление ее основателя Кун-цзы. Почиталась гробница "совершенного мудреца", в его честь строились храмы, ему приносились жертвы и читались молитвы" [39, с. 136].

"Вообще можно сказать, что учение Конфуция составляет религию ученого класса, и образованные люди смотрят с пренебрежением на суеверия народа, преданного даосизму и буддизму" [31, с. 82].

Но если анализировать все три "религии" Китая с позиций привычной нам религиозной системы, то перед нами возникают скорее некие театральные декорации религиозных учений, которые более походили на имитацию того, что китайцы видели в других культурах, чем на собственную глубинную работу разума и духа.

В завершение анализа "религий" Китая можно привести здесь цитату из книги известного китаевода Ч.П. Фицджералда:

"Ни одна из китайских философских школ не была религиозной в понимании, привычном для Европы или Центральной Азии... Небо было неясной высшей силой, источником природных явлений, которые так сильно влияли на жизнь людей. Одно из определений Небес, "Шанди", которое европейцы переводили как "Верховное божество" или

"Бог", фактически не имело такого значения. Вероятно, первоначально оно означало всего лишь "верховный порядок", то есть первый предок царских кровей, которому приносили жертвоприношения в соответствии с древними обрядами... Суть гуманистического мировоззрения китайцев в том, что человек всегда стоит на первом месте. Наличие высших сил признавалась, но они не персонифицировались. Эта идея отчетливо прослеживалась в литературных произведениях всех философских школ" [81, с. 95].

Мы видим, что даже Небо, которое многие европейцы ошибочно принимают за природного бога Китая, скорее всего – всего лишь "первый предок", т.е. результат развития первобытного культа предков. Таким образом, поклонение Небу в Китае можно сравнить с тем, как если бы европейцы поклонялись, условно говоря, Адаму, ни слова не говоря о том, что его создал Господь. Оценивая три основных учения Китая, в классической книге по истории религий о его "религиозных" системах пишется следующее: "Учение это (даосизм. – С. С.) скорее всего можно назвать материалистическим, подобно тому как учение Конфуция носит характер этический, а Будды – метафизический..." [31, с. 77]. Получается, что вся "религия" великого Китая – это всего лишь сумма материализма, этики и метафизики.

Итак, мы показали, что главная особенность китайской философской системы – ее горизонтальная направленность привела к тому, что в Китае практически не возникла религия в ее классическом виде. Естественно при этом, что, развивая представления о вертикальном устройстве мира, китайская мысль направила все свои силы на развитие горизонтального направления. И одним из наиболее ярких свидетельств этого являются особенности конфуцианского учения, учения о справедливом и гармоничном социальном строе.

Социальный мир Китая

"Уже с первых шагов китайской урбанистической цивилизации... Китай резко отличался от других не только исторической амнезией... но и отсутствием явно выраженной

и зафиксированной в письменной форме мифологической, даже сколько-нибудь развитой мифопоэтической традиции, не говоря уже об отсутствии великих богов, храмов в их честь, служащих им профессионалов-жрецов и всего иного, с этим связанного и столь хорошо знакомого по иным древним обществам. А коль скоро так, то специфика Китая оказывается в том, что вся напряженная интеллектуальная работа была направлена не на урегулирование взаимоотношений с потусторонним миром и разработку космических метафизических макросистем (что составляло смысл ментальных усилий, в частности, древнеиндийских мудрецов), но на поиски социальной гармонии и политической упорядоченности" [15, с. 177].

Причем общество изначально воспринималось идеальным лишь тогда, когда государство было подобием большой семьи.

"Конфуций... семью... справедливо считал базовой ячейкой общества... а семья в принципе – это не только ячейка общества и государства, но и само общество, и государство в миниатюре. ...Один из известных его афоризмов: "Пусть государь будет государем, чиновник – чиновником (вариант перевода: подданный – подданным. – *Л.В.*), отец – отцом, а сын сыном"" [15, с. 184–186].

Учитывая, что в Китае вся иерархия мира была редуцирована до простейшей, минимально вообще возможной трехуровневой системы, над любым членом общества мог располагаться сверху лишь один слой управления. Именно такую конструкцию в чжоуском Китае считали идеальной, именно ее особенности развивал в своем учении Конфуций. "Эта конструкция, в представлении Конфуция, была как бы двухмерной и состояла из управителей и управляемых" [15, с. 187]. Отечественный исследователь Л. Васильев очень точно указал на системную суть социальной философии Китая – ее двухмерность. Над большой общинной средой всей страны властвовал один слой управления, который представлял собой как бы подобие императора, а регулировалось это управление внутренними этическими нормами, что иск-

лючало какое-либо дополнительное усложняющее все разделение системы на несколько иерархических уровней. "Идеалом Конфуция было централизованное государство, опиравшееся на административно-бюрократический аппарат из назначаемых и сменяемых чиновников" [15, с. 187].

Безусловно, реальный аппарат в государстве не мог быть двухуровневым. Власть от императора делегировалась министрам, те опускали ее через сложную систему по цепочке региональных подчиненных. Но, во-первых, эту иерархию, судя по всему, в Китае всегда стремились максимально упростить, а во-вторых, ее старались как бы не замечать, не фиксировать на ней внимания. Здесь полностью повторяется отношение китайского мировосприятия к природе, в которой очевидно присутствует многоуровневая иерархическая конструкция, но китайское сознание тщательно старается ее не замечать.

Вторая особенность китайской социальной системы – типично восточное стремление к целостности.

"Генеральной идеологеме Учителя свойственна была важная закономерность: все те существовавшие в теории... нормы этики, весь существовавший прежде объем знаний... следовало собрать воедино, создав целостную доктрину, и довести до сведения всех, превратив в общее и обязательные, свойственные каждому принципы повседневного поведения. И именно это он стремился осуществить на практике. Собственно говоря, такой была и объективная динамика развития древнекитайской культуры. Заслуга Конфуция в том, что он раньше и лучше других уловил эту динамику, осмыслил основные ее закономерности и использовал обретенные знания на пользу обществу" [15, с. 193].

Идеальный социальный мир Китая всегда представлялся, как отмечает Л. Васильев, двухмерным, плоским. Так, например, у легистов – антогонистов конфуцианства это привело к появлению следующего образа идеального государства:

"Умный монарх делает себя центром... власти. У него много помощников, но никто из них не должен пользоваться

ся никакими преимуществами перед другими. Нет места любимчикам и фаворитам! Монарх – это ось, чиновники – спицы, сходящиеся к центру... Все рычаги власти и ее альтернативные источники информации только у государя. Только он один имеет право отдавать приказы, он – верховная точка отсчета, мера всех вещей" [15, с. 307].

Таким образом, идеальной моделью государства в Китае всегда считалась двухуровневая и по сути дела плоская – народ и власть. Причем власть централизованная и минимально иерархичная. Народ преимущественно должен заниматься сельским хозяйством, ибо все остальные занятия приводили к появлению иерархического, расслоенного общества, что всегда было противоестественно для Системы Китая. Такое пренебрежительное отношение к купцам, ремесленникам и другим слоям социальной жизни общества проявлялось на протяжении все истории Китая при любых правителях и любых доминирующих доктринах. Так, например, в учении об обществе основоположника легизма Шан Яна говорится: "те, кто прилагает усилия в основном деле (земледелии), освобождается от трудовых повинностей; те, кто ничего не делает или занимается второстепенным делом (ремесло, торговля, случайные заработки), должны быть превращены... в рабов" [16, с. 313]. Представить себе, чтобы, например, в Индии возникла идея о превращении в рабов ремесленников и торговцев, которых бы считали людьми ничего не делающими, невозможно⁽²²⁾.

Безусловно, реальная социальная система все равно в большом государстве становилась многоуровневой и иерар-

---

²² Такое пренебрежительное отношение к торговле много раз становилось причиной военных интервенций в Китай. Соседние (и не только) страны буквально силой принуждали его к торговле. Можно привести два характерных примера. Так, в XVI в. монгольские племена, преодолев Великую китайскую стену, подошли к Пекину. В ультиматуме, который они предъявили императору, было требование открыть торговлю на северных границах Китая. Император под давлением "варваров" выполнил это требование, но лишь условно, вскоре торговые посты были закрыты. В XIX в., когда английская миссия предложила Китаю торговлю, предложение "варваров" было с пренебрежением отвергнуто, и лишь последовавшая затем интервенция Запада принудила Китай к торговле с остальным миром.

хичной. Но в этом-то и вся особенность китайской философской системы, всеми силами и во всех областях стремившейся уйти от этой многоуровневости, редуцировать ее до трех слов: Небо, Человек, Природа. Стремление к этой редукции красной нитью проходит через все социальные учения Китая, оно было в основе даосской философии, отрицавшей государство как таковое, оно было свойственно и легизму, и моизму.

"Легисты отрицательно относились к торговле, которая делала людей жадными, к искусству, литературе, философии и поэзии. По их мнению, эти виды деятельности только отвлекали людей от их истинных обязанностей и ослабляли государство. В эпоху Цинь, когда легисты находились у власти, было покончено с феодальными привилегиями. Все люди, в том числе и князья, должны были подчиняться одним и тем же суровым законам. Население было поделено на группы; было запрещено свободное передвижение по стране.

...Ко всем, нарушившим закон, применялись жесткие меры наказания, самым мягким из которых было нанесение увечий и ссылка на принудительные работы... Истоки этого учения можно найти и в даосизме, и в пацифистском учении Мо-цзы. Даосы отвергали всякого рода церемонии, сословия и привилегии. Их философские возражения против сложно устроенного государства нашли отклик в учении легистов... Можно сказать, что, в то время как более поздний Китай воспринял конфуцианство как этическую и моральную основу общества, он в то же время сохранял некоторые идеи легизма как основу государственного управления" [81, с. 91].

Аналогичное стремление к редукции сложного организма государства до двух уровней было присуще и конфуцианству. Идеалом Конфуция было "централизованное государство, опиравшееся на административно-бюрократический аппарат из назначаемых и сменяемых чиновников" [15, с. 187]. У Конфуция "общество отчетливо делилось на правителя и подданных, а правитель по своей воле и своему вкусу подбирал себе аппарат администрации из числа наиболее подходящих для этого подданных..." [15, с. 219]. Сложную иерархию отношений в государстве Конфуций всегда стремился заменить системой внутренних этических

норм, которые бы давали ориентиры каждому чиновнику, на каком бы уровне он ни находился.

Итак, как мы видим, в Китае старались избежать многоуровневости и иерархичности в философских и социальных системах настолько, насколько это было возможным. В результате Китай всегда стремился к упрощенной социальной пирамиде, состоящей из правителя, исполнителей его воли – чиновников, и народа, который был бы занят одним и тем же делом – земледелием. Модель двухуровневого мира – Небо и Человек, лежащая в основе китайской философской системы, всегда господствовала в китайской социальной жизни, что нашло свое наиболее яркое выражение в легистском идеальном образе системы управления – лежащем горизонтально колесе со спицами и осью. В XX в. роль императора стал выполнять Мао Цзэдун, чиновничий аппарат стал партийным, конфуцианство заменили идеологией коммунизма, но системная структура общества при этом осталась прежней. Все идеологические трансформации XX в. – скорее дань общему революционному настроению, охватившему мир и яркому успешному примеру борьбы с капитализмом СССР. Последняя была при этом борьбой и с многоуровневостью общественной структуры, нарушающей гармонию социального равенства.

Физический мир Китая

Выше мы рассмотрели две области китайского мировоззрения – религию и социологию, в которых отсутствуют вертикаль, иерархии, представление о развитии и эволюции.

На что же тогда была направлена работа философской мысли в древнем Китае? Ответ очевиден – на горизонтальный вектор постижения мира, на исследование закономерностей земного бытия. А поскольку модель одноуровневого мира противоестественна, она вынужденно "замыкается" сверху и снизу, что приводит к трехуровневой (минимизированной) иерархии. Так появляется известная китайская схема – Небо, Человек и Земля.

Выше неба нет ничего, и ничего не существует ниже "земли" (макроуровня). Последнее привело к отсутствию

каких-либо попыток китайских ученых найти представление о внутреннем устройстве объектов макроуровня.

"Китайскую картину мира можно еще считать континуальной, что противопоставимо дискретному видению мира, которое может проявляться в представлениях об атомах, как это было у греческих атомистов и индийской школы вайшешиков, или в представлениях о дхармах (мельчайших частицах бытия) и кшанах (мельчайших квантах времени), о которых говорили отдельные буддийские школы. Ничего подобного не было в традиционном Китае и не привилось там после знакомства китайцев во II в. с индийской философией. Пневма-ци, составляющая субстратную основу китайского космоса, – непрерывна и однородна" /www.ere-meev.by.ru/.

Любопытно, что для метафизического учения Китая даже два дополнительных уровня сверху и снизу мешают создавать чисто горизонтальную, плоскую систему. Для горизонтально ориентированной системы эти два дополнительных уровня являются избыточными. Вынужденно приняв эту триаду (вообще без уровней построить модель мира невозможно), китайская натурфилософия все же стремится редуцировать ее до плоскости. Для этого ей необходимо было убрать различие между уровнями.

"Мистифицировав и морализовав Небо, темное и светлое начала, пять стихий... и прочие природные явления, Дун Чжуншу выдвигает положения: "Небо и человек однородны", "человек повторяет небесные числа". Он говорит: "Если судить по похожему, **Небо и человек – одно и то же** (выделено мной. – С. С.)"...

Другими словами, Небо – прадед человека, все в человеке создано Небом по его собственному подобию. Поэтому каково Небо, таков и человек, то, что есть у Неба, есть и у человека; например, у Неба 366 дней в году, а у человека 366 небольших суставов..." [34, с. 191].

Другие философы идут дальше и отказываются от мистического восприятия Неба:

"Ван Чун считал, что Неба, обладающего сознанием и наделенного моралью... не существует. Основываясь на знаниях о природе, отраженных в астрономии в форме зонтичного неба... и теории звездного неба... Ван Чун рассматривает небо и землю как материальные тела и говорит: "Небо и земля – это природа, содержащая в себе животворные частицы... Небо – тело, так же как и земля. На небе созвездия, на земле – жилые дома. Жилые дома – тела, прикрепленные к земле, созвездия – тела, подвешенные к небу"" [34, с. 204].

Итак, на всех трех уровнях в китайской картине мира все устроено по одному системному закону, поэтому все три уровня подобны друг другу. Вследствие этого возникает важная задача – понять системный принцип организации ОДНОГО уровня. Неважно при этом какого – небесного, земного или человеческого. Ибо системный закон един для всех трех (и более) уровней. Необходимо найти универсальный закон для одного уровня организации материи – такую задачу ставит перед собой китайская натурфилософия. Именно эта задача является ключевой для Системы Китая. И именно на пути к ее решению в Китае создаются все известные концепции и учения. То, что вообще не интересовало философов Индии – структура организации одного уровня, становится доминантной целью постижения для китайских мыслителей.

И на пути к этой цели они открывают для себя важнейший системный закон – принцип подобия:

"По себе можно познать других; по одной семье можно познать остальные; по одной деревне можно познать остальные; по одному царству можно познать другие; по одной стране можно познать всю Поднебесную. Каким образом я узнаю, что Поднебесная такова? Поступая так" (цит. по [28, с. 203]).

"...Если смотреть исходя из различий, то все различно, как желчь и печень, как *ху* и *юэ*. Если исходить из подобия, то вся тьма вещей обитает в одной клетке" [25, с. 115].

Чтобы понять путь, по которому изначально пошла китайская научная мысль, необходимо сначала напомнить об одной из важнейших целей науки. Любая научная или фило-

софская система – это в первую очередь упрощение восприятия окружающего нас разнообразия до нескольких принципов или законов. А окружающее разнообразие – огромно, оно практически бесконечно в своих частных деталях. Поэтому, если не иметь некоторого упрощенного плана окружающего мира, деятельность в нем превращается в бесконечно затратный процесс и ведет в конечном итоге к гибели. Собирая в лесу грибы, мы их классифицируем на ядовитые и съедобные. Съедобные подберезовики мы без страха кладем в корзину, хотя каждый гриб выглядит наособицу. Если бы каждый конкретный гриб необходимо было бы проверять предварительно на съедобность, грибник бы в итоге умер бы с голоду. Поэтому способность к типизации равнозначна способности к выживанию, а вопрос о систематизации стоит перед человеком настолько же остро, как и вопрос о выживании в этом сложном и предельно разнообразном мире. Находя универсальные законы устройства мира, мы тем самым избегаем грандиозных потерь времени и энергии на то, чтобы ориентироваться в этом мире или использовать его в свое благо. Причем такого рода упрощения свойственны не только человеку, но и всем без исключения живым системам. Исследования орнитологов показали, например, что птицы выделяют хищных птиц не по конкретному оперению, размерам и т.п., а по *пропорции* длины шеи и туловища. У хищных птиц пропорция гораздо меньше, так как шея у хищников всегда короче. Поэтому птица замечает не хищную птицу, а как бы *хищную пропорцию*. Человек в этом отношении не отличается от других животных, он стремится упростить и систематизировать окружающий его мир настолько, насколько это возможно, чтобы легче было в нем ориентироваться. И это стремление было присуще человеку всегда, с того момента, как он стал строить модели окружающего мира. Постепенно это стремление стало осознаваться, как высшая цель науки, которая с одной стороны, исследуя мир, расширяет его разнообразие, а с другой стороны, обобщая его до принципов, схем, моделей и формул, упрощает его настолько, насколько это можно. Найти философский камень, логос Вселенной, единый закон – вот мечта науки всех времен и народов. В наше время эту задачу ставят перед собой лучшие физики мира, основываясь на современной

базе знания. "...В физике мы надеемся открыть несколько простых общих законов, которые объяснили бы, почему мир такой, какой он есть..." – так характеризует традиционный для современной физики подход лауреат Нобелевской премии С.Вайнберг⁽²³⁾ [14, с. 46]. Аналогичную идею высказывает и знаменитый английский астрофизик Стивен Хокинг: "Конечная цель науки состоит в том, чтобы дать миру единую теорию, которая описывает всю Вселенную" [87, с. 19].

Но единую теорию ученые стали искать задолго до XX в. И одними из первых, кто отважился на создание такой универсальной теории, были китайские мыслители. Одна из причин по которой они отправились в столь трудный путь, – пугающее разнообразие окружающего их мира, разнообразие, которое они чаще всего называли "**тьмой вещей**". Эти два слова встречаются в их философских трудах постоянно, как бы напоминая о той опасности, от которой им необходимо уйти. Страх перед этим неисчерпаемым разнообразием, стремление упростить мир до простых принципов, сделать его понятным, объяснимым, укладывающимся во вполне конкретные и очерченные границы описания, – вот генеральная цель развития китайской научной теории. Отметим, что этого страха никогда не возникало в Индии, там от этого разнообразия спасались по-другому. Его не редуцировали до системных принципов, с ним жили параллельно, находя спасение в другом измерении.

Стремление упростить мир присутствовало в трех основных философских доктринах Китая – конфуцианстве, буддизме и даосизме. Но главное развитие оно получило все же вне этих учений.

Как уже было отмечено выше, конфуцианцы и буддисты просто отказались (правда, по разным причинам) интересоваться устройством мира, считая эти познания излишними.

---

²³ В противовес этой бескомпромиссной редукционистской позиции на Востоке и, в частности, в России развивается дедуктивный подход, который сочетается с индуктивным. Именно из этой традиции в будущем должна появиться Общая Теория Систем (ОТС), частью ее станет общая классификационная теория, над созданием которой в СССР, в частности начали работать еще в 70-е годы XX в. (результаты этого, пожалуй, наиболее полно проявились в первой междисциплинарной конференции по теории классификации, Борок, 1978)

"Сюнь-цзы (ок. 298 – 238 г. до н.э.), один из виднейших последователей Конфуция, называл пустым времяпрепровождением изучение таких вопросов, как "движение тела в пустом пространстве" или "различие между белизной и твердостью". Он прямо указывал, что "ремесленник и без этих знаний может оставаться хорошим ремесленником", и призывал не славить природу и не размышлять о ней, а "прямо приручать ее" и "управлять ею" [26, с. 29].

Даосы же свели все законы к предельно простой формуле: "человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] Дао, а Дао следует самому себе" [25, с. 27]. При этом даосы оставили понятие Дао настолько неопределенным и туманным, что их ссылка на это свойство мира равносильна отказу от какого-либо разъяснения вообще.

Постижением устройства мира занялись другие направления китайской мысли, уходящие корнями в знаменитую "Книгу перемен", которую китаеведы называют китайской Библией, т.е. первой и самой главной книгой Китая, появившейся задолго до учения Конфуция, до Будды и до даосизма. Со временем это направление китайской философии приобрело самостоятельное развитие и разрослось в целую сеть всевозможных системных построений, с различных позиций описывающих мир. Этот комплекс направлений разные историки называют по-разному, мы его вслед за В. Еремеевым будем в дальнейшем условно называть китайской "арифмосемиотикой".

Главная задача этого направления – навести порядок и ясность в пугающей "тьме вещей", уйти от разнообразия вещей и явлений вокруг себя, уйти за счет опоры на несколько простейших принципов.

"Среди множества изобретений, которые китайская традиция приписывает легендарному первому правителю Поднебесной и мудрецу Фуси (также Баоси, 2852–2772), имеются и триграммы (*gua*), которые являются наиважнейшими символами древнекитайской арифмосемиотики. Как об этом говорится в "Си цы чжуани" (II, 2), данное изобретение он сделал на основе наблюдения природных явлений, и оно яв-

ляется эффективным средством для классификации свойств всей "тьмы вещей":

В древности Баоси был ваном Поднебесной.

Глядя вверх, наблюдал символы (*сян*) на Небе; глядя вниз, наблюдал образцы (*фа*) на Земле; наблюдал письмена (*вэнь*) птиц и зверей.

Следовал земным правилам (*и*); то, что близкое, находил в себе; то, что далекое, находил у других существ.

Исходя из этого, он изобрел восемь триграмм (*гуа*), показывающих сполна добродетели (*дэ*) просветленного духа и располагающих по родам свойства тьмы вещей" [13].

[/www.eremeev.by.ru/](http://www.eremeev.by.ru/)

Эти восемь триграмм образуются при соединении в одну систему двух принципов членения окружающего мира – горизонтального и вертикального. Причем в их минимизированном варианте. Как мы уже отмечали, вертикаль мира можно представить как минимум в виде трех уровней. Горизонталь мира разделяется в Китае на два взаимодополняющих начала – Инь и Ян, которые находят повсюду. Очевидно, то бинарное членение горизонтали мира является таким же минимизированным, как троичное членение вертикали. Если эти два принципа соединить, то на каждом из уровней может доминировать либо Инь, либо Ян. Все потенциальные варианты создают восемь основных состояний окружающей действительности по древнейшей китайской системе (табл. 4).

Таблица 4

		1	2	3	4	5	6	7	8
↑	Небо	Инь --	Инь --	Инь --	Ян —	Ян —	Ян —	Ян —	Инь --
	Человек	Инь --	Инь --	Ян —	Ян —	Ян —	Инь --	Инь --	Ян —
	Земля	Инь --	Ян —	Ян —	Ян —	Инь --	Инь --	Ян —	Инь --

Эти восемь состояний – минимально возможный набор для любой системы вообще! Кто бы ни начал строить сис-

темный подход, какими бы исходными предпосылками он бы ни руководствовался, сколько бы вариантов он ни перебирал, все равно он бы пришел неизбежно к этим восьми минимально возможным состояниям в общей теории систем. В этом величие и величайшая заслуга Китая, что он первым в мире проделал эту работу и более того, пошел на ее основе дальше. Поэтому, если индийскую Систему можно считать родоначальницей иерархического понимания эволюции мира, то китайскую Систему можно считать родоначальницей системного подхода.

Восемь триграмм, изобретенных в глубокой древности, были первым и центральным звеном в этой китайской систематизации мира. При этом если западный исследователь, опираясь на данные естественных наук, строит какие-либо схемы, четко понимая их условность, то китайские философы, чтобы не мучить себя вопросами о том, насколько реальный физический мир соответствует этим принципам (учитывая его феноменальное разнообразие), объявили реальными принципы, а не вещи и явления. Образно говоря, они как бы построили небольшой "остров принципов", на котором все предельно просто и понятно, а весь окружающий мир стали воспринимать как некую неразличимую издалека среду, некий континуум. Причем континуум не нуждался в конкретной систематизации, ибо любой объект, всплывающий в нем для наблюдателя, оказывался при анализе все тем же набором принципов. Мир явлений и вещей, таким образом, становится подобным не только по вертикали (см. выше), но и по горизонтали.

"Чжу Си говорит: "Постижение вещей – это исследование каждой вещи вплоть до выявления ее высшего принципа"... Чжу Си писал: "Достижение знаний означает то, чтобы в моем сердце не было ничего, чего бы оно не знало... Он требует того, чтобы познание поднималось до уровня, когда не остается ничего непознанного, т.е. достижение знания всего"" [34, с. 339–340].

Итак, что же является для китайской философской системы ключом к постижению окружающего мира, что является универсальной системной матрицей, с помощью кото-

рой она описывает весь мир, сводя его разнообразие к нескольким базисным законам?

Это всего лишь два принципа: весь мир состоит из сочетаний двух противоположных свойств, и он всюду имеет три уровня иерархии. Таким образом, мир по вертикали разделяется на три уровня – Небо, Человек и Земля, а мир по горизонтали – на два взаимодополнительных, но противоположных качества.

Рассмотрим особенности такой систематизации более подробно.

"Впитав взгляды натурфилософов, Дун Чжуншу признает, что каждый предмет представляет соединение двух противоположных сторон, между которыми существуют противоречия. Он говорит: "В каждом предмете обязательно есть соединение. В соединении обязательно есть верх и низ, обязательно есть левая и правая стороны, обязательно есть передняя и задняя стороны, обязательно есть наружная и внутренняя стороны. Если есть прекрасное, обязательно есть и безобразное, если есть покорность, обязательно есть и послушание, если есть радость, обязательно есть и гнев, если есть холод, обязательно есть и жара, если есть день, обязательно есть и ночь. Все это соединено. Темное начало соединено со светлым, жена соединена с мужем, сын соединен с отцом, слуга соединен с правителем. Нет предметов, не представляющих соединения, а в каждом соединении присутствуют темное и светлое начала"" [34, с. 195].

В этой цитате необходимо выделить несколько аспектов. Мы видим, во-первых, что принцип бинарного восприятия мира является основополагающим для Китая. Во-вторых, бросается в глаза, насколько западный взгляд искажает восточную философию. На Западе во всем видят противоположности, а на Востоке видят "две стороны", на Западе между противоположностями идет борьба и существуют противоречия, а на Востоке "в каждом предмете обязательно есть соединение" и "нет предметов, не представляющих соединения". Китайская мысль ищет грани целого, западная – конфликтующие части разрозненного⁽²⁴⁾. При этом очень показательным, что, читая китайский текст, западный

ученый тут же переделывает его на привычный для него лад, даже не замечая этой невольной подмены.

Причем подобную процедуру замены взаимной дополнителности на принцип борьбы противоположностей невольно совершают очень многие. Например, известный специалист в области китайской культуры В. Еремеев прекрасно знает, что пара *инь* и *ян* возникла в Китае для обозначения двух сторон горы (освещенной и теневой), но при этом также пишет не о двух гранях *единого*, а о чередовании двух *противоположностей* (см. ниже).

Работы В.Еремеева в области арифмосемиотики Китая – одни из самых интересных, так как они направлены не только на изучение древних учений, но и на стремление найти общее с другими системами других цивилизаций, включая и современную, западноевропейскую. Поэтому в дальнейшем мы будем во многом опираться на его подход.

"Взаимосвязь чередующихся **противоположностей** (выделено мной. – С. С.) инь и ян, в своем единстве составляющих *дао*, *тай цзи*, *юань ци* и пр., иллюстрирует хорошо известная схема Тай цзи ту (Чертеж Великого предела). Схем с таким названием на самом деле было несколько. Все они символизировали строение и развитие Вселенной и исходили из "учения о символах и числах". В данном случае имеется в виду схема, представляющая собой круг, разделенный на две половины волнистой чертой. Силу *инь* обозначает черная половина, силу *ян* – белая. На черной половине круга есть белая точка, на белой – черная.

Круговой вид чертежа символизирует, с одной стороны, некоторую целостность, образованную взаимосвязанными и противоположными силами, а с другой – цикличность их взаимодействий. Изгиб линии, разделяющей две половины круга, подчеркивает динамику взаимодействия сил, готовность перехода одной в другую. Белая точка на черном фоне и черная точка на белом фоне олицетворяют "зародыше-

---

²⁴ Это противопоставление Запада и Востока имеет целью подчеркнуть различие в устремлениях, но следует помнить, что мир един и на Востоке (не смотря на постоянный поиск целостности мира) было не бало битв между различными идеологическими системами.

вые" состояния будущих превращений, внутреннюю взаимосвязь, взаимопроникновенность полярностей, являющихся, как считали китайцы, "корнями друг друга".

Этот символ взаимосвязанности космических противоположностей не такой уж древний. О подлинном его происхождении ничего не известно, кроме того, что знаменитый сунский философ Чжу Си (1130–1200) приобрел рисунок данного символа у своего приятеля Цай Цзитуна (1135–1198), взявшего его, в свою очередь, у каких-то даосских отшельников.

Следующими по важности после пары *ян* и *инь* компонентами арифмосемиотики выделяются понятия, отражающие три основополагающих мировых плана, – Небо (*тянь*), Человек (*жэнь*), Земля (*ди*). Вселенная древних китайцев антропоморфна. Человек как отдельный индивид и как все человечество в целом в определенном смысле не только занимает все пространство между Небом и Землей, но и вбирает их в себя. В триаде "Небо, Человек, Земля", называемой "тремя началами, сокровищами" (*сань цай*), крайние понятия являются разновидностью пары *ян* и *инь*, а промежуточное понятие представляет собой "середину" (*чжун*), также являющуюся важной категорией арифмосемиотики. Данная троика также использовалась для разного рода классификаций.

Существуют три первоначала – великая сила *ян*, великая сила *инь* и то, что образовалось в середине от их слияния. Существуют три оформленных тела – Небо, Земля, Человек. На Небе существуют три вида вещей – солнце, луна, звезды, в центре которых Полярная звезда. На Земле имеются три вида вещей – горы, реки, ровная поверхность. Среди людей имеются три категории – отцы, матери, дети...

В древнекитайской космологии подразумевалось, что вертикальная троичность установилась при развитии мира из "изначальной пневмы" (*юань ци*), которая имеет срединное положение и дифференцируется на силы *ян* и *инь*, соответственно устремляющиеся вверх и вниз. Таким образом, образуются Небо и Земля, являющиеся источниками взаимопроникающих энергий.

Небо – это великая сила *ян*, Земля – это великая сила *инь*, человек находится в центре, как и все сущее. Небо неп-

рерывно обращено книзу, его жизненные начала истекают вниз. Земля непрерывно получает от верха, ее жизненные начала сливаются с верхом. Оба начала соединяются в центре, поэтому Человеку удобно находиться посередине. Оба начала постоянно соединяются и взаимодействуют, сливаясь в центре, они сообща порождают все сущее. Все сущее воспринимает эти два начала, отчего образуются формы, путем их слияния создаются его свойства...

По мнению создателей арифмосемиотики, все в мире подвержено изменчивости (*и*), находится в движении (*дун*) и бесконечных циклических взаимопревращениях (*бянь хуа*). Поэтому мир в целом понимался как некий самодостаточный эволюционирующий полиритмический организм. Части этого организма взаимосвязаны, взаимозависимы, "резонируют" друг с другом по определенным законам и правилам. Задача "благородного мужа" (*цзюнь цзы*) – постичь эти законы и правила сполна и тем самым слиться всем своим существом с мировой целостностью, обретая ее могущество, как об этом говорится, например, в "Си цы чжуани" (I, 3):

Перемены (*и*) следуют мерам-правилам Неба и Земли.

Поэтому они способны полностью сплести *дао* Неба и Земли.

Глядя вверх, будешь наблюдать небесные письма (*вэнь*).

Глядя вниз, узришь земные принципы (*ли*).

По ним познаются причины мрака и света.

Исток начала оборачивается концом.

В этом познается объяснение смерти и рождения..."

[/www.eremeev.by.ru/](http://www.eremeev.by.ru/)

В приведенной обширной цитате есть, пожалуй, все о самых главных принципах философской системы Китая – диада и триада, первоначало и законы их взаимодействия.

Введя принцип разделения на *Инь* и *Ян*, китайские философы нашли простой ключ к разделению всего мира на два одинаковых (в своей основе) начала, как бы эти начала ни проявлялись. И тем самым они свели все горизонтальное разнообразие к бинарному членению мира:

"Небесное Дао устанавливает мужское, земное Дао устанавливает женское" Две пневмы взаимно возбуждаются и воспроизводят 10 тысяч вещей. 10 тысяч вещей рождаются и рождаются, и превращениям нет конца" [28, с. 201].

Из этого простого правила вытекает множество следствий, одно из них заключается в том, что все, что только можно найти в этом мире (в одном горизонтальном слое), всегда располагается либо в иньском, либо в янском классификационном "ящике". В китайской литературе можно найти множество таблиц, разделяющих мир на эти два начала, от самых простых до чрезвычайно сложных. Мы приведем здесь два примера такого рода таблиц.

"Этот ряд в принципе можно продолжать до бесконечности, поскольку любое явление имеет в себе противоположные стороны, которые, по древнекитайским представлениям, сводятся к началам *инь* и *ян* как однородные (*тун лэй*) им явления, взаимодействующие между собой по принципу резонанса – *гань-ин*.

Инь	Ян	Инь	Ян
беспредельное (у зи)	предел (цзи)	отсутствие (у)	наличие (ю)
внутреннее (нэй)	внешнее (вай)	отход (туй)	продвижение (цинъ)
выход (жу)	вход (чу)	память (хоу чжи)	предвидение (сян чжи)
Дао	дэ	печь (лу)	треножник (дин)
женское (нуй)	мужское (нань)	покой (цин)	движение (дун)
жизненность (мин)	природа (син)	изменение (и)	постоянство (чэн)
закрытое (си)	открытое (пи)	преднебесное (сянь тянь)	посленебесное (хоу тянь)
земля (ди)	небо (тянь)	пространство (юй)	время (чжоу)

знак (вэнь)	сущность (чжи)	пустой (кун)	полный (мань)
имя (мин)	реальность (ши)	пятерика (у)	троица (сань)
покорность (кунь)	господство (цянь)	пять полных органов (у цзан)	шесть полых органов (лю фу)
квадрат (фан)	круг (юань)	свертывание (чжуань)	выпрямление (чжи)
корень (бэнь)	верхушка (мо)	свинец (цянь)	ртуть (гун)
Луна (юэ)	Солнце (жи)	сдерживание (цюй)	превращение (хуа)
малый (сяо)	большой (тай)	скрытое (вэй)	явное (чжан)
многое (вань)	единое (и)	смерть (сы)	жизнь (шэн)
мягкое (жоу)	твердое (ган)	смешивание (цо)	выделение (цзюй)
низменное (бэй)	возвышенное (цзунь)	уток (вэй)	основа (цзин)
"низшая душа" (по)	"высшая душа" (хунь)	уход (ван)	приход (лай)
ничтожное (цзянь)	благородное (гуй)	хозяин (чжу)	гость (бинь)
ночь (е)	день (жи)	цзин (<i>"семенная эссенция"</i>)	синь (<i>"сердце, психика"</i>)
обратное (фань)	правильное (чжэн)	чет (оу)	нечет (дань)
общее (гун)	частное (сы)	числа (шу)	символы (сян)

[/www.eremeev.by.ru/](http://www.eremeev.by.ru/)

Приведенная таблица разделения мира на два начала является одним из наиболее развернутых вариантов. Там, как мы видим, *инь-ян* дублируются, расслаиваются на два па-

раллельных ряда. Напомним, что китайцы находили эти два начала в любом объекте, в любом явлении и в любом понятии, поэтому такого рода таблица может иметь бесконечное продолжение, ведь стоит только человеку найти какое-то ранее неизвестное явление, как тут же оно классифицируется по исходному принципу. Познание безгранично, поэтому такого рода таблица также бесконечна. Однако гораздо чаще в литературе встречаются упрощенные таблицы разделения явлений мира по двум принципам, например:

"Ян – это мужское начало, инь – женское. Соединяясь, они образуют дао – универсальный принцип, по которому человек соединяется со вселенной и который позволяет человеку обнаружить вселенную в себе.

ИНЬ	ЯН
Тьма, покой, безжизненность, смерть	Свет, яркость, активность, жизнь
Луна, ночное время суток	Солнце, дневное освещение
Холод, долины, застойная вода	Огонь, возвышенный рельеф местности, горы
Женственность, пассивность, слабость, мягкость, уступчивость	Мужественность, движение, доминирование, твердость

Как видно из таблицы, инь и ян – это две взаимодополняющие противоположности, причем каждая имеет свои атрибуты и поля энергии. Инь и ян не могут существовать друг без друга. Это взаимодействие противоположностей – традиционный символ вселенной".

[/http://www.satorisalon.ru/sat.php?sat=366/](http://www.satorisalon.ru/sat.php?sat=366/)

Как уже отмечалось, в сочетании с тремя уровнями иерархии это бинарное членение мира дает естественную матрицу восьми состояний. Впоследствии они были удвоены, что привело к созданию матрицы из 64 гексаграмм, на основе которой и возникла знаменитая "Книга перемен".

"Основная идея "И-цзина" состоит в противопоставлении темного и светлого начал, которые обозначаются в виде прерывистых горизонтальных черт — —, символизирующих темное начало (*инь яо*), и целых черт ---, символизирующих светлое начало (*ян яо*). Значки, символизирующие темное и светлое начала, носят название *яо*, что означает соединение темного и светлого начал, вызывающих изменения. Первоначально значки состояли из трех черт (это, как утверждается, и символизировало отношения неба, земли и человека), которые, располагаясь в определенном порядке, составляли восемь триграмм (*ба гуа*): *цян* (Ян-ян-ян), *кунь* (Инь-инь-инь), *чжэнь* (Инь-инь-ян), *сюнь* (Ян-ян-инь), *кань* (инь-ян-инь), *ли* (Ян-инь-ян), *гэнь* (Ян-инь-инь) и *дуй* (Инь-ян-ян), символизировавшие восемь проявлений природы — небо, землю, гром, ветер, воду, огонь, горы, озера. Восемь триграмм, которые называют простыми триграммами (*дань гуа*), в дальнейшем путем удвоения рядов превратились в 64 гексаграммы, которые называют удвоенными триграммами (*чунь гуа*)... В восьми триграммах насчитывалось 24 черты, и изменения в значках сравнительно просты, в то время как в 64 гексаграммах 384 черты, характеризующие сложные изменения, и эти изменения позволяют предсказать любые сложные отношения в происходящих процессах" [34, с. 18–19].

Существует несколько версий зарождения триграмм.

"По мнению Ли Цзин-чи, триграммы сформировались в период перехода от узелкового письма (*цзе шэн*) к записям — зарубкам на бамбуковых планках (*шу ци*). Так, целая линия заменила большой узел, прерванная — два малых. В это время люди уже провели классификацию основных природных явлений, выделив небесные и земные дела, гром и ветер, воду и огонь, горы и водоемы, символами для которых и стали восемь триграмм. Все их взаимные сочетания и удвоения образовали 64 гексаграммы. Однако когда появилась письменность, эти символы оказались неспособны конкурировать с ней в качестве определенных лексических выражений" [94, с. 35].

"Ли Цзы-яо считает, что триграммы возникли в среде гадалей, занимавшихся астрономией, астрологией и летоис-

числением. Восемь триграмм генетически связаны с десятью "небесными стволами" (*тянь гань*), обозначая *ян, инь*, воду, огонь, металл, дерево, почву и злаки" [94, с. 36].

Впрочем, какова бы ни была причина их появления, они оказали впоследствии огромное влияние на всю систему китайского мировоззрения. "Лю Вэй-хуа утверждает, что математика в Китае родилась тогда, когда Фу-си создал триграммы. Числовые приемы "Чжоу и" – зародыш древнекитайской математики, а выраженное в этом памятнике учение о числах представляет собой древнейшую в мире оригинальную математическую философию или необычайно древнюю математическую логику. Числовые приемы "Чжоу и" использовались в астрономии и астрологии, летоисчислении, теории музыки, землемерии, устройстве компаса, гадании и пр., что позволяет их охарактеризовать как древнюю прикладную математику" [94, с. 39].

Именно система из 64 гексаграмм является для китайской методологии **полной матрицей состояний**, т.е. тем набором дискретных положений первичных начал, которым в принципе исчерпывается все разнообразие состояний любых объектов (в первую очередь человека) в мире. Это уникальное изобретение резко выделяет китайский подход к познанию мира среди других культур.

"Отдельные черты, символизирующие темное и светлое начала, объединяются и располагаются по шесть черт, образуя систему из 64 гексаграмм, в которых происходит 384 изменения, а поскольку гадание производится по двум гексаграммам, количество изменений увеличивается еще больше. Все превращения, движение и изменение гексаграмм происходят в этом же числовом ряду. В связи с этим **стоит только обратиться к гаданию, как сразу же найдется ответ, и никогда не окажется вопроса без ответа** (выделено мной. – С. С.). Такое использование расположенных в порядке математических чисел, имевшее место более чем три тысячи лет назад, для того времени следует считать "самоновейшей наукой", находившейся на передовом мировом уровне...

Знаменитый немецкий философ и математик Лейбниц, живший в XVII веке, ознакомившись с "И-цзином", не пе-

реставал выражать восторг и считал, что расположение восьми триграмм впервые в истории человечества выдвинуло идею о двоичной системе счисления в математике, что является огромным достижением. Современные электронно-вычислительные машины основаны именно на двоичной системе счисления" [34, с. 28–29].

Немудрено! Для западного человека, погруженного в неразрешимые противоречия европейского сознания, в котором все ситуации складываются индуктивно из действий отдельных элементов мира, варианты развития событий уходят из относительно известного настоящего в бесконечное разнообразие будущего. А здесь это разнообразие со всей его бесконечностью исходно загнано в 64 конкретных варианта, за рамками которых уже не может быть ничего. По сути дела, перед нами оригинальный дедуктивный ход, направленный на то, чтобы "поймать" всю бесконечность разнообразия мира в замкнутое пространство "клетки" системного подхода. И поскольку этот метод был изобретен в Китае и больше ни одной из первичных цивилизаций не повторен, то из данного исторического факта можно сделать вывод – для китайской науки важнее всего было создать простую и ясную в своей основе систему представлений о мире. Это говорит о стремлении китайской философии к **минимизированной простоте**⁽²⁵⁾. Принцип – ничего лишнего был заложен в основание китайской философии, в то время как в европейскую науку он проник лишь спустя несколько тысяч лет и возник в виде известного принципа "бритвы Оккама". И кстати, можно предположить, что Оккам сформулировал свой принцип под влиянием знакомства с китайской философией. Но если "бритва Оккама" отсекала лишнее в конкретном исследовании и не претендовала на большее, то принцип минимизированной простоты в Китае обязательно сопровождался **принципом полноты** описания мира, что существенно усложняло задачу. Необходимо было с помощью нескольких самых простых понятий и схем создать такую систему, которая бы опи-

---

²⁵ Что нашло, кстати, впоследствии свое предельное выражение в японской культуре.

сывала **всю** эту *"тьму вещей"*. Поэтому если говорить о комплексе китайской Системы, то необходимо добавить и принцип предельной полноты описания мира, или, другими словами – принцип **сохранения целостности**.

Безусловно, шестидесяти четырех вариантов было мало для отражения всего разнообразия мира, поэтому китайцы впоследствии стали гадать по гексаграммам дважды, что увеличило вариабельность минимум на порядок. Но если отбросить все дальнейшие наслоения и варианты усложнения таблицы гексаграмм, то перед нами *квантованная* по 64 состояниям дискретная действительность состояний, которая объемлет собой **всё**. Причем переход между состояниями невозможно осуществить логическим путем, но только путем случайного гадания, случайного выпадения костей.

Эта система из 64 гексаграмм является ядром всей китайской арифмосемиотики, именно "Книга перемен" является "китайской Библией" – поэтому мы уделим ей здесь несколько больше внимания.

"Учитель [Конфуций] сказал: "Продлись мои лета, [я бы] пятьдесят [из них] отдал изучению 'Перемен' и смог бы избежать больших отклонений..."

Такой же как Библия для западной культуры, книгой книг китайской культуры является произведение, носящее название "Чжоу и", или "И цзин"... Библия и "Чжоу и" сходны и по своей роли духовного центра соответствующих культур, и по степени загадочности происхождения и глубинного смысла, продолжающей сохраняться несмотря на многовековые подвижнические усилия их исследователей. <...>

...Уже в ханьское время "И цзин" был не только включен в конфуцианский канон, но и поставлен в нем на первое место. <...>

"Книга перемен" стоит на первом месте среди классических книг конфуцианства и в библиографических обзорах китайской литературы" [94, с. 8, 71, 84].

Эту книгу недаром называют Библией Китая, так как она обладает всеми признаками Главной Книги Китайского научного цикла [69] и появилась как раз перед самым его стартом, в конце II тысячелетия до н.э. Появление этой книги предше-

ствовало старту китайской научной цивилизации, и именно она стала фундаментом всего дальнейшего ее развития.

Но при всей важности для китайской культуры "Книги перемен", ее суть до сих пор остается весьма неясной.

"Книга перемен" всегда пользовалась славой темного и загадочного текста, окруженного огромной, подчас весьма расходящейся во мнениях литературой комментаторов. Несмотря на грандиозность этой двухтысячелетней литературы, понимание некоторых мест "Книги перемен" до сих пор представляет почти непреодолимые трудности – столь непривычны и чужды нам те образы, в которых выражены ее концепции... Можно утешить себя только тем, что и на Дальнем Востоке оригинал "Книги перемен" не понимается так просто, как другие китайские классические книги" [94, с. 84].

В самом Китае при этом считается, что главный смысл этой книги был постепенно утерян, о чем свидетельствуют комментарии к ней Чэн Ичуаня (1033–1107):

"Перемены" – это изменчивость, в которой мы меняемся в соответствии со временем для того, чтобы следовать Пути мирового развития. Книга эта столь широка и всеобъемлюща, что через нее мы надеемся встать в правильное отношение к законам нашей сущности и судьбы, проникнуть во все причины явного и сокровенного, исчерпать до конца всю действительность предметов и событий и тем самым указать путь открытий и свершений. Да, можно сказать, что совершенномудрые авторы ее достигли наивысшего в своих заботах о последующих поколениях. Хотя мы уже далеки от тех древних времен, но до нас еще сохранились завещанные ими основные тексты. Однако толкователи прежних времен утратили их смысл и передали лишь слова, а их последователи только произносят эти слова и забывают об их сути. Начиная со времени династии Хань традиция этого учения, пожалуй, уже не существует" [94, с. 120]

Таким образом, в руках современных исследователей есть текст книги, который состоит из 64 гексаграмм, имеющих три слоя текста: названия, афоризмы и комментарии.

"При каждой гексаграмме имеется краткая заметка, приписываемая императору Юань и его сыну князю Чжоу... Первый из них написал примечания к самой гексаграмме, а второй – к каждому из 6 штрихов, ее составляющих. Местами за этими примечаниями следуют длинные отступления, имеющие мало отношения к тексту или фигурам... Отрывки эти значительно моложе фигур с их краткими примечаниями. Смысл как целого произведения, так и отдельных частей чрезвычайно темен... Какой идеей руководился при этом творец этой странной книги, останется для нас, быть может, сокрытым навсегда" [31, с. 59–60].

Именно поэтому "Книгу перемен" современники оценивают весьма по-разному, так, например, Шущкий насчитал 19 оценок – "от самых высоких – "гадательный текст", "философский текст" до самых низких – "фокусы уличного гадалателя", "ребячество", "бред"... " [94, с. 8].

Мы попытаемся здесь если не восстановить утерянный смысл "Книги перемен", то хотя бы показать, почему при столь сложном восприятии ее туманного смысла, при столь неясном происхождении и почти невозможной точной интерпретации эта книга все равно до сих пор остается Главной книгой Китая. И почему именно она стала ядром того "острова принципов", вокруг которого в дальнейшем строилась вся арифмосемиотика Китая, к которой мы еще вернемся.

Начнем с главного – с того, что скрытый смысл этой книги заключается не в том, *что именно* означают те или иные ее гексаграммы, но в том, что книга пытается убедить читателя – **весь мир упорядочен и систематизирован**. И что есть всего 64 варианта состояний в этом мире, которые исчерпывают все его разнообразие. При этом на первом этапе понимания даже неважно, какие именно это состояния, правильно ли их определили древние мыслители, а важно то, что, несмотря на грандиозное разнообразие мира, он устроен по очень простым принципам, которые в сочетании друг с другом дают всего-навсего 64 варианта бытия.

"Триграммы, гексограммы и их компоненты во всех комбинаторно возможных сочетаниях образуют универсаль-

ную иерархию классификационных схем, в наглядных символах (*сян*) охватывающую любые аспекты действительности – части пространства, отрезки времени, природные стихии, числа, цвета, органы тела, социальные и семейные положения и т.д. <...>

По теории "Книги перемен" весь мировой процесс представляет собой чередование ситуаций, происходящее от взаимодействия и борьбы сил света и тьмы, напряжения и податливости, и каждая из таких ситуаций символически выражается одним из этих знаков, которых в "Книге перемен" всего 64" [94, с. 12, 65].

Именно в этом, а не в конкретном описании каждой из гексаграмм таится неувядающая сила "Книги перемен". Любой китаец вырастает в культуре, ядром которой является эта идея, поэтому он с раннего детства уверен, что мир системен, что количество вариантов состояния этой системы ограничено, что необходимо лишь разобраться в основных принципах (три уровня и Инь-Ян), чтобы можно было понять глубочайший скрытый смысл бытия. Это порождает у него совершенно специфическое мировоззрение, мировоззрение спокойного восприятия мира, простого и понятного, доступного и совершенно нетаинственного. Все прошлое известно ему по записям его предков, а о будущем не стоит беспокоиться, ведь оно предопределено судьбой. Если же нужно было удовлетворить свое любопытство перед будущим и снять страх перед его неизвестностью, достаточно было прийти к гадателю, и он простейшим образом показывал китайцу, что его ждет впереди. В современном Китае гадание упростилось до предела:

"Техника гадания уличных гадателей упрощена до предела. Вместо классического отсчета 50 стеблей тысячелестника гадатель просто встряхивает бамбуковой кружкой, в которой свободно лежат 64 палочки, пронумерованные от 1 до 64. Выпавшая палочка механически указывает гадающему номер гексограммы" [94, с. 231].

Таким образом, "Книга перемен" давала каждому китайцу самое простое и уверенное представление об окружаю-

щем мире, она служила своего рода психотерапевтическим средством, снимающим самый главный страх человека – страх перед неизвестностью, в том числе перед неизвестностью будущего. Все, что происходит, – всего лишь вариации из 64 состояний, каждое из которых повторялось тысячи раз, все, что будет, уже было раньше, а узнать это можно самым простым и доступным способом, вытащив из кружки номер гексаграммы. Именно поэтому "Книга перемен" заменяла китайцам Библию. Если Библия говорила западному человеку – все во власти Господа, все идет по воле Его, то "Книга перемен" говорила китайцу – все во власти целостной системы, все идет в рамках этой системы, и нет ничего такого, что бы не укладывалось в эту систему.

Причем изначально была создана более простая система из 8 состояний (триграмм), но постепенно стало ясно, что их недостаточно для того, чтобы "накрыть" смыслом все мировые события.

"...Вначале, когда были только триграммы, хотя они и выражали образы всего существующего, но еще были недостаточны для выражения закономерности метаморфоз всего существующего. Поэтому их удвоили, и таким образом получились гексаграммы, в которых **полностью изображены все предметно существующие вещи и исчерпывающим образом даны все возможные в мире события** (выделено мной. – С. С.)" [94, с. 213].

Таким образом, главной ценностью "Книги перемен" является ее идея системной исчерпаемости мира и конечности его разнообразия, а так же то, что она побеждает эту "тьму вещей", которая так беспокоит любого человека.

Другой ценной идеей, которую всегда несла в себе "Книга перемен", была идея о том, что мир имеет минимум три уровня иерархии и на каждом из этих уровней может доминировать либо сила Инь, либо сила Ян. Более того, каждому, кто обращался к "Книге перемен", приходилось обязательно анализировать самого себя в трех уровнях собственного бытия и внешний мир в трех уровнях его иерархии. И выявлять, какие именно силы на каждом из шести уровней в настоящий момент доминируют для гадающе-

го. А если учесть, что все разнообразие состояний психики, политики, отношения близких и пр. всегда можно в конечном счете свести либо к позитивной либо к негативной оценке (независимо от спектра и глубины этих состояний), то на всегда получалась системной. Любая гексаграмма как бы говорила: загляни в самого себя – что у тебя внутри? Какова расстановка сил на своем внутреннем, среднем и внешнем уровне? Какова расстановка сил вокруг тебя на трех уровнях иерархии? Тем самым любая гексаграмма учила китайца мыслить комплексно, системно, воспринимать мир целостно и оценивать ситуацию по шестиуровневой шкале. А совершенно темные комментарии к каждой гексаграмме не столько давали готовый ответ, сколько стимулировали запуск интуиции гадающего китайца, которая открывала сверхъестественное видение мира. Неясность многих текстов является как раз тем катализатором, который выключал логику и включал ассоциативное мышление, подключал интуицию, давал возможность заглянуть в тайный глубинный смысл событий.

Таким образом, "Книга перемен" не давала прямого ответа, что ожидает человека в будущем, но она и не была предназначена для этого, она была создана (случайно или намеренно – другой вопрос) таким образом, чтобы стимулировать обратившегося к ней человека находить ответ внутри самого себя, используя туманный текст не как подсказку, а, наоборот, как выключатель логического мышления. Текст настолько темен и неопределен, что, грубо говоря, вырубал логику и выбрасывал мышление за пределы привычных штампов. Человек погружался в информационное поле Вселенной и выныривал оттуда с готовым интуитивным видением ситуации.

Еще один неявный урок, который давала "Книга перемен" каждому китайцу, заключался в том, что она учила его философски относиться к удаче и неудаче, к провалам, поражениям и победам. Ведь среди 64 гексаграмм были не только такие, которые сулили счастье, но и такие, которые говорили – остерегайся, тебя ждут большие проблемы. Причем счастье и удача могли смениться на неудачу и трудности буквально мгновенно, стоило только на следующий день вытащить из бамбуковой кружечки другой номер.

Очень важным аспектом "Книги перемен" является то, что в расположении гексаграмм относительно друг друга не прослеживается никакой логики. Здесь есть однозначность внутри каждой ячейки, но нет ее в совокупном их расположении. Поэтому существует множество вариантов взаимного расположения гексаграмм относительно друг друга, и ни один из них не признан каноническим. В свое время советский исследователь Шуцкий потратил немалые усилия, чтобы связать внутренней логической цепочкой все 64 гексаграммы [94], но его результат не был настолько убедительным, чтобы им стали пользоваться другие исследователи гексаграмм. Возможно, гексаграммы действительно можно выстроить в единственно верную логическую цепочку, которая откроет великую тайну последовательности перемен в этом мире. Но пока вся система гексаграмм настолько дискретна, что несет в себе совершенно иную идею – мир развивается скачкообразно, перемены могут быть самыми неожиданными, непредсказуемыми и заранее их рассчитать невозможно. Мир вообще квантован по отдельным состояниям, поэтому следует ожидать любых превратностей судьбы, от них невозможно застраховаться. События выпадают каждому человеку случайно, Бог, вопреки мнению Эйнштейна, играет в кости, кроме логики в этом мире есть нечто такое, что перемешивает все причины и следствия совершенно непредсказуемым и неожиданным способом. Поэтому в каждую минуту будь готов ко всему – и к невероятной удаче, и к самой жуткой трагедии. Как следствие из этой философии – миром невозможно управлять, он наполнен большой долей случайности, поэтому необходимо терпеливо переносить все превратности судьбы.

Этот аспект китайской философской системы многие недопонимают и ищут логику там, где она отвергается исходно. Если западная философская система с момента зарождения была настроена на поиск *причинно-следственных связей*, логического закона последовательности развития событий, то китайская философская система изначально двигалась в противоположном направлении – показать, что логики в развитии мира нет вообще, а есть всего лишь 64 различных состояния, переход между которыми – случайность. Именно поэтому "каждому, кто основательно знаком с историей ки-

тайской философии, известно, что древние философы не оставили после себя трактатов по логике. Известно, что формальная логика, изложенная систематически, появилась в Китае только с распространением буддизма – в переводах индийских логических трактатов” [94, с. 92].

Покажем на примере трех случайно выбранных гексаграмм, в каком положении может оказаться западный мыслитель, который не понимает этой специфики китайского гадания по гексаграммам [94].

Пример гадания по "Книге перемен"

Предположим изначально нам выпала гексаграмма 54 (невеста), которая означает: *В походе несчастье. Ничего благоприятного.*

Естественно, если ты готовился к походу (или к поездке), то после такого предсказания его отменишь, но завтра ты можешь случайно получить другую гексаграмму – 46 Шэн [*Подъем. Изначальное свершение*]. *Указано свидание с великим человеком. Не скорби. Поход на юг – к счастью.*

Ты отправляешься в поход и получаешь послезавтра гексаграмму 30 [*Сияние. Благоприятна стойкость.*] *Свершение. Разводить коров – к счастью.* Что делать в этом случае? Бросить поход и начать разводить коров? Или разводить коров прямо в походе?

Мы видим, что относиться к гексаграммам как к прямому указанию невозможно, они лишь дают некоторые намеки на те обстоятельства, которые необходимо учитывать. Поэтому кроме первого слоя и второго (афоризмы) существует и третий слой, в котором подробно разбирается значение каждого из шести уровней в гексаграмме. И тогда простое указание (типа – разводи коров) превращается в сложный анализ общей ситуации:

№30 .... Ли. [Сияние.

Благоприятна стойкость.] Свершение. Разводить коров – к счастью.

<I> В начале девятка.

Путаница поступков.

– Но *<если>* отнесешься к ним серьезно, хулы не будет.

<II> Шестерка вторая.

Желтое сияние.

– Изначально счастье.

<III> Девятка третья.

Сияние солнечного заката. [Если не песня под постукивание по глиняному кувшину, то] вздохи глубокого старца.

– Несчастье.

<IV> Девятка четвертая.

Внезапно наступает это!

Сгорание, отмирание, отверженность!

<V> Шестерка пятая.

Выступившие слезы льются потоком. [Но будут сочувственные вздохи близких].

– Счастье.

<VI> Наверху девятка.

Царю надо выступить в карательный поход. Будет радость. <Ему надо> казнить главарей и переловить тех, кто не предан ему.

– *Хулы не будет.*

Предположим, что этот текст не имеет никакого смысла для предсказания в прямом его контексте. Но независимо от того, что советует данная гексаграмма, она напоминает гадающему, что мир состоит из двух уровней – внутреннего и внешнего. И на каждом уровне есть три своих уровня, которые относятся к земле, человеку и небу, к низу, середине и верху. И следовательно, прежде чем принять решение, гадающий просто обязан *обдумать* ситуацию на всех шести уровнях, учесть не только свои желания и импульсы, но и внешнюю обстановку в целом, и внешние обстоятельства вокруг себя, а собственную базу, собственную цель соизмерить с внешними обстоятельствам. Поэтому чем туманнее, загадочнее и запутаннее тексты гадания по гексаграммам, тем лучше. Ведь ничего не поняв из этих "наставлений", гадающий вынужден будет сам оценивать состояние всех шести уровней. А будет он их оценивать исходя из интуиции, ибо иного источника информации у него просто нет. И тогда подключается информационный канал Вселенной, невидимое информационное поле, а гадающий вынужден именно

оттуда черпать информацию. Такое гадание сродни медитации йога в позе лотоса, когда он отключает сознание. Следовательно, тексты из "Книги перемен" дают две возможности: первое – они отключают логическое сознание, второе – они задают рамки поиска ответов через информационное поле Вселенной; таким образом, они *сбивают* человека с привычной логики и при этом показывают, что оценивать ситуацию необходимо обязательно по шести уровням.

Итак, мы предлагаем неожиданную версию "Книги перемен" – в ее комментариях почти нет никакого смысла, есть лишь сбивчивые, разнородные и бессистемные попытки дать типовые ситуации, с которыми сталкивался человек в далеком прошлом, которое было актуальным более 3000 лет назад. И отчаяние современных исследователей этой книги возникает как раз в результате того, что они ищут смысл не там. Они пытаются найти логику в построении гексаграмм, в связках между ними, пытаются нащупать тайный смысл в комментариях. Они идут традиционным и единственно возможным для них *западным* путем. А вполне вероятно, что в этом и нет никакого логического смысла, причем нет умышленно. Смысл же этих гексаграмм находится на метауровне системы гексаграмм. Смысл в том, что "Книга перемен" говорит читателю – весь мир изначально может находиться только в 64 состояниях. И тогда каждая из гексаграмм – это код состояния мира в определенный момент его бытия, и кроме этих 64 состояний быть ничего и не может. В этом случае выбор действия человека зависит от того, в каком состоянии находится он сам и в каком состоянии находится окружающая его социальная среда.

Возможно, что предложенная мной интерпретация сути "Книги перемен" не совсем верна. Возможно, в каждой гексаграмме заключен глубокий смысл, который был утерян уже более тысячи лет назад. Возможно, со временем кому-то удастся восстановить более глубокий смысл во всех этих афоризмах и текстах. Но это не перечеркнет того, о чем было написано выше. "Книга перемен" несет в своем подтексте идеологию китайской философской мысли: мир глубоко системен, в основе лежит несколько базисных принципов, разнообразие сочетаний которых невелико и исчерпывает все разнообразие мира, который переменчив, он как позитивен, так и негативен, за уда-

чей может прийти поражение, мир всегда должен восприниматься как целое, полностью объемлемое мыслью, мир конкретен и рационален, он конечен и прост. Именно эти идеи несет в себе "Книга перемен" независимо от того, какое конкретное наполнение и толкование дают ее 64 гексаграммам. Именно поэтому "Книга перемен" – краеугольный камень всего китайского мировоззрения, всей китайской цивилизации.

И если сравнивать эти принципы с принципами индийской философской Системы, то мы видим, что они предельно полярны. Разнообразие в индийской системе изначально бесконечно велико и не может быть вписано ни в одну систему по определению, мир неконкретен и переменчив, он логичен и преемственен, он текуч и эволюционен, он крайне сложен и не может в принципе вместиться в сознание человека, а при попытках это сделать у тебя отвалится голова...

Но "Книга перемен" при всей ее значимости – всего лишь ядро китайской арифмосемиотики. В ней использованы три первых числа: единица, двойка и тройка. Единица – символ целостности мира, двойка – его исходной всеобщей бинарности (Инь и Ян), тройка – трехуровневой иерархии. В дальнейшем арифмосемиотика пошла по пути анализа других числовых структур, мир был рассмотрен с позиций тетраэдрической структурности, пятичленности и так вплоть до числа 12. Каждое новое число создавало новую систему мира, по сути автономную, но корнями связанную с предыдущими системами. Рассмотрим, как это получалось в арифмосемиотическом учении Китая, используя для этого анализ этой темы в работах китаевода В. Еремеева.

"Древние китайцы полагали, что каждое число указывает на свое местоположение в пространственно-временном континууме. Это позволяло рассматривать числа как средства классификации, на основе которых возможно эффективно выявлять классификационные и ранжировочные принципы. Числа в пределах десятки и некоторые другие были сопоставлены с классификационными комплексами понятий, игравших важную роль в древнекитайской арифмосемиотике. Числа с 1 по 5 назывались "порождающими числами" (*шэн шу*), а числа с 6 по 10 – "формирующими

числами" (*чэн шу*). Между этими двумя наборами устанавливалось поэлементное соответствие.

Порождающие	1	2	3	4	5
Формирующие	6	7	8	9	10

Естественно, единица, начинающая ряд чисел, выделялась как основа основ всех чисел. Единица, являющаяся символом целостности, соотносилась с такими понятиями, как "великое единое" (*тай и*), "великий предел" (*тай цзи*) и др. Все остальные числа можно рассматривать как результат той или иной ее дифференциации.

Среди классификационных соответствий чисел от 1 до 10 с различными мироописательными комплексами понятий наиболее популярными были следующие:

единица – "Великое единое" (*тай и*); "Великий предел" (*тай цзи*);

двойка – противоположности – "светлое и темное" (*ян и инь*);

тройка – противоположности и "середина" (*чжун*); "три начала" (*сань цай*) – "небо, земля, человек" (*тянь, ди, жэнь*);

четверка – "четыре части света" (*сы бяо*); "четыре сезона" (*сы ши*); "четыре символа" (*сы сяи*);

пятерка – страны света и центр; "пять стихий, движений" (*у син*), "пять пнеум" (*у ци*), "пять планет" (*у син*) и "пять звуков" (*у шэн*);

шестерка – страны света, верх и низ – "шесть направлений" (*лю хэ*); "шесть пнеум" (*лю ци*), "шесть хранилищ" (*лю фу*), "шесть ладов" (*лю луй*);

семерка – "шесть направлений" и центр, "семь светил" (*ци син*), "семь нот" (*ци шэн*);

восьмерка – "восемь триграмм" (*ба гуа*), "восемь ветров" (*ба фэн*);

девятка – "девять дворцов" (*цзю гун*), "письмена [из реки] Ло" (*ло шу*);

десятка – "чертеж [из реки] Хэ" (*хэ ту*); "десять небесных стволов" (*ши тянь гань*) и пр." /www.eremeev.by.ru/

Аналогично этому 10-ричному принципу в Китае развился и принцип 12-ричного членения мира.

"Циклические знаки"

К шанской эпохе восходят археологические свидетельства использования двух числовых комплексов – из 10 и 12 так называемых в китаеведении "циклических знаков". С эпохи Ранней Хань эти знаки стали называться соответственно "небесными стволами" (*тянь гань*) и "земными ветвями" (*ди чжи*).

"Небесные стволы" уже в XIV-XIII вв. до н.э. подразделялись на "твердые" (*ган*) и "мягкие" (*жоу*), что в дальнейшем стало эквивалентно янским, мужским, нечетным и иньским, женским, четным числам.

"Небесные стволы"

№	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Знак	<i>цзя</i>	<i>и</i>	<i>бин</i>	<i>дин</i>	<i>у</i>	<i>цзи</i>	<i>гэн</i>	<i>синь</i>	<i>жэнь</i>	<i>гуй</i>
Пол	<i>ян</i>	<i>инь</i>	<i>ян</i>	<i>инь</i>	<i>ян</i>	<i>инь</i>	<i>ян</i>	<i>инь</i>	<i>ян</i>	<i>инь</i>

"Земные ветви" первоначально не имели подобного подразделения, но при сочетании с "небесными стволами" автоматически наделялись янскими и иньскими характеристиками, которые в дальнейшем за ними закрепились.

"Земные ветви"

№	Знак	Пол	Месяц суток	Время света	Сторона	Животное
1	<i>цзы</i>	ян	11	23–01	Север	крыса
2	<i>чоу</i>	инь	12	01–03	ССВ	бык
3	<i>инь</i>	ян	1	03–05	ВСВ	тигр
4	<i>мао</i>	инь	2	05–07	Восток	заяц
5	<i>чэнь</i>	ян	3	07–09	ВЮВ	дракон
6	<i>сы</i>	инь	4	09–11	ЮЮВ	змея
7	<i>у</i>	ян	5	11–13	Юг	лошадь
8	<i>вэй</i>	инь	6	13–15	ЮЮЗ	овца
9	<i>шэнь</i>	ян	7	15–17	ЗЮЗ	обезьяна
10	<i>ю</i>	инь	8	17–19	Запад	петух
11	<i>сюй</i>	ян	9	19–21	ЗЮЗ	собака
12	<i>хай</i>	инь	10	21–23	ССЗ	свинья

"Небесные стволы" и "земные ветви" сочетаются парами, в которых первым стоит "ствол", а второй – "ветвь": *цзя-цзы, и-чоу, бин-инь* и т.д. Таким образом, получается 60 пар, образующих шестидесятеричный цикл (*чжоу*), в котором имеются подциклы из 6 наборов "небесных стволов" и 5 наборов "земных ветвей". Шестерка считалась числом силы *инь*, а пятерка – *Ян*" /www.eremeev.by.ru/

Кто первый ввел 12-ричное счисление – шумеры или китайцы, сейчас трудно установить. Шумеры, безусловно, начали создавать свою науку раньше, но в Китае к этому же принципу могли прийти и независимо.

Тот факт, что китайская методология остановилась на двух предельных числах (10 и 12), имеет на самом деле глубокий научный смысл, которого мы коснемся далее (см. главу 7). Но стоит отметить, что чем большее число расслоений применяли китайцы, тем менее определенным становится принцип отнесения к этим составным частям отдельных явлений. Уже начиная с учения о пяти элементах возникает большая неопределенность.

"Это учение было еще не в состоянии осознать единый характер веществ с точки зрения их химических свойств, но смогло осознать это единство со стороны их формы.

Учение о пяти стихиях рассматривает воду, огонь, дерево, металл и землю как элементарные частицы, образующие все предметы" [34, с. 30].

Китайские ученые считают, что учение о пяти стихиях зародилось позже учения о триграммах. Необходимость введения дополнительной системы классификации обуславливалась тем, что, исходя из двух абстрактных сил и трех уровней их развития, легко было построить системную матрицу событий и состояний, но не реальный физический мир. Какие стихии (среды, состояния) видел вокруг себя древний китаец в природе? Землю, воду, огонь – несомненно, осязаемые формы различного существования материи. Не материи вообще, включая небо, а материи более конкретной – той, что на поверхности земли, той материи, с которой он находился в непосредственном контакте в про-

цессе своей повседневной деятельности. Почему китайцы не включили воздух в состав первичных стихий? Почему вместо воздуха, который был включен в состав четырех первичных сред у греков, здесь появились дерево и металл? Этот вопрос не дает покоя исследователям китайской философии. Можно предположить, что если стихии земли, воды и огня были для китайца ощутимыми и важными в его практической деятельности, то воздух был слишком неуловимой (и бесполезной) для такой деятельности стихией. А кроме того, исходно заданные пять ячеек классификации требовали ввести еще два важных элемента – металл и дерево. Спрашивается, почему именно эти элементы, а не другие? Допустим, что металл настолько выделялся среди других материалов, что заслужил особый статус, но какое отношение он имеет к природе? Ведь металла в чистом виде в природе нет (если не брать во внимание небесный металл – метеориты). Здесь, видимо, сыграл свою роль китайский "социологический фильтр" – способ воспринимать мир всегда через призму социальных явлений, что приводит к "подмешиванию" социальных категорий во все схемы и принципы. Именно поэтому, вероятно, чисто искусственный материал оказался на равных в среде природных стихий. Но если сюда включили металл, то почему не включили глину (может, потому, что это – смесь воды и земли?), бумагу, ткань? Можно предположить потому, что металл – наиболее выдающийся для сознания древних китайцев *искусственный материал*, которому делегировались, так сказать, представительские функции в наборе стихий "интересов" всех остальных искусственных материалов, тех же бумаги, ткани и т.п. По этому же принципу можно предположить, что дереву делегировались представительские функции всех *живых веществ*, например, травы, мяса, молока и т.п. Почему дереву? Ну, потому, что именно дерево служило *материалом*, из которого изготавливались предметы, и оно при этом было живым. Из травы, мяса и молока создавать предметы можно, но эти возможности не идут ни в какое сравнение с деревом. Итак, мы здесь высказываем предположение, что, собирая "пул" из первичных стихий, китайцы повторили древних греков, включив в него почву (землю), воду и огонь. Эти три элемента соответствуют

трем основным фазовым состояниям вещества (твердому жидкому и плазменному). Но вместо газообразного (невидимого и неосязаемого воздуха) вещества они поместили в эту пятерку металл, представляющий социальные элементы, и дерево, представляющее живые элементы. Тем самым они нарушили физический принцип, но выполнили принцип системной полноты.

Иной (правильный с точки зрения физики) подход к пяти стихиям мы встречаем у индусов:

"В основе всего комплекса натурфилософских воззрений древних индийцев лежит учение о пяти элементах. К ним относится земля... вода... огонь... воздух... и эфир. Четыре первых элемента считаются материальными, а эфир представляется нематериальным... Эфир считается всепроникающим элементом" [34, с. 31].

Именно такое представление о пяти стихиях было впоследствии воспринято европейской наукой, причем, скорее всего, оно было перенято не у индусов, а у древних греков. Если учесть, что первые четыре элемента – четыре фазовых состояния вещества (твердое, жидкое, газообразное, плазменное), а пятое – эфир, который европейская наука искала вплоть до XX в., и отказ признавать существование которого до сих пор оспаривается многими учеными, то очевидно, что китайская цивилизация свернула с чисто физической дороги познания, а индийская – нет.

Отметим еще одну особенность китайского системного подхода. Все схемы (за редким исключением) внутренне не систематизированы. *Инь* и *ян* еще привязываются иногда к некоторой конкретной пространственной схеме: небо-человек-земля, в которой *инь* занимает место низа, а *ян* – верха. Аналогично конкретно взаиморасположение внутри иерархичной троицы (небо, человек, земля). Привязывается к сторонам света классификация, основанная на четверке. Но уже с пятичленной системы начинается неопределенность во взаиморасположении частей относительно друг друга. Китайцы создали схемы, состоящие из 5...64 ячеек, но во взаиморасположении этих ячеек нет никакой внутренней закономерности. Их нельзя сопоставить с таблицей элемен-

тов Менделеева, в которой каждая клеточка имеет свое *единственно правильное место* по отношению к другим ячейкам и ко всей системе в целом. Это и не позиционная система индусов, которая четко определяет значимость каждого разряда чисел и последовательность их перечисления. Все ячейки китайских классификаций живут, по сути дела, своей независимой жизнью (за исключением 12-значной системы погодного летоисчисления, которую они могли взять из зодиакальной системы Вавилона). Невозможно найти четкую логику построения китайских таблиц, и в китайской философии на равных существует множество самых разнообразных вариантов комбинаций из пяти элементов, 8 триграмм и 64 гексаграмм. В Китае неоднократно безуспешно предпринимались попытки связать все эти отдельные ячейки какой-то внутренней закономерностью:

"Пятичленная пространственная модель мира, построенная на стихиях, дополнялась у древних китайцев временной моделью, которая также описывалась стихиями. Считалось, что различные мировые процессы можно рассматривать как переходы от одной стихии к другой, причем целостное законченное явление или циклический процесс рассматривалось как прохождение всего их набора. Поэтому древние китайцы придавали большое значение порядкам перечисления стихий". /www.eremeev.by.ru/

Но несмотря на это, китайцам так и не удалось составить четкую и ясную последовательность взаимосвязей между стихиями. Даже в классический период возникли и конкурировали друг с другом не менее четырех вариантов, каждый из которых претендует на истинность. Приведем здесь лишь один из нескольких вариантов попытки как-то упорядочить взаимное соотношение пяти стихий:

"В пространственном отношении пять стихий обозначали четыре стороны света и центр. Считается, что такая пятичленная модель сформировалась в Китае еще во второй половине II тысячелетия до н.э. и отражает типичную для архаических обществ горизонтальную модель мира, наделенную характеристиками реалий эпохи Шан-Инь. Центральной зо-

ной расселения иньцев был бассейн реки Хуанхэ с лёссовыми почвами, желтый цвет которых был перенесен на центральную стихию "почва". Красный цвет стихии огонь соотносился с югом, откуда светило солнце, которому "огненность" и "красность" присуща больше, чем всему остальному. На севере от переселения иньцев протекала река Хуанхэ с ее темными водами, что послужило установлению корреляции севера с водой и черным цветом. К востоку от центральной зоны простирались девственные леса, и поэтому стихия востока – дерево, а цвет – зеленый. На западе от бассейна реки Хуанхэ находятся горные массивы, где добывали металл. Белый цвет запада, возможно, ассоциировался со снегом на вершинах горных хребтов". /www.eremeev.by.ru/

Очевидно, что данный порядок, безусловно, наивен. И он не имеет никакого отношения к реальному взаимоотношению стихий. Совсем другую ситуацию мы видим в индийской системе. Очевидно, что из пяти индийских элементов (эфир, пламя, воздух (ветер), вода, земля) легко построить современную последовательность стихий, в которой четко прослеживается естественная система фазовых превращений. Твердое состояние может превратиться при нагреве в жидкое, жидкое при дальнейшем нагреве – в газообразное, газообразное при дальнейшем нагреве – в плазму. Безусловно, индийские философы вряд ли могли знать о фазовых превращениях в привычном для нас понимании. Но важно другое – независимо от того, какой смысл они вкладывали в каждый из своих элементов, они как бы "угадали" скрывающуюся за ними фазовую картину состояний вещества. И совершенно не вписываются в современную схему два элемента из китайского перечня – дерево и металл.

Уже в наше время В.Е. Еремеевым была предпринята титаническая попытка "навести порядок" внутри всех классификаций и схем, рожденных китайской наукой [28]. Но несмотря на предпринятые усилия и интересные результаты, эта попытка, на мой взгляд, не привела к четкой и ясной системе. В последующем В.Е. Еремеев расширил методологию и предпринял попытку создания единой целостной картины китайской систематизации, опираясь уже не на двумерные, а на трехмерные схемы, полагая, видимо, что

скрытый порядок зашифрован именно в трехмерном пространстве /www.egemeev.by.ru/. Но и эта попытка, с моей точки зрения, не дала желаемой ясности. Отсюда можно сделать два альтернативных вывода. Либо мы имеем очень сложный "код" смысла систематизации в китайской науке, либо китайская систематизация проработана была лишь для первых двух членений (2 и 3). А уже начиная с 5-членной схемы нет общего принципа, связывающего внутренней логикой переход из одного состояния в другое.

Из второго предположения можно сделать вывод, что китайский системный подход изначально был *комбинаторным* и *качественным*. Развитая классификация отличается от комбинаторики тем, что в ней есть некий количественный параметр, придающий определенный "вес" объекту классифицирования. Так, например, химические элементы отличаются не только своими свойствами, но и весом, поэтому их легко расположить по нарастающей, еще они отличаются валентностью – количеством возможных связей. В любой же китайской системе отсутствует количественный признак, по которому можно сравнивать отдельные ячейки. *Инь* и *ян* равноценны по силе, стороны света равноценны по своим свойствам, первичные элементы так же равноценны. Все системы Китая построены так, что в них нет выделенных элементов, они все находятся в одной параметрической плоскости, все усреднено равны. Это равенство, которое очень хорошо знакомо нам по принципам социализма и коммунизма. Оно проистекает из все той же внемаштабности горизонтальной китайской философской системы. Ибо именно вдоль масштабной оси расположены похожие объекты, но разного веса или разного размера. Если же в китайской философской системе изначально вообще не участвует масштабный вектор, то любой объект оказывается в ней на одном масштабном уровне с другим. Следовательно, они имеют один и тот же количественный параметр, и поэтому исходно невозможно построить какую-либо последовательность и выбрать один порядок из множества комбинаций. Ведь только количественное отличие позволяет располагать объекты и системы друг на друга в строго фиксированной последовательности! Поэтому какие бы титанические усилия ни прилагали китайские фило-

софы, пытаясь выстроить единственный (главный) вариант расположения 8 триграмм или 64 гексаграмм, какие бы попытки ни предпринимались выстроить единственно верный порядок расположения 5 стихий или 10 стволов, все они оставались альтернативными вариантами и ни один из них не мог победить остальные в принципе. Ибо вся китайская система построения мира изначально не имела количественного измерения.

Единственное, что спасало китайцев от полной неопределенности во взаиморасположении, так это сама природа. Все-таки верх можно было отличить от низа, можно было отличить и стороны света, легко было составить и последовательность 12 месяцев, так как чередование зимы, весны, лета и осени задавало неизменную последовательность. Только такого рода ориентиры и спасали китайскую систему от полной калейдоскопичности, поэтому там, где только можно было, китайские систематики привязывались к этим трем природным ориентирам. Но выглядело это иногда столь же нелепо, как определение левой или правой ноги у русского солдата-новобранца из прошлых веков по тому, к какой из них привязывали сено или солому. Но иногда эта "привязка" происходила вполне естественно. Так, например, начиная с тройки китайские систематики привязывались к географии:

тройка – небо, земля, человек (*тянь, ди, жэнь*),
четверка – четыре части света (*сы бяо*),
пятерка – страны света и центр,
шестерка – страны света, верх и низ – "шесть направлений" (*лю хэ*),
семерка – "шесть направлений" и центр.

Важно заметить, что, сколько бы ни членили китайцы действительность, она не теряет при этом свойства целостности. За счет чего они ее сохраняют? За счет двух важных понятий – подобия вещей друг другу и их гармонического сочетания.

Целостность основных принципов и их простота в китайской Системе несомненно входят в противоречие с реальным разнообразием мира. В европейской традиции отказались от целостности в пользу дифференцированного

понимания этого разнообразия. В китайской же картине мира целостность важнее точности, поэтому, спасая ее, китайские философы объявляют все разнообразие мира подобным основным принципам. Остальные явления – всего лишь проекция этих принципов на окружающую среду. Саму эту среду китайцы не систематизируют и не задаются глобальным вопросом о причинах ее устройства. Почему в организме есть органы? Почему природа состоит из воды, воздуха, земли, рек, озер, темноты, сладкого, теплого и пр. – этот вопрос в китайской системе миропонимания даже не ставится. Состоит – и все тут. Мир вокруг китайского набора принципов бесконечно многообразен, но при этом самоподобен, поэтому понятен. Мир вокруг "острова принципов" – это множество явлений, объектов, сред и понятий, он континуален и не структурирован. Но все это разнообразие самоподобно и порождается всего несколькими принципами, они проявляются во всем, поэтому достаточно дать несколько схем, чтобы показать это.

Но самоподобие всего лишь служит основанием целостности, оно не спасает от распада единства. От распада, от потери целостности спасает мир гармония. Впрочем, и гармонию китайцы понимают по-своему, только как горизонтальное сочетание компонентов.

"Уравнение одного с помощью другого называется гармонией, благодаря гармонии все бурно растет и все живое подчиняется ей. Если же к вещам одного рода добавлять вещи того же рода, то, когда вещь исчерпывается, от нее приходится отказываться.

Именно поэтому покойные ваны, создавая все, смешивали землю с металлом, деревом, водой и огнем. Именно поэтому они комбинировали пять вкусовых ощущений, чтобы удовлетворить вкус; укрепляли четыре конечности, чтобы защитить тело; добивались гармонии между шестью мужскими нотами, чтобы усилить слух; приводили в соответствие органы чувств, представленные семью отверстиями, чтобы они служили сердцу; связывали между собой восемь частей тела, которые составляют человека; укрепляли девять внутренних органов, чтобы утвердиться в чистой добродетели; устанавливали десять рангов, чтобы наставлять

сотни чиновников; определяли тысячи должностей и ставили десять тысяч чиновников; обсуждали сотни тысяч дел; принимали решения, касающиеся миллионов существ; получали регулярные поступления, размер которых доходил до бесконечности". /www.eremeev.by.ru/

"По мнению создателей арифмосемиотики, все в мире подвержено изменчивости (*и*), находится в движении (*дун*) и бесконечных циклических взаимопревращениях (*бянь хуа*). Поэтому мир в целом понимался как некий самодостаточный эволюционирующий полиритмический организм. Части этого организма взаимосвязаны, взаимозависимы, "резонируют" друг с другом по определенным законам и правилам. Задача "благородного мужа" (*цзюнь цзы*) – постичь эти законы и правила сполна и тем самым слиться всем своим существом с мировой целостностью, обретая ее могущество, как об этом говорится, например, в "Си цы чжуани" (I, 3)". /www.eremeev.by.ru/

"На 8-м году правления чжоуского Ю-вана (782–771 гг. до н.э.) историограф Бо, отвечая на вопросы чжэнского правителя Хуань-гуна, говорил: "А ведь гармония фактически рождает все вещи, в то время как единообразие не приносит потомства"" [34, с. 33].

Мы видим, что целостность мира обеспечивается, с одной стороны, самоподобием всех его частей, а с другой стороны, их гармоничным сочетанием, но, что важно отметить, – сочетанием вещей одного иерархического уровня.

Рассмотрим теперь наиболее характерные свойства китайской философской системы, вытекающие из сочетания общего принципа восточного целостного восприятия мира и специфического китайского горизонтального восприятия.

Целостность и принцип полноты описания

Мир Китая не складывался из отдельных частных явлений и объектов в пеструю мозаику, как это происходило в Европе, он изначально воспринимался единым целым, а разнообразие – через призму нескольких базисных принципов.

Целостная системность восприятия мира нашла свое воплощение во всем, и в первую очередь в космологической картине мира Китая.

"Небо и Земля были тесно связаны друг с другом. Небесные и земные явления представляли собой единое целое. Это нашло выражение в государственной религии и соответствующих ей церемониях. Китай – центр Земли, "срединная империя", она соответствует полюсу как середине неба; так же как император на Земле, на небе правит бог – Шанди. Император является "сыном Неба"; он может поддерживать гармонию между небом и Землей, если в своих поступках будет точно следовать предписаниям и обычаям предков (подчеркнем: целостность даже во времени – преемственность, нет разрывов традиций! – С. С.). Нарушение одного из этих условий влечет за собой также нарушение и другого. Не только нерегулярности на небе вызывают бедствия на Земле, но также неподобающие действия людей вносят беспорядок в природу и на небо. Затмения и кометы служат указанием на то, что император или правительство совершили преступления, плохо управляли или пренебрегли должным церемониалом" [46, с. 95].

Но если мир целостен и описывается несколькими принципами, то неизбежно возникает задача принять этот набор схем и принципов *исчерпывающим*. Иначе за его пределами останется нечто, что не вписывается в общую схему, и это нарушит принцип целостности. Очевидно, что для того, чтобы несколькими простыми, пусть даже гениальными схемами и принципами объяснить все разнообразие мира, приходится жертвовать его деталями и нюансами, видеть в частном всегда общее. Такой подход – дедуктивный метод познания, когда анализ идет от общего к частному. Но при этом на каждом этапе расслоения принципов общая картина сохраняется, не теряется ни грана из всеобщего охвата мира. В результате в Китае фетишем, навязчивой идеей познания стал **принцип предельной полноты охвата разнообразия мира**. Эту идею очень хорошо иллюстрирует известный диалог с Учителем (Конфуцием):

"Учитель сказал:

– Письмо не исчерпывает речь, речь не исчерпывает мысль. В таком случае не могли ли мысли совершенномудрых людей быть невыраженными?

Учитель сказал:

– Совершенномудрые люди составили символы-сян – этим исчерпав мысли; установили гуа – этим исчерпав истинное и фальшивое; присоединили изречения (цы), в которых исчерпали речь; изменяя и сочетая их – исчерпали полезность; возбуждая их, стимулируя их – исчерпали дух (Си цы, I, 12)". (www.eremeev.by.ru)

Как можно было совместить огромное разнообразие видимого мира с представлением о его единстве и целостности? Для этого необходимо было найти в окружающей действительности несколько универсальных (системных) принципов, которые бы порождали это разнообразие. Нужно было найти **принцип системного членения** единого на части. Такое расслоение целого на системные ячейки и является основой системного дедуктивного подхода, который, скорее всего, изобрели впервые именно китайцы.

В принципе перед мыслителями древнего Китая стояла следующая методологическая задача: сохраняя целостность картины мира, найти такую систему для всех известных объектов и явлений, которая содержала бы в себе их все без исключения.

На первый взгляд перед ними стояла типичная классификационная задача. Один из примеров успешного решения такой задачи – таблица элементов Менделеева. Несмотря на огромное разнообразие химических веществ, все они состоят из конечного числа атомов. Это число известно, и все атомы разложены по соответствующим ячейкам. И хотя число изотопов многих атомов делает эту простоту несколько относительной, для того, чтобы ориентироваться в мире химии, необходимо постоянно "держат в уме" таблицу Менделеева. А зная свойства каждого атома, путем простых построений можно уже описывать и свойства более сложных химических молекул. Но перед любым классификатором стоит задача, практически зеркальная той, что стоит перед любым систематизатором. Классификатор имеет

исходный материал в виде множества ранее "случайно" обнаруженных объектов. Он собирает их в некий список, определяя принадлежность к этому списку по сходным признакам. Дальнейшая задача заключается в том, чтобы, комбинируя элементы, составить из них "естественную" классификацию, т.е. такую, в которой был бы найден какой-то тайный, скрытый порядок. Задача классификатора – в хаосе свойств известных, эмпирически исследованных объектов и явлений найти простую и естественную систему.

Перед систематизатором стоит задача противоположного свойства. Ему необходимо сначала найти систему, найти *тайный порядок*, главный принцип, а затем, построив из него матрицу свойств, пытаться наполнять ее реальными объектами. При этом есть опасность, что логично устроенная система будет с трудом наполняться реальными объектами, если она будет лишь формальной и в ней не будет заложено *естественного принципа*.

Если смотреть на эти два подхода в целом, то перед нами два различных пути к одной и той же цели. И индуктивный метод классификации, и дедуктивный метод систематизатора должны сойтись в одной точке, как сходятся с разных сторон проходчики туннеля в его центре. В этой точке должна быть найдена некая Великая Система Мира, Логос Вселенной, Общая Теория Систем и т.п. ... По сути дела, любая научная теоретическая деятельность высшего уровня направлена в конечном итоге к этой центральной точке – нахождению единого закона мира. Но в разных культурах и в разные времена к этой цели идут различными путями. Здесь мы рассматриваем китайский вариант этого пути.

Китайские мыслители поставили перед собой цель – создать некую таблицу свойств мира, в которой бы изначально было вполне обозримое количество элементов, состояний и свойств. При таком расслоении целого на составные части свойство цельного охвата мира не теряется, оно переходит с каждым шагом расслоения на более детализированную систему. И они такую таблицу составили, точнее, несколько таких таблиц и различные варианты их построения. Но в отличие от Менделеева (да и всех классификаторов западной традиции) они шли от целого к частному. У них изначально была обозначена целостная система – весь мир. Разделяя

его на разные грани и элементы, они стремились построить "таблицу элементов" этого мира, в которой бы нашли свое естественное место все без исключения известные им объекты и явления. Очень важно отметить, что при таком подходе сколь бы ни была детальной система, она сохраняла великий принцип **полноты охвата** всего мира явлений.

Стремясь к этой цели, на первом этапе нужно было сохранить целостность вертикали и горизонтали, целостность бинарного и троичного членения мира. Этого китайская философия добилась за счет введения некоего среднего понятия между *ян* и *инь* – *чжун*:

"Следующими по важности после пары *ян* и *инь* компонентами арифмосемиотики выделяются понятия, отражающие три основополагающих мировых плана – Небо (*тянь*), Человек (*жэнь*), Земля (*ди*)... В триаде Небо, Человек, Земля, называемой "тремя началами, сокровищами" (*сань цай*), крайние понятия являются разновидностью пары *ян* и *инь*, а промежуточное понятие представляет собой "середину" (*чжун*), также являющуюся важной категорией арифмосемиотики. Данная тройца также использовалась для разного рода классификаций.

Существуют три первоначала – великая сила *ян*, великая сила *инь* и то, что образовалось в середине от их слияния. Существуют три оформленных тела – Небо, Земля, Человек. На Небе существуют три вида вещей – солнце, луна, звезды, в центре которых Полярная звезда. На Земле имеются три вида вещей – горы, реки, ровная поверхность. Среди людей имеются три категории – отцы, матери, дети...".
[/www.eremeev.by.ru/](http://www.eremeev.by.ru/)

Таким образом, разворачивая горизонтальный принцип по вертикали, китайцы приписывают Небу мужское, янское, свойство, а Земле женское, иньское, и соединяют через дополнительное понятие *чжун* оба принципа в один. Таким образом, они делают принципы горизонтали и вертикали тождественными.

Аналогичное объединение двух принципов достигалось и при другом подходе, когда система мира строилась на основе изначальной среды, эфира:

"В древнекитайской космологии подразумевалось, что вертикальная троичность установилась при развитии мира из "изначальной пневмы" (*юань ци*), которая имеет срединное положение и дифференцируется на силы *ян* и *инь*, соответственно устремляющиеся вверх и вниз. Таким образом, образуются Небо и Земля, являющиеся источниками взаимодействующих энергий:

Небо – это великая сила *ян*, Земля – это великая сила *инь*, человек находится в центре, как и все сущее. Небо непрерывно обращено книзу, его жизненные начала истекают вниз. Земля непрерывно получает от верха, ее жизненные начала сливаются с верхом. Оба начала соединяются в центре, поэтому Человеку удобно находиться посередине. Оба начала постоянно соединяются и взаимодействуют, сливаясь в центре, они сообща порождают все сущее. Все сущее воспринимает эти два начала, отчего образуются формы, путем их слияния создаются его свойства". /www.eremeev.by.ru/

Еще один близкий к первым двум вариант сохранения целостности – строить систему мира на основе некоего принципа изменчивости, который и разворачивается в дуальное и триадное структурирование мира:

"Важнейшей категорией арифмосемиотики является категория изменчивости, перемен (*и*), посредством которой описываются чередования активного и пассивного начал – *инь* и *ян* – "двух образцов" (*лян и*). Исконные значения этих иероглифов – "теньевая" и "световая" стороны горы – послужили основой для их гносеологического толкования: *инь* – это то, что "скрыто" или менее проявлено, *ян* – это то, что "явно" или более проявлено. В онтологическом смысле эта пара обозначает некие пассивный и активный первичные принципы или силы, в соответствии с которыми распределились остальные мировые полярности: тьма – свет, холод – тепло, малое – большое, внутреннее – внешнее, мягкое – твердое, слабое – сильное, женское – мужское и т. д.". /www.eremeev.by.ru/

Дедуктивный метод неизбежно ведет к упрощенной картине мира⁽²⁶⁾. Однако при этом все же складывалась такая картина, в которой "...полностью изображены все предметно

существующие вещи и исчерпывающим образом даны все возможные в мире события" [94, с. 213].

"Чжоу Си говорит: "Постижение вещей – это исследование каждой вещи вплоть до выявления ее высшего принципа"... Чжоу Си писал: "Достижение знаний означает то, чтобы в моем сердце не было ничего, чего бы оно не знало"... Он требует того, чтобы познание поднималось до уровня, когда не остается ничего не познанного, т.е. достижение знания всего" [34, с. 339–340].

Сохранив целостность, китайские мыслители создали модель мира, которую образно можно представить как "остров принципов" в океане бесконечной среды одного иерархического уровня. Невольно представляется некий остров в океане с императорским дворцом, огороженный "китайской стеной". На самом острове все четко упорядочено и постоянно, а за стеной бушуют волны, дуют ветры, плавают "киты" неизведанного и в тумане скрывается неопределенность окружающей остров тьмы вещей и явлений. Главные усилия китайские философы направили на создание системной парадигмы, обладающей очень простыми и конечными законами, а на естественное разнообразие по сути дела махнули рукой, отведя ему роль неопределенного *дао* или *дэ*. Это породило конструкцию миропонимания, составленную из двух очень разных частей. Первую часть мы уже рассмотрели с разных сторон, а вот вторая часть – это континуальный мир полей и сред, мир непроявленного, неформализуемого эфира. Эта часть китайского мировоззрения имеет свои особенности и дала развитие собственным натурфилософским учениям.

Но прежде чем приступить к анализу этого континуального окружения, отметим еще несколько важных свойств "острова принципов".

---

²⁶ Если только сам принцип дедуктивного членения мира на отдельные фрагменты не подвергнуть такому же членению, т.е. не включить первую производную от системного подхода. Вопрос о том, можно ли, развивая системный подход, добраться до физики, химии, биологии и других конкретных областей знания, является отдельным очень сложным вопросом, которому я надеюсь посвятить следующую серию книг.

Принцип минимума

Стараясь не потерять целостность, не раствориться "во тьме вещей", китайская философия во всем стремилась к предельной *минимизации* понятий, представлений, схем, образов, действий. Это вполне понятное следствие из изначально принятой дедуктивной системы построения картины мира, ведь для создания развитого системного описания у китайских мыслителей не было достаточной информации.

И здесь опять же проявляется исходная полярность двух систем – китайской и индийской. Если в Китае во всем действует принцип минимума, то в Индии во всем – принцип максимума. Как удалось доказать уже в XX в. советскому философу В.Ассееву [5], все законы физики, описывающие явления природы, вытекают из этих двух величайших принципов. Причем природа загадочным образом использует в различных ситуациях либо принцип максимума, либо принцип минимума. Особенно ярко это проявляется в живой природе. Возьмем, к примеру, процесс размножения животного, в частности человека. Для продолжения рода в организме женской особи обычно созревает одна яйцеклетка в месяц. В мужском же организме во время семяизвержения выбрасываются десятки миллионов сперматозоидов, из которых достигает цели, как правило, лишь один. Очевидно, что в женском случае природа действует в соответствии с принципом минимума, а в мужском случае – в соответствии с принципом максимума. И только на пересечении этих двух подходов, в сочетании этих двух принципов и появляется зародыш будущего человека. Почему природе необходимо использование одновременно двух принципов, остается пока загадкой, но, как показал В. Ассеев, "принцип экстремальности" действует во всех без исключения природных процессах.

В китайском варианте история явно выбрала принцип минимума, поэтому вполне вероятно, что такой научный принцип, как "бритва Оккама", появился в Европе не без влияния со стороны китайской культуры.

Этот принцип проявился особенно наглядно в китайской живописи, в ее миниатюрах и крайне лаконичных пейзажах. Этот принцип довели до предела в Японии, культура кото-

рой – продление китайской в ее островном миниатюризованном варианте. Кстати, может быть, именно поэтому экономический подъем Японии в прошлом веке резко ускорился в момент, когда началась миниатюризация электронных устройств (да и сама Япония – родина чипа) [89].

В индийском же варианте история явно выбрала полярный принцип максимума, принцип предельной избыточности понятий, представлений и законов.

По сути дела, обе культуры продемонстрировали два противоположных способа борьбы с бесконечностью. В Китае ее поместили в клетку из 64 ячеек, в Индии же выпустили на свободу и перестали беспокоиться по этому поводу.

Именно принцип минимума направлял мысль китайских философов, когда они выбирали основу для своей Системы. Как уже отмечалось, восемь триграмм, основанные на двоичном и троичном членении горизонтали и вертикали, – это минимально возможный набор при построении системной картины мира. И из принципа минимума же вытекает еще одно очень характерное свойство китайской Системы – ее тотальная дискретность.

Дискретность

Благодаря тому, что весь мир описывается системной матрицей, в которой есть четко зафиксированные состояния и уровни, каждая ячейка наполнена дискретным смыслом, а между ячейками нет никаких плавных переходов. Действительно, либо ситуацией правит иньское начало, либо янское, здесь невозможны оттенки, ибо на каждом из шести иерархических уровней четко фиксируется одно из состояний. Да или нет, бинарная жесткая логика, никаких оттенков, никаких полутонов – именно этот подход со временем лег в основу компьютерной логики. Сравнивая эту скачкообразную методику с плавной и текучей методикой Индии, видишь громадную разницу между двумя системами Востока.

В китайской культуре, основанной на симплексном минимизированном подходе, дискретность проявляется в самом разнообразном виде:

- дискретность письменности – иероглифы;
- отрывистая (дискретная) манера говорить;
- 8 основных вариантов состояния мира – 8 триграмм;
- 64 дискретных варианта состояния мира – гексаграммы, переход между которыми осуществляется согласно случайно выпавшим числам при бросании костей;
- и в том, что китайцы первыми сконструировали сейсмографы (резкое, дискретное движение поверхности земли);
- и в том, что китайцы первыми изобрели дискретную разновидность перемещения – резкое, *взрывное* движение ракет;
- и в том, что именно китайцы изобрели порох, который и обеспечивал резкое, *взрывное* движение снарядов;
- и в том, что именно китайские астрономы первыми заметили и зафиксировали *взрыв* звезды (в 1054 г. китайский астроном Янь Вэй зафиксировал на небосводе вспышку сверхновой звезды, которая привела к образованию Крабовидной туманности);
- в китайском театре, где актеры не столько живые люди, сколько символы, которые перемещаются от одной "гексограммы состояний" к другой;
- в медицине, где лечение происходит с помощью иглолок, которые втыкаются в определенные точки, дискретно расположенные на теле, – точечная акупунктура;
- и даже в идее Мао Цзэдуна о "большом скачке".

Двухмерность

Еще одним свойством китайской философской Системы, вытекающим из ее горизонтального вектора, стала та особенность китайского познания, в котором мир преимущественно представлялся в своей двухмерной ипостаси. Это проявлялось во всем и особенно наглядно в культуре, в частности, в двухмерной живописи Китая, в его космографии, в которой земля всегда представала в виде огромного квадрата, а небо – в виде выпуклого, но такого же двухмерного купола. Это проявилось и в медицине, благодаря чему именно в Китае родился метод лечения по поверхностным

признакам – рефлексотерапия, где все внутренние органы проецируются на кожу (т.е. на *поверхность*), и их лечение осуществляется именно по этой поверхностной "топографии". А в сочетании с принципом дискретности это и дает метод иглотерапии – акупунктуру. На этом примере наглядно видно, как особенность философской системы трансформируется в методологию повседневной практики. Очевидно, что акупунктура не случайно родилась именно в Китае, а не в Индии или Европе.

Особенность Китая концентрироваться на соизмеримой для человека действительности, на повседневных проблемах не то чтобы очень упростила китайскую методологию, но привела к тому, что последняя стала инструментом, предназначенным для изучения мира в одном масштабном срезе. Такой подход приводит к картине "поверхностного мира", что проявляется во всех слоях культуры Китая. К этому мы еще вернемся, здесь же еще раз отметим, что китайского иглотерапевта, который воспринимает организм как карту, на которой есть отдельные точки, можно сравнить с таким оператором атомной электростанции, который знает лишь то, что должен знать оператор, – кнопки, на которые необходимо нажимать при тех или иных показаниях приборов. Оператор в принципе может и не знать, как идет ядерная реакция, куда идут провода от каждой кнопки, он должен знать, какие кнопки ему нажимать, если он видит какие-то отклонения в показаниях приборов. Так и китайский врач, разглядывая зрачки пациента, слушая его пульс, оценивая цвет кожи, может ничего не знать об истинных процессах, идущих в организме, о биохимии, о работе сердца и желудка, он должен знать в первую очередь то, на какие точки необходимо воздействовать на поверхности тела пациента, чтобы вернуть ему здоровье.

Итак, именно благодаря двухмерной основе Системы Китая, здесь рождается акупунктура. Если в индийской медицине йоги рассматривают организм изнутри (отсюда все эти промывки, очистки, лекарственные препараты), то в китайской медицине врач подходит к телу, как к топографической карте, т.е. снаружи, с поверхности. Он рассматривает тело, как пространственный план и очень осторожно, слегка проникая в него иголками, пытается изменить соотношение пяти стихий.

"Поверхностный" подход в Китае является следствием того, что в основе мировоззрения в Китае лежит двухмерная модель пространства [67]. В сочетании с принципом дискретности естественно возникает, например, метод акупунктуры и другие явления. Именно поэтому в Китае была составлена первая в мире звездная карта [34, с. 44], а Чжан Хэн – выдающийся китайский мореплавателю, сконструировал первый аналог небесного глобуса [82, с. 58]. Возможно, именно благодаря этому именно в Китае была изобретена бумага и газеты – типичные двухмерные носители информации.

Континуальный океан среды вокруг "острова принципов" в Китае

"Содержание великого дэ подчиняется только дао. Дао бестелесно. Дао туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности содержатся образы. Оно туманно и неопределенно. Однако в его туманности и неопределенности скрыты вещи. Оно глубоко и темно. Однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью.

С древних времен до наших дней его имя не исчезает. Только следуя ему, можно познать начало всех вещей. Каким образом мы познаем начало всех вещей? Только благодаря ему" [25, с. 24].

Безусловно, расчистив небольшой пяточок смысла в огромном море явлений и событий, китайские мыслители не могли не понимать, что, несмотря на все амбициозные заявления об исчерпанности смысла, вокруг этого пяточка остается еще море непознанных явлений и предметов. С этим надо было что-то делать, это море вокруг острова необходимо было как-то ввести в философскую систему. Надо сказать, что лучше всего с этим справился именно даосизм. Даосы подхватили древнее представление о Дао у Конфуция, который придавал ему весьма ограниченный смысл, и развили его до такого состояния, в котором оно определяло все и не объясняло по сути дела ничего.

"*Дао* было все время рядом с Конфуцием. Оно стало важной составляющей частью его этического учения, в какой-то степени даже высшей сутью его. Прежде всего, *Дао* для Конфуция означало тот самый высший порядок в обществе, то состояние социальной гармонии и политической стройности, которые будто бы некогда существовали при великих мудрецах древности... *Дао* в "Луныюе" трактуется очень широко, хотя и при этом строго однозначно. Это верный путь в жизни, справедливый и мудрый порядок, воплощение желанной истины, образцовая норма поведения и т.п.

...*Дао* беспредельно для познания, как беспределен сам мир людей и нормы взаимоотношения между ними. Его можно было бы сравнить с абсолютной Истиной, практически недоступной никому. Недаром в одном из пассажей "Луныюя" сказано: тот, кто утром постиг *Дао*, может спокойно умереть вечером... В то же время *Дао* Конфуция отнюдь не равно внефеноменальному Абсолюту, каким оно стало позже в построениях даосцев. В большинстве случаев оно воспринимается... просто как должная норма элементарного поведения" [15, с. 231–232].

"Самым важным в построениях даосских трактатов является гигантская суперконструкция в сфере космологии, которой до даосов в китайской мысли просто не было. Это означает, что конструкция, о которой идет речь, была в основных своих чертах заимствована извне...

Заимствование у конфуцианцев понятия *Дао* (Путь) в трактатах даосов изменило свой смысл кардинальным образом. Многие синологи не обращают на это достаточного внимания... На самом деле... *Дао* здесь – условное наименование, произвольно взятое для обозначения Высшей Реальности...

Обратимся к "Дао-дэ цзину", где это выражено наиболее полно и четко: "*Дао*, которое может быть выражено словом *Дао*, не есть постоянное *Дао*" (*чжан* 1); "*Дао* пусто, но неисчерпаемо; оно праотец всего... неизвестно, чье оно порождение, но оно предшествует всему" (*чжан* 4)... "*Дао* бестелесно, туманно, неопределенно, но внутри его содержится тончайшие цзин, которые в высшей степени насыщены; *Дао* – первоначало всего сущего" (*чжан* 21).

...Подытожим приведенные отрывки из различных *чжанов* текста, имея в виду, что немалая часть их может быть

уточнена и даже несколько изменена при переводе. Вкратце они сводятся к тому, что *Дао* вечно и бесконечно, пусто и неисчерпаемо, что оно первоначало всего. *Дао* возникло в хаосе, до неба и Земли, и является праотцом и праматерью всего сущего. *Дао* повсюду, оно основа всех вещей, все выходит из него и к нему возвращается" [15, с. 415–417].

Итак, океан неопределенной бесконечной среды, из которой и появляется весь зримый мир, получил название *Дао*. Но китайским философам в силу их бинарного мышления мало было одной такой таинственной среды, и поэтому они вводят еще одну туманную и таинственную категорию – *дэ*.

"Сказано о *дэ* немного и... подчас противоречиво. Но если взять основное, оно сводится примерно к следующему: *дэ* связано с *Дао*, его содержание – функция *Дао*. После того как *Дао* породило все существа и вещи, наступает время *дэ*. *Дэ* вскармливает, воспитывает, поддерживает все существа и вещи. У кого много *дэ*, тот выигрывает. *Дао* неощутимо чувствами, *дэ* доступно им.

Принято считать, что *дэ* из "Дао-дэ цзина" – это нечто вроде зримой и осязаемой, у всех наличествующей эманации *Дао*. Это то конкретно личное, что у каждого есть от *Дао*, это посредник между всеми и *Дао*" [15, с. 418].

Все, что не удалось систематизировать, все, что не удалось объяснить, все это было обозначено как две таинственные и непостижимые субстанции – *Дао* и *дэ*, субстанции, взаимодействие которых и порождает весь видимый мир, но понять которые невозможно в принципе. Одна из них (*Дао*) существует глубоко в структуре материи и непостижима никаким чувственным образом, другая является ее материализованной тенью – *дэ*.

Итак, за пределами "острова принципов" простирается неясная туманная среда *дао*, которая порождает *дэ*. А кроме *дэ* эта же среда обладает некими загадочными свойствами *ци* и *цзин*. Что это такое?

"К наиболее интригующим терминам и понятиям, связанным с даосизмом, но привнесенным в китайскую фило-

софию не только даосцами, относятся *инь-ян* и *у-син*, а также ряд других категорий, прежде всего *ци* и *цзин*. Что такое *ци*? Хотя буквально первое значение этого иероглифа – воздух... понятие *ци* применяется... для отражения идеи "жизненной силы", "внутренней энергетики" тех, кто регулярно практикует занятия *ци-гун*. В любом случае вполне очевидно, что древнекитайское *ци* – это не воздух сам по себе (пневма), не прана древних индийцев, а нечто более значимое. *Ци* – некая энергетическая первосубстанция, наполняющая все живое и, даже более того, делающая живое живым" [15, с. 404–405].

"...Тончайшее *цзин* обеспечивает основные свойства существ и вещей. *Цзин* в людях дает им нормальную и прежде всего духовную, сознательную жизнь, умение мыслить и совершенствоваться в знаниях и осознанном поведении. Если их не хватает, жизнь становится неполноценной, возникают болезни. Словом, мы вправе твердо заявить, что *цзин* – не семя и не сперма, а нечто тончайшее, придающее каждому существу и вещи то, чем оно является... Нет сомнений в том, что эта идея заимствована из индийской брахманистской мысли. Это касается и *ци*, и *цзин*, и проблем жизни (комплекса *ци*), смерти (распад этого комплекса) и бессмертия. Пожалуй, только долголетие как желанная цель может считаться чисто китайской идеей" [15, с.415].

К расшифровке этих категорий с позиций современной науки мы еще обратимся (глава 7). Как показывает этот анализ, медитативная практика постижения основ мира древних китайских мыслителей вполне может быть приведена к самым современным открытиям в физике.

Важно подчеркнуть чисто методологическую специфику китайской философской системы – игнорирование объектности, предметности мира. Мир воспринимается в китайской философии как поле взаимодействия двух загадочных категорий, двух бесконечных сред – *Дао* и *дэ*. Сгущения этих сил, их резонанс и создают видимый предметный мир, который сам по себе ничего не значит, являясь лишь их проявлением. Как свет, который рождается в нагретой спирали только потому, что через некую среду идет некий поток энергии не имеет самостоятельного значения, так и весь

предметный мир для Китая – всего лишь результат взаимодействия двух таинственных сил природы.

"...Релятивизм. Категории "отношение" и "связь" были более значимы для китайской мысли, чем категории "тело" и "индивид". Исходя из убеждения, что **не существует никаких абсолютно автономных сущностей, а есть только сгустки космических сил** (выделено мной. – С. С.), древнекитайские мудрецы полагали, что познанию подлежат лишь взаимодействия между временно образованными центрами этих сгущений. Иначе говоря, гносеологический акцент был перенесен с взаимодействующих тел на кинетическое пространство между ними. /www.eremeev.by.ru/

Данный вывод В. Еремеева имеет очень большое значение для понимания системной матрицы Сверхцивилизации и будет в дальнейшем использован для сопоставления методов восприятия реального мира в других цивилизациях и построения общей матрицы. Мы лишь зафиксируем его как отдельный принцип китайской философской системы. Автономные сущности (предметы или объекты) не существуют сами по себе, они являются лишь результатами взаимодействия космических сил, на пересечении которых образуются в виде сгустков, которые мы воспринимаем как объекты и предметы. Следовательно, главными в этом мире являются не объекты, а среды, внутри которых бушуют космические силы, а объекты – всего лишь "брызги и пена" на фоне событий в этих средах. Поэтому и "остров принципов" – это не остров нескольких важных объектов, на нем также нет ничего из предметного мира. На нем обитают лишь свойства и правила организации бескрайнего мира сред, которые описаны таким образом, что могут быть легко проиллюстрированы первыми попавшимися объектами и предметами. И здесь мы приходим к парадоксальнейшему и неожиданному выводу о том, что прагматичная, земная, конкретная и очень деятельная китайская культура имеет в своем фундаменте по сути дела идеалистическую, нематериалистическую философию, философию, в которой есть свойства, есть принципы, есть категории, но нет реального физического мира, привычного для западного мышления.

Получается, что главным в этой философии является не рассмотрение предметов и объектов, а всего лишь рассмотрение их связей и отношений, а сами объекты воспринимаются как временные сгустки космических сил.

Недаром в конце XX в. квантовая физика обратилась к даосской философии [35], ведь она в своих наблюдениях столкнулась как раз с таким иллюзорным (объектным) миром. Частицы возникают из эфира, вновь исчезая в нем, вакуум полон кипящими виртуальными частицами, частицы превращаются в энергию, энергия порождает частицы. Оказалось, что микромир гораздо лучше описывается даосской философией, чем западной. И осознание этого парадокса пришло в первую очередь к лидерам физической теории XX в., к Р. Оппенгеймеру (его мы цитировали в начале книги) и Н. Бору:

"Мы можем найти параллель урокам атомной теории – в эпистемологических проблемах, с которыми уже сталкивались такие мыслители, как Лао-цзы и Будда, пытаясь осмыслить нашу роль в грандиозном спектакле бытия – роль зрителей и участников одновременно" (цит. по [35, с. 23]).

Рассмотрев по отдельности две Системы Востока, мы можем теперь провести их параллельное сравнение, подчеркивая их различие в системной матрице Цивилизации.

3.3. Перпендикулярные иррациональные миры Китая и Индии

"У каждой философской системы есть свой пароль... у древних китайцев – "мы"... у древних индийцев – "всё"..." [23, с. 168]

Исходя из общей модели, две соседние первичные цивилизации Востока развивались в перпендикулярном направлении. Индия – в вертикальном, масштабном, Китай – в горизонтальном, плоском. Кроме того, их отличает место в матрице объектов и сред. Индия занимает в этой матрице ячейку "среда-объекты", а Китай – "среда-среда". Именно

эти системные различия и легли в основу философских, религиозных и социальных матриц двух цивилизаций.

При этом обе цивилизации относятся к Восточному полушарию, следовательно, они строят модель мира исходя из его целостного восприятия и на базе иррационального подхода. Отсюда их общее свойство – дедуктивный подход, когда все разнообразие мира воспринимается, как части единого целого, которые возникают по мере становления мира в процессе "фрагментации" этого целого на части. Кроме того, на первом месте в этих системах Востока стоит среда, а на Западе, как мы помним, – объекты.

Мы видим, что две системы имеют как общие свойства, так и индивидуальные различия. Рассмотрим теперь более подробно последние.

В Китае нет вертикали, более того, нет и объектов, следовательно, там нет шансов появиться представлению о Боге как личности.

В Индии есть вертикаль и есть объекты, поэтому там возникает представление о множестве богов.

Поскольку в Китае вообще отсутствует представление о Боге, то и становление мира воспринимается через среды. Следовательно, некая цельная среда (*дао*) порождает весь мир. Более того, мир есть всего лишь проявление взаимодействия двух сред, в данном случае *дао* и *дэ*. Так строится физическая модель мира Китая. Понятийная картина мира создается исходя из представления о некоем безликом целом "изначальной пневмы" (*юань ци*), которая сразу же обретает двойное воплощение – это Инь и Ян. В силу того, что целостность мира в Китае не имеет вертикального воплощения, она не имеет и воплощения объектного, возникает иррациональная картина Вселенной, в которой главными становятся не объекты (их как бы нет в философской системе Китая), а свойства. Так возникает типичный системный подход к построению модели мира, подход, в котором отсутствует иерархическая ось, отсутствует реальный объектный мир, а главную роль играют отношения и свойства.

В Индии на первом месте также стоит среда, но на втором – объекты.

Поскольку в Индии вертикальный вектор задает главное направление построению Системы, то наверху оказывается

безликая среда (Брахман или нирвана), которая и порождает все объекты, в том числе и богов. Индия в силу доминирования вертикального вектора и размытости высшей субстанции (среда выше объектов) перенасыщена богами, количество которых не поддается исчислению.

Фундаментальные различия в системных матрицах привели к совершенно разному отношению к жизни человека в Китае и Индии.

В Китае земная жизнь – единственная ценность, которую следует оберегать. Отсюда культ предков (но только тех, которых помнили живые), отсюда удивительный фетишизм долголетия, стремление любыми средствами продлить жизнь (отсюда и женьшень, и все оздоровительные гимнастики), отсюда особое уважение к покойным и местам их упокоения:

"В Китае не было общественных кладбищ. Каждая семья хоронила своих умерших на определенном участке своей земли, на полях, за которыми они ухаживали при жизни... У китайцев существовала многовековая традиция посещать могилы предков в день весеннего праздника в конце марта – начале апреля, когда воздух чист и прозрачен... На траве около могил обычно устраивался изысканный пикник. Перед подачей гостям каждое блюдо на несколько минут помещалось на алтарный камень, который стоял перед могилой главного предка... После этого один из членов семьи (чаще всего девочка-подросток) почтительно кланялся могиле и убирал блюдо, которое затем подавали всем собравшимся. Эта маленькая церемония символизировала сохранение духа предков у их потомков" [81, с. 112–114].

Мы видим, что церемония поклонения умершим направлена в первую очередь на то, чтобы воспитать в духе уважения к старшим и к прошлому молодое поколение.

И совершенно иное отношение к земной жизни в Индии – эта жизнь дана как полигон для страдания души, как временное воплощение для отработки кармы. Поэтому заботиться о ней не имеет особого смысла, вся жизнь должна быть в первую очередь посвящена совершенствованию души. Поэтому тела умерших сжигали или просто сбрасывали в реки, поэто-

му йога была не столько средством для укрепления здоровья (продолжительность жизни йогов в Индии, по данным современных исследований [30], ниже средней продолжительности жизни по стране), сколько средством с помощью различных приемов выйти из земного привычного бытия в иной мир, в запредельный мир духа²⁷). Земная жизнь индуса – временное пристанище его вечной души. Земная жизнь китайца – вся его жизнь от начала до конца, другой уже не будет, сохранится лишь некоторое время память о нем в его потомках, поэтому надо земную жизнь ценить как высший дар.

Совершенно по-разному воспринимается в двух культурах и проблема исторического времени. Китай, с его прагматизмом и стремлением к полной определенности, из трех временных ипостасей – прошлое, настоящее и будущее – выбрал прошлое. И это вполне логично с позиций его системы. Поскольку прошлого уже нет, то оно конечно и определенно, его можно легко проанализировать, систематизировать и хронологически упорядочить. Из прошлого можно легко выбрать уже отработанные и успешные примеры во всех областях деятельности. И воспользоваться этими эталонами для решения проблем настоящего. Именно поэтому "для китайцев первостепенное значение имела история человечества..." [81, с. 76]. "Своим прошлым древние китайцы очень дорожили. Они старались все записывать и помнить" [15, с. 614]. "Семья была естественным центром поклонения предкам... Каждая семья имела свой алтарь предков, где стояли лакированные доски в золотых или красных рамках с именами предков, но не более чем в трех поколениях... Крупные кланы... имели храмы предков... Здесь же делались записи, касающиеся жизни членов клана. Некоторые из этих записей охватывают очень большие промежутки времени вплоть до тысячелетия" [81, с. 111].

Эту особенность китайского менталитета очень чутко уловил Конфуций. Он прекрасно понял, что новое учение, которое он собирался предложить китайскому обществу, только тогда будет принято им легко и без отторжения, ес-

---

²⁷ Сегодня в России и на Западе йогу, кстати, используют в первую очередь для того, чтобы тренировать тело, как некую оздоровительную гимнастику (хатха-йога).

ли привязать его к прошлому. Создавая новое учение, он как бы возвращал прошлые идеалы. Упаковав таким образом свое учение в идеализированные примеры прошлого, Конфуций добился феноменального успеха – его учение до сих пор считается ведущим в Китае.

"Конфуций во всех своих построениях опирался на глубоко чтимую им традицию, которую он, однако, воспевал в заметно измененных и сильно идеализированных им формах. Он нарочито настаивал на том, что все им предлагаемое – это не что иное, как неумирающая традиция подзабытого, но величественного прошлого. "Передаю, а не создаю, – говорил он, – верю в древность и люблю ее"... И хотя... на деле Учитель как раз создавал новое и порой радикально реформировал старое, он все же не лукавил... Творя новое, создавая или переинтерпретируя прежние понятия, категории, термины, он старался не уйти от традиции, но возвеличить лучшие ее стороны, придать ей в новых условиях жизнеутверждающее звучание" [15, с. 191–192].

Этот прием впоследствии стал отличительной особенностью китайского менталитета. Все, что нужно было найти для свершения новых дел, китайцы находили в качестве примеров в далеком прошлом. Таким весьма специфическим образом китайцы, с их боязнью неопределенности будущего, уходя от страха перед ним, они свое будущее всегда находят в прошлом, тем самым делая его понятным и определенным. Этот же страх в китайской культуре проявляется во многих высказываниях, во многих примерах. В частности, отсюда знаменитое проклятье по-китайски: "Чтоб тебе родиться в эпоху перемен". Отсюда название "Книги перемен", в которой китайская философия предлагает заранее всего 64 варианта таковых, сводя тем самым будущее к перебору уже известных из прошлого опыта состояний. Отсюда такая же тяга к прошлому и идеализация его не только в трудах Конфуция, но и в "Дао дэ цзин". "Поэтому ученые мужи обладают однажды установленной речью, женщины имеют не изменяющиеся нормы поведения" [25, с. 99].

Кстати, вот как любопытно обосновывается философия преимущества быть вторым:

"Тому, кто впереди, трудно достается знание, а тот, кто позади, легко добивается успеха. Передние взбираются наверх сами, а задние за них цепляются. Передние прокладывают след, а задние в него ступают. Передние проваливаются в яму, а задние могут рассчитывать. Передние терпят поражение, а задние могут его избежать" [25, с. 83]

В полном соответствии с этой мудростью современный Китай пропустил вперед себя Японию и Корею, а когда увидел все ошибки "передних", учел все особенности современного технического прогресса, то пошел вслед за ними и демонстрирует сегодня феноменальные успехи.

Совершенно иное отношение к временному потоку в Индии:

"Равнодушие индийцев к историческому времени поразило Аль-Бируни: "Индийцы не уделяют большого внимания исторической последовательности событий; они не соблюдают хронологической последовательности, описывая царствование своих правителей, и, когда у них требуют сведений по этому поводу, они теряются, не зная, что сказать, и непременно начинают рассказывать сказки". В самом деле, ход времени здесь как будто бы не властен... В Индии до прихода мусульман не было хроник, летописей или иных необходимых европейцу исторических сочинений: они были просто не нужны, их роль выполняли мифы и легенды, "преданья старины глубокой"" [3, с. 50–52].

Видимо, присказка из русских сказок – "давным-давно, в некотором царстве, в некотором государстве" могла родиться и в Индии. В Китае же сказка часто начинается так: во времена правителя такого-то, в царстве таком-то, рядом с таким-то местом жил мудрец по имени...

Время в Индии вообще воспринимается настолько нетрадиционно для европейского мышления, что к нему трудно приложить какие-либо известные штампы.

"...Привычного нам линейного, однонаправленного, текущего из прошлого в будущее времени как последовательности качественно индифферентных мгновений мы в индуизме не найдем...

Времени приписывается демиургическая роль; через него выявляется мир.... Время объемлет собой весь мир как бесконечный и безначальный поток. Время – главная причина изменчивости и бренности этого многокрасочного и быстротечного мира. Время же – и главная порождающая сила, приводящая к зрелости, "выпекающая" людей и других живых существ на вертеле дней, месяцев и лет, но оно же – и сила, ненасытно поглощающая все во вселенной, несущая гибель и смерть" [3, с. 127–129].

Можно предположить, что для индуизма нет прошлого, настоящего и будущего как отдельных субстанций этого мира, он воспринимает мир одновременно в прошлом-настоящем-будущем, как в некоем потоке. Будущее для него столь же реально, как и прошлое, оно уже есть, и лишь человек с его специфическим восприятием мира не видит будущего, живет в настоящем. Поэтому индийская философская система не нуждается в том, чтобы прятаться в определенности прошлого, она как бы доверяется потоку времени, принимает его во всех его проявлениях и не стремится через образцы прошлого построить будущее. Индия вообще не строит будущего, она не формализует настоящее и не систематизирует прошлое.

"Нет в индуизме... символа веры, то есть какой-либо общеобязательной формулы, исповедание которой давало бы человеку возможность вступить в индуистскую общину, а отрицание – выйти из нее. Дело, видимо, в том, что великие истины индуизма уникальны для любого человеческого сознания и неповторимы, как оно. Человеческая праведность – в личных исканиях Бога, в устремлениях к нему, а не в следовании принципам, изложенным в формулах. На искания же уходит вся жизнь, и даже, как верят индусы, не одна. Разве можно все это вместить в формулу, какую угодно красивую, умную и емкую?" [3, с. 24–25].

Шахматы и гексаграммы

Если задаться вопросом, в какой наиболее наглядной простой и распространенной форме реализовалась философская система Индии, то после некоторого размышления приходишь к очевидному ответу – это шахматы.

Если задаться аналогичным вопросом в отношении Китая – то это система гадания по 64 гексаграммам, на базе которой была создана наиболее распространенная в Китае игра "маджонг" (www.mahjong.ru). И хотя корректно было бы сравнивать с шахматами именно эту игру, в силу ее малой известности на Западе и гораздо большей известности гексаграмм мы дальше проведем параллели между ними и шахматами.

Каким-то загадочным образом оказалось, что обе эти "игры" разворачиваются практически на одной и той же по своей структуре площадке – на поле из 64 клеток. Поэтому, сравнивая эти два способа моделирования мира, легко найти полярное различие между Китаем и Индией.

Чему учат нас индийские шахматы?

Во-первых, тому, что весь мир поделен на две силы – на темных и светлых и они равны. Единственное преимущество светлых в том, что они начинают действовать первыми (первый ход за белыми фигурами). В силу этого обстоятельства, при всех других равных условиях, белые побеждают чаще.

Во-вторых, что мир иерархичен. Есть король, который является главной ценностью для каждой команды, и пока он способен к действиям, дело не пропало. Единственной фигурой, которую невозможно "убить" (снять с доски), является король, его можно только взять в плен. Рядом с ним есть визирь (королева), который обладает максимальными возможностями и максимальной силой среди остальных фигур. Король не действует, ибо не царское это дело – воевать, основная нагрузка и риск быть убитым – на визире. На третьей ступени иерархии от трона расположены ладьи, на четвертой – кони и слоны. В самом низу этой пирамиды власти и силы восемь пешек – масса солдат, задача которых прикрывать своими телами фигуры более высокого ранга.

В-третьих, мир полон чудес и превращений. Самая незначительная фигура, дойдя до 8-го уровня⁽²⁹⁾, до последней ступени развития может превратиться волшебным образом в фигуру любого ранга, вплоть до ферзя. В этом чудесном превращении легко узнаются все трансформации из ин-

---

²⁹ Число 8 здесь далеко не случайно, вспомним, что и в таблице элементов Менделеева после достижения 8-й группы атомы не просто увеличиваются в размерах, а переходят в новое качество – в новый период

дийских сказок, волшебные исчезновения и появления, оборотни и в том числе превращение нашего родного Ивана-дурака в Ивана-царевича. В этом превращении угадывается и главная религиозная идея Индии – идея реинкарнации, идея возможности в результате упорного труда (в данном случае битвы на поле) в следующем рождении подняться на ступень развития выше.

В-четвертых, шахматы учат нас тому, что все, что происходит на поле жизни, – это непрерывная борьба двух сил, двух начал, темных и светлых, причем если в одной партии игрок сражается за светлых, то в другой – он должен научиться так же сражаться и за темных.

В-пятых, несмотря на ограниченное количество клеток и фигур, количество вариантов шахматных позиций практически бесконечно. Это говорит о том, что разнообразие ситуаций в мире событий неисчислимо, а выбор их зависит только от действий самого играющего.

В-шестых, шахматы учат нас, что выигрывает тот, кто может лучше планировать будущее развитие событий, тот, у кого, образно говоря, **больше емкость мыслительного пространственно-временного континуума**. Тот, кто может рассчитать события на большее количество ходов, учитывая все варианты ответных ходов противника.

Чему же нас учат 64 гексаграммы?

Прямо противоположному.

Во-первых, они учат нас тому, что количество типичных событий в этом мире ограничено всего 64 вариантами, следовательно, нет никакой бесконечности.

Во-вторых, тому, что выбор ситуации совершенно не зависит от усилий игрока, а определяется чистой случайностью, точнее, тайной игрой таинственных метафизических сил.

В-третьих, тому, что независимо от усилий каждого игрока он может получить "выигрышный билет", а может и проиграть. Поэтому нет никакой необходимости строить модели будущего, тратить силы на размышления о том, как его спроектировать, необходимо соблюдать строгие правила повседневной жизни и надеяться на удачу.

В-четвертых, гексаграммы учат нас, что мир совершенно не иерархичен, ибо все 64 позиции абсолютно равноценны,

и попадание на них не зависит ни от ранга играющего, ни от его положения в обществе.

В-пятых, тому, что в мире нет борьбы темных и светлых сил, они взаимно дополняют друг друга, по справедливости занимая каждая все уровни во всех 64 гексаграммах.

В-шестых, прошлое, настоящее и будущее не являются каким-то единым процессом, в котором изначальное положение невозможно вернуть назад. Если в шахматах с первого же хода обозначается вектор времени и расстановку фигур невозможно вернуть в исходную ситуацию, если процесс здесь необратим и количество фигур постепенно уменьшается, а игра рано или поздно заканчивается каким-то результатом, то в гексаграммах "все возвращается на круги своя", все может повториться, ничего необратимого нет. И нет здесь никакого конечного результата.

Таким образом, в этих двух играх моделируются два принципиально разных мировоззрения Востока.

В гексаграммах нет эволюции, есть лишь калейдоскоп случайных перемен, закономерны лишь то, что ситуации типичны. Шахматы насквозь пропитаны идеей эволюции, идеей необратимого (в целом) процесса, в котором есть начало и обязательно есть финал и есть цикличность процесса, когда все фигуры снимаются с доски (модель разрушения Вселенной), затем расставляются заново и начинается новый цикл развития.

В шахматах время и события континуальны, связаны логикой и причинно-следственными связями. В системе гексаграмм нет никаких причинно-следственных связей, нет логики, нет преемственности, есть дискретность, неожиданность, есть воля случая, а не воля ума и расчета.

Индокитайский мир Будды

"Умирая, Будда не назначил никакого преемника, казалось, он желал, чтобы сангха пребывала относительно иерархической организацией" [97, с. 63]

Если бы из китайской культуры удалось вычлениить буддизм и даосизм (которые, хотя и в различной степени име-

ют корни в Индии), то в Китае не осталось бы вообще никаких религиозных доктрин, ибо истинно китайское учение Конфуция очень далеко от представления о Боге, душе, вечности и ином мире. В результате в китайской культуре вообще не было бы двери в бесконечность. Древнее почитание предков, которых еще помнили живыми – это не религия, это просто часть социального учения – старших нужно уважать, их надо помнить даже после смерти. Конфуцианское учение, как уже было показано, было направлено исключительно на воспитание чиновников в духе идеального отношения к государству, народу и своим обязанностям. Арифмомемиотика со всеми ее гексаграммами, пяти стихиями и прочими числовыми системами – не более чем таблицы для упорядочивания видимого мира и реальных событий. И в этой ситуации, пожалуй, самым мистическим и таинственным объектом китайской культуры остается... дракон. Это единственный образ, который имеет истинно китайское происхождение и который не имеет на первый взгляд никаких аналогов в реальном мире. Но если вспомнить, что в пустыне Гоби находят скелеты динозавров, а также скелеты птеродактилей с крыльями, то таинственность китайских драконов также окажется под вопросом, если сделать вполне естественное предположение, что эти скелеты когда-то в прошлом находили и китайцы. В этом случае дракон становится типовым образцом китайской системы мышления – если есть скелеты крылатых ящеров (драконов), то они реально существуют. А если люди их не видят, то только потому, что те летают очень высоко и, видимо, живут на Небе. Вот и вся мистика – точнее, полное отсутствие таковой и торжество прагматизма.

Таким образом, китайская философская система, зажатая в узком слое горизонтального мира актуального бытия, система, построенная предельно прагматично и минимизированная до предела, вообще не допускала бесконечности мира во времени и пространстве. Она не впускала в себя никаких мистических представлений о невидимом потустороннем мире, в котором могли бы жить духи и души, боги и демоны, в котором была бы какая-то высшая сущность, объемлющая весь мир (Бог), или нечто ей подобное. Такая система становилась своего рода небольшой мастерской для

сознания или камерой для души, помещением со стенами, потолком, полом и дверями, куда входили новые люди и откуда уходили умершие.

Но несмотря на то, что в Китае возникла именно такая предельно минимизированная философская система, сами китайцы, как и все люди, обладали душой, которая все равно стремилась вырваться из тесных рамок построенной ими же самими системы. Эта душа смотрела в окно построенной мастерской и видела в дымке нечто туманное. Поэтому Китаю, который по сути своей не мог породить никакой разновидности религии, который был предельно материалистичен (хотя и метафизичен), все равно нужна была какая-то религия, пусть не столь развитая, как в соседней Индии, но дающая выход на бесконечность.

Кроме проблемы души и ее тяги к бесконечности в китайской философской системе возникала еще одна проблема – отсутствие философии личности. В китайской философской системе, особенно в ее ведущей части – конфуцианстве, личность существует лишь *как часть* общества и государства. Она имеет ценность и смысл бытия только в разрезе ее отношения к обществу, вне общества личность там не мыслится. Этот тоталитарный коллективизм китайского общества воспринимает социум как некую среду, состоящую из элементов, и не анализирует элементы этой среды вне ее самой. Такой подход оставлял гигантскую брешь в философской конструкции Китая, и, безусловно, эта брешь нуждалась в заполнении. Человек один на один с природой, звездным небом, Вселенной, с мыслями о смерти и о собственном происхождении все равно нуждался в какой-либо религиозной системе. Особенно остро такая потребность могла возникнуть в момент кризиса социальной системы, когда она разваливалась при переходе на очередной уровень и на некоторое время оставляла человека вне социальной конструкции. Именно в такой момент кризиса государства (Чжоу), в период ломки социальной структуры китайского общества Лао-цзы и создал новое учение – даосизм – философию отдельной личности, которая находится вне общества, вне среды [34, с. 47]. Отдельный человек Лао-цзы, видящий беды современного общества и с ностальгией вспоминающей о былой социальной

общинной жизни, мечтает, чтобы государство вернулось к прежнему "золотому веку":

"Пусть государство будет маленьким, а население редким. Когда в государстве имеются различные орудия, не надо их использовать. Пусть люди до конца своей жизни не уходят далеко от своих мест. Если в государстве имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются воины, не надо их выставлять. Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма" [25, с. 60].

А сам он мечтает удалиться в горы:

"Мудрец, попав сюда, не чувствует волнения духа, смятения воли, и сердце его не утрачивает в трепете своей природы. Он поселяется в пустынном краю, среди горных потоков, сокрытых глубиной чащ. Жилище в четыре стены, тростниковая крыша, завешенный рогожей вход и окно из горлышка кувшина, скрученная шелковица вместо дверной оси. Сверху капает, снизу подтекает. Сыреет северная стена, снег и иней порошок стены, ползучие растения держат влагу. Свободный, скитается среди широких озер и бродит в скалистых ущельях. Все это, по мнению заурядных людей, насилует форму, стесняет путами, в печали и скорби не дает обрести волю. Мудрец же, попав сюда, не тоскует и не страдает, не утрачивает основы своего наслаждения. Отчего это так? Оттого, что внутренне он проник в суть неба (природы), и поэтому ни благородство, ни худородство, ни бедность, ни богатство, ни труды, ни досуг не лишают его воли и блага" [25, с. 98].

Свободный от общества и мирской суеты мудрец может смотреть на Вселенную новым взглядом. Чистым взором постигающего мир взрослого ребенка. И перед ним раскрывается тайна бесконечного бытия:

"Было предначало начала. Небесный эфир начал опускаться, земной эфир стал подниматься. Инь и Ян соединились. Переплетаясь, поплыли, клубясь, в космическое

пространство. Окутанные благом, тая внутри гармонию. Свиваясь и сплетаясь, стремясь прийти в соприкосновение с вещами, но так и не осуществив предвестия.

Было начало начала. Небо затаило свой гармоничный [эфир], и он еще не опустился. Земля хранила [свой] эфир, и он еще не поднялся. Пустота, небытие, тишина, безмолвие. Молчащее занебесье, небытие, похожее на сон. Эфир плыл, составляя великое единство с тьмой.

Было небытие. Тьма вещей во множестве пустила корневища и корни, образовались ветви и листья, зеленый лук и поднебесные грибы. Сочная трава ярко заблестела, насекомые встрепенулись, черви зашевелились, все задвигалось и задышало. И это уже можно было подержать в руке и измерить.

Было небытие... Бескрайнее, безбрежное. Нельзя ни измерить его, ни рассчитать. Все слито в Свете.

Было предначало бытия и небытия. Оно обнимает небо и землю. Формирует тьму вещей, составляет великое единство с тьмой хаоса..." [25, с. 104–105].

Такого человека уже не пугает "тьма вещей", которая растворяется в его сознании в тьме хаоса, ибо он просто наблюдает за миром, погружаясь в недеяние:

"Вот почему мудрец пестует свой внутренний корень и не занимается украшением верхушки, хранит свой разум и сдерживает ухищрения своего ума. Безмолвный, пребывает в недеянии, но ко всему причастен; невозмутимый, не управляет, а все содержит в порядке. То, что называю "недеянием", означает не опережать действия (хода вещей)..." [25, с. 81].

Но даже в учении даосов, которое сориентировано на отшельничество, остается неискоренимая ориентация китайской мысли на материальный мир, вне которого нет места душе в ее бесконечном пути. Личность в даосизме возникает, она размышляет о мире, но это не брахман-саньясин, который в лесном уединении отказывается от суеты мира, это не буддист, который вообще отвергает этот мир. Даосский отшельник занят постоянными размышлениями о социаль-

ном мире. Он отверг тот мир, который разросся до сложной цивилизации, но мечтает о возвращении прежнего мира, мира простых общин и простых отношений. Даже в недеянии даос продолжает попытки совершенствовать социальный мир и, не управляя обществом, "содержать его в порядке", следовательно, остается неразрывно с ним связанным. В этом ярко проявляется социальная направленность Системы Китая, доминанта общественных проблем в китайской культуре.

И только пришедший из Индии буддизм, который отрицал реальность всех миров вообще, принес в Китай философию, которая радикально освобождала личность из кокона социальной жизни. Но поразительно – буддизм освободил личность от мира так, будто бы это было сделано специально по заказу китайской Системы, – за счет практически полного уничтожения личности как явления, за счет сведения личности до совокупности все тех же принципов, свойств и сил, которыми всегда оперировала китайская философская система. Высшая мудрость буддизма "вообще говорит о том, что отдельных живых существ, как любых объектов, не существует – есть лишь бесконечное волнение дхарм" [36, с. 75]. И когда с этой точки зрения начинаешь анализировать буддизм, то обнаруживаешь, что это учение идеально подходит для Китая. Создается впечатление, что Будда, блуждая по лесам Северной Индии, создавал религиозное учение специально по заданию некоего высшего духа Китая.

Что отличает в первую очередь буддизм от других религий мира? Тотальное отрицание иерархии, а это входит в резкое противоречие с философской системой его родины – Индии. Отсюда – всяческое отрицание божественного мира и Бога как высшей субстанции. И все же при этом буддизм дает возможность человеку выйти на бесконечность, он оставляет ему дверь в этот таинственный мир, дверь, которая наглухо закрыта в философской системе Китая. Эта дверь – представление о нирване. То, чего не могли сделать сами китайцы, для них и за них сделал Будда. Он создал учение, в котором все строится на тех же сочетаниях различных принципов, что и в китайской системе, в котором нет души, в котором сознание человека – всего лишь измен-

чивое сочетание различных системных принципов, но добавил к этому туманное, совершенно неопределенное, безличное и далекое представление о нирване. Будда создал квазирелигию, взяв многие ее внешние атрибуты из индуизма, но всю иерархическую систему, включая души, богов и демонов, он объявил игрой ума, некоей майей – иллюзией. И в этом отношении колесо сансары, богов и демонов, рай и ады – все эти естественные уровни индуистского представления о потустороннем мире, он по сути дела приравнял к гексаграммам, к схемам, которые показывают, что различные сочетания нескольких принципов создают различные ситуации в мире и обществе.

Таким образом, самостоятельно китайская философия не смогла в своем внутреннем развитии сделать последний логический шаг и объявить личность такой же "гексаграммой", как и весь внешний мир. Будда как будто бы узнал об этой незавершенности и смело довел дело до логического финала. Личность в его учении – не более чем сочетание различных принципов, которые меняются, и поэтому личность как неизменная сущность мира не существует – это всего лишь поток калейдоскопических сочетаний различных свойств, не более того.

"Когда речь идет о живом человеке, то его сознание фактически представляет собой постоянный непрерывный поток ментальных и физических процессов. Соединение этих процессов в своей совокупности и образует то, что мы называем индивидом. Каждый человек или вещь, следовательно, есть целое, составленное из компонентов и постоянно изменяющееся. Человек даже не замечает, как постоянно изменяется соотношение между составляющими частями, а стало быть, в любые два последовательных момента оно не остается прежним. Из этого ясно, что становление индивидуальности совпадает с ее разрушением" [97, с. 73–74].

"Сам человек – не что иное, как совокупность пяти наборов дхарм, так называемых скандх. Смерть человека означает распадение скандх. При этом существование души, которая унаследовалась бы существом, возникающим в результате очередного перерождения, полностью отрицается" [36, с. 10–11].

Таким образом, Будда довершил, начатое в китайской философии, довел эту тенденцию до предела, до абсолюта и заодно открыл дверь из мира принципов и иллюзий в "реальный" мир, в мир нирваны, в мир бесконечности. В китайской арифмосемиотике есть некоторый прагматизм познания – мир разнообразен, но, хотя его всегда можно представить в виде сочетания нескольких принципов, это не означает, что мир тождественен этим схемам. Китайский практический ум не мог прийти до такого вывода, он использовал системный анализ лишь для того, чтобы избавиться от неопределенности, от бесконечного калейдоскопа "тьмы вещей", чтобы сохранить целостность восприятия мира и при этом сделать его понятным. Но, замкнув все разнообразие мира в клетку из 64 ячеек, китайский прагматизм тем самым не дал никакого шанса на общение с бесконечностью этого мира. Кстати, видимо, поэтому китайская культура всегда настороженно смотрит в будущее, более всего боясь перемен и, наоборот, настойчиво и с пиететом оборачивается назад, в прошлое, ведь прошлое конкретно и конечно, оно описано в хрониках, в прошлом было то же, что и в настоящем, в прошлом жили конкретные предки. Смотреть в будущее для китайского ума гораздо сложнее, ибо там еще нет ничего, там все неопределенно, а самое главное – будущее потенциально бесконечно. Стоит только начать думать о будущем, как неизбежно мысль приходит к проблеме бесконечности. Поэтому на оси времени вектор китайского сознания всегда повернут в прошлое, в то, что было, что конкретно и конечно. Повернут для того, чтобы жить в настоящем, опираясь на ясные примеры прошлого. Но не для того, чтобы выяснить фундаментальные вопросы бытия, вопросы возникновения мира. Поэтому в Китае относительно легко прижился буддизм, ведь "Будда подчеркивал, что его не интересует обсуждение краевых для любого вопросов: "Кто сотворил мир?", "Откуда и как возникло бытие?" и прочих подобных. Будда считал, что единственно важный предмет для наставлений – происходящее здесь и сейчас" [97, с. 16–17].

Будда создавал свое учение в брахманистской среде Индии, создавал для индийцев, но оно оказалось предназначенным для Китая, и поэтому далеко не случайно буддизм был вытеснен из Индии и прижился именно в Китае. А при-

ход мощного учения Будды в Китае стимулировал развитие и даосизма. Даосизм и буддизм – вот та пара учений, которые дали китайцам выход в бесконечность. Причем даосизм это делает в мягкой форме, он не ломает привычного представления об окружающем мире, но просто тонко напоминает о таинственных *дао* и *дэ*, о том, что в природе все происходит из этих двух туманных, неопределенных сред. Поэтому даосизм ближе к китайской прагматической системе мышления. Но буддизм гораздо мощнее даосизма именно потому, что он не останавливается на полдороге в разрушении каких-либо представлений о материальном или божественном мире, но все доводит до абсолюта, дальше идти уже просто невозможно.

Буддизм в данном случае – это учение, которое является одновременно китайским и индийским, это уникальное сочетание двух культур, двух традиций. Но именно поэтому он оказался по сути дела чужим и в Индии и в Китае, где он подвергается постоянным гонениям, "которые вызывались стремлением императоров к конфискации монастырских земель и имущества и выражались в разрушении буддийских храмов и монастырей, а также в избиении или же принудительном расстрижении духовенства. Так, при императоре У-цзуне (841–846) было разрушено несколько десятков тысяч храмов и "возвращено в мирское состояние" более 200 тыс. монахов и монахинь" [18, с. 42].

Буддизм еще потому был легко адаптирован в Китае, что он в отличие от многих других религиозных доктрин вообще не акцентировал внимание на законах социального бытия. Какие-то общие правила социальной жизни в нем присутствовали, но они были настолько универсальны (не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не лги, не употребляй спиртных напитков), что не могли войти в противоречие с конфуцианством или даже с легизмом. Буддизм вообще как бы не замечает социальной жизни.

"Социальность как таковая и вообще внешний мир занимали буддистов несравненно меньше внутреннего мира человека и никогда не становились предметом самостоятельного интереса, однако убежденность ранней буддийской традиции в духовном равенстве людей, принадлежащих

к любым сословиям, в какой-то мере совпала с чаяниями средних, отчасти даже низших слоев общества, не удовлетворенных идеологическим засильем брахманства... Буддийские духовные ценности и картина мира оказались созвучны мирским требованиям эпохи создания сильного централизованного государства, которое впервые объединило Индию в IV-III вв. до н.э." [36, с. 50].

Но пренебрегая социальностью мира, буддизм в тоже время вступал в противоречие с основной задачей китайской философии – совершенствованием общества. Именно эта задача является главной для конфуцианства. Поэтому буддисты стали своего рода анархистами внутри Китая, гораздо более опасными для государства, чем даосы. Но при этом они принесли в Китай то, что там никогда не могло родиться самостоятельно – представление об ином мире. Это представление весьма полно и наглядно сформулировано в образе колеса сансары:

"В центре колеса... сосредоточены три движущие силы: невежество, желание или жадность и, наконец, пресыщение, представленные свиньей, петухом и змеей. Все они находятся в связи – буквально кусают друг друга за хвост. Ступицу объемлет круг, разделенный на две части – черную и белую. Фигуры белой половины поднимаются вверх, фигуры черной – опускаются вниз. Это изображение кармического движения фигур, совершающих восхождение к более высокому положению, и фигур, которые в ужасе опускаются к более низкому положению...

Далее изображен следующий круг, который разделен спицами колеса на шесть царств сансары. Наверху находятся дэвы – боги на небесах, – пребывающие в роскоши, удовольствиях и благодати. Справа от них изображены асуры, завистливые боги, обуреваемые желанием достичь верхнего царства, для чего они и вооружились.

Обратите внимание на дерево, корни которого приходятся на царство асуров, а плоды свои оно дает дэвам, что обитают наверху. В основании дерева расположена символическая фигура, которая хочет срубить дерево, чтобы овладеть плодами (мотив осуществленного).

Ниже располагаются царства, где обитают голодные души, или преты. Они находятся в состоянии вечного голода и жажды, которые никогда не могут быть утолены. Огромные вздутые животы существ не наполнить пищей, которая проходит через их крохотные рты и тонкие шеи. Скудные плоды низкорослого дерева защищают ветви, покрытые шипами и колючками. Чего бы преты ни коснулись, все обращается в огонь и нечистоты.

В самом нижнем царстве находятся существа, пребывающие в муках: сознание их наполнено болью и страхом в то время, как их поджаривают на огне, замораживают и подвергают ужасной смерти. Это царство, противоположное царству богов, – ад, как состояние, противоположное небесам...

Слева внизу находится царство животных. Они наделены примитивным сознанием, поэтому и невежество их велико. Постоянные усилия животных направлены на поиски пищи, в результате чего они истребляют других животных или другие формы жизни.

Последнее царство – царство людей. День за днем они едят и пьют, они рожают детей, болеют, становятся старыми и дряхлыми, умирают; люди непрерывно выполняют свою работу. Под деревом две фигуры: мудрые люди медитируют и размышляют обо всем, что видят. Здесь изображено страдание, которое наблюдал Будда, а также высшая возможность человека размышлять о страдании и избежать его, делающая рождение в человеческом воплощении поистине наградой.

Эти шесть царств представляют наши разные прошлые и будущие воплощения, которых нельзя избежать. Никто и никогда не остается в одном и том же царстве навсегда – даже в царстве богов, поскольку они тоже являют собой те состояния ума, которые обуславливают наши постоянные превращения" [97, с. 82–83].

Этот образ давал китайцам возможность представлять себе иной мир, что было невозможно ни в рамках конфуцианства, ни в рамках доасизма, ни тем более в рамках культа предков. И в этом образе колеса присутствует редуцированный до круговорота души эволюционизм, импортирован-

ный таким образом из Индии. Даже душа, попавшая в рай, не остается там навечно. **"Никто и никогда не остается в одном и том же царстве навсегда, – даже в царстве богов"** – вот истинный манифест буддистов, который близок и китайскому мышлению. Если в индуизме дается надежда для постепенного восхождения души наверх, то в буддизме эволюция идет практически по кругу. Это круговое движение – следствие отказа буддизма от вертикали, которая и дает возможность восхождения. Душа перемещается в круге перемен, попадая то в один мир, то в другой. Чем не гексограммы, только для иного мира?

В колесе сансары, как в фокусе, отразилось все сходство и различие буддизма с китайской и индийской системами. Само по себе расположение богов наверху, а демонов внизу предполагает вертикальное развитие снизу вверх, что свойственно Системе Индии, но, свернув эту вертикаль в круг, Будда уничтожил идею вертикального восхождения, на которой основана философия перерождения душ в Индии. Он закольцевал путь человека, лишив его тем самым надежды на непрерывный рост, возможности развития и улучшения собственного положения в этом мире. Чтобы человек ни делал, даже если он достигает вершины развития и попадает в мир богов, он все равно окажется через некоторое время в самом начале пути (если здесь корректно говорить о начале), душа все равно опустится в самый ужасный мир. Идея падшего ангела здесь воплощена в своеобразном "колесе обозрения". Если ангел в христианстве, который поднялся до самого верха, и возгордясь, был низвергнут на самое дно мира, став сатаной, то это трагедия одного ангела, его личная ошибка. В буддизме все ангелы, поднявшись наверх, обречены пасть вниз вследствие неизбежности вращения колеса сансары. Им не избежать ада, даже если они будут стараться изо всех сил вести себя правильно. И нет выхода, кроме как покинуть этот мир навсегда, со всеми его адами и райами, нет спасения, кроме нирваны.

Колесо сансары разрушает главную идею Индии – вертикальность мира. И тем самым приближается к главной идее Китая – горизонтальной доминанте мира. Ведь в колесе сансары все равны перед его вращением. Разница в том, что коренная китайская философия предполагает перемены

в результате случайного выпадения одного из состояний в 64-клеточной матрице, а у Будды все состояния проходят по закономерному кругу и их всего шесть.

Поразительно то, что, несмотря на принципиальную разницу систем мировоззрений, и Индия и Китай смогли создать великие цивилизации, выстоять во многих испытаниях, преодолеть нашествие Запада с его "правильной" философской системой и в настоящее время стремительно выдвигаются на передовые рубежи мировой экономики.

Это свидетельствует либо о том, что философские системы мало влияют на жизнеспособность цивилизации, являясь какими-то второстепенным фактором в их жизни, либо о том, что и китайская и индийская философские системы имеют реальный отзвук во вселенских процессах, являются одной из граней этих процессов, и каждая из них дает обществу свои преимущества.

Глава 4

ПЕРВИЧНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗАПАДА

В этой главе будут проанализированы две первичные цивилизации Запада – египетская и междуреченская. Культура Древнего Египта согласно нашей классификации [69] относится к классу западного Запада, культура Вавилона – к классу восточного Запада.

4.1. Горизонтальный рациональный мир Египта

Чисто западная основа цивилизации Древнего Египта проявилась в максимальном рационализме, материализме, культе формального, мужского, внешнего. Как мы предположили раньше, в основе Системы Египта должна лежать пара "объект-объект", а вектор направлен горизонтально.

Материальная, внешняя объектность культуры наиболее ярко проявилась в способах захоронения египтян. Нигде в мире не было таких грандиозных надгробных памятников (пирамид), нигде в мире не было отведено для посмертной жизни такое огромное пространство (левый берег Нила), которое было не просто кладбищем, а стало настоящей страной мертвых, со своими городами и грандиозными сооружениями. Нигде в мире мертвого не отправляли в последний путь в загробный мир с таким огромным количеством предметов и пищи (на многие годы жизни). Именно потому, что в Египте превыше всего ставился реальный объектный мир, на похороны там тратилось в определенные периоды больше средств, чем на жизнь земную. Ведь для путешествия в бес-

конечную жизнь после смерти человеку необходимо было иметь много предметов быта, оружия, пищи.

Понять, насколько отличается объектный горизонтальный западный мир Египта от вертикального восточного мира Индии, можно, сравнивая похоронные обряды. В Индии тело умершего просто сжигается, а пепел спускается в реку. И никаких пирамид, мумий, могил, предметов и прочих материальных объектов. В чем причина такого полярного различия в обряде захоронения? Да потому, что для культуры Индии главное – не материальный мир, который в буддизме был объявлен вообще иллюзией, а жизнь души и ее путешествия в тонком мире. Индийская Система в наименьшей мере привязана к земной материальной жизни, поэтому чем быстрее душа освобождается от тела после смерти, тем лучше. В Египте душа в наибольшей степени привязана к материальному миру, поэтому чем дольше душа привязана к предметному окружению, тем лучше для нее.

Материальная объектность проявилась еще и в том, что, несмотря на наибольшую древность египетской цивилизации, до нас дошло от нее гораздо больше объектов культуры, чем от менее древних культур Вавилона, Китая и Индии. Пирамиды, саркофаги, скульптуры, храмы, предметы быта – все это представляет Египет гораздо больше, чем его философия или религия, например. От Вавилона до нас дошли астрология и магия, от Китая – даосизм и конфуцианство, от Индии – индуизм и буддизм. А какое духовное учение дошло до нас от Египта?

Египетская цивилизация существовала в активной фазе в период примерно с 3000 по 1000 г. до н.э. [69]. Еще 1000 лет она доживала в фазе, так сказать, пенсионного стагнационного состояния. К началу новой эры она практически прекратила свое существование. Судя по многим признакам, египетская цивилизация возникла, развилась и закончила свое существование первой из четырех первичных цивилизаций. Ее научное наследие во многом было перенято античной цивилизацией. "Греки видели в египетской религии основу всяческой мудрости и глубокомыслия; поэтому они всемерно старались установить связь между своими богами и египетскими... Они питали к своеобразности и древности египетской культуры благоговение, поколебать которое было ре-

шительно невозможно" [31, с. 110]. И отчасти именно поэтому в первоизданном виде вряд ли возможно восстановить истинную философскую систему Египта в той мере, насколько это возможно сделать с индийской или китайской системами.

Наиболее сохранившейся в первоизданном виде частью общественного сознания Древнего Египта являются, пожалуй, его религиозные учения. Опираясь на этот материал, мы попытаемся дать представление о Системе Египта как об одном из компонентов общей четырехчастной системы первичных цивилизаций.

Первое, что приходит в голову, когда вспоминаешь о египетской цивилизации, – это величественные пирамиды, символизирующие пирамидальность иерархического устройства мира. Поэтому возникает предположение, что в Египте, как и в Индии, огромное значение придавалось вертикальной оси бытия. Но история постройки пирамид таит в себе массу загадок, которые до сих пор не находят своего ответа. В частности, самые грандиозные из них были сооружены спустя всего 500 лет после старта научной цивилизации, в тот период ее развития, когда она только вступала в фазу обучения [69]. Возникает естественное предположение, что архитекторы и инженеры этих сооружений были приглашены фараонами из другой цивилизации, возможно, они были наследниками Атлантиды [67]. Тем более что этот тип сооружений не являлся эксклюзивным изобретением Египта, так как во-первых, аналогичные сооружения встречаются и в Южной Америке, и в других районах мира, а во-вторых, в период самостоятельной цивилизационной активности (начавшийся с 2000 г. до н.э.) египтяне как раз полностью прекращают строить пирамиды и переходят к сооружениям линейного типа. Поэтому, как ни парадоксально, но иерархические сооружения в виде пирамиды, символизирующие в глазах всего мира культуру Древнего Египта, имеют к ней весьма косвенное отношение. Лучшее представляет линейный стиль египетской культуры Луксорский храм с его колоннами и длинными проходами [67].

Религиозная система Египта

Прежде всего стоит отметить главную трудность изучения религии Египта – отсутствие общей системы, которую

можно было бы представить в виде доктрины, как, например, в буддизме или даосизме. "...Изложить египетскую религию в систематической форме невозможно; все попытки в этом направлении рушились сами собой... Большие религиозные произведения вроде "Книги мертвых" дурно переданы и переполнены всевозможными загадками... по содержанию они часто пусты и многоречивы" [31, с. 115].

Чем это объясняется? Скорее всего, тем, что египетские религиозные представления складывались изначально самостоятельно и независимо в разных регионах вдоль длинного узкого пространства Нила. "Большинство известнейших божеств Египта первоначально были не более как местными богами того или другого округа, и только с течением времени культ их мало-помалу распространился во все стороны..." [31, с. 119]. Лишь впоследствии в результате политического объединения страны некоторые из местных богов стали выдвигаться на роль главных. "Сила и значение каждого бога, понятно, зависели главным образом от значения того города или округа, владыкою которого он считался в качестве местного бога... В объединенном государстве, естественно, первое место занял местный бог столицы... Это умственное движение в эпоху Нового царства... и возвело фивского Амона-Ра в положение национального египетского бога" [31, с. 120–121].

Итак, изначально все египетские божества представляли собой местные культы, связанные с конкретной местностью. Причем боги возникали в сознании египтян по очень простому принципу – все, что предметно окружало египтянина, особенно животный мир, обожествлялось в конкретном объектном виде.

"Довольны все боги на небе, все боги на земле и в воде; довольны все боги севера и юга, все боги запада и востока, все боги сел и все боги городов". В этом характерном тексте отразилось все религиозное мировоззрение древнего египтянина. Куда бы ни обращал свои взоры египтянин, всюду видел он вокруг себя божеские существа. Вся окружающая природа была населена богами. И вся жизнь казалась ему божественной тайной.

Небесные тела с их закономерным движением, плодородная Мать-земля, полный таинственности, благословенный

Нил казались ему могущественными божествами, без помощи которых он не мог обойтись. Фантазия рисовала ему пустыню населенной страшными баснословными животными, сфинксами и грифами, и ему казалось, что в шелесте листьев он слышит звуки божественного голоса... Мир мертвецов у него был населен бесконечным количеством демонов и богов, то в человеческом образе, то в образе разных животных.

Египтяне боготворили все: деревья, животных, людей и даже здания – так, храм Амона-Ра в Фивах они считали богиней. Боги и демоны могли обитать повсюду и оказывать, при воплощении своем, то хорошее, то дурное влияние.

...Животный культ, который грекам казался чрезвычайно странным и который они, из уважения к египетской мудрости, считали глубокомысленной символикой, между тем как в глазах людей, подобных Ювеналу, он внушал презрение к самой стране, – этот культ... является остатком фетишизма, этой низшей, примитивной религиозной стадии, от которой египетская религия никогда не могла освободиться окончательно.

...Рядом с этим существовал особый, настоящий животный культ, где особо избранное животное служило предметом воплощенного божества и имело собственные храмы, жрецов, праздников и т.д." [31, с. 116–117].

Естественно, что если в каждой местности, да и практически в каждой деревне жители выделяли в качестве божества то или иное животное, то "богов и демонов в Египте было очень много..." [31, с. 134].

Таким образом, египтяне не обладали какой-либо изначальной идеей целостного мира, как это мы видим в Индии или Китае, они жили в мире конкретных объектов. Как целостную систему объяснить этот мир они и не пытались. Их Система изначально была западной по своему типу, поэтому они воспринимали мир как сумму отдельных объектов и явлений. Они строили обобщающие системы лишь индуктивно, из множества окружающих их сущностей выбирались те, которые казались наиболее важными для жизни, например, бык, крокодил, кошка, змея и т.п. Осознавая свою зависимость от этого животного, они создавали его культ, затем из множества культов в разных местах постепенно выделялся наиболее значимый бог. Но он так и оставался "богом местного значения",

проживающим около своих почитателей, не богом, сошедшим с небес, а богом земли, поэтому его обитель всегда была рядом и всегда была доступна его поклонникам.

"Египтяне нисколько не сомневались, что местный бог, господин и защитник города и округа, лично находился среди своих почитателей в своем храме и что он обладал целым рядом чисто человеческих потребностей, обязанность удовлетворить которые они набожно возлагали на себя.

...Бог жил среди своих почитателей; он имел свое местопребывание в храме, в так называемом "божьем доме"; здесь стояла его статуя и помещалось посвященное ему животное" [31, с. 156].

Естественно, что таких конкретных богов необходимо было кормить, как обычных животных или людей, заботиться об их жилище, и поэтому религиозные обряды египтян были предельно приземленными.

Постепенно, по мере развития социальной структуры Египта, по мере появления все более узко специализированных профессий в египетской религии возникли тенденции к обобщению божеств различной местности и приданию им определенной функциональной обязанности. Мир начинал восприниматься египтянами через призму их социальной жизни. И если в египетском обществе возникала отдельно выделенная профессия писца, то в божественном мире автоматически возникало представление о боге письменности – Тот:

"Тот... слыл изобретателем письма и покровителем наук; часто ему приписывали составление священных книг... он секретарь и советчик богов. Греки сопоставляли его с Гермесом, а неоплатоники называли Гермесом Трисмегистом" [31, с. 130].

Отдельные функции стали переходить к более общим богам, которые отвечали за глобальные природные объекты: солнце, луну, небо, землю и т.п.

"...Существует целый ряд богов, которых нельзя отнести ни к какому определенному городу или местности, – им, вероятно, поклонялись во всей Нильской долине... Таковы

были боги света, неба и элементов: бог солнца – Ра, луны – Ах, неба – Нут, земли – Кеб и Нила – Гапи" [31, с. 121].

"Озирис является одной из главных фигур египетского пантеона... Озирис делается царем мертвых, которых он собирает в своем загробном царстве. Он великий и могущественный друг усопших, "доброе существо" ... Изображают его обыкновенно человеком, спеленатым подобно мумии" [31, с. 126–127].

Объединение богов в общие группы было естественным индуктивным процессом, следовавшим за укрупнением представления о природе, следовавшим за увеличением масштабов социальной жизни Египта:

"В Египте не было единообразной теологии, как и не было единообразного народного верования. Теологические учения коренились, без сомнения, в жреческих обществах различных святилищ страны, причем все стремления их были направлены, конечно, на то, чтобы поставить местного бога в центре теологической системы...

Теология не могла победить регулярный партикуляризм египтян и устранить фетишизм, легший в основу египетской религии, но все же в отождествлении божеств она нашла средство, способствующее достижению религиозного единства. По природе своей боги разделялись на несколько определенных классов: солнечные божества, земные, погребальные, нильские и т.д. Ничего не было легче, как слить в одно целое различных богов одной и той же группы; таким образом, возникли комбинации Сокар-Озирис, Озирис-Хентаментет;... Ра, Тум, Горус Менту и Анхер – все суть солнечные божества и поэтому все слились в одно. Это объединение божеств пошло еще дальше.... Почти все божества были превращены в солнечных богов и отождествлены с Ра. Пта, Мин, Амон, Себек, Озирис, Хнум и даже Сет слились с Ра и заняли соответствующее место в солнечной теологической системе.

Этим путем теология пришла к своего рода искусственному монотеизму...

Боги, нашедшие себе более обстоятельную характеристику в мифах, не так легко сливаются друг с другом; в этом случае теология натолкнулась на большие затруднения,

и тексты ее сплошь наполнены противоречиями и абсурдами, которые лишь при самом поверхностном взгляде могут сойти за глубокомысленную мудрость" [31, с. 149–150].

В этом процессе отражена важнейшая черта египетской культуры – интегральное соединение различных систем в целое, путь построения системы, идущий не от целого к частному, а, наоборот, от частного к целому – индуктивный синтез. Сначала множество конкретных частных богов места, каждый из которых живет в этом месте и не претендует на окрестности, затем постепенный сбор из них неких единых классов природных объектов. В конечном итоге индуктивный процесс должен был привести к объединению всех божеств в образ наиболее яркого и важного объекта природы – Солнца. Причем если в Китае высшим божеством (пусть и безличным) является Небо как символ наиболее обширной *среды*, которую только мог видеть китаец, то в философской системе Египта небо почти не упоминается, ведь оно не имеет объектной формы. Зато самый крупный отдельный объект природы, самый динамичный и самый влиятельный – Солнце, автоматически становится главным центром притяжения, в который постепенно входят все наиболее значимые божества. Естественно, что следующим шагом в этом классификационном укрупнении должно было быть признание Солнца главным божеством, а далее – признание его **ЕДИНСТВЕННЫМ** божеством, т.е. переход от политеизма к монотеизму. И этот логический шаг был сделан фараоном-реформатором – Эхнатоном (1368–1351 гг. до н.э.), который совершил грандиознейшую за всю историю Египта революцию в религиозной системе. Он отверг все разнообразие божеств Египта и объявил, что единственным богом является Солнце. Но его реформа, несмотря на титанические усилия, провалилась, и сразу же после его смерти жречество постаралось не только вернуть религиозную систему Египта к прежнему состоянию, но и стереть все следы этой реформы из памяти страны.

Почему же этот, казалось бы, закономерный шаг, который отражал общую тенденцию индуктивного обобщения божественного мира и ставил окончательную точку в этом процессе, длящемся уже около двух тысяч лет, кончился неудачей?

Историки религии убеждены, что причина в том, что "природный ум египтянина был совершенно не способен к восп-

приятию истинного монотеизма" [31, с. 112]. С ними легко согласиться, с некоторым добавлением: ведь монотеизм – это целостное восприятие мира, и оно свойственно Востоку, а никак не Западу. Следовательно, монотеистические религии должны были прийти к Западу с Востока. Именно так и получилось. Монотеизм (христианство) на Запад принесли евреи (хотя и не только), культурные корни которых уходят на восток. Более того, для развития монотеизма евреям необходимо было уйти из Египта все туда же – на восток, так как в западно-западном Египте они не смогли бы выжить исповедуя восточную монотеистическую религию.

Обозначенная проблема провала монотеизма в Египте – лишь часть гораздо большей проблемы египетской философской системы в целом. Дело не только в том, что египтяне не могли принять единого бога по каким-то чисто религиозным причинам. Главной причиной было то, что мир для египтянина всегда представлялся как *множество* объектов, которые, *взаимодействуя* друг с другом на горизонтальном уровне, создавали непрерывную череду событий. Люди боролись с животными, с разливами рек, друг с другом. Государства боролись с другими государствами. В основе системной матрицы Египта лежала пара "объект-объект", что предполагало множество взаимодействующих друг с другом объектов. Если же все объекты (в частности, божества) объединить в один, то сам принцип объектно-объектных взаимодействий рушится, превращается в фикцию. Ведь тогда остается один-единственный объект – Солнце. Спрашивается, с кем ему бороться? Ведь равных ему богов уже нет... Следовательно, реформа Эхнатона разрушала системную основу египетского мира, она лишала его движущей силы – борьбы между равными по силам, расположенными в одной плоскости силы субъектами (объект-объектного взаимодействия³⁰). А перейти к представлению о мире как о частях еди-

---

³⁰ Наследие этого объект-объектного противостояния перешло и в, казалось бы, полностью монотеистическую религию иудаизма (в Библии есть упоминание о спорах сатаны с Богом, см., напр.: Иов). Это наследие осталось и в христианстве, где оно порождает постоянные мучительные размышления о всемогуществе Бога, который не может до конца обуздать сатану. А причина проста – обе религии не стали полностью восточными, следовательно, в них заложен ген объект-объектного противостояния.

ного живого организма (то, что изначально было заложено, например, в индийской Системе) египтяне не могли, ибо они, таким образом, должны были бы полностью поменять фундамент своей Системы, лишиться ее главной эволюционной силы. Ведь их Система строилась по западному принципу – на индуктивной основе³¹.

Отдельная тема египетской религии – путь человека в загробном мире, проблема жизни после смерти.

Если исходить из того, что для египтян главными были объекты, если учитывать горизонтальный вектор их философской системы, то можно легко понять специфику погребальных обрядов и представления о загробной жизни. Очевидно, что в горизонтальной системе невозможно подняться вверх или опуститься вниз, невозможны те трансформации, которые совершает душа в индийской системе. В Египте все конкретно и все объектно. Поэтому после смерти человек должен продолжать свое существование здесь же на земле, но в отдельном месте (на западе, в стране мертвых). В Египте главными были объекты, поэтому и тело мертвеца, и его вещи, и все необходимое для его предметной деятельности необходимо было охранять и для загробной жизни.

"Все старания египтян были сосредоточены на том, чтобы предохранить труп от гниения; это доказывается всеми погребальными обрядами. Для этой цели у них было в ходу тщательное бальзамирование трупа, долженствовавшее предохранить его от тления, а также были устроены обширные погребальные помещения, куда предусмотрительно пряталась мумия и где она могла лежать в полной неприкосновенности...

Жилища для вечности, как называли египтяне свои гробницы, представляли обыкновенно обширные города

---

³¹ Спустя тысячелетия в Европе все-таки пришли к единственному первоисточнику – математической точке, взрыв которой и породил Вселенную. Подобную "монотеистическую" версию происхождения Вселенной предложили, кстати, физики с еврейскими корнями, которые, видимо, в генах своего сознания уже навсегда несут теперь идею абстрактного единого Бога, а когда они отходят от религии, то невольно ищут ему замену в виде абстрактной невидимой Точки – первопричине всего мира.

мертвецов, лежавшие к западу от городов живых людей. Солнце заходило на западе, где был вход в "другую землю" [31, с. 137–138].

"На обязанности остающихся в живых лежало также принесение даров покойнику и молитвы за него по большим годовым праздникам. По требованию надписи на гробовой колонне посетитель, будь он член семьи или чужой, должен был произнести изречение, которое имело целью доставить покойнику тысячу хлебцов, тысячу кружек пива и по тысяче всяких других житейских вещей. Если покойник был богат, то он при жизни принимал меры к тому, чтоб о нем заботились после смерти, завещавши на вечные времена известный доход какому-нибудь жрецу, который должен был за это служить мертвецу по праздничным дням – приносить похоронную жертву и вообще заведовать службами по покойнику..." [31, с. 139].

"Жрецы заупокойного культа... занимались главным образом кормлением умершего..." [16, с. 171].

Надо сказать, что религия в Египте во многом обязана своим происхождением весьма прагматичной причине. "Вообще египтянин любил жизнь и ненавидел смерть..." [31, с. 161]. Но чтобы снять страх перед смертью, в египетской культуре был создан огромный миф о *конкретной* жизни после смерти. Египтян не смогло бы успокоить представление о загробной жизни индийского типа, в котором не было бы предметов. Никакие общие рассуждения о загробной жизни в виде существования нематериальной души (которая все-таки была у них) не сняли бы страха египтянина перед смертью. Поэтому загробную жизнь египтяне представляли как некую копию земной, но протекающую в другом месте и несколько иначе. Поэтому основным занятием богов Египта было обеспечение их жизни после смерти, именно поэтому египетские источники описывают богов "в большинстве случаев... погребального характера" [31, с. 115].

Египтяне воспринимали смерть как переселение человека в другой мир, в особое место на земле. Этот загробный мир представлялся им таким же, как мир живых людей, там продолжалась такая же материальная жизнь покойника, он нуждался в пище и вещах. И при этом в объект-объектной

системе Египта возникло весьма странное для наших традиций представление о жизни человека после смерти.

"По учениям, господствующим в древнем Египте, человек наделялся несколькими душами. Одной из них был "двойник". "Двойник" считался духовным началом человека, соединение с ним означало жизнь...

Одной из душ египтян считали также имя. Сохранение имени человека означало сохранение его личности. Отсюда желание увековечить свое имя, хотя бы нацарапав его на чужом памятнике. Надписи пирамид говорят о том, что имя мертвого царя "живет во главе живущих" [16, с. 182].

Анализ этих верований показывает, что все души человека имели вполне прикладную и даже, можно сказать, материалистическую основу:

"...Воззрения египтян на природу и сущность человека были довольно сложны. В их представлении человек состоял из тела (Хетт), души (Ба), тени (Хайбет), имени (Рен) и, наконец, из Ка, что лучше всего, быть может, можно передать словами: "двойник", "невидимый двойник"... Последний рождается вместе с человеком, неотступно следует за ним повсюду, составляет неотъемлемую часть его существа и личности; однако Ка не умирает необходимо со смертью человека. Он может продолжать свою жизнь в могиле, которая и называется поэтому "домом Ка". Жизнь его зависит от степени сохранности тела и тесно связана с последним. Легко видеть, что представление о Ка легло в основу всех погребальных обрядов... Жизнь Ка зависела не от одной только целостности мумии: он мог умереть от голода и жажды; томимый ими, он мог дойти до того, что питался бы собственными экскрементами и пил бы свою мочу. Масперо говорит, что Ка мог удалиться из могилы, если голод и жажда принуждали его к этому... Ка может бродить в виде приведения и причинять мучения оставшимся в живых... Представления о Ка имеют очень примитивный характер. Умерший пользуется только условным бессмертием; часть его, остающаяся после смерти, тесно связана с могилой и продолжает вести земную жизнь. Это первобытное представление... сохранилось в течение всей египетской истории.

...Наряду с Ка имеет значение еще и Ба... Первоначально Ба представлялась в виде птицы, и в этом можно видеть намек на роль души после смерти человека: очевидно, она не была связана с могилой и могла свободно удалиться, подняться из нее на крыльях на небо и жить там среди богов.

...Важнейшим учением, пользовавшимся в Египте всеобщим распространением, было Озирисово учение о бессмертии; оно победоносно проникало повсюду и господствовало почти неограниченно... Путешествие усопшего имеет целью достижение царства Озириса. Это царство мертвых лежало среди полей Еару, топография которых изложена в 110-й главе Книги мертвых. Оно представляет из себя рай в чисто египетском духе: плодородные поля, орошаемые многочисленными рукавами Нила, где хлебные злаки достигают 7 локтей в высоту. Здесь покойник должен служить Озирису, как он служил при жизни фараону; он может пахать и сеять, плавать по течению реки и отдыхать под сенью тенистых деревьев... В древнейшие времена почитатели Озириса в Нижнем Египте представляли себе, что поля Еару расположены в полувозделанных частях Нильской дельты. С расширением географических знаний страна блаженных переносилась все дальше и дальше от Египта, сперва, может быть, в Финикию и, наконец, в северо-восточную "небесную страну". Каким образом покойник достигал рая – это, кажется, не было определенно установлено.

...По гелиополитанским воззрениям, цель покойника – попасть в барку Ра, навсегда остаться там и сопровождать Ра в его ежедневном странствии. Идея эта ясно выражена в пирамидальных надписях в книге мертвых. Барка Солнца должна в течение ночи проплыть царство тьмы, Дуат, чтобы утром снова явиться на востоке. Составить себе ясное представление о Дуате очень трудно. Масперо не считает Дуат преисподней и думает, что под этим названием следует разуметь "царство тьмы", лежащее за границами известного древним египтянам мира; таким образом, Дуатом будет все, что лежит за пределами Нильской долины, но на одной с нею горизонтальной плоскости; от Египта Дуат отделен высокими горами. Солнце, зайдя на западе, плывет сперва на север, затем поворачивает на восток и юг, пока не достигнет, наконец, восточной горы, над которой оно снова восхо-

дит в своем сиянии. В барке Ра душа не боится уже никаких случайностей и наслаждается полнейшим блаженством" [31, с. 141–145].

Итак, в религиозной системе Египта жизнь после смерти очень конкретна, все расписано по функциям, почти все происходит в одной плоскости, на земле, все предельно предметно.

Удивительным образом стремление к дифференциации всего земного бытия египетской системы распространяется и на дифференциацию жизни человека после смерти. Все, что было сосредоточено в одном человеке при жизни, после его смерти распадается на несколько функциональных путей. Тело сохраняют (мумия), копия тела (Ка) живет рядом с ним, продолжая осуществлять все функции тела: пить, есть, справлять нужду и т.п. Социальная жизнь усопшего отражена в имени (Рен), которое сохраняет жизнь человека в памяти социума. Производственная жизнь человека также сохраняется, в виде другой души (тень Хайбет) она переносится в царство Озириса, в котором она продолжает трудиться (но уже в райских, более благоприятных условиях). Но самую лучшую долю получает, безусловно, мечта человека о присоединении к богам. Его душа-птица (Ба) уносится в мир богов и селится рядом с высшим богом Солнца Ра, совершая с ним беспечное и блаженное путешествие по небу. Впрочем, в горизонтальном мире Египта и барка Солнца, хотя и путешествует по небесному Нилу, имеет вполне конкретный географический маршрут.

Такое удивительное распадение одной личности на множество душ с различными судьбами, пожалуй, не встречается более ни в одной религии. Это еще раз подтверждает, что в основе системной матрицы Египта лежит объект-объектная пара, реализация которой может быть осуществлена лишь во множестве объектов, причем в предельно конкретной форме. Разделение жизни человека на несколько функциональных направлений, которое постепенно переросло в разделение социума по профессиям и привело к узкой дифференциации (а в итоге в XX в. – к созданию конвейера), трансформировалось в удивительную систему религиозных представлений о "расслоении" человека после смерти на

несколько отдельных сущностей, каждая из которых совершает после его смерти свой путь и живет в совершенно различных условиях. Вопрос об обратном синтезе всех этих душ в нечто единое даже не ставится в религиозной системе Египта, движение идет только в одном направлении. Мы не видим здесь даже намека на цикличность, как в буддизме, или на реинкарнацию, которая лежит в основе индийского представления о пути души. Египетская Система видит мир таким, каким он воспринимается пятью органами чувств, – предельно предметным и объектным. Этот мир она классифицирует по функциям. После смерти эти функции остаются, но они уже не имеют "точки сборки" – вторично человек на Землю не приходит.

Отметим, что египтяне верили в рай, они создали несколько его моделей, в частности, царство Озириса и барку Ра. Ад с мучениями после смерти они "изобретать" не стали, хотя жизнь Ка отчасти напоминает именно адскую жизнь. Но все равно главный акцент в Египте сделан на райском будущем. Следовательно, жизнь после смерти виделась им лучшей, чем при жизни, следовательно, здесь мы видим совпадение с христианской идеей о вознаграждении человека на небесах за его земные мучения. Как будет показано дальше, в Вавилоне все было наоборот. Там был придуман только ад, жизнь после смерти для вавилонян представлялась хуже земной. **Можно предположить, что идею рая для человечества придумали египтяне, а идею ада – вавилоняне⁽³²⁾.**

Завершая краткий анализ религиозной системы Египта, приведем обобщенную оценку ее из весьма авторитетного источника:

"...Ход мысли древних жрецов мы можем проследить только отчасти; почти полное отсутствие логической связи в мыслях представляет серьезное затруднение; синкретическая обработка и символические толкования божественных форм и основных религиозных понятий также представляют едва преодолимые трудности. Замечательно, что, несмотря на глубокую древность подобных умозрений,

---

³² Отметим, что в христианстве были соединены обе эти традиции, причем для праведников предназначается рай, а для грешников – ад.

жрецы не могли уничтожить грубый анимизм и придать соответствующую форму идеям высшего порядка... Древние формы религиозных представлений и культ были существенными элементами религии, отвергнуть которые не могли ни философская мысль, ни прогрессивное развитие культуры, пока, наконец, новая духовная сила не победила эту религию, полную противоречий и пустого схематизма и совершенно выродившуюся благодаря магизму и грубому суеверию" [31, с. 155].

Социальная жизнь Египта

Прагматизм объект-объектной западной Системы Египта проявлялся ярко и в социальной жизни этой страны. "В общем, египтяне были народом практического направления, далеким от вечного романтизма и поэзии; мудрость он почитал больше, чем храбрость, и выше всего ставил общественные добродетели" [31, с. 162].

Социальная структура Египта в силу доминирования в ней горизонтального вектора не могла привести к формированию разветвленной иерархической системы, с замкнутыми кастами и разграничениями. В Египте если и существовала иерархия (а она объективно существует в любом большом обществе), то имела некий внешний характер, не столько исходящий от наследственности, сколько существующий как абстрактная потенция государства. Это должно было, как и в Китае, привести к тому, что приоритет отдавался социальному положению человека, а не его происхождению. При чем положение это египтянин занимал в зависимости от личных свойств. Безусловно, такой "демократический абсолютизм" не мог возникнуть в Египте в чистом виде, наследственность играла в нем определенную роль, но не столь доминирующую, как в какой-либо из вертикальных социальных систем (например, в Индии, где кастовость играла решающую роль в положении человека в социуме). Так, "в Новом царстве... могущество знати основывалось... не столько на ее частном землевладении, сколько на ее положении в государственном аппарате" [16, с. 341].

Перед нами пример постепенного перехода к "социальной позиционной системе", в которой "место красит человека".

Это усиление государственной структуры сопровождалось изменением и в механизме подбора кадров на ее узловые места. В целом социум в результате такой трансформации становится все более "социалистическим". Это проявлялось во всех сферах социальных отношений, начиная от особого положения рабов, которое было в Египте, пожалуй, наиболее падающим на всем Западе. Более того, в отдельные периоды, по мнению некоторых историков, в Египте вообще не было рабства. Так, например, Ливрага считает, что "в Египте не было рабов; более того, пленные враги приговаривались к работам за чертой города, а часто просто отпускались" [40, с. 60].

Правда, в других исторических источниках описывается массовое использование рабов. Но рабы при этом были дорогим "товаром", поэтому их берегли, как сегодня берегут автомобили. Так, например, в "конце XX династии за раба заплачено было серебром, медью, зерном и одеждою общей стоимостью более чем на 360 г серебра... В это время за один грамм серебра можно было купить 72,5 литра зерна" [16, с. 333]. Рабы стали появляться во времена Нового царства, когда Египет вошел в фазу мировой империи, основанную на экстенсивном росте и грабеже окружающих племен и государств. Но при этом многие из рабов, попавшие в Египет, видимо, не стремились вернуться назад в свои племена, так как часто в Египте они жили лучше и были более защищены, чем дома:

"Велико было... непроизводительное использование иноземных рабов. Перед колесницей богача бежали эфиопы-скороходы; царю при XIX династии многочисленные принаряженные чужеземные юноши не только варили пиво, но и прислужничали кравчими и состояли в царских опахалоносцах" [16, с. 334].

Очевидно, что стоять в царском дворце с опахалом, в красивой одежде и быть хорошо накормленным лучше, чем бродить со стадами овец или коз по горам или степям, жить в палатке (если она и была), бояться нападения и не уверенности в завтрашнем дне.

Спор о статусе рабов в Египте продолжается до сих пор. Но если вспомнить о том, как "угнетенные" рабы-евреи уходили из Египта, то станет ясно, что описания ужасов

рабства имеют весьма отдаленное отношение к рабству в Египте.

Историческая справка: рабство евреев в Египте

В Ветхом Завете есть множество мест, которые отражают тему рабов в Египте. С одной стороны, есть свидетельства того, как презирали рабов-евреев египтяне:

"И подали ему особо, и им особо, и Египтянам, обедавшим с ним, особо, ибо Египтяне не могут есть с Евреями, потому что это мерзость для Египтянина" (Быт., 43.32)

Но оказывается, что рабство было во многом связано с профессиональным и экономическим положением в египетском обществе:

"И сказал Иосиф братьям своим и дому отца своего: я пойду, извещу фараона и скажу ему: братья мои и дом отца моего, которые были в земле Ханаанской, пришли ко мне; эти люди пастухи овец, ибо скотоводы они; и мелкий и крупный скот свой, и все, что у них, привели они. Если фараон призовет вас и скажет: какое занятие ваше? То вы скажите: мы, рабы твои, скотоводами были от юности нашей донныне, и мы и отцы наши, чтобы вас поселили в земле Гесем. Ибо мерзость для Египтян всякий пастух овец" (Быт., 46.31–34).

На примере одного племени легко понять, как возникало рабство в Египте, насколько оно было тяжелым для народа, каков был статус раба в этом обществе.

Начнем с того, что в те времена рабство было результатом социального положения, и рабом мог стать житель любого народа, даже самого могущественного, египетского. Известно, что бесплодная Сара привела Аврааму египтянку-наложницу Агарь, которая родила ему сына Исмаила.

И когда экономическое положение племени Авраама в результате засухи ухудшилось, оно добровольно отправилось в Египет, но не в рабство, а на свободное поселение, причем в одно из лучших мест Египта, долину Гесем.

"Изголодавшиеся племена из разных мест, включая евреев, хлынули в плодородную дельту Нила в поисках пропитания. История свидетельствует, что египтяне встретили их доброжелательно" [22, с. 41].

Надо отметить, что в это время евреи еще не были рабами в каноническом смысле этого слова, они были пастухами, что считалось "мерзостью" для египтянина, таким образом, их приниженное социальное положение определялось их образом жизни. Но при этом один из таких "мерзких рабов", Иосиф, быстро сделал карьеру и стал ближайшим советником фараона. Это лишний раз показывает, что решающую роль в Египте того времени играло социальное положение человека, а не его происхождение. Как будет показано дальше, совершенно по-иному складывалась ситуация в соседнем Междуречье.

"Иосиф отлично справился со своими задачами и в годы голода не только приобрел для фараона огромное количество серебра и скота, но и все земли египетские (за исключением священнических), купив их у народа за хлеб" [72, с. 57].

В целом евреям очень неплохо жилось в Египте более 400 лет. Лишь после изгнания гиксосов и начала освоения Дельты их вольная жизнь постепенно превратилась в подневольную. Но даже после этого, когда Моисей их увел из Египта, они не раз с тоской вспоминали о своей прошлой "рабской" жизни.

"И возропталo все общество сынов Израилевых на Моисея и Аарона в пустыне, и сказали им сыны Израилевы: о, если бы мы умерли от руки Господа в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом" (Исх., 16.2–3)

"Пришельцы между ними стали обнаруживать прихоти; а с ними и сыны Израилевы сидели и плакали, и говорили: кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый

лук и чеснок; а ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших" (Числа, 11.4–6).

"...Разве мало того, что ты вывел нас из земли, в которой течет молоко и мед, чтобы погубить нас в пустыне? И ты еще хочешь властвовать над нами! Привел ли ты нас в землю, где течет молоко и мед, и дал ли нам во владение поля и виноградники? Глаза людей сих ты хочешь ослепить? Не пойдем!" (Числа, 16.13–14).

Это так достало Господа, что он погубил сначала 250 зачинщиков (семейство Корево), а затем еще 14 700 евреев (см.: Числа, 16.49).

Кстати, проведенные "зачистки" в вольном еврейском обществе совершенно невысказаны были бы в "рабском" Египте!

Рассмотрим причины, по которым евреи попали со временем в рабское положение, с двух точек зрения – еврейской и исторической:

"И восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа, и сказал народу своему: вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас; перехитрим же его, чтобы он не размножился; иначе, когда случится война, соединится он с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли [нашей]. И поставил над ним начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами" (Исх., 1.8–11).

"Сыны Израиля оказались удобным источником рабочей силы для Рамсеса, так как он избрал дельту Нила местом возведения новых городов. Это и касалось земли Гошен, куда израильтяне некогда вступили с такой радостью. Теперь роскошные города, задуманные фараоном, росли на земле, где недавно паслись их стада. Под безжалостными бичами надсмотрщиков еврейские рабы построили два больших города, предназначенных для хранения сельскохозяйственных запасов, – Питом и Рамсес (Рамсес). Здесь находились зернохранилища фараона" [50, с. 6].

Мы видим, что в Библии ухудшение положения евреев связывается исключительно с национальным вопросом, в исторической же науке причины находят в более глубоких пластах – экономических.

При всем при этом последний период жизни в Египте стал для евреев действительно трудным, но настолько ли, чтобы говорить об унижительном, нечеловеческом отношении к ним, как к рабам? Есть несколько мест в Ветхом Завете, которые показывают, что евреи жили не в лагере и не в бараках, а среди египтян, и относились к ним как к соседям.

"А Я в сию самую ночь пройду по земле Египетской, и поражу всякого первенца в земле Египетской, от человека до скота, и над всеми богами Египетскими произведу суд. Я Господь. И будет у вас кровь знамением на домах, где вы находитесь, и увижу кровь, и пройду мимо вас, и не будет между вами язвы губительной, когда буду поражать землю Египетскую" (Исх., 12.12–13).

Бог сказал: "И дам народу сему милость в глазах Египтян; и когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками: каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и одежд, и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и оберете Египтян" (Исх., 3.21–22).

Спрашивается, если еврейские дома стояли среди домов египтян, если евреи ходили к египтянам в гости и брали займы серебряные и золотые вещи, то неужели это похоже на "ужасное рабство"?

В древних обществах социальные отношения проявляют себя очень ярко и наглядно в религиозных мифах. Один из наиболее известных мифов Египта свидетельствует об уникальных отношениях между богами и верховного бога к людям:

"Когда бог, создавший самого себя, Вселенную, богов и людей, стал царствовать над миром, замыслили люди злые дела, но прознал об этом Ра и тотчас приказал:

– Пусть придут ко мне богиня Хатор, Шу, Тэфнут, Геба, Нут вместе с отцами и матерями... И да приведут они с собой свою свиту, и да увидят их люди. И придут они пусть в Великий зал, чтобы высказали они там планы свои...

– Слушайте, боги! Знаете ли вы, что люди, созданные из глаза моего, замыслили против меня злые дела? Скажите мне, что бы вы сделали, желая предупредить их несправедливые деяния? Решил я прежде выслушать ваш совет..." [19, с. 318–319].

На совете богов принимается решение послать на землю богиню Хатор, которая и стала поражать людей. Но Богу Ра очень быстро стало их жалко. Причем (о парадокс!) он не мог просто отозвать Хатор обратно (вопреки воле совета), поэтому придумал хитрый ход – разлил на полях красное пиво, которым богиня напилась до такой степени, что перестала видеть, кого истреблять. Уничтожение на время прекратилось.

Но через некоторое время Ра увидел, что организованное им с помощью совета богов наказание не изменило поведение людей. Логично было предположить, что он разгневался еще больше и найдет на Египте гораздо большую напасть – подобных примеров не счесть в Библии. Но это был египетский миф, созданный вполне в традициях социальных отношений этой древней цивилизации, поэтому Ра занемог от безобразий и решил уехать на небесной корове. Увидев, что солнце от них уходит, люди взмолились: "Не покидай нас, великий! Утешим мы сердце твое тем, что поразим всех врагов твоих!" [19, с. 319]. Но Ра не ответил им, он был в печали и продолжал удаляться от людских взоров. Тогда люди стали истреблять тех, кто согрешил против Ра. Это утешило верховного бога, и он простил людей: "Искупили вы грехи тех, кто согрешил передо мной. Довольно истреблять!" [19, с. 320].

В этом мифе наглядно представлена система отношений власти к народу и народа к власти, система отношений между властителями. Читая его, поражаешься той степени демократичности, которая была в то время распространена в Египте. Высший бог принимает решение совета, не может его отменить и приказать Хатор, переживает за поведение людей до такой степени, что начинает болеть и хочет покинуть им же созданный мир... Все это настолько близко еще по духу к общинным отношениям земледельцев, на базе которых и выросла египетская культура, что вызывает ощущение

ние сказочной нереальности, ибо в нашем сознании верховный Бог должен вести себя совершенно иначе.

Более того, здесь, как видим, все предельно конкретно и предметно. Бог создал и самого себя, и других богов, и людей, Вселенную, он общается с конкретными богами и т.п. Нет здесь и намека на стихии, магию, потусторонние среды или какие-то таинственные мистические силы. Вся "магия" и "волшебство" бога Ра заключается в том, что он разлил на полях красное пиво, обманом напоив другое божество.

В Древнем Египте ярко проявлялось стремление к социальной гармонии и в обыденной жизни египтян. Рассмотрим, как формировалось жреческое сословие в Египте, одно из самых привилегированных. В Вавилоне и Индии жрецы образовали замкнутые касты, в которые практически невозможно было попасть "чужакам". Но в Египте проход в жреческий слой открывался практически для любого человека, на котором была "отметина" божественной силы, а дальнейшее продвижение наверх внутри этого слоя обуславливалось лишь его природными способностями.

"Когда Фивы были столицей, каждый год из города отплывали суда со стягами Амона. На судах находились жрецы очень высокого ранга. Они проплывали по Нилу через все известные и принадлежащие царству земли. Если особые предзнаменования указывали на какое-либо селение, золоченый корабль причаливал к берегу, и сам жрец или кто-то из его высоких спутников спускался на берег и выбирал среди детей, рожденных в этом году, по крайней мере одного, которого забирали на корабль, чтобы по возвращении в Фивы отдать его в школу жрецов. Удостоенное такой чести селение устраивало праздник, а семья избранника приобретала большой вес в обществе.

Сами же избранники начинали в Фивах долгий путь "отбора", производившегося в зависимости от способностей. Большинство попадало на службу в храмы или во дворцы знати и даже самого фараона. Остальные (в соответствии. — С. С.) с их естественными склонностями посылались в центр инициации, где из них готовили врачей, писцов, стражников, хранителей архивов, военных и так далее. Наиболее одаренные отправлялись в Школу Амона. Очень нем-

ногие становились жрецами или жрицами Бога, занимая вакантные посты на вершине теократической пирамиды, которая в виде Совета царства и коллегии магов поддерживала Священный Союз между земным и Небесным Египтом.

Насколько нам известно, обучение было суровым и трудным, ради него приходилось жертвовать материальным благополучием и полностью подчинять себя духовному началу. Но взамен этого прошедшим обучение в один прекрасный день спереди и сзади на левом плече выжигали ритуальными щипцами символ Змея Урея... который гарантировал им неприкосновенность и полную безопасность в любой точке обширного царства при любых обстоятельствах" [40, с. 56–57].

"Хотя иной сын верховного жреца или гражданского сановника действительно начинал свою службу в храме с низших жреческих должностей или даже застревал на них, однако очень многие рядовые жрецы были детьми обыкновенных смертных, часто таких же рядовых жрецов" [16, с. 342].

Вот так – сын верховного жреца мог застрять на низшей должности! Как мы показали выше, аналогичный отбор в высший слой чиновников Китая осуществлялся по тем же принципам – в зависимости от способностей. Совсем другая социальная жизнь была в Индии и Вавилоне (см. дальше).

Нравственное поведение в Египте изначально было на высоком уровне. Об этом говорят многие документы. Так, например, древние источники упоминают одного номарха, который свидетельствовал, что "уделял из собственного достатка ячмень и молоко голодному, которого находил у себя в области, погребал бедного в своем полотне, вносил зерновую ссуду из своих средств заимодавцу за неоплаченного должника... Этот факт свидетельствует не только об обнищании некоторых слоев населения в то время, но и об отношении к ним более состоятельных людей" [19, с. 284].

Эта цитата говорит о многом, показывая уровень социальной гармонии в Древнем Египте. Это общество было демократичным и человечным, оно опиралось на высокую нравственность. Здесь во многом на практике были реализованы те принципы, к которым потом тщетно призывал Христос в своих

проповедях и которые долгое время были забыты Западом – возлюбить ближнего, помогать нищему, накормить голодного.

В горизонтальном социальном мире стремление к нравственному поведению становится доминантой, ему придается очень высокое значение. Об этом, в частности, свидетельствует такой известный текст, как "Исповедь отрицания": (из папируса Ну):

Приветствую Тебя, о Великий Бог,
Владыка Истины и Справедливости...
Имя твое есть "Господин-Порядка-Всей-Вселенной-
Чьи-Два-Глаза-Две-Сестры-Богини.
Принес я в сердце своем Истину и Справедливость,
Ибо изгнал из него я все худое...
Я не делал худого людям.
Я не был жесток с близкими.
Я не подменял Правду Неправдою.
Я не посещал злых людей.
Я не совершал преступлений.
Я не заставлял других работать на меня сверх меры.
Я не плел интриги из тщеславия.
Я не бранил тех, кто служил мне.
Я не оскорблял богов.
Я не оставлял бедного без пищи...
Я не заставлял страдать другого.
Я не был причиной слез людей, моих братьев.
Я не убивал и убивать не велел...
Я не стремился увеличить свое богатство несправедливыми
путями и не присваивал чужих полей.
Я не надавливал рукой ни на чашу,
ни на коромысло весов.
Я не отнимал молоко из уст младенца.
Я не уводил чужой скот...
Проявлению Божьему я не мешал.
Я чист! Я чист! Я чист! Я чист!"

[40, с. 115–117].

Насколько известно, подобного документа нет ни в Вавилоне, ни в Индии, где доминировал вертикальный иерархический вектор и уровень нравственных требований к чело-

веку был существенно ниже. Можно сравнить этот текст с арийскими гимнами Ригведы, которые возникли в вертикальной системе:

"Тебя, рвущегося к награде (в битвах), за награды
Мы подгоняем к награде, о стосильный,
К захвату богатств, о Индра.

...

Да поможет он нам в походе,
В богатстве, в изобилии!
Да придет он к нам с наградами!..
Да не причинят вреда смертные
Нашим телам, о Индра, воспевания жаждущий!
Отврати смертоносное оружие, о (ты),
в чьей (это) власти!

...

О Индра, ты отыскал коров,
Даже (когда они были спрятаны) в тайнике...
Мы молим Индру о добыче
Отсюда ли или с неба,
Из земного (ли пространства) или из
великого (воздушного).

...

Индру призываем мы в великой битве,
Индру – в малой
Как союзника при избиении врагов, (как) громовержца.
О Индра, при твоей поддержке
Пусть возьмем мы дубины, как (ты) – ваджру,
(И) победим в борьбе всех соперников!

...

(И) нас тут подгони хорошенько,
К богатству, о Индра, нетерпеливых,
О ты, мощью сверкающий, (нас), достойных почета.

...

(Загон с коровами), легко открываемый,
легко опустошаемый, –
О Индра, (это) отличие, даваемое только тобой!
Открой загон с коровами!
Соверши благодеяние, о хозяин давяльных камней!"

[48, с. 8–14].

Это типичный "разбойничий" текст кочевников-скотоводов, пришедших в земледельческий край для того, чтобы грабить, в частности угонять чужой скот, что было одним из смертных грехов в Египте (см. выше).

Далее мы покажем, что нравственный уровень вертикального вавилонского мира был также гораздо ниже, чем в Египте или Китае.

Очевидно, что, выстраивая социальную систему вдоль иерархического вертикального вектора, древнее общество сталкивалось с новой для себя проблемой – шло расслоение людей на высшие, средние и низшие уровни, естественно, отношения между ними становились все менее демократическими. При этом в каждой из первичных цивилизаций по-своему решали возникающие здесь проблемы. В Индии расслоение закреплялось по происхождению, в Китае и Египте положение в обществе определялось в конечном итоге способностями самого человека. Но не следует при этом, исходя из сегодняшних принципов и ценностей, порицать например, индийское общество за нарушение принципа равенства между людьми. Проблема вертикально организованного общества и социальной справедливости в нем – не разрешенная до сих пор задача, которая требует очень глубокого анализа. Этот анализ мы постараемся провести в следующей книге серии – "Матрица социальных элементов. Путь наверх" [70].

Физический мир Египта

До нас почти не дошли сведения о том, какую картину физического мира построили в Древнем Египте. Но, как показывает анализ [67], обычно системная суть этой картины находит свое наиболее яркое воплощение в космологической картине Вселенной. Приведем один из фрагментов описания этой древнеегипетской системы.

"Барка Солнца должна в течение ночи проплыть царство тьмы, Дуат, чтобы утром снова явиться на востоке. Составить себе ясное представление о Дуате очень трудно... Дуатом будет все, что лежит за пределами Нильской долины, но

на одной с нею горизонтальной плоскости; от Египта Дуат отделен высокими горами. Солнце, зайдя на западе, плывет сперва на север, затем поворачивает на восток и юг, пока не достигнет наконец восточной горы, над которой оно снова восходит в своем сиянии" [16, с. 145].

Невозможно понять, как могли придумать такую модель практичные египтяне, которые построили систему пирамид в Гизе, повторяющую картину звездного неба [12], если не принять гипотезу, что в их Системе доминировала горизонталь. Несмотря на очевидное видимое вертикальное движение Солнца на небосводе, египетское сознание не способно было продолжить траекторию его движения, за горизонт и сразу же "расплющивало" невидимую траекторию светила в плоскости земного горизонта.

В следующем разделе мы покажем, что вертикальный вектор Вавилона позволил создать гораздо более адекватную модель движения светил по круговому вертикальному поясу Зодиака.

Горизонтальный мир Системы Египта порождал удивительные по своей необычности модели. "Небо представляло из себя огромный лик, правый и левый глаз которого – солнце и луна" [31, с. 124].

Более того, когда речь идет о не о словесном описании, а о моделировании визуальной картинке, размерность космологического пространства понижается до одномерного. Искусственность и "натурализм" этих моделей поражают воображение.

Столь же конкретны были и космологические картины происхождения мира:

"Местный бог всюду почитался своими поклонниками творцом мира и виновником мироздания; при этом самый акт творения представлялся различно, сообразно характеру данного божества. В области водопадов Хнум представлялся в виде гончара, который на своем станке выделывал мировое яйцо, из которого все возникло. Мемфисский Пта создал мир так, как настоящий ремесленник или художник. Саисская Нейт была великой ткачихой и в этом качестве являлась космогоническим божеством" [31, с. 153].

Мы видим, что мир здесь не возникает в результате естественного процесса, а "производится", создается, как создается весь предметный мир египтян. Нет ни одной другой космологической картины в первичных цивилизациях, где бы происходило нечто подобное. Например, в Индии мир рождается из некоей среды в результате мучительного перевоплощения божества. В Китае вообще не задумываются о рождении мира. В Вавилоне мир возникает из среды в результате борьбы богов с хаосом. Но чтобы мир создавался, как создается горшок на гончарном круге... Этот миф говорит о многом, он совершенно точно акцентирует главную доминанту Системы Египта – производство. И недаром именно Египет оставил человечеству самые грандиозные сооружения – творение своего производственного потенциала – пирамиды⁽³³⁾. Почему создание Вселенной мыслилось египтянами, как процесс производства? Видимо, причина лежала в том изумлении перед открывшейся для египетской цивилизации мощью производственной деятельности. Способность организованно создавать совершенно новые и зачастую грандиозные сооружения (ирригационную систему, храмы, пирамиды и т.п.) возникла впервые в истории человечества именно в Египте. Это впечатление, видимо, и нашло свое отражение в представлении о том, как именно возникла Вселенная. Сегодня Запад верит в то, что мир возник в результате взрыва. Видимо, две войны в XX веке и испытания атомных бомб не прошли бесследно для западного сознания.

Впрочем, более ранние космологические картины Египта выглядели менее "мануфактурно". Например, "рассказывали, что нагретый солнечными лучами нильский ил породил людей, животных и растения..." [31, с. 154]. Эти два мифа (ранний и поздний) четко проводят грань между ранним Египтом, в котором доминировало земледелие, и более поздним, в котором на первое место по значимости выходят уже ремесла.

---

³³ Удивительным образом этот мануфактурный подход попадает затем и в Библию, в которой Бог создает мир за шесть дней, а человека он лепит из глины. Не в этом ли проявились исторические корни культуры евреев, проживших первую фазу своего развития именно в Египте?

История первых цивилизаций показывает, что не существует религий вне конкретных цивилизаций. Древние религиозные системы Египта, Вавилона и Античности возникли одновременно с самими цивилизациями, развивались вместе с ними и погибли вместе с этими цивилизациями. Говорит ли это о том, что богов нет, а их выдумывают люди? Верно ли высказывание философа-материалиста Л. Фейербаха: "Человек создал бога по своему образу и подобию"? Автор полагает, что вопрос этот гораздо сложнее. Бог един, но его сущность настолько велика, что она не может уложиться в узкие рамки любой системы, любого сознания. А людям необходима конфессиональная система, поэтому, как справедливо написано в упанишадах, ради поклоняющихся Брахману приписывается внешний облик... Означает ли это, что боги всего лишь проекция социальных отношений? Мне кажется, что внешний вид богов – да, отражение общей системы цивилизаций, но Бог не виноват, что его воспринимают по-разному в разных цивилизациях, как не виновата Вселенная, что в разные времена в разных культурах ее воспринимали то как яйцо, то как мировое дерево, то как плоскую землю на черепахах, то как пустынный вакуум с редкими звездами. Проблема в том, что само понятие Бога предполагает такое его величие, которое если не бесконечно, то стремится к этому. Спрашивается, как можно описать бесконечность? Разве можно океан влить в стакан? Разве можно какой-либо конечной системой (пусть и религиозной) отразить эту бесконечную мощь? Выход на бесконечность – вот что такое религиозная система. Эта тропинка к контакту вечной души человека с вечной Душой Мира. Тропинки разные, они обставлены разными указателями, но все они приводят к главному – духовному общению помимо разума. Разум же, как правило, лишь мешает этому общению. Но парадокс любой религии в том, что она вынуждена не только подводить человека к этому контакту, но и объяснять устройство иного мира [71]. А объяснять приходится на том уровне, на котором его могут понять люди той эпохи, в которой создается религиозная система. Здесь-то и кроется причина столь большого различия религиозных систем. Каждая из них строится в рамках конкретной культуры

и не может поэтому быть выше этой культуры в своей логической основе. Когда культура гибнет, то гибнет и внешняя оболочка, построенная вокруг веры в Бога, гибнет та религиозная система, которая адаптировала сознание людей этой культуры к необходимому для них общению с Вечной Душой мира.

Но в целом жизнь богов в Египте была калькой с социальной структуры общества. Одной из особенностей египетской социальной системы была ее ориентация на четкое разделение труда по функциональным направлениям. Поэтому истоки идеи конвейера лежат в культуре Древнего Египта. Боги Египта, как и люди, работали, причем часто их функциональные обязанности были четко разделены. Неудивительно, что в египетском мифе мир создается искусственно, как создается гончаром или художником его произведение.

Впоследствии, когда космологические представления египтян были подвергнуты централизации и были выдвинуты общие для всего нильского пространства модели Вселенной, они были все равно привязаны к животному культу, как и все остальные первые боги (*рис. 8*). Причем если божественные облики так и не расстались с животными образами (*рис. 9*), то в космологической картине отрыв от животного прошлого все-таки был совершен окончательно, и место коровы заняла богиня неба Нут (*рис. 10*). Но по-прежнему все, что происходило в этих космологических картинах, было предельно предметно, в этом не было никакой таинственной мистики и никаких сил, выходящих за пределы объектного восприятия. Именно в силу четкой объектности, отсутствия в Системе Египта даже намеков на существование разных природных сред (которые и придают картине мира таинственную неопределенность), "различия между экзотерическими и эзотерическими учениями в Египте нельзя установить" [31, с. 114]. Так, согласно этим космологическим моделям, богиня Нут каждую ночь проглатывала Солнце, которое в течение ночи совершало путешествие по ее телу до тех пор, пока утром она не рожала его на небе. В более поздних и более сложных моделях вторая женщина-небо проглатывала каждое утро звезды, которые, совершив аналогичное путешествие внутри ее тела, рождались ею вечером.

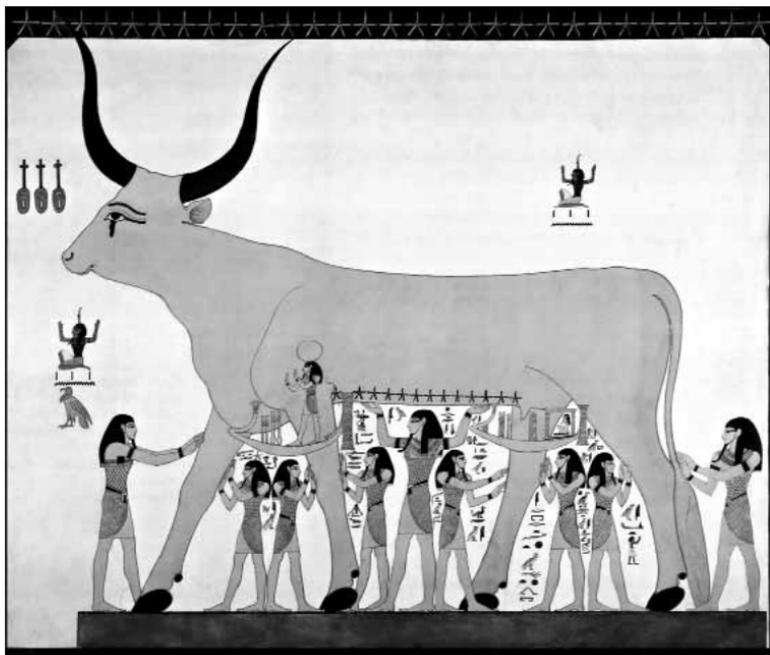

Рис. 8. Небо представлялось египтянам божественной коровой. Кстати, известный образ "золотого тельца" на самом деле сын Неба – теленок-Солнце, поскольку оно желтое, то и золотое. Т.о. у египтян не было культа золота, а был культ желтого Солнца, сына неба.

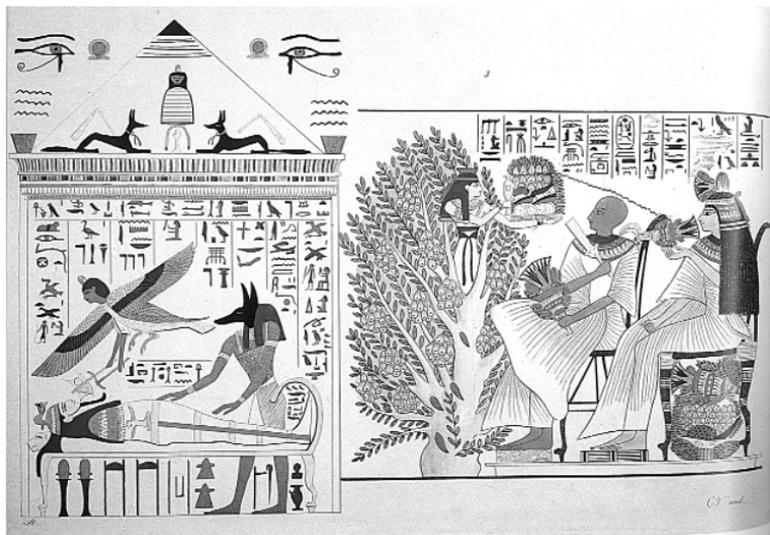

Рис. 9. Типичная картина умершего фараона (слева), над которым "колдуют" боги Египта с птичьими телами и собачьими головами.

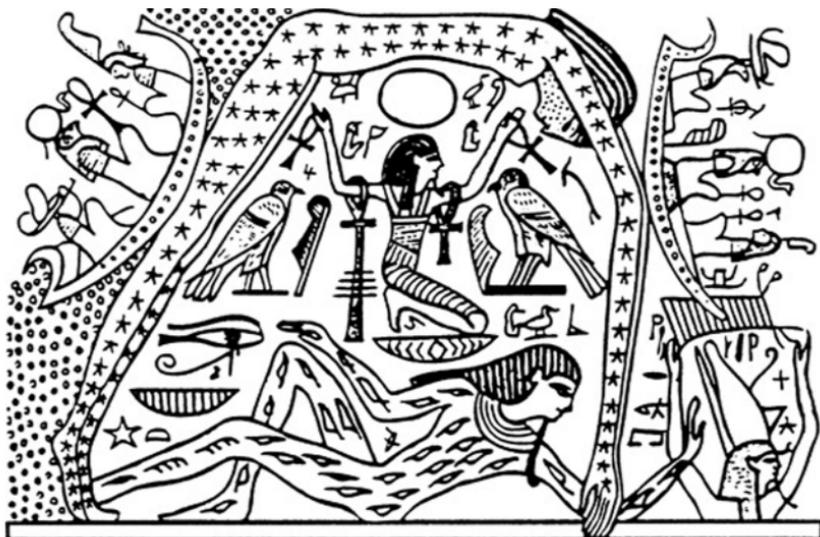

Рис. 10. Модель Вселенной Египта второго этапа развития. Небо представлено богиней Нут, а Земля мужчиной – Гебом. Животные элементы отступают. По небу плывет барка с Солнцем. Все тело украшено звездами. Но в более поздней модели (третий этап) звезды уже совершают движения внутри тела богини, каждый день она их проглатывает, а каждую ночь – рождает.

Наиболее показательной является в этом отношении последняя из космологических моделей Вселенной, созданная, видимо, после 2000 г. до н.э. Она описывается следующим образом. Вселенная состоит из двух Нилов – один земной, другой небесный, который течет по горам параллельно земному. По небесному Нилу путешествует барка с Солнцем. Над земным Нилом на столбах держится железное небо, в которое вбиты золотые гвозди звезд. Автор анализировал практически все известные космологические модели Вселенной и может утверждать, что описанная выше модель наиболее "мануфактурна", наименее эзотерична и таинственна, предельно предметна и материальна. Что касается ее горизонтального вектора, то он просматривается в том, что здесь практически отсутствует какая-либо вертикаль иерархии, ведь Вселенная представлена всего-то двумя тонкими полосками – Нил и Небо.

Если сравнивать иерархическую систему Египта и Китая, то мы видим их близость. В Египте, как и в Китае, есть только три уровня. Средний, в котором живет человек, верхний –

небесный, на котором живет Солнце, и нижний земной. Но при этом, что необходимо отдельно отметить, нигде практически ничего не говорится о подземном мире, даже царство мертвых, царство Тьмы – Дуат лежит в одной плоскости земного бытия с миром живых. "Дуатом будет все, что лежит за пределами Нильской долины, но на одной с нею горизонтальной плоскости; от Египта Дуат отделен высокими горами" [31, с. 145]. Следовательно, как и в Китае, иерархия здесь низведена до минимально возможного состояния, до трех уровней. Но при этом она не декларируется так явно, как в Китае. В Египте ее просто стараются не замечать.

Итак, заканчивая анализ Системы Египта, мы можем обобщить его следующим образом. Мысли египтян были заняты предметным миром вокруг них, они не строили вертикальной иерархии ни в космологии, ни в религии, ни в социальной структуре. Египтяне в силу своего горизонтального вектора и западного рационализма были предельно прагматичны и моделировали мир исключительно в контексте "объект-объектных" отношений. Предметный мир был главным для Египта, загробный мир поэтому представлялся им столь же предметным и "горизонтальным". Материализм и рационализм египтян проявлялся и в их представлении о жизни после смерти. Умершего "упаковывали" в путешествие по загробному миру чуть ли не более тщательно, чем обыкновенного путешественника. Поход в страну мертвых представлялся египтянам длительным и материальным, поэтому необходимо было запастись как можно большим количеством необходимых вещей и пищи.

Физическая модель мира была в Египте предельно конкретна, всюду египтяне видели действия объектов природы, в первую очередь Солнца, следом шли всевозможные животные, которых они повсеместно обожествляли.

Социальный мир был предельно демократичным, насколько он мог быть таковым при наследуемой власти фараонов. Рабы если и использовались, то, скорее, как некая свободная от общих прав рабочая сила, чем как животные (что было свойственно, например, Вавилону). Из всех четырех первых цивилизаций социальный мир Египта был ближе всего к демократическому идеалу современного общества.

4.2. Вертикальный рациональный мир Вавилона

Месопотамская цивилизация, согласно нашей системе научных цивилизаций [69], стартовала в 2500 г. до н.э. и закончила свое активное развитие в 500 г. до н.э. После этого, по теоретическим расчетам, она продолжила свое "пенсионное" 1000-летнее существование вплоть до V в. Основные сведения об этой цивилизации были получены из глиняных клинописных табличек, большинство из которых так до сих пор и не переведено, а значительная часть погибла. В силу того обстоятельства, что философская система Вавилона была частично воспринята древними греками (в частности, через Пифагора), она вошла впоследствии в античную культуру, а затем некоторой частью и в европейскую. Все это крайне затрудняет выявление собственной философской системы данной цивилизации в ее "чистом" виде. Поэтому, так же как и для Египта, основные выводы мы вынуждены будем делать, опираясь на ее религиозную систему, сведения о которой наиболее доступны для исследования.

Религиозная система Вавилона

"Религия Месопотамии во всех ее главных моментах была создана шумерами. С течением времени аккадские имена богов стали заменять шумерские, а олицетворения стихий уступили место звездным божествам. Местные боги могли также возглавить пантеон того или иного региона, как это произошло с Мардуком в Вавилоне или Ашшуром в ассирийской столице. Но религиозная система в целом, взгляд на мир и на происходившие в нем изменения мало чем отличались от первоначальных представлений шумеров".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Из этого следует, что религиозная система Междуречья сложилась в доцивилизационную эпоху и просуществовала практически неизменной в своих основных положениях на протяжении всего цивилизационного цикла, несмотря на то, что это были сначала Шумеры, затем Вавилон и Ассирия. В чем же ее основные особенности?

"Вавилонская религия есть политеистическая религия природы... Ежедневное движение светил и ежегодное возвращение времен года составляли для него причину всех жизненных радостей и надежд. Великие светила, солнце и луна, были для народа олицетворением благодетельных, живущих на небе и царствующих над землею богов, и к ним в вавилонской религии присоединялись блестящие звезды, сопровождающие оба светила: утренняя и вечерняя звезда. Надеяться на силы природы есть жизненная потребность... В силах природы проявляется божественная сила. Храмы суть изображения небесного жилища богов, а поэтому украшены изображениями светил... Боги суть небесные власти людей... Следы многих культов в большей части случаев указывают на почитание повелителя неба" [31, с. 175].

"Любопытно, что боги шумеров почти всегда антропоморфны (изображаются в человеческих обликах)..." [39, с. 34].

Итак, мы видим огромную разницу в религиозной системе Вавилона и Египта. Если боги Египта в основном ведут свое происхождение от животных, то боги Месопотамии – антропоморфны (рис. 11).

Горус с головой ястреба

Бог Сет

Бог Небо

Рис. 11. Высшие боги Египта (слева и в центре) и Вавилона (справа).

Боги Египта живут на земле, в поселениях рядом с людьми в специальных домах (храмах), причем в каждой местности – это свои боги. Боги Вавилона ведут свое происхождение от природных сил и небесных светил и в основном живут на небе. Эта принципиальная разница дает основание предполагать, что философская система Египта выстраивалась вдоль горизонтальной плоскости земного бытия, а философская система Вавилона формировалась вдоль небесной вертикали. Но следует отметить ее отличие от вертикали Индии, где она формировалась из целостного представления о масштабном устройстве Вселенной. В данном же случае перед нами вертикаль западного мира, она формируется индуктивно, как результат наблюдения и обобщения за разными уровнями природных сред, сил и стихий, в ней не было той целостности, которую отличает вертикальный мир Индии.

"Ни одно из месопотамских божеств не было исключительным источником силы, ни одно не имело верховной власти. Полнота власти принадлежала собранию богов, по традиции избравшему предводителя и утверждавшему все важные решения. Ничто не было установлено навечно и не считалось само собой разумеющимся. Но неустойчивость космоса вела к интригам среди богов, а значит, сулила опасность и порождала тревогу у смертных.

Культовый правитель-символ, посредник между миром живых и умерших, людей и богов, был тесно связан не только с представлением о святости власти имущего, обладавшего магической силой, но также с уверенностью в том, что именно молитвы и просьбы вождя скорее дойдут до божества и будут максимально результативны.

Месопотамские правители не именовали себя (и их не именовали другие) сыновьями богов, а сакрализация их практически ограничилась предоставлением им прерогатив первосвященника или признаваемым за ним правом на непосредственный контакт с богом... Невысокая степень обожествления правителя и централизации политической власти способствовала тому, что в Двуречье достаточно легко, без ожесточенного соперничества уживались друг с другом многие боги с посвященными им храмами и обслуживающими их жрецами.

Шумерский пантеон существовал уже на ранних ступенях цивилизации и государственности. Боги и богини вступали друг с другом в сложные взаимоотношения, трактовка которых изменялась со временем и в зависимости от смены династий и этносов...".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Как видим, божества Вавилона не являлись проявлением, как в Индии, одного высшего Бога, они имели индивидуальное происхождение, собственную область управления, и поэтому в сознании вавилонян их взаимоотношения были всегда сложными. До возведения на вершину божественной власти Мардука в Двуречье долго не было и главного божества, поэтому власть в божественном мире принадлежала собранию богов. В этом ярко проявляется общее системное различие между Западом и Востоком. На Востоке мир воспринимался всегда целостно, поэтому если и возникало представление о божественной вертикали, то отсюда следовало, что не только эта вертикаль, но и весь мир – всего лишь проявление жизни одного главного божества. На Западе мир всегда воспринимается как сумма отдельных частей, которые живут независимо, вступают друг с другом в сложные взаимоотношения, борьбу и конфликты, могут объединяться, но никогда не соединяются в нечто неразрывно целостное, нечто Единое. А попытки "собрать" из этих отдельных частей единое божество и перейти к истинному монотеизму не удаются Западной культуре ни при каких обстоятельствах.

Рассмотрим подробнее устройство божественного мира Вавилона.

В Междуречье изначально каждая община имела своих богов, как это было и в Египте. Но постепенно, по мере объединения городов в общую цивилизацию боги Вавилона образовали иерархическую пирамиду. Это принципиально отличает религиозную систему Вавилона от Египта. В последнем практически не существовало иерархического божественного пантеона, хотя со временем были выделены некоторые наиболее важные боги. Но важные боги Египта, судя по имеющимся у нас источникам, не имели никакого управляющего влияния на менее важных богов. В Вавилоне

же были не просто боги более значимые и менее значимые, а была выстроена достаточно четкая иерархия богов.

Первоначально наверху этой иерархии находился бог Анну, ниже Бел и Эа. Вместе они составляли божественную троицу верховных богов.

"Ану, господь неба, находился в сообществе с Белом, занимающим в триаде место владыки земли и действующих на земле сил природы, и оба они соединены с Эа, водным богом, которому в триаде принадлежат все тайные и чудесные подземные силы и который имеет свое местопребывание в безднах океана... Их воздействие на мир совершается посредством других великих богов... бога бурь, через Истар, небесную царицу и владычицу земли, производительницу всего земного плодородия и мать всех творений.

...Ану... высочайший господь всего сущего, отец богов. Многие боги считаются сыновьями Ану... Повелений его слушаются все боги... сам он никогда не действует непосредственно. ...Бела называют владыкой земли, повеления которого непреложны... Ему принадлежит как область его управления земля с живущими на ней людьми. Ему в особенности подчинены все демонические силы; он есть царь всех духов земли. ...Бел в качестве второго лица божественной триады не есть только бог воздуха и бурь... Он возбуждает стихии не по произволу: разрушительная его ярость возбуждается беззакониями людей... Представление о влиянии Бела на все действующие на земле творческие силы природы с особой силой вытекает из того, что в астральном мифе о семи злых духах он называется отцом Сина, Симаса и Истар.

...Эа, добрый бог, есть третье лицо великой божественной триады... Эа живет в глубине морской, поэтому он есть владетель подземных источников, от которых рождаются ключи и реки, дающие плодородие стране... Его также называют владыкой рек... В одном заклинательном гимне он называется господом человеков, которых он сотворил... Вообще по преимуществу, он называется творцом – творцом всего, также и богов... Все эти эпитеты находятся в связи с тем первоначальным представлением, что творческая сила, вызывающая к жизни природу, покоится в глубине земли. В этой скрытой глубине живет все тайное, поэтому Эа есть господь

сокровенной и глубочайшей мудрости. Жилище его в океане называется домом премудрости. Всеомывающая вода – его стихия. Ему принадлежат все волшебные силы... Он советник богов и людей... он – бог всяких искусств и наук всякого ремесла, настоящий культурный бог" [31, с. 181–184].

Мы видим, что еще одной отличительной особенностью месопотамской религиозной системы является то, что она построена на основе природной естественной вертикали **сред**. Наверху небо, поэтому бог этой среды, Ану, является главным богом. Земля, точнее, ее поверхность и то, что находится между нею и небом (атмосфера со всеми ее проявлениями), подчинена другому богу – Белу, который в иерархии занимает более низкое положение, пожалуй самое низкое, ибо третий бог – Эа, бог морских глубин и подземных вод, является хранителем мудрости, ему принадлежат все волшебные силы, в том числе и главная сила природы – творческая.

Сравним теперь триаду богов в Индии и Вавилоне. В Индии триада богов олицетворяет **процесс**, в котором изначально мир был сотворен Брахмой, первым божеством в этом пантеоне, затем перешел под управление Вишну, который отвечает за его процветание и порядок, за самую жизнь, но всему в этом мире приходит конец, и здесь появляется третий бог – Шива, бог смерти, бог разрушения. Рождение, жизнь, смерть – так замыкается извечная вселенская триада любого процесса. Мы не видим здесь связи с вертикалью небо-земля, связи со стихиями и средами, мы не видим здесь конкретики природных явлений, но видим очищенную от всех деталей *идею эволюционного процесса*, который может протекать как на небе, так и на земле.

Совершенно по другому принципу построена триада богов Вавилона – она олицетворяет **пространство различных природных сред**. Есть небо, есть земля, есть глубинные силы земли. Все это образует четкую *пространственную* вертикаль. Естественно, что наиболее обширной и малоизученной средой является небо, поэтому легко предположить, что бог, который управляет небом, обладает наивысшей силой, и он наиболее таинственен. Земля и атмосфера – наиболее изученная, видимая и понятная среда, именно здесь живут люди, поэтому бог Бел не только владыка земли, воздуха и бурь, но и управи-

тель, точнее, "наблюдатель" за поведением людей. Если их жизнь перестает соответствовать божественным установкам, он насылает на них всевозможные природные стихии.

"Энлиль, вместе с Ану и Энки, один из богов главной триады шумерского пантеона. Первоначально он – бог бурь... По-аккадски он назывался Белом ("господин"). Как "господин бурь" он тесно связан с горами, а значит, и с землей. Этого бога действительно боялись. Может быть, даже больше боялись, чем чтили и уважали; его считали свирепым и разрушительным божеством, а не добрым и милостивым богом"

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Высшая творческая сила в Индии исходит скорее с неба, от Брахмана, хотя его местоположение на самом деле пространственно не определено, ибо он вездесущ. Что касается Месопотамии, то кажется совершенно на первый взгляд непонятным, почему в месопотамском пантеоне за творчество ответственен бог морских глубин, занимающий в пространственной вертикали сред самое низкое положение? Почему творческая энергия здесь не спускается с небес, а бьет фонтаном из-под земли? Эту загадку можно разрешить, если вспомнить, что шумерская цивилизация была земледельческой, поэтому все, что ее кормило, произрастало из земли, благодаря плодородной увлажненной земле, благодаря рекам. Видимо, поэтому бог подземных сил, бог подземных и наземных вод и стал в этой триаде ответственным за все процессы рождения, за все творческие процессы.

"Энки, или Эа, один из трех великих шумерских богов... Энки тесно связан с Апсу, олицетворением пресных вод. Из-за важности пресной воды в религиозных ритуалах Месопотамии Энки считался также богом магии и мудрости. Он не пробуждал страха в сердцах людей. В молитвах и мифах неизменно подчеркиваются его мудрость, доброжелательность и справедливость. В "Энума элиш" он – создатель человека. Как бог мудрости он упорядочил жизнь на земле. Культ Энки и его супруги Дамкины процветал в Эриду, Уре, Ларсе,

Уруке и Шуруппаке. Энки получил от своего отца Ана божественные законы – "ме", чтобы передать их людям. "Ме" играли в религиозно-этической системе взглядов шумеров огромную роль. Современные исследователи называют "ме" "божественными правилами", "божественными законами", "факторами, упорядочивающими организацию мира". "Ме" являлись чем-то вроде установленных и контролируемых Энки закономерностей, предписанных каждому явлению природы или общества, касающихся как духовной, так и материальной стороны жизни. К ним относились самые разные понятия: правосудие, мудрость, героизм, доброта, справедливость, ложь, страх, усталость, различные ремесла и искусства, понятия, связанные с культом и т.п."

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Итак, древние шумеры воспринимали окружающий мир как некую среду, которая имела разные уровни, на каждом из которых был свой владыка, который управлял этой средой. Мы видим, что возникновение божественного пантеона в Вавилоне – результат отражения видимого ими мира, но видимого не так, как в Египте, в котором его обитатели видели только конкретные объекты, в первую очередь животных (т.е. смотрели как бы вдоль поверхности, горизонтально), а видимого через среды: небо, землю, воды... Оставалось к этой триаде миров добавить еще один мир, мир невидимый, загадочный, но несмотря на это долженствующий быть, – мир мертвых. Ведь религия предполагает, что бытие человека не заканчивается после его смерти. Следовательно, умерший человек (или его душа) отправляется в страну мертвых, где и продолжает жить. Поэтому к трем уже имевшимся мирам шумеры добавляют *выдуманнный*, четвертый мир, страну мертвых.

"В шумеро-вавилонской теологии Вселенная делилась на четыре главные части – небо, землю, воды и подземное царство. Боги, властвовавшие над ними, – соответственно Ану, Энлиль, Эа и Нергал".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

И в полном соответствии со своей месопотамской традицией "назначают" управителя и для этого четвертого мира – Нергаля. "И сам подземный мир, как город мертвых, был назван по имени города, где был культ Нергаля..." [31, с. 178].

А поскольку Вавилонская цивилизация принадлежит Западу, то все должно быть здесь совершенно точно пространственно определено. Ад не может существовать в неизвестном месте, даже если это место под землей, у него должно быть вполне конкретное место расположения входа с поверхности:

"На западе, где заходит солнце, – там вход в царство мертвых, в страну, откуда нет возврата. Область владычества Аллату, богини подземного мира, представляется в виде громадного города с чудовищной величины дворцом. Сквозь тьму слышны их горестные крики. Они живут в области ужаса и плача. Цари и жрецы и все великие земли подпадают одной и той же безотрадной участи. Нагими являются мертвецы перед страшной Аллату. Одетые в крылатые одежды, носятся они подобно теням. Нет никакого различия между добрыми и злыми, всех ждет один жребий. Но есть еще нечто более страшное, чем снизойти в царство теней: еще более позорно и мучительно остаться непогребенным. Невозможно нанести врагу более горькой обиды и более жестокого несчастья, как лишить его погребения или осквернив его могилу. Не нашедший себе покой в могиле беспокойно бродит кругом" [31, с. 215–216].

Напомним, что в Библии, которая в своей начальной части, скорее всего, имеет истоки в вавилонской мифологии, столь же конкретно определено и расположение рая:

"И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая и дерево познания добра и зла. Из Эдема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту где золото; и золото той земли хорошее; там бдолак и камень оникс. Имя второй реки Гихон

(Геон): она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр): она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат. И взял Господь Бог человека, [которого создал], и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его" (Быт., 2, 8–15).

Парадоксально, но в самом Вавилоне понятие рая отсутствовало, ибо бытие человека после смерти представлялось вавилонянам всегда ужасным, и поэтому они гораздо больше ценили жизнь, чем, например, христиане. Ведь из-за отсутствия представления о рае, из-за того, что в месопотамской культуре после смерти можно было попасть только в ад, не было разницы между праведниками и грешниками, так как жизнь в аду была одинаково ужасной для всех. Описание царства мертвых – конкретно и объектно и поэтому натуралистично. При этом нет представления о душе. Родился – умер – попал в ад. Никакой перспективы спасения – после смерти только ад и вечное мучение. Возникает вопрос: почему у вавилонян не возникло понятие души, того, что есть даже в более "объектном" Египте? Почему так мрачно воспринимали будущее в этой цивилизации, что особенно контрастирует с оптимизмом соседнего Египта? Признаюсь, что на эти вопросы у меня нет ответа.

Верховная триада богов имеет множество "исполнителей", божественная пирамида разветвляется, и по мере этого количество богов становится все больше, а их функции все конкретнее, все уже. Но поскольку вавилонская философская система это объектно-средовая система, то кроме триады сред (небо, земля, вода) естественно было и возникновение триады объектной, которая представляет три главных небесных тела:

"Кроме Ану, Бела и Эа, существует еще другая великая триада: Син, Симас и Истар или Син, Самас и Рамман. В них проявляется действие небесных богов на природу, непрерывное влияние, оказываемое ими на землю.

Син, бог Луны, со своим освещающим ночь светилом стоит всегда впереди солнца... Прежде всего он есть бог растительного царства. По его слову произрастают растения и увеличивается плодородие стад...

Солнечный бог Самас в качестве сына Сина занимает место ниже последнего, но как древний бог света он – великий, любимый богами и людьми. Он разделяет с Сином дело ежегодного оживления земли для произведения плодородной растительности и за это считается великим благодетелем людей" [31, с. 185–186].

"Красавица Иштар, богиня любви и плодородия, самая значительная богиня шумеро-аккадского пантеона. Позднее ей также были присвоены функции богини войны. Наиболее интересная фигура в сонме шумерских богинь. Ее шумерское имя – Инанна ("госпожа небес"), у аккадцев ее называли Эштар, у ассирийцев – Истар. Она – сестра бога Солнца Шамаша и дочь бога Луны Сина. Отождествлялась с планетой Венера. Ее символ – звезда в круге. Как и другие аналогичные женские божества плодородия, Иштар обнаруживала и черты эротической богини. В качестве богини физической любви была покровительницей храмовых блудниц. Ее считали также милосердной матерью, заступающейся за людей перед богами. В истории Месопотамии в различных городах ее почитали под разными именами. Одним из главных центров культа Иштар был город Урук. Как богиня войны, часто изображалась сидящей на льве".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Итак, на небе есть три самых заметных объекта: Солнце, Луна и Венера (в нашем случае – Иштар). Соответственно этому визуальному факту вавилонская религиозная система создает "дублирующую" триаду богов, отталкиваясь от их объектной значимости. Но эта триада занимает вторичное положение по отношению к первой триаде, которая отражает три среды: небо, землю, воду. Следовательно, роль сред в религиозной системе Вавилона выше. Но почему? Скорее всего, потому, что вся философская система Вавилона была основана на *пространственном критерии*. То, что занимало большее пространство, то и выдвигалось на первое место. Да, Солнце из всех объектов окружающего мира имеет наиболее выдающееся положение на небе. Но небо в целом (куда входят и Солнце и Луна и звезды) – система гораздо более в пространственном отношении грандиозная, поэтому бог,

управляющей этой системой, находится в более высоком положении в божественной иерархии. Таким образом, системное правило, которое мы ввели изначально, помогает нам понять весьма тонкие моменты в различных религиозных системах первых четырех цивилизаций. Если египетская философская система имела в своей основе объект-объектные отношения, которые привели ее к доминанте Солнца – главного объекта природы, то в Древнем Египте мы практически и не встречаем богов, которые бы отвечали за среды. Все боги возникают на базе каких-то конкретных объектов, чаще всего животных, в том числе и на базе Солнца, Луны, звезды Сириус. При этом, по мере индуктивного обобщения образов всех местных богов, наверх постепенно поднимается класс богов, имеющих отношение именно к Солнцу как самому выдающемуся объекту окружающего мира.

Совершенно по-другому складывается пантеон богов в соседнем Вавилоне. Здесь работает пара "объект-среда", причем работает на основе пространственного фактора, – система, которая занимает в пространстве большее место, та и оказывается более значимой. Причем, несмотря на превосходство сред, из которого можно предположить, что в Вавилоне именно они стоят на первом месте, здесь ситуация противоположная – объекты являются главными в этой паре, ибо они и управляют средами и стоят над ними. Поэтому боги Вавилона почти все антропоморфны, ведь это – личности, они конкретны, они являют собой отражение объектной сущности нашего мира. А среды – это просто их области управления, их вотчина, на которую они оказывают различное влияние. И пространственная значимость сред проявляется здесь в том, что те боги, которые управляют ими, важнее тех богов, которые управляют объектами. Из чего следует простой вывод – боги пары "объект-среда" важнее богов "объект-объект". Именно поэтому тройка богов Ану, Бела и Эа (управляющие средами) стоит выше тройки богов Син, Симас и Истар (управляющие объектами).

Итак, на примере анализа значимости верховных божеств Вавилона мы убеждаемся, что среды в философской системе Вавилона действительно вторичны, что явно противоположно тому, что мы видели в индийской философской системе, где первичны среды, которые порождают объ-

екты, отсюда сказочные превращения объектов и их фантастический, изменчивый облик. Как колышется мираж над пустыней, то появляясь, то исчезая вновь, так колышется и облик индийского божества, постоянно меняющего и его и настроение, который может исчезнуть в одном месте и появиться в другом в совершенно ином облики. В Вавилонской же системе мироздания божества неизменны внешне и неизменно их положение и поведение. Они управляют стихиями, порождая их из себя, из своей воли, из своего настроения. Таким образом, общее свойство Запада – рациональное, дискретное восприятие мира, конкретность его описания, индуктивный путь к обобщению – все это является определяющим и доминирует даже тогда, когда сами среды занимают в сознании вавилонян важное положение.

Если из пространственной значимости и делается исключение, то только в силу каких-то очень важных для вавилонян явлений и процессов. В частности, именно поэтому роль бога Луны Сина выше, чем роль бога Солнца Самаса. Солнце появляется всегда в "полном объеме", оно дает свет дня, регулирует суточный ритм, плодородие почвы зависит от солнечного света, поэтому роль Солнца в жизни вавилонянина должна быть на первый взгляд выше. Но, в вавилонской Системе все наоборот – Луна оказывается более значимым божеством. Почему? Можно предположить, что причина в том, что в Междуречье громадное значение имели ритмы природы и циклы, которые определялись, в частности, и через положение планет. Солнце, которое неизменно поднималось каждое утро над горизонтом и садилось на западе, играло, безусловно, огромную роль, но оно было в этой географической местности настолько постоянным и неизменным явлением, что воспринималось, скорее всего, как обыденный фон природных процессов. Его не нужно было просить выйти из-за туч и согреть землю, как это делали северные народы. В Междуречье солнечного света и тепла всегда было в избытке, и причем в постоянном избытке. Другое дело – Луна. Она ежемесячно периодически меняла свой облик, выступая своеобразным дирижером важных небесных ритмов. Очевидно, что уже шумеры заметили связь лунных фаз с активностью растений, поэтому знание лунных циклов для земледельческой цивилизации было важнее.

Вторым по значимости фактором после пространственно-го объема для индуктивной прагматичной системы Вавилона был, естественно, фактор динамической силы. Среды сами по себе могли занимать большое пространство, но быть при этом неизменными, постоянными, "мирными" и поэтому не опасными для жителей Междуречья. Но те изменения, которые происходили в этих средах, могли иметь громадные последствия для жизни людей. Видимо, поэтому во второй троице богов место Истар часто занимал другой бог – Рамман.

"Третье лицо второй божественной триады есть бог дождя и грозы, Рамман, "громовик" и вообще бог всех атмосферных явлений, происходящих между небом и землей... Бури – его вестники, и сам он называется Бурей, молнии – его оружие" [31, с. 187–189].

Боги и богини Вавилона управляли миром через всевозможные силы, стихии и процессы. Поэтому в пантеоне месопотамских богов было множество богов-стихий.

"Бог Дамузи (также известный под именем Таммуз) был мужским дополнением богини Иштар. Это шумеро-аккадский бог растительности. Его имя означает "истинный сын Апсу". Культ Дамузи был широко распространен в Средиземноморье. Согласно сохранившимся мифам, Таммуз умер, сошел в Мир мертвых, был воскрешен и поднялся на землю, а затем вознесся на небо. Во время его отсутствия земля оставалась бесплодной, а стада пали. Из-за близости этого бога с миром природы, полями и животными его называли также "Пастухом". Дамузи – земледельческое божество, смерть и воскресение его – олицетворение земледельческого процесса. Посвященные Дамузи обряды, несомненно, носят отпечаток очень древних церемоний, связанных с оплакиванием всего умирающего в осенне-зимний период и возрождающегося к жизни весной.

Громовержец Ишкур – бог грозы и сильных ветров – первоначально представлял те же силы, что и Нингирсу, Нинурта или Забаба. Все они олицетворяли могущественные силы природы (гром, грозу, дождь) и вместе с тем покровительствовали животноводству, охоте, земледелию, военным похо-

дам – в зависимости от того, чем занимались их почитатели. Как божество грозы, обычно изображался с молнией в руке. Поскольку земледелие в Месопотамии было орошаемым, Ишкур, распоряжавшийся дождями и ежегодными разливами, занимал важное место в шумеро-аккадском пантеоне. Он и его супруга Шала особенно почитались в Ассирии".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Итак, несмотря на то, что все боги Месопотамии имели антропоморфный вид, несмотря на явно объектную конкретную сущность, у каждого бога неизменно была своя сфера среды (или стихии в этой среде), которой он управлял. Это еще раз свидетельствует о том, что в философской системе Вавилона пара "объект-среда" была определяющей.

По мере все более усиливающейся централизации Месопотамской цивилизации возникала потребность в "возведении на трон" одного, самого главного бога. Таким главным богом стал Мардук, и "вавилонские жрецы своими усилиями успели возвести Мардука на степень высочайшего из богов... Как солнечный бог, восставший из недр океана, он есть бог мудрости..." [31, с. 189]. Этот переворот показывает, что боги стихий подчиняются Богу мудрости – человеческому качеству, социальный фактор после этого переворота вышшеается над природными силами.

"В период Ново-Халдейского царства почитание Мардука достигает высшей своей степени, так что остальные боги являются почти его вассалами... Пока Мардук определяет судьбу будущего года, прочие боги неба и земли стоят, преклоняясь перед ним и выказывая ему величайшее почтение" [31, с. 191].

Очевидно, что для придания столь высокого статуса изначально местного бога города Вавилона для всей Месопотамии необходимо было подкрепить его положение очень веским мифом, что и было со временем сделано:

"В вавилонском мифе о сотворении мира (в основу этого мифа был положен аналогичный шумерский миф), напи-

санном на семи глиняных табличках, рассказывается, что сперва был хаос, водная пучина, которая олицетворялась в виде чудовища Тиамту. Родившиеся из недр ее боги задумали погубить Тиамту, внося порядок в хаос. Тиамту, узнав об этих замыслах, решила в свою очередь уничтожить богов. Один лишь Мардук... не убоился ее и выразил готовность вступить с ней в борьбу, но потребовал в случае победы над Тиамту полного подчинения богов его господству, чтобы "непреодолимым и беспрекословным был бы приказ его уст". Когда боги на своем совете приняли требование Мардука, последний вступил в единоборство с Тиамту и, убив ее, создал из ее тела небо со звездами, землю с растениями, животными и воду с рыбами. Завершением мироздания являлось сотворение человека, созданного из глины и из крови одного из богов, казненного за измену богам и помощь Тиамту. Обязанностью человека стало жертвоприношение богам.

Таково краткое содержание очень древнего мифа о сотворении мира, обработанного вавилонским жречеством. Политическая тенденция выступает в этой обработке четко и определенно. Вавилон победил, и все прочие города подчинились ему как наиболее сильному; надлежало закрепить эту победу указанием на то, что с начала мира самым мощным из богов был Мардук, бог-покровитель Вавилона.

Таким образом, бог Мардук был объявлен царем богов, но вавилонские жрецы в стремлении возвеличить своего бога не довольствовались этим. В дальнейшем они пытались слить в образ Мардука образы всех великих богов Вавилонии. Об этом свидетельствует, в частности, более поздний религиозный текст, объявляющий великих богов теми или иными проявлениями Мардука: бога войны, болезни и смерти Нергала – Мардуком силы, бога письменности Набу – Мардуком мудрости, бога Луны Сина – Мардуком ночного света и т.д. В особенности же стремилось вавилонское жречество включить в образ Мардука популярный образ умирающего и воскресающего бога. Об этом свидетельствует текст из храмовой библиотеки города Ашшура, посвященный страстям Бела-Мардука, его казни и возвращению к жизни. Согласно этому мифу Бела-Мардука казнят на судилище у подземного царства вместе с каким-то преступником. Окровавленную одежду бога очищает боги-

ня, любовь которой сильнее смерти. Уход бога в подземное царство вызывает на земле ожесточенные смуты, жена Бела-Мардука, "владычица Вавилона", спускается за ним в подземное царство, и бог воскресает к новой жизни.

Этот вкратце изложенный миф, несомненно, косвенно повлиял на оформление евангельского мифа о Христе. Как миф о мироздании, так и миф о страстях Бела-Мардука читались в главном храме Вавилона в новогодний праздник. В этой части ритуала новогоднего праздника имеется зародыш религиозной драмы. Миф об умирании и оживлении природы составляет основу и вавилонского мифа о схождении богини Иштар в "страну без возврата", т.е. в царство мертвых. В этом мифе, также переработанном из шумерского, дошедшем до нас в прекрасном стихотворном изложении, действующей силой выступает женское начало – богиня Иштар, богиня любви и плодородия, а также ее жестокая противница богиня Эрешкигаль. В этом нельзя не видеть некоторых пережитков представлений времени господства материнского рода"

<http://ancient.gerodot.ru/topics/data/babylon/babylon17.htm>

Естественно, что возведение на вершину иерархической пирамиды одного бога со временем должно было привести к попытке сделать его не просто главным богом, а **единственным**, т.е. к созданию монотеизма.

"Мардук – главный бог Вавилона... Мардук был богом планеты Юпитер и главным богом Вавилона, в связи с чем он вобрал в себя признаки и функции других богов шумеро-аккадского пантеона. Со времени возвышения Вавилона, с начала II тыс. до н.э., Мардук выдвигается на первое место. Он ставится во главе сонма богов. Жрецы вавилонских храмов сочиняют мифы о первенстве Мардука над другими богами. Они пытаются создать нечто вроде монотеистического учения: существует только один бог Мардук, все другие боги – это лишь его разные проявления. В этом тяготении к монотеизму отразилась политическая централизация: вавилонские цари как раз прибрали к рукам все Двуречье и становились самыми могущественными правителями Пе-

редней Азии. Но попытка введения монотеизма не удалась, вероятно, из-за сопротивления жрецов местных культов, и прежние боги продолжали почитаться".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Мы видим, что, как и в Египте, попытка перейти от некоего собрания богов, пусть и централизованно управляемого, к одному-единственному богу провалилась. С нашей точки зрения, провалилась не из-за тривиального сопротивления жрецов, а именно потому, что Запад опирается на рациональное, формальное мышление, в котором доминирует индуктивный подход к целостности. А в процессе индуктивного подхода максимум, что можно создать, – общую классификацию каких-либо явлений Вселенной, но невозможно собрать из всех осколков целостное единое зеркало мира³⁴. Это возможно лишь на иррациональном уровне. Только приняв эту целостность изначально, можно выводить исходя из нее частные стороны действительности. Но такой процесс возможен исключительно на Востоке, где декларативным путем целостность признается сразу и лишь впоследствии рассматриваются ее отдельные грани. Поэтому монотеистическую религию на Западе не смогли создать ни египтяне, ни вавилоняне, и ее пришлось импортировать с Востока, как идею абсолютного бога евреев. Хотя невозможно проследить истинные истоки монотеистической религии в еврейской культуре (вряд ли стоит принимать на веру версию Библии), можно предположить, что импульс к монотеизму евреи получили от какой-то восточной цивилизации. Но поскольку Ветхий Завет базировался в первую очередь на вавилонских мифах и на вавилонской религиозной системе, то вписавшие в эту ткань

---

³⁴ Можно предположить, что известная легенда о разрушенной Вавилонской башне отражает как раз эту тенденцию. Вавилонскую башню строили не просто как архитектурное сооружение, люди стремились достичь мира богов, соединиться в высшей точке с ними в едином целостном синтезе. Но... увы, попытка синтеза провалилась, целостность (которая изначально присуща всем восточным культурам) так и не была достигнута. Аналогичная ситуация складывается в западной науке сегодня. Она пытается собрать все осколки картины мира воедино, но Единой теории поля как не было, так и нет до сих пор.

монотеизм еврейские авторы не до конца "вычистили", видимо, основу. Поэтому в Ветхом Завете в разных местах вдруг проступают следы какой-то другой религиозной системы:

"И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни" (Быт., 3.22–24).

Спрашивается, к кому обращался Господь, говоря "стал как один из Нас"? Кто это "Мы", которые стоят и слушают Бога? Другие боги? Но ведь в еврейском монотеизме их не может быть по определению, ибо Бог один. Или это сыновья Бога, о которых единожды упоминается в Библии?

"Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божьи увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь /Бог/: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками /сими/, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рожать им: это сильные, издревле славные люди" (Быт., 6.1–7).

Но если у Бога были сыновья, которые стали жить с земными женщинами и от них пошли особые люди (полубоги), то каждый сын мог претендовать на наследие престола отца. Спрашивается, если в Ветхом Завете есть другие боги, дети Господа, его внуки (от земных женщин), то причем здесь вообще монотеизм? На эти вопросы легче ответить, если предположить, что монотеизм евреев возник на базе вавилонского пантеона, в котором хотя и есть главный бог Мардук, но он лишь "председатель собрания богов". На таком вот вавилонском совещании богов главный бог мог действительно обратиться к собравшимся и сказать, что Адам стал как "один из нас", и с этим надо что-то делать.

Кстати, и происхождение Адама в Ветхом завете тоже очень напоминает вавилонский миф: "И создал Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою..." (Быт., 2.7). Напомним, что по шумерской мифологии бог создал человека из глины (см. цитату выше).

Еще одна параллель – человека Бог в Библии создает по образу и подобию своему. И здесь уместно отметить "что боги шумеров почти всегда антропоморфны (изображаются в человеческих обликах)..." [39, с. 34].

Кроме управляемых богами стихий и сил природы в Месопотамии выделяли и всевозможные неуправляемые ими небольшие события и стихии, которые осуществляли разнообразные мелкие "боги" – духи и демоны. Причем они были как отрицательными, так и положительными.

"В религии Месопотамии большую роль играли чрезвычайно древние верования о многочисленных низших духах, по большей части злых, губительных. Это духи земли, воздуха, воды – Анунаки и Игиги, олицетворения болезней и всяких несчастий, поражающих человека. Для борьбы с ними жрецы составили множество заклинаний. В заклинаниях перечисляются их имена и "специальности". Для защиты от злых духов помимо многочисленных заклинательных формул широко употреблялись амулеты-апотропеи (обереги). В качестве оберегов применялось, например, изображение самого злого духа, настолько отвратительного вида, что, увидев его, дух должен в страхе убежать.

Смерть и предшествующие ей болезни шумеры объясняли вмешательством демонов, которые, по их представлениям, были злыми и жестокими существами. Согласно верованиям шумеров, в иерархии сверхъестественных существ демоны стояли на ступеньку ниже самых незначительных божеств. Тем не менее им удавалось терзать и мучить не только людей, но и могущественных богов. Были, правда, и добрые демоны, те, что охраняли врата храмов, частные дома, оберегали покой человека, но их было немного по сравнению со злыми.

Демоны могли вызывать разные болезни. Чем труднее было вылечить недуг, т.е. чем могущественнее были демоны, ко-

торые вызывали болезнь, тем сложнее была формула заклинания. К числу самых жестоких, непобедимых, приносящих людям особенно много вреда, принадлежали демоны Удуг. Этим могущественных демонов было семь. Их называли "духами смерти", "скелетами", "дыханием смерти", "преследователями людей". Одни только заклинания посвященных в тайны самых сложных заговоров жрецов, которые знали имя подходящего к случаю божества, могли отогнать Удуг.

Демоны не ограничивались одним лишь разрушением здоровья людей. По их вине путешественники сбивались с пути в пустыне, бури разрушали их дома, смерчи истребляли посевы. Демоны были созданы для того, чтобы принести несчастья, создавать трудности, мучить людей, усложнять им жизнь".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

"Рядом с почитанием богов с неослабевающей силой сохранялась вера в демонов. Множество литургических отрывков, служащих для целей заклинания, которые гораздо многочисленнее остальной литературы богослужбных гимнов, указывает также на то, что вера в демонов и чародейство имела глубокие корни в народе" [31, с. 180–181].

Вавилонская "религиозная литература насквозь проникнута демоническими и астрологическими представлениями.

...Все желания, высказанные в молитвах, сводятся к одному: получить вновь здоровье, чтобы долго прожить на земле и во славе перейти в другую жизнь" [31, с. 204–205].

"Семь злых духов принадлежат к обширной толпе демонов. Число последних неизвестно и неизмеримо – как на небе, так и на земле; так характеризует их одно из заклинаний. Все страшные и вредные явления природы, все разрушительные силы, все болезни и несчастные случайности олицетворяются в них. Они называются богами бури и, как буря, налетают на людей и домашних животных. Они суть исчадия ада и не принадлежат ни к мужскому, ни к женскому полу. Они происходят из-под земли, из пещер, откуда исходят источники. "Они родились в горе заходящего солнца и выросли в горе восходящего солнца". В царстве мертвых они сторожат источники жизни. Излюбленные их мес-

та, где они больше всего держатся, суть пустынные, необитаемые, наводящие страх местности. Оттуда они вылетают, свирепо бушуют, и, как буря, мчатся во все четыре стороны. Они являются в сопровождении мрака, потопа, болезни и смерти... Как трава, покрывают они землю, как змеи, прокрадываются всюду, не удерживаемые ни дверями, ни запорами, бесстыдные и беспощадные. Они разрушают домашний союз. Они пожирают мясо и пьют кровь; они поражают человека во всех его членах, они являются человеку в виде привидений, давят его как кошмар, приводят с собой чуму и горячки, рассеивают яд, обливают желчью, связывают руки и ноги и таким образом повергают человека на одр болезни и приносят ему смерть. Таким же образом заползают они в хлевы, чтобы вредить домашним животным, и сгоняют птиц с гнезда. Ничто ни на небе, ни на земле не избавлено от их злобы. Они нападают даже на богов.

Но рядом с этими злыми духами есть и добрые, благодетельные, охраняющие гении, которые удаляют и прогоняют злых..." [31, с. 220].

Итак, божественная иерархическая пирамида Вавилона, после завершения ее построения, выглядела следующим образом: наверху был главный бог – Мардук, ниже три наиболее существенных божества, которые управляли тремя уровнями природных сред. Еще ниже (или параллельно им) – три наиболее значимых божества объектного мира. У каждого из этих божеств были свои подчиненные, которые управляли стихиями и процессами. Затем шел слой мелких божеств, ниже слой добрых духов, еще ниже – слой злых духов – демонов. Чем ниже уровень этой пирамиды, тем больше там божеств. Следовательно, больше всего должно было быть в этом мире демонов.

Но, несмотря на столь четко выстроенную иерархию, у каждого из уровней была своя степень свободы. Поэтому наверху многие вопросы решались советом богов, а внизу демоны вообще вели беспорядочную жизнь, досажая не только людям, но и богам. Следовательно, мир в представлении вавилонян не был полностью централизован и четко управляем. В нем оставалось много места для хаоса и проявлений свободы воли.

К описанной выше картине следует добавить еще один важный слой представлений о мире – астрологическую теорию⁽³⁵⁾.

В религиозную систему Месопотамии обычно не включают астрологические представления вавилонян, которые складывались на основе наблюдений за движением планет и их взаимным расположением. Причина в том, что "астрономические часы" движения планет не укладывались в традиционные представления о божественном мире. Хотя большинство планет были распределены между богами, их движение на небе было заданным и по сути дела стояло выше воли богов, поскольку они ничего не могли изменить в этой закономерности. Боги лишь получали в результате определенного взаимного расположения небесных тел те или иные возможности влияния на мир. Поэтому автоматически получалось, что в астрологической системе выше божественной воли стояла система небесного движения, т.е. некий общий план мира, который не подчинялся ни одному из богов. И кстати, нет никаких намеков, что этот закон Вселенной установил кто-то из богов. Получалось, что боги, как фигурки на средневековых часах, двигались по кругам, подчиняясь физическому "механизму"⁽³⁶⁾. Это делало философскую систему Вавилона уникальной, она в своей основе несла принцип – порядок превыше всего. Причем из этого принципа впоследствии и могла появиться наука в том виде, в котором мы ее сегодня знаем. Ведь в современной науке физические законы стоят выше любых сил природы. Закон гравитации, например, не может нарушить ни одно из тел Вселенной, сколь бы большим оно ни было. Следовательно, астрология (которую сегодня наука категорически отвергает) несла в себе зародыш важнейшего принципа познания мира – мир управляется периодическими циклическими процессами.

Очевидно, что астрология возникла в результате наблюдений за небесным расположением светил и сопоставления

---

³⁵ "...Астрология возникла именно в древнем Шумере" [19, с. 411]. Более того, известно даже имя ее создателя – Саабей-бен-Аарес.

³⁶ Возможно, именно отсюда и произошли все подобные часы, наиболее знаменитые из которых, пожалуй, остались в Праге.

их с событиями на земле. Долгие столетия вавилонские ученые устанавливали связи между приметами (расположением светил на небе) и событиями, следовательно, это было статистическое исследование, хотя и лишенное физического обоснования в рамках привычной научной методики. Современная наука не признает связи между положением планет на небе и событиями на Земле, но современное общество, вопреки мнению науки, часто пользуется этими предсказаниями. Важно отметить, что астрология изначально была частью научной системы Вавилона, ибо она была рациональна и основывалась на знании. Лишь впоследствии астрологические наблюдения были соединены с религиозной системой.

"Созданием жрецов следует всецело считать тот двойственный элемент, который постоянно и по преимуществу выделяется в вавилонской теологии, именно: соединение космо- и астрологических представлений с миром богов. Син, Самас, Истар первоначально были вполне природные божества, и солнце, луна и Венера суть только формы их проявления. В позднейших представлениях Син, Самас и Истар являются воплощенными в солнце, луне и Венере. Соответственно этому и планеты были распределены между главными богами, каждый из которых получил свое определенное место на небе" [31, с. 180].

Таблица 5

Божество	Планета	День недели
Шамаш	Солнце	Воскресенье
Син	Луна	Понедельник
Нергал	Марс	Вторник
Набу	Меркурий	Среда
Мардук	Юпитер	Четверг
Иштар	Венера	Пятница
Ниниб	Сатурн	Суббота

Это распределение светил между богами привело к окончательному формированию божественной иерархии Вавилона:

"Именно количество персонифицированных небесных светил определяло состав (и как следствие, архитектуру храмовых комплексов) совета богов в аккадской космологии. Все семь "астрономических" божеств были включены в число основных советников при Ану, Эйе и Эллиле, именно их усилиями мыслилась управляемой земля. В честь этих богов храмовые комплексы в Вавилонии возводились в три этажа (небо, земля, океан) или в семь (по числу светил)" [20, с. 140].

Мы видим, что именно в этой форме окончательно сложилась религиозная система Вавилона, подчиненная действию пары "объект-среда" в ее пространственном воплощении. Три природные среды (небо, земля и океан) были главными, так как они занимали в пространстве доминирующее место. Семь планет на небе играли здесь вспомогательную роль, поскольку их пространственное положение (с точки зрения земных существ) было ничтожным по сравнению с любой из этих сред. Но в силу того обстоятельства, что их движение на небе явно определяло многие изменения в жизни людей, они оказались наверху, в божественном пантеоне.

Если бури и ураганы – мгновенные стихийные удары богов по жизни людей, то расположение планет было высшим управляющим воздействием, своего рода сверхсистемой управления, мегасистемой, определяющей неизбежные стратегические изменения в жизни людей.

Это очень важный вывод, ибо в Системе Вавилона, несмотря на главенство богов трех сред, ответственность за стратегическое управление жизни социума на всех уровнях его организации была возложена на циклы перемещения светил на небе. Небесная семерка богов стала отвечать за изменения в жизни социума, предопределять его будущее.

Эти семь богов олицетворяли *силы* природы [46, с. 24]. Выше их стояли только боги, отвечающие за природу целиком, боги, управляющие *четырьмя мирами*. Следовательно, мы видим, что в вавилонской Системе важную роль одновременно играли среды и силы природы, но и те и другие были олицетворены в личности божеств. Да, среды занимали в сознании вавилонян громадное место, но они возникли

и действуют не сами по себе как, например, дао и дэ в даосизме, а их породили и ими управляют конкретные личности божеств.

В общем же силы природы и божественное воздействие в Вавилоне можно разделить на четыре уровня.

1) *Общие природные силы*, которые формируют "театр действий" и управляют в первую очередь стихиями естественной природы – боги неба, земли, воды и мира мертвых. Этим богов четыре.

2) *Стратегические силы (небесные тела)*, которые управляют и изменяют жизнь людей через свое расположение на небе (что и изучает астрология). Это высшее "планирование" жизни богами через посредство активизации тех или иных сил мира. На эти силы человек не мог повлиять вообще, планеты двигались как детали часового механизма, и можно было лишь предугадать влияние небесных сил на свою жизнь и пытаться учесть это влияние, чтобы как-то смягчить его отрицательные стороны или, наоборот, лучше воспользоваться благоприятными моментами. Эти семь божеств отвечали за более четкое упорядочивание в жизни общества и, как следствие, его обрядовых процессов. Образно говоря, жесткий порядок в движении планет "воспитал" в жителях Месопотамии уникальное свойство – уважение к космическому времени, к датам, что стало отличительной чертой вавилонской культуры в целом. И если проследить генезис известной формулы жизни Запада – "время-деньги", то, скорее всего, она уходит в культурные традиции именно Вавилона.

"Для жрецов-астрономов перемещение Солнца и луны по небу... было видимым проявлением жизни светил-богов. Однако это не мешало им подвергать "жизнь богов" точному количественному измерению, выражающемуся в числах с шестью десятичными знаками (в шестидесятеричной системе)..." [46, с. 82].

"Боги принимали участие в жизни человека как представители господствующих сил природы и общества; то, что было необходимо обществу или отвечало его требованиям, становилось волей богов и строго закреплялось в обрядах. То, что происходило неизбежно в определенное время го-

да... закреплялось на определенной дате, например, на одной из фаз Луны. В богослужении не допускалось ни малейшей небрежности и требовалось точное соблюдение ритуала. Хронологической основой ритуала являлся календарь" [46, с. 25].

3) *Тактические силы* – бури, ураганы, засухи, наводнения и т.п. – те стихии, посредством которых боги выражали свои "эмоции", общее недовольство людьми в конкретной ситуации. С помощью этих сил божественный мир вносил радикальные правки в жизнь социума, управляя им "по отклонениям". На эти силы и процессы люди уже могли повлиять, совершая жертвоприношения и молясь в храмах, пытаясь вымолить у богов благосклонность к своим действиям или уменьшить их гнев по поводу ошибочных действий.

"Ритуал жертвоприношений был сложным: там было и воскурение благовоний, и возлияние жертвенной воды, масла, пива, вина; на жертвенных столах резали овец и других животных. Ведавшие этими обрядами жрецы знали, какие блюда и напитки приятны богам, что можно считать "чистым" и что "нечистым". Во время жертвоприношений возносились молитвы о благополучии жертвователя. Чем щедрее были дары, тем торжественнее церемониал. Специально обученные жрецы сопровождали молящимся игрой на лирах, арфах, цимбалах, бубнах, флейтах и других инструментах"

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Но жрецы не только вымаливали благосклонность у богов, но и в соответствии с вавилонской традицией постоянного прогнозирования событий стремились угадать будущее не через астрологические сложные расчеты, а более простым способом – по разного рода земным приметам.

"Чрезвычайно развита была система мантики – различных гаданий. Среди жрецов были особые специалисты-гадатели (*бару*); к ним обращались за предсказаниями не только частные лица, но и цари. *Бару* толковали сны, гада-

ли по животным, по полету птиц, по форме масляных пятен на воде и т.п. Но самым характерным приемом мантики было гадание по внутренностям жертвенных животных, особенно по печени. Техника этого способа (гепатоскопия) была разработана до виртуозности".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Прогностическая практика была настолько популярна в Вавилоне, что именно из этой культуры до наших дней дошло одно из самых удивительных предсказаний (знаменитая картина Рембрандта "Пир Валтасара" с изображением пророчеств: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН). И именно из Вавилона распространилась по всему миру традиция магии, заклинаний и прорицаний.

"Жрецы-предсказатели якобы предвещали своим искусством человеку грядущую беду и пытались предотвратить ее при помощи колдовства. Прорицания давались на основании полета птиц, восхода и захода небесных светил (астрология), по форме печени овцы и т. д. Вавилонские заклинания и прорицания оказали сильнейшее воздействие на религию соседних стран, а при посредстве хеттов – и на греческую религию. Античный же мир передал многие элементы из вавилонской магии и средневековой Европе".

<http://ancient.gerodot.ru/topics/data/babylon/babylon17.htm>

Богов, которые управляли силами природы, было уже несколько десятков, и они находились "на службе" главных божеств.

4) *Хаотические силы* – мир духов, которые вмешивались в жизнь людей ежеминутно и повлиять на которые уже было в силах отдельного человека через всевозможные заклинания и магические обряды.

"...Мы находим в вавилонской религии, даже в самых древних временах, рядом с таким богопочитанием, какое существует и в других семитических религиях, очень распространенное верование в духов и соответствующие ему гада-

тельные обряды, волшебные формулы и заговоры" [31, с. 174].

"Описания магических обрядов вместе с текстами заклинаний-заговоров дошли до нас в большом количестве. Среди них известны обряды лечебной и предохранительной, вредоносной, военной магии. Лечебная магия была перемешана, как это обычно бывает, с народной медициной, и в сохранившихся рецептах нелегко отделить одно от другого; но в некоторых магия выступает вполне отчетливо".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

И этими традициями успешно пользовались жрецы, которые брали на себя миссию защитников людей от злых духов.

"Мощным средством воздействия жречества на народные массы была магия. Путем магических формул жрецы-заклинатели "спасали" людей от болезней и несчастий, "вызванных" злыми духами, ведьмами и колдунами".

<http://ancient.gerodot.ru/topics/data/babylon/babylon17.htm>

Мелких божеств (добрых и злых духов) было в религиозной системе Вавилона великое множество, причем многие из них имели имена и отдельные изображения. В современной западной культуре именно эта традиция живет до сих пор в лице всевозможных колдунов, магов и прорицателей, которые как насылают заклятия на других людей, так и снимают "порчу" и проклятья.

Жизнь после смерти

В Вавилонской цивилизации, судя по имеющейся информации, отсутствовало представление о душе, сопоставимое с представлениями в Египте или Индии. На мой взгляд, это странно потому, что Система этой цивилизации имеет вертикальный вектор, и, следовательно, в ней вполне могла бы появиться идея о том, что жизнь каждого человека состоит из нескольких уровней, включая в том числе и некоторый тонкий мир. Но в Вавилоне отсутствует представление о ка-

ком-то загадочном "ином" мире, о *невидимой* среде, в которой и могут продолжать свое существование души людей. Причина, видимо, в том, что модель Вселенной здесь была предельно привязана к видимому миру. В ней доминирующее значение занимали реальные природные среды – небо, воздух, земля, вода – и видимые объекты – солнце, луна, планеты. Таким образом, Система Вавилона предельно реалистична. А боги необходимы были лишь для того, чтобы придать этому реалистичному миру некий порядок, дать объяснение происходящим процессам. Можно возразить – в Египте модель Вселенной была не менее материалистична, но там возникло представление даже о нескольких душах человека. Почему же в Вавилоне не произошло то же самое? Единственное логическое объяснение, которое нашел этому автор, заключается в том, в Вавилоне доминировал **культ причинно-следственных связей**, вследствие чего введение любого элемента в модель мира было оправданно лишь в том случае, если этот элемент мог оказывать какое-либо влияние на реальную жизнь⁽³⁷⁾. Боги сред и стихий необходимы были, чтобы придать смысл и логику земным событиям, демоны – для того, чтобы обосновать причину возникновения всяких мелких неприятностей в реальной жизни. Верхом этого культа причинности стала, безусловно, астрология, согласно которой движение светил на небе управляло стратегическими событиями на земле. Но спрашивается, каким образом понятие о душе могло быть привязано к конкретным земным событиям? Если об этом задуматься с позиции тех представлений о мире, которые существовали в Междуречье, то становится очевидным, что такую связь обнаружить было невозможно. Поэтому необходимость во введении понятия души в Вавилоне так и не возникла (точнее, возникла в очень слабо выраженном виде). Душа, если бы она была введена жречеством в религиозную систему, оказалась бы "без дела" в реальном мире вавилонян.

Надо отметить, что хотя современная наука отрицает причинно-следственные связи в астрологической картине Вавилона и сводит все в конечном итоге к паре "примета-следствие", для древних вавилонян реальность влияния на их жизнь богов и их расположения на небе не вызывала никаких сомнений.

В Египте души жили в некоем абстрактно-материальном мире, но никак не влияли на земные события. Для Египта это было вполне приемлемо, так как там не было культа причинно-следственных связей. Души в Индии жили в некотором тонком мире, а затем возвращались на землю, воплощаясь в человеке вновь и вновь. Причинно-следственные связи здесь реализовались через свойства характера человека, определяемого предыдущими рожденьями, но это была очень сложная связь. Вавилонские мыслители не смогли обнаружить связь между судьбами отдельных людей во времени, не смогли выйти на кармические законы. Может быть, потому, что они искали другие причины, влияющие на земную жизнь, – астрологические связи? И этот поиск занял их умы настолько, что в сложной картине влияния на людскую жизнь расположения планет уже просто не могли уместиться какие-то дополнительные факторы, например, кармические? Таким образом, идея о перерождении и о кармической связи была бы просто избыточной для вавилонской культуры, она бы запутала и без того сложную систему анализа жизненных процессов. Справедливости ради следует отметить, что в Индии вообще не рассматривалось влияние на жизнь людей движения на небе планет.

Вторая причина, по которой в Междуречье практически не развилось представление о душе, заключается в том, что представление о тонком мире требует "изобретения" некоторой невидимой среды, а это оказалось для *прагматичного* сознания жителей Междуречья недостижимым. Ведь у них даже мертвые жили в аду во вполне материалистическом его воплощении.

Итак, мы видим, что западный рационализм в совокупности со специфической именно для Вавилона особенностью вводить в религиозную систему только те элементы, которые "работали" на реальную действительность непосредственно и сразу, практически исключили возможность появления в ней развитого представления о душе. И все-таки, несмотря на материализм вавилонской Системы, в ней возникает выдуманый, не имеющий реального подтверждения мир мертвых. Почему? А спрашивается, куда девать человеческую личность после смерти? Она не может испариться, следовательно, для нее приходится придумывать отдельный мир, мир

мертвых. И в полном соответствии с прагматизмом и материализмом Запада, хотя жизнь после смерти и предполагается, она представляется предельно физически конкретной.

"Самая худшая, всем людям равно грозящая участь есть смерть. Никто не может избежать смерти, никто не может освободиться от нее... Кто переступил за врата царства смерти, с тем все кончено: таков вечный закон. В жилище мертвых нет ни радости, ни надежды; темная ночь не освещается никаким светом, всюду лишь тление, и от всего земного великолепия остается лишь жалкая и печальная жизнь теней. Прах тления лежит на всем царстве мертвых; прахом покрыты его двери и запоры, прах есть пища живущих в нем... Никакой свет не светит мертвым. Сквозь тьму слышны их горестные крики. Они живут в области ужаса и плача. Цари и жрецы и все великие земли подпадают одной и той же безрадостной участи... Нет никакого различия между добрыми и злыми, всех ждет один жребий... Общественным обычаем было сожжение трупов" [31, с. 214–216].

Из приведенной цитаты трудно сделать точный вывод о том, как именно представляли себе жители Междуречья переход человека в царство мертвых. Тело они сжигали (кстати, как и в другой вертикальной цивилизации – в Индии), так что же после этого продолжает жить в царстве мертвых? Если в Египте тело тщательно сохранялось, более того, рядом с ним продолжал жить двойник человека – Ка, то здесь нет упоминания о какой-либо преемственности тела и того существа, которое отправлялось после сожжения тела в страну мертвых. Очевидно, что такой сущностью могла быть только душа, но категория души вообще остается нераскрытой в вавилонской культуре. Создается впечатление, что царство смерти в вавилонской культуре рассматривали как своего рода свалку, на которую отправлялись люди в совершенно неопределенном статусе. Впрочем, это была странная свалка – тело сжигали, но человек все равно продолжал какое-то существование в стране мертвых, в которой все было ровно настолько ужасно, насколько ужасно было физиологическое разложение тела или пепел от сгоревшего трупа. Воображение здесь не работало, ад не конструировал-

ся, он был настолько отвратителен для сознания вавилонян, что их мысль его почти не касалась, она лишь отмечала зловоние, запустение, разложение этого места. Ад ассоциировался у них с разлагающимся или сгоревшим телом, он имел образ завершенной жизни, запустения, праха и уныния. Все это еще раз подкрепляет наш общий вывод о предельной прагматичности и материалистичности данной культуры.

Единственное упоминание о некотором подобии души в вавилонской культуре мне удалось найти в мифе об Иштар: "Миф об Иштар символизирует схождение через семь миров или сфер священных планет человеческого духа, который после утери всех своих украшений входит в физическое тело Гадес, где хозяйка этого тела насылает все скорби и несчастья на плененное сознание" [20, с. 137]. Из этого мифа можно сделать вывод, что дух человека после смерти воплощается в *специальное созданное* для адских страданий тело. Причем воплощается навсегда.

Такое отношение к жизни и смерти сказывалось и на нравственной позиции, которая, в частности, весьма наглядно представлена в одном из известных философских произведений – "Разговоры господина с рабом":

– Решил я совершить для отчизны великое доброе дело!
И так ему раб отвечал:

– Что ж, господин, соверши задуманное – ты и у царя в почете будешь, да и боги тебя не забудут.

– Нет, раб, не хочу я делать добрые дела для моей отчизны! – и господин решительно взмахнул рукой.

– А и правда, господин, что проку в них? Пойди на кладбище да погляди на кости – разве угадаешь ты, кто из умерших был усерден к благу государства, а кто ему вредил?" [19, с. 407].

В этой философской притче отражено реальное отношение жителей Вавилона к смерти и к высшим нравственным принципам. Смерть стирает все, поэтому заботиться о своей душе, делая благие дела, – глупость. Такая позиция в корне отличается от традиционной египетской, в которой жизни души после смерти придавалось громадное значение. Известно, например, что некоторые грешники шли на смерть во

время похорон фараона, чтобы их души были прощены и попали в рай вместе с душой фараона.

Выделим специфические черты вавилонской религиозной системы, которые нашли свое развитие в дальнейшем в западной культуре:

- придание большого значения действию различного рода стихий и кроющихся за ними таинственных сил (что привело к возникновению демонологии и магии);
- представление о связанности событий в физическом и социальном мире (что привело к созданию развитой системы гаданий);
- представление о предопределенности (астрология);
- многополярный мир влияния (между богами постоянно происходили споры, и многие вопросы решались демократическим путем на советах богов⁽³⁸⁾).

"Вавилонская религиозно-мифологическая система, связанная с обширными знаниями вавилонских жрецов, особенно в области астрономии, времяисчисления, метрологии, распространилась и за пределы страны. Она повлияла на религиозные представления евреев, неоплатоников, ранних христиан. В античную и раннесредневековую эпоху вавилонские жрецы считались хранителями какой-то небывалой, глубокой мудрости. Особенно много оставила демонология: вся средневековая европейская фантазмагория о злых духах, вдохновлявшая инквизиторов на их дикое преследования "ведьм", восходит преимущественно к этому источнику.

Древние евреи широко использовали шумерские легенды, представления о мире и человеческой истории, космогонии, приспособивая их к новым условиям, к своим этическим принципам. Результаты подобной переработки шумерских представлений порой оказывались неожиданными и весьма далекими от прототипа.

Яркие свидетельства влияния Месопотамии обнаруживаются и в Библии. Еврейская и христианская религии не-

---

³⁸ Что, видимо, и заложило идеологическую основу демократического управления обществом в Древней Греции и, впоследствии, в современной Европе.

изменно противостояли духовному направлению, сформировавшемуся в Месопотамии, но законодательство и формы правления, о которых идет речь в Библии, обязаны влиянию месопотамских прототипов. Подобно многим своим соседям, евреи подчинялись законодательным и общественным установкам, которые в целом были присущи странам Плодородного полумесяца и в значительной степени восходили к месопотамским.

Необходимо отметить, что отнюдь не все стороны жизни, не вся система идей и институтов древней Месопотамии обуславливались религиозными представлениями. В богатой вавилонской литературе можно найти некоторые проблески критического взгляда на религиозные традиции. В одном философском тексте – о "невинном страдальце" – автор его ставит вопрос о несправедливости порядка, при котором божество наказывает человека без всякой его вины, и никакие религиозные ритуалы ему не помогают. Также тексты законов Хаммурапи убеждают в том, что нормы права были практически свободны от них. Этот весьма существенный момент свидетельствует о том, что религиозная система Двуречья, по образу и подобию которой впоследствии формировались аналогичные системы других ближневосточных государств, не была тотальной, т.е. не монополизировала всю сферу духовной жизни. Не исключено, что это сыграло определенную роль в появлении свободомыслия в античности.

История культур Междуречья дает пример противоположного типа культурного процесса, а именно: интенсивного взаимовлияния, культурного наследования, заимствований и преемственности".

<http://www.referats.net/pages/referats/rkr/page.php?id=30373>

Социальный мир Месопотамии

Согласно нашей модели, вертикальный вектор вавилонской Системы должен был привести к возникновению в социальной структуре иерархического расслоения общества. И это действительно проявляется во всех областях социальной жизни данной цивилизации.

"Вавилонское жреческое сословие всегда имело в своих руках высшую власть. Жрецы являлись посредниками между богами и людьми, учителями и покровителями науки и хранителями священных писаний, они одни только обладали тайной магических действий; поэтому с течением времени их господствующее положение не только не понижалось, но скорее повышалось. В каждом городе они образовывали замкнутую касту, которая тем легче могла сохранять свою замкнутость, что **жреческое звание было наследственным** (выделено мной. – С. С.)" [31, с. 209].

Сравнивая эту кастовость с демократической открытостью жречества в Египте (см. выше), понимаешь, насколько принципиально разными могут быть общественные структуры, даже если они находятся в параллельных цивилизациях на одной стадии их развития.

Чем дальше развивалось вавилонское общество, тем сильнее становилась его кастовость.

"Социальная дифференциация... стала теперь вновь усиливаться. Среди народных масс Шумера и Аккада начинают появляться не только люди, оторванные от средств производства, но и люди, потерявшие личную свободу, т.е. рабы-должники. Вместе с захваченными на войне и купленными рабами они представляли низший слой шумерского общества" [31, с. 216].

Условия труда простых людей были предельно эксплуататорскими, что свидетельствовало о сильном социальном расслоении месопотамского социума.

"Изучение документов хозяйственной отчетности позволяет сделать вывод, что труд в сельском хозяйстве и в ремесле был организован примерно одинаково. Рабы работали непрерывно, не имея дней отдыха... При такой напряженной и часто непосильной работе организм рабов чрезвычайно быстро изнашивался, и поэтому смертность среди них была очень высока" [31, с. 218].

"Условия, в которых жили рабы, были чрезвычайно тяжелыми, и поэтому смертность среди них была огромна.

Жизнь раба мало ценилась. Имеются данные о принесении в жертву рабов" [31, с. 203].

Стоит сравнить это отношение к "дешевым" рабам в Вавилоне с отношением к очень дорогим рабам в Египте (см. выше). Контраст просто потрясающий!

В определенное время в Месопотамии "катастрофически учащается продажа родителями детей. Возникла даже поговорка: "Сильный человек живет руками своими, а слабый – ценой своих детей" [31, с. 293]. Мне, к примеру, не удалось найти упоминания о подобном "бизнесе" в Египте. Впрочем, рецидив этого явления время от времени проявляет себя в явной или скрытой форме и впоследствии, вплоть до наших дней.

Важную роль в социальной жизни Вавилона сыграл знаменитый кодекс законов Хаммурапи, который стал на многие века ее системообразующим фактором. Приведем здесь некоторые обобщенные выводы из этого документа.

Самый нижний слой социальной пирамиды составляли рабы. "Рабы, подобно скоту, могли продаваться без каких-либо ограничений. Семейное положение раба при этом не учитывалось" [31, с. 295].

Выше рабов в социальной иерархии располагалось так называемое "свободное население", которое делилось на полноправных и неполноправных. Последние имели меньше гражданских прав, чем полноправные. В частности, если за членовредительство полноправного следовало адекватное наказание – членовредительство виновного, то за нанесение вреда неполноправному можно было откупиться штрафом. "Полноправные граждане в свою очередь делились на экономически сильных и экономически слабых, обедневших "мужей"" [31, с. 296].

Отдельный социальный слой составляли воины, в защиту которых были написаны свои экономические и гражданские законы. Так, например, "закон устанавливал, что купивший земельный надел или скот воина терял свои деньги, а воин сохранял и то и другое" [31, с. 297]. Было установлено еще несколько привилегий для воинского сословия. Но за эти привилегии оно должно было платить строгой дисциплиной: "воины... были обязаны за это по приказу царя

выступать во всякое время в поход. За отказ выступить или же за замену себя наемником воин предавался смерти, а человек, заместивший его, получал его надел" [31, с. 297].

Еще более высоко располагался слой, который управлял царским и храмовым хозяйством.

Итак, мы видим, что вавилонское общество было расслоено на несколько уровней: рабы, неполноправные, экономически слабые полноправные, экономически сильные полноправные, воины, жрецы и царская семья.

Этот порядок поддерживал не только гражданский кодекс, но и религия, которая "навязывала человеку идею его бессилия перед сверхъестественными силами, которые, по вавилонским верованиям, навеки установили мировой порядок и существовавший общественный строй" [31, с. 304]. В результате "в Вавилонии получил большое развитие культ умерших царей и обожествление самой царской власти. Цари провозглашались стоящими неизмеримо выше людей... Вавилонское жречество воздействовало на народные массы пышностью культа в громадных храмах... Характерным для вавилонской литературы... является настойчивое подчеркивание слабости человека и ограничение его возможностей, проповедь смирения и покорности человека порядкам, установленным самими богами, и власти обожествляемых царей" [31, с. 304–306].

Обобщая все эти немногочисленные сведения о социальном устройстве вавилонского общества, можно отметить его значительную социальную дифференциацию, которая, безусловно, далека от жесткой кастовой системы Индии, но ближе к ней, чем социальная структура Египта, в которой главным было функциональное разделение и гораздо меньшее значение имела наследственность. Особенно ярко это проявлялось в жизни жреческого сословия. В Вавилоне жреческое звание только наследовалось, что делало жреческую касту предельно замкнутой. Аналогичной была и каста брахманов в Индии. В Египте же жреческое сословие непрерывно пополнялось кадрами из простого народа, а сын жреца высокого положения мог занять впоследствии весьма низкую должность, если его способности не соответствовали более высокому положению.

В целом можно сказать, что социальное устройство Вавилона ближе к индийскому, чем к египтскому, а социаль-

ное устройство Египта ближе к далекому от него Китаю. По мнению автора, такое подобие социальных устройств в четырех первичных цивилизациях определялось в первую очередь направленностью их системного вектора. Вертикальный вектор Индии и Вавилона формировал представление об естественной иерархии Вселенной, которая проявлялась в виде кастовой системы общества. Людей автоматически разделяли на слои от низшего до высшего не столько по занимаемому положению, сколько по рождению. И отношения между людьми в таком вертикально расслоенном обществе выстраивались соответственно по всему диапазону шкалы эволюции человека от животного до бога. Внизу были рабы, которых приравнивали к скоту, наверху – цари, которых приравнивали к богам, а между ними – все ступени роста, от животного мира до божественного. При этом отношение к низшим слоям в Вавилоне и Индии было одинаково пренебрежительным (см. выше).

Совершенно по-иному выстраивалась социальная структура в цивилизациях с горизонтальным вектором. Хотя социальная иерархия существовала как в Китае, так и в Египте, но она воспринималась как позиционная, функциональная, следовательно, внешняя по отношению к сущности человека и поэтому не имеющая никакого отношения к его происхождению. Член общества в этой иерархии мог занять любое место в зависимости от его способностей, и этот выбор не ограничивался его происхождением. И если в Египте фараоны все-таки не допускали в свой круг людей из низших сословий, то в Китае принцип потенциального равенства от рождения действовал без исключений. Так, например, в результате крестьянских восстаний императором, основавшим новую династию, мог стать простой крестьянин, что было просто немыслимо, например, в Индии. Такое горизонтальное ориентирование практически выравнивало всех людей перед законом и перед судьбой. Власть человека в такой системе зависела не от его наследственности или накопленного имущества, а в первую очередь от того места в государстве, которое он занял благодаря своим личным способностям. В XX веке близкий пример такого социального равенства представляла собой социальная система СССР и Китая. В Китае до сих пор доминирует

принцип социальной справедливости, который хотя и несколько размывается капиталистическими "включениями", но перед законом там равны все (о чем, в частности, свидетельствует жесткость наказаний за взятки высокопоставленных китайских чиновников). Современная Россия, которая отвергла этот горизонтальный вектор социальной справедливости ради свободы инициативы, получила на самом деле не западный тип социального устройства, в котором относительно гармонично сочетаются оба вектора, а уродливый аналог вавилонского образца, в котором к людям с разным имущественным положением закон и государство относится по-разному.

Безусловно, и в горизонтальном обществе есть иерархия, но она является как бы его внешним атрибутом, функциональной структурой. Люди преклоняются перед *местом* в социальной иерархии, а личность лишь обозначает, оживляет это место³⁹. Люди в своей сущности в таком обществе одинаковы перед законом, в таком обществе нет людей второго или третьего сорта. Место человека в обществе определяют его способности и отчасти удача. Но в "вертикальном обществе" все гораздо более жестко детерминировано происхождением. Люди изначально разделены (особенно четко это проявляется в Индии) на уровни иерархии. И кому-то предназначено судьбой жить на самом дне общества, а кому-то – на самом верху.

Философское отступление № 2 **"Демократия или иерархия?"**

Мы видим, что в четырех первичных цивилизациях половина человечества жила по законам жесткой иерархии, а другая половина по законам социального равенства (насколько оно могло быть реализовано в то время). Но мы не можем утверждать, что в Китае и Египте царил социальный рай. Горизонтальный вектор, например, в Китае мешал развитию торговли

---

39 Очень тонко это было отражено в кинофильме Э. Рязанова "Забятая мелодия для флейты" в эпизоде, изображающем смену руководителей министерства.

и промышленности. Да и успехи четырех цивилизаций в развитии мировой культуры и науки не имеют жесткой корреляции с социальной ориентацией. Получается, что развитие первичных цивилизаций не зависело от того, как была организована там социальная система, – более справедливо, как, например, в Китае, или менее справедливо, как, например, в Индии. Так, в справедливом социуме Китая часто возникали гражданские войны, которые уносили жизни до 80% всего населения, чего, кстати, не было в "несправедливом" обществе Индии. Не слишком ли высокую цену приходилось платить горизонтальным обществам за социальную справедливость?

Более того, нелепо предполагать, что двум из четырех цивилизаций удалось сразу же найти правильный принцип социальной организации, а две другие "ошиблись". Столь крупные шаги человечества не могут быть ошибочными. Наше время заново ставит вопрос: что более соответствует гармонии в обществе – горизонтальный или вертикальный принцип? И особенно остро этот вопрос ставится в России, в которой за один прошлый век маятник социальной организации совершил полный цикл колебаний. Иерархическое вертикальное устройство царской России, в которой выделялась знать по рождению, было с кровью искоренено в СССР, где чуть ли не в идеальном варианте была реализована горизонтальная модель китайского типа, дававшая возможность любому человеку подняться по социальной пирамиде до самого верха. Но в конце XX в. социальная уравновешенность буквально задушила личную инициативу. Поэтому она была отброшена, и на ее месте постепенно стала возникать новая модель общества, расслоенного по вертикали теперь уже финансового вектора. Но и новая модель социума не дала возможности его полноценного развития, что привело Россию к ужасающему социальному состоянию. Спрашивается, можно ли найти какой-то компромисс между вертикалью и горизонталью, между социальным равенством и свободной инициативой? Между гражданским равенством в правах и привилегиями наиболее одаренных личностей? Можно ли хотя бы примерно построить и философски обосновать теоретическую модель общества, которая бы гармонично сочетала вертикальную и горизонтальную модель социума? Этот вопрос мы подробно рассмотрим в следующей книге данной серии.

Вавилонская наука достигла множества удивительных результатов, часть которых вошла в общемировую современную науку, а часть до сих пор отвергается и находится за пределами понимания западной парадигмы. В целом это была самостоятельная и очень сильная наука. "В одном вопросе вавилонская математическая наука стояла даже несколько выше позднейшей древнегреческой, а именно в вопросе написания всех мыслимых чисел минимальным количеством цифровых знаков" [31, с. 308].

К несомненному "индивидуальному" достижению вавилонской науки можно отнести создание 60-теричной системы исчисления, которой человечество до сих пор пользуется для расчета многих периодических процессов. Это и исчисление времени – 60 минут в часе и 60 секунд в минуте, и в делении окружности на 360 градусов (60×6). Но наиболее удивительным в этой системе является то, что в ней присутствовало и 12-теричное исчисление, которое нашло свое воплощение и в 12 знаках Зодиака, и в делении года на 12 месяцев. Наиболее часто сочетание 12-теричной и 60-теричной системы мы видим на циферблате собственных часов. При этом минутная стрелка, совершая полный оборот, проходит каждый из 12 секторов за 5 минут. Как выяснилось, аналогичную числовую структуру имеет вертикальный масштабный вектор Вселенной [59]. Причина такого удивительного "совпадения" была подробно рассмотрена автором в одной из последующих работ [64]. Каким образом связаны древние представления мыслителей Вавилона о числовой структуре времени с числовой масштабной структурой современной модели Вселенной, мы рассмотрим далее, в седьмой главе.

Одной из важнейших особенностей научной системы Вавилона является ее стремление к установлению количественной связи между пространственными и временными явлениями этого мира, в первую очередь, естественно, небесными. Если в Индии время изучалось само по себе вне связи с пространством и пространственная модель космоса вообще там не строилась, то в Вавилоне ни время само по себе, ни пространство в отдельности от времени не рассматривались. Условно говоря, идея связанного пространствен-

но-временного континуума уходит корнями в Систему Вавилона. Именно поэтому именно здесь и возникла та астрономия, которую традиционно считают сегодня классической, именно в Вавилоне родилась кинематическая модель пространственно-временного мира космоса. Планеты не просто перемещались по небу, они перемещались строго периодически, по точному расписанию и по точному маршруту (пояс Зодиака). Только на базе такой проработанной пространственно-временной модели космоса и могла возникнуть астрология, которая добавила к ней земной пространственно-временной континуум. И эта часть Системы дожила до наших дней:

"...Первобытное представление о мире, приобретая характер "астральной мифологии", утверждавшей существование тесной связи между земными и небесными явлениями, стало источником всех более поздних восточных и греческих систем мышления и... оно определило легенды, знания и обычаи вплоть до настоящего времени..." [46].

Итак, главной особенностью вавилонской Системы является то, что она построена на принципах связи небесных и земных явлений. Причем именно небесные силы управляют земными, а не наоборот. И в этом опять-таки проявляется западный реализм Вавилона – повлиять на ход движения планет не может ни одно явление на Земле, поэтому никаких фантазий индийского толка – миром людей управляет высший мир планет. Если сравнить эту систему с китайской, то там роль неба значительно слабее, оно лишь вмешивается в тот момент, когда нарушен порядок. Более того, люди могут как-то влиять на небесные события. Аналогично этому создано представление об обоюдном влиянии богов и людей друг на друга в Индии [71]. Там люди могут вмешиваться в божественные дела, более того, отшельники могут превращаться в богов, что категорически было невозможно в Вавилоне. Целостность картины мира на Востоке, видимо, диктует представление о симметрии потенциальных возможностей, что доходит до идей о том, что на мир может повлиять даже муравей. Эту идею, но в чисто западной интерпретации следственно-причинных связей, воплотил в фантастическом рассказе

Р. Бредбери. Поскольку Запад не строит модель мира, исходя из теоретической мысли о его гармонической целостности, в Вавилоне выделяются лишь очевидные связи. Если движения светил на небе остаются неизменными на протяжении тысячелетий, хотя мир людей при этом испытывает огромные изменения, то связь между небом и землей существует только в одном направлении – сверху вниз. Глобальные процессы управляются небесными движениями семи светил, и человеку дана свобода воздействия на окружающий мир только в рамках умилоствления богов стихий и борьбы с мелкими демонами и духами – не слишком-то масштабное воздействие на божественный мир. В другом вертикальном мире, в Индии, поскольку там время бесконечно и трансформации души также бесконечны, могла возникнуть идея о том, что со временем душа человека достигнет такого развития, что ей станет подвластно не только изменение порядка движения планет, но и создание новых звездных систем, галактик и Вселенных.

Одной из наиболее отличительных особенностей Системы Вавилона, которой не возникло в схожем виде в других четырех цивилизациях, является пронизывающая все ее периодичность.

"Знание периодов, по истечении которых повторялись те же самые явления, были первой формой научной астрономии. Периодичность небесных явлений, которую навязывало уму тщательное и систематическое наблюдение, послужила мостом от эмпирической практики к предсказывавшей события теории... Период был основой и сущностью первой науки о звездах. С открытием и точным установлением периодов знание превратилось в науку. Такова краткая история развития вавилонской астрономии с седьмого до третьего веков до нашей эры" [46, с. 56].

Можно предположить, что именно периодичность кругового вращения светил на небе индуцировала в сознании месопотамских изобретателей идею колеса, которая была реализована там не только в вертикальном варианте – для повозок, но и горизонтальном – в виде гончарного круга. Возможно, для историков науки и техники факт того, что колесо было изобретено именно в Междуречье, является

простой случайностью, но если воспринимать все формы деятельности древних цивилизаций в рамках их Систем, то можно утверждать – колесо человечество могло получить только от одной первичной цивилизации – Месопотамской.

Еще одной любопытной особенностью вавилонской Системы является ее упорядоченность, стремление к индуктивному обобщению. В современной науке этот процесс кажется естественным и единственно возможным, но стоит отметить, что его родиной является Междуречье. В других цивилизациях такой методике практически не было. Одним из наиболее ярких примеров индуктивного обобщения является создание в Междуречье астрологической системы. Современная официальная наука, не признающая за астрологией какого-либо реального статуса, как правило, не рассматривает, как возникли все эти законы. А возникли они по всем каноническим правилам современной науки. Сначала был установлен периодический порядок движения небесных светил (так родилась научная астрономия). Затем началось накопление наблюдений за тем, чем отличается жизнь разных людей, родившихся при различном расположении светил. Одновременно собирались сведения о схожести характеров тех людей, которые рождались при схожем расположении светил. Такие наблюдения за связями между одним двумя различными видами явлений – типичная современная научная работа, предворяющая эмпирическое обобщение и последующее создание теории. Эмпирическое обобщение всех этих тысяч и тысяч наблюдений в древнем Вавилоне дало основу для возможности астрологических предсказаний. Можно предположить, что в целостное состояние астрологические наблюдения были приведены после того, как все они оказались собранными в одном месте:

"...Ашшурбанипал устроил в своем дворце библиотеку и приказал собрать и скопировать старые тексты из всех древних городов и храмов Вавилонии. Тысячи глиняных табличек были сложены аккуратными рядами, с заглавиями по сторонам, дополнены и разъяснены каталогами, словарями и комментариями. Они постоянно пополнялись новыми архивными сообщениями, докладами царю и его перепиской с должностными лицами" [46, с. 38].

Как ни странно, но, несмотря на то что именно в Вавилоне возникла научная астрономия, в литературе по космологическим моделям древних культур меньше всего информации (по сравнению с другими цивилизациями) можно найти о пространственной модели Вселенной, которая была создана и распространена в Вавилоне. Единственное конкретное описание, которое мне удалось найти в использованных источниках, описывает весьма своеобразную модель космоса:

"Подобно высокой горе, земля выдается из моря, которое как пояс окружает сушу. С еще большей высоты море кажется похожим на оросительную канаву" [31, с. 224].

По сути дела, речь идет о модели из двух куполов, обрамленных рекой-океаном. В последствии эта модель, видимо, не модифицировалась, а в более поздние времена даже редуцировалась:

"...Халдейские наблюдатели не имели пространственного представления; для них то, что они видели на небе, было не пространственной вселенной с круговыми орбитами небесных тел, а плоской поверхностью, на которой описывали свои таинственно-причудливые орбиты небесные светила. Халдейские астрономы не создали новой пространственной геометрической картины мира. Они были не философами и мыслителями, а жрецами, ограниченными традиционными религиозными ритуалами..." [46, с. 68].

Возможно, причина неразвитости целостной модели Вселенной заключается в том, что мыслители этой цивилизации все свои силы направили на установление связи между периодами и расположением планет, кинематика их занимала гораздо больше, чем общая картина мира.

4.3. Перпендикулярные миры Египта и Вавилона

Египет и Вавилон – первые городские локальные цивилизации на Земле. Согласно нашей классификации [69], основ-

ной период жизни Египетской цивилизации – 3000...1000 гг. до н.э., а основной период жизни Вавилонской цивилизации – 2500...500 гг. до н.э. Таким образом, эти цивилизации были соседними не только по месту, но и по времени. Но хотя эти цивилизации развивались в относительной близости друг к другу в пространственно-временном континууме истории, их культуры при ближайшем рассмотрении оказываются весьма разными. Прежде чем приступить к рассмотрению этих различий, отметим то общее, что их принципиально отделяет от двух первичных цивилизаций Востока.

Самое главное различие заключается в той предметности и материалистичности картин мира, которые они создавали.

Обе цивилизации были западными, и поэтому рационализм мышления у них стоял на первом месте. Мир здесь воспринимался в первую очередь через органы чувств, располагаясь в области доступного восприятия. Мир в Египте и Вавилоне – этот тот мир, который все видят, Вселенная – это только то, что можно изучить, каждый объект и стихия – отдельные очевидные явления этого мира. Они даны изначально раздельно во всем своем разнообразии, поэтому каждый объект, будь то дерево, животное или река, – это отдельные конкретные объекты, которые нуждаются в отдельном конкретном изучении. И лишь по мере объединения различных городов возникает необходимость объединения различных фрагментов картины мира, что далеко не всегда получалось гармонично и однозначно. Мир в целом на Западе изначально представлялся локальным, камерным, заключенным под хрустальный купол звездных сфер и имеющим очень короткую историю (несколько тысяч лет). Постепенно этот образ расширялся, наполняясь все большим количеством объектов. Так, первые греческие каталоги содержали не более тысячи звезд, а сегодня космологи насчитывают уже десять миллиардов галактик, в каждой из которых не менее ста миллиардов звезд.

Совершенно по-другому воспринимался изначально мир на Востоке – бесконечно огромным и целостным. В Индии, например, Вселенная с самой древности представлялась огромной настолько, что даже сегодняшние ее размеры в западной космологии выглядят игрушечными. Эволюция представлений о восточном бесконечном мире шла по пути

дифференциации его на все более мелкие детали, при этом целостность мира на Востоке сохранялась изначально, и каждая новая его деталь не теряла связи с первичной сущностью.

Таким образом, если мир на Востоке ни на минуту не распадался на отдельные объекты, явления и стихии, то мир на Западе изначально был индивидуален в каждом своем проявлении. Вселенная Индии изначально была бесконечна во времени и пространстве, а Вселенная Запада изначально была создана за семь дней и существовала в очень ограниченном пространстве внутри звездных сфер, а время ее жизни исчислялось годами. Очень любопытно сопоставить две модели Вселенной на Западе – историческую и космологическую. Историческая, стартовавшая с очень камерной и локальной модели мира (остров в океане), постепенно расширялась и к XX веку достигла громадных (по сравнению с первичной моделью) размеров. В XX веке именно эта тенденция вдруг нашла свою аналогию в реальном мире – американский астроном Э. Хаббл открыл, что галактики разбегаются. Так появилась космологическая модель Вселенной, которая расширялась исходно из первичной точки на протяжении конечного временного промежутка (примерно в 16 млрд. лет) и достигла громадных размеров. Эта физическая модель, повторяющая в своей динамике "историческую модель", большинству ученых кажется сегодня настолько очевидной, что ее не поколебали даже открытые недавно факты, несовместимые с моделью взорвавшейся первичной точки (так, например, обнаружено ускорение расширения, что противоречит закону сохранения импульса).

Сравним теперь, как развивалась модель Вселенной в восточной цивилизации Индии. Вселенная Индии просто дышит, ей уже некуда расти, она изначально огромна. Такой ее мыслили в те далекие времена, когда на Западе мир представлялся плоским диском под звездным куполом, до которого можно было построить даже башню (Вавилонскую, например).

При этом мировоззрение Запада никогда не было целостным, а редкие попытки соединить мир в некое единое целое, как правило, проваливались. Показательный пример – попытка Аменхотепа создать монотеистический культ Солнца – единственного (единого) бога. Сразу же после его

смерти эта реформа была с ожесточением стерта из памяти народа, и Египет вернулся к прежнему политеистическому разнообразию мира.

Обе западные цивилизации изучали мир индуктивно – от частного к общему, но так и не достигли некоей общей целостности восприятия мира, ни в науке (нет до сих пор единой теории поля), ни в религии (христианство было привнесено на Запад через еврейскую культуру, которая корнями уходит и на Восток, и до сих пор полно противоречий). Запад до сих пор видит мир в его раздробленном противоречивом аспекте, например, выделяя два начала – силы добра и зла. На Востоке, например, в Китае, так же есть бинарное *разделение* мира, но оно показывает две стороны одного целого, показывает на *соединение* двух начал, а не на их борьбу на истребление.

Перейдем теперь к рассмотрению различий двух западных цивилизаций.

В первую очередь это перпендикулярность их векторов. Причем если при сравнении Китая и Индии подобное различие буквально "бьет в глаза", то для более древних цивилизаций Египта и Вавилона его выявить несколько сложнее. По многим косвенным признакам можно предположить, что вертикальный вектор был выбран Вавилоном, а горизонтальный – Египтом. Особенно это ярко проявляется в отношении этих двух цивилизаций к небесным явлениям и к их влиянию на земную жизнь. В Вавилоне "небесным телам придавалось гораздо большее значение, чем в любой другой стране или в любую иную эпоху" [46, с. 29]. И именно потому, что вавилонская система мира была изначально построена вокруг вертикальной оси, жрецы и философы постоянно искали "связи по вертикали", желая найти ответ на то, как небесные явления оказывают влияние на земную жизнь. Благодаря этому интересу к вертикальному вектору именно в Вавилоне родилась научная астрономия. А параллельно ей развивалась и астрология. И именно из Вавилона вошли в другие цивилизации и культуры астрономия и астрология.

Совершенно по-другому на небесные явления смотрели египтяне. Для них главным был горизонтальный вектор,

а вертикаль "небо-земля" они упростили до предельно возможного минимума. Именно поэтому "в Древнем Египте не находят никаких следов развития астрономии, достигшего мало-мальски научных высот. После того как календарь был закреплен в виде жесткой системы лет, вмешательство звезд могло ограничиваться исключительно гелиакическими восходами Сириуса. Луна также не была здесь больше нужна. Для определения времени ночью служили водяные часы, а днем время измерялось солнечными часами. Египет может служить наглядным примером того, насколько мало побуждает людей к развитию науки о звездах небо, даже всегда ясное, если оно не находит практической основы в их жизни и деятельности" [46, с. 92]. И поэтому далеко не случайно вавилонской астрономии в "Истории астрономии" посвящено 60 страниц, египетской – всего 4. Причем большая часть этих четырех страниц наполнена анализом того, чего не было в египетской астрономии по сравнению с другими цивилизациями.

Кстати, вывод А. Паннекука о том, что причина отсутствия интереса к астрономии в Египте коренится в том, что в этом не было практической потребности, нуждается в критическом анализе, ведь в Вавилоне, в котором астрономия великолепно развивалась, условия для земледелия были аналогичными. Поэтому можно предположить, что кроме чисто практических причин, связанных со спецификой жизнедеятельности, существуют и системные причины, которые проистекают от общего *цивилизационного регулировочного поля*. И поэтому, если египетский вектор был изначально направлен горизонтально, а вавилонский – вертикально, то независимо от жизнедеятельности этих цивилизаций, одна из них устремила свой философский взор вдоль вертикальной оси мира, а другая – вдоль горизонтальной.

Кроме этого различие между двумя Системами заключалось и в выборе различных типов пространств. В моделях мира Египта доминировали прямые линии, в Вавилоне – круги. На первый взгляд в этом нет ничего фундаментального – простая случайность. Но при этом стоит заметить, что первыми в мире изобрели линейную письменность именно египтяне, которые создали классическое линейное и одномерное мировоззрение [67]. А первыми изобрели колесо, гончарный круг и пояс Зодиака вавилонские мыслители-

ли. Это свидетельствует о том, что выбор типа пространства проецируется не только в космологической картине мира, но и в практической, прикладной области. Изобретение колеса было вызвано, следовательно, не практической потребностью, которая при постройке египетских пирамид была не меньшей, если не большей, а неким системным законом, который открывает для каждой из цивилизаций свою дверь в свои "кладовые", где они находят свои открытия.

Рассмотрим пространственную модель колеса. Она настолько привычна для нашего сознания, что мы практически не задумываемся об этом и может только удивляться, почему в древности колесо было изобретено так поздно, а в Америке его вообще не знали. Секрет колеса кроется как в круговом движении, которого древние люди вокруг себя практически не видели, так и в его геометрии.

Действительно, окружающий первобытного человека природный мир практически не давал ему пример кругового движения. Мир движений на поверхности земли – это мир линейных движений (кстати, мир движения в космосе противоположен земному, это мир круговых движений). Со временем человек открыл для себя новый вид движения, круговой. Это было очередным шагом в космос (первым шагом было овладение огнем), в котором круговые движения являются доминирующими. Например, египтяне перемещали блоки пирамид по бревнам, которые, будучи круглыми, катились. Но почему же египтяне, стоявшие столетия на пороге открытия колеса, так и не смогли через этот порог перешагнуть? Почему колесо им принесли с востока кочевники гиксосы?

Принципиальное отличие катящегося бревна и колеса в том, что колесо состоит из оси и обода, которые *перпендикулярны* друг другу. Следовательно, чтобы создать колесо, необходимо было выйти за пределы одномерной модели мира и создать модель с двумя перпендикулярными координатами (предтечу декартовой системы координат), что, по сути, создает основу для возникновения двухмерного мировоззрения. А переход от одномерного мировоззрения к двухмерному – столь же грандиозная революция сознания, как и совершенная в эпоху Возрождения в Европе революция выхода в трехмерное мировоззрение [67]. Египтяне так и не изобрели колесо, хотя столетиями катали по

бревнам блоки для постройки пирамид и храмов, не изобрели потому, что их цивилизация развивала одномерную модель мира. Колесо впоследствии не изобрели и две цивилизации Америки – инков и майя, хотя имели отличные дороги и также использовали для перемещения каменных блоков круглые бревна. И этот факт не комментируется современной философией, ибо она не может найти глубинной причины такого парадокса. Этот факт можно понять в рамках *системной* модели эволюции Цивилизации, в которой человечество развивается по восходящей лестнице размерности [67]. Именно эта идея дает ключ к пониманию того, почему колесо изобрели именно в Вавилоне. Сознание египтян не могло родить колесо именно потому, что оно было ограничено одномерными моделями мира – Египет видел Вселенную через узкую призму собственной одномерной системы (египтяне изобрели линейное письмо, линейную живопись, линейную архитектуру, линейную космологию и прочие одномерные модели во всех областях жизни [67]), а Вавилон сделал принципиальный шаг в развитии представления о размерности пространства, там добавили к одномерному ободу перпендикулярное измерение – ось колеса и получили кроме колеса на земле колесовидную систему из 12 знаков Зодиака.

Чтобы понять, насколько сложно было мыслящим мир одномерно египтянам изобрести колесо, приведем простейший пример. В детстве многие сталкивались с задачей построения 4 треугольников с помощью 6 спичек. Решение невозможно получить на плоскости, хотя подавляющее большинство начинает его искать именно там. Необходимо построить из 6 спичек пирамиду (*рис. 12*). Трудность задачи в том, что из привычного представления о том, что треугольники плоские и их необходимо строить на плоскости, необходимо выйти в качественно иное поле возможностей – повысить на одну ступень размерность пространства, выйти из плоского мира в мир объема. Затрудняется этот выход тем, что элементы постройки (спички) *одномерны*, строить необходимо *двумерные* фигуры – треугольники, а решение лежит в *трехмерном* пространстве.

Аналогичная проблема возникала и в случае с изобретением колеса. Колесо вращается в одной плоскости, а ось ко-

леса расположена в перпендикулярном направлении к этой плоскости. Поэтому сколько ни перекатывались бревна перед глазами египетских строителей, они не смогли создать мысленную модель из двух перпендикулярных осей. А вот в Вавилоне такую модель создали.

Следовательно, можно предположить, что сознание вавилонян отличалось в целом от сознания египтян как минимум на одну дополнительную степень свободы. Заложено ли это было изначально в Месопотамскую культуру гипотетическим "цивилизационным регулировочным полем" или стало следствием условий жизни в Междуречье, где в отличие от Египта текли две реки, и модель мира уже была в результате этого в два раза сложнее? На эти вопросы невозможно дать сейчас окончательного ответа.

Кроме колеса в Вавилоне изобрели и гончарный круг – то же самое колесо, но используемое для других целей и, более того, вращающееся вокруг оси в другом измерении – горизонтальном. Можно предположить, что образ колеса на оси был краеугольным камнем Системы Вавилона, ибо он находил свое воплощение в самых различных областях.

И здесь мы опять же выходим на тему вертикальной ориентации Вавилона, наука которого больше других наук первичных цивилизаций изучала движения светил на небе. Повторим еще раз – на земле в природе практически нет круговых движений. Камни падают вниз, реки текут в одном направлении, животные движутся по линейной траектории. Совершенно иная ситуация в космосе. Планеты вращаются вокруг оси движения Солнца в Галактике почти по идеальным круговым орбитам, все планеты и звезды вращаются вокруг своей оси, звезды вращаются по круговым орбитам вокруг оси галактик. Сами галактики также вращаются вокруг своих осей. Итак, на земле нет примеров круговых вращений, но ими пронизано все в космосе. Вертикальный вектор Системы Вавилона привел к необходимости наблюдать за движениями Солнца, Луны и планет. Возможно, что, создав модель вращения семи светил по поясу Зодиака вокруг оси наблюдателя, месопотамские мыслители перенесли образ этого небесного колеса на землю.

Кстати, здесь мы видим яркий пример того, что нет ничего практичнее хорошей теории. Теоретическое изучение движения светил на небе древними шумерскими учеными

позволило древним инженерам Междуречья первыми в мире изобрести колесо.

Древние мыслители Междуречья изобрели не только колесо, они создали купольную архитектуру. И здесь можно предположить влияние астрономии. Наблюдая небо, они сумели разглядеть его куполообразную геометрию и создали куполообразную модель Вселенной (см. выше). Откуда, скорее всего, образ купола и перешел в архитектуру. А уже от древнего Вавилона купол стал достоянием всего человечества. "...Своды, как и арки, изобрели вавилонские зодчие, а уже потом эти архитектурные формы легли в основу всего строительного искусства древнего Рима и средневековой Европы" [19, с. 411]. Нам сегодня кажется невероятным, чтобы этой куполообразности не заметили другие цивилизации. Однако стоит напомнить о том, как представляли себе небо в самой развитой космологической картине Древнего Египта – как линейную плоскую полосу (см. выше). По моему убеждению, именно поэтому в Древнем Египте так и не создали ни одного сооружения, которое бы имело купольную или арочную форму, именно в силу этих причин, так как космологическая модель Египта поражает своей линейностью.

Если теперь проследить истоки различных архитектурных стилей, то можно утверждать, что купола православных церквей и исламских мечетей ведут свою родословную от Вавилона, а стрельчатые, прямые своды католических соборов – от плоскостной архитектуры Древнего Египта. И это вполне естественно – западный Запад (Египет) передал импульс развития Западной Европе, а восточный Запад – в Византию, арабам и Руси.

Можно предложить еще одну любопытную параллель – евклидова геометрия корнями уходит в Древний Египет, а геометрия Лобачевского – в Вавилон.

Кроме колеса в Вавилоне создали полярную систему координат, которая сегодня используется во многих областях науки и техники. Можно предположить, что на базе представления о пространстве и времени Египта возникла декартова система прямолинейных координат, а на базе Вавилона – полярная система координат. Современная наука использует обе эти системы, вторую в основном для всех вращающихся систем, первую для позиционных систем.

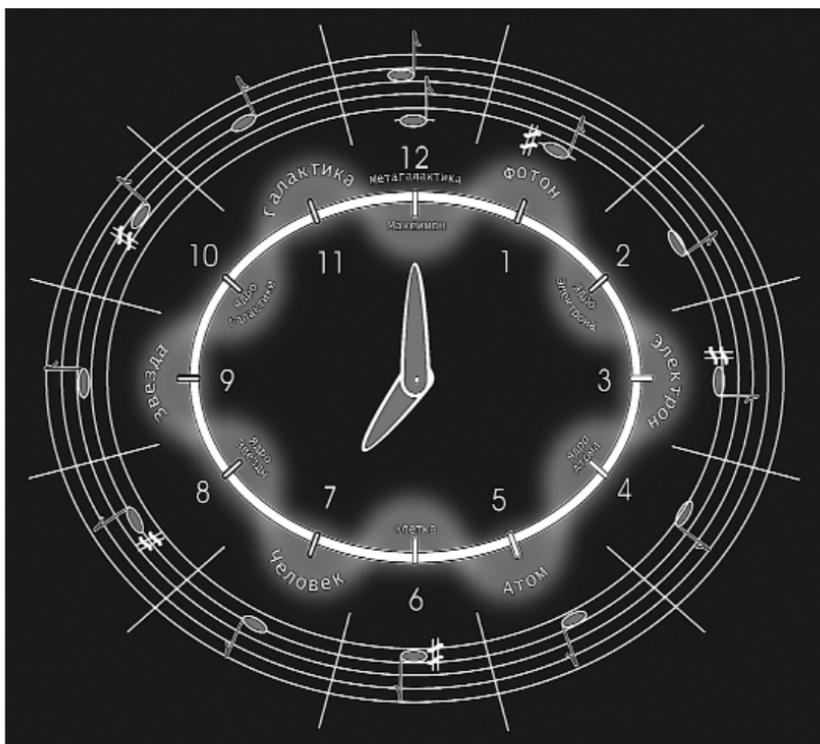

Рис.12. Циферблат часов (Вавилон), 12-частная музыкальная гамма (Пифагор) и масштабно-иерархическая модель Вселенной имеют одинаковую (гармоническую) числовую структуру.

Причем для полярной системы координат в Вавилоне выбрали совершенно иную систему счисления – 60-ричную. На поверхностный взгляд разница между 60-ричной и 10-ричной системой исчисления не имеет под собой никаких фундаментальных оснований и является следствием каких-то случайных факторов. Но каким-то мистическим образом обе эти системы соединяются в модели масштабной периодичности Вселенной [59]. На оси десятичных логарифмов от фундаментальной длины Планка (10^{-33} см) до радиуса Метагалактики (1028 см) почти точно 60 порядков. Более того, оказалось, что иерархический мир Вселенной имеет 12 уровней организации, каждый из которых занимает точно 5 порядков на масштабной оси ($12 \times 5 = 60$). В результате этого всю масштабную иерархий Вселенной можно расположить на циферблате часов (рис. 12), структуру которых,

как уже отмечалось, создали в древнем Вавилоне. Впервые установив эту связь, я был настолько ею поражен, что некоторое время даже предполагал, что в древнем Вавилоне были эзотерические знания о масштабной структуре Вселенной с ее 12 уровнями. Однако исследование этой числовой структуры показало, что она имеет более фундаментальное значение, чем структура масштабной организации, которая является лишь частным случаем воплощения в природе одного и того же гармонического закона [64]. В какой степени древние вавилонские мудрецы знали о существовании этого универсального гармонического закона, еще предстоит понять.

Разница между полярной и декартовой системой координат заключается не только в формальных приемах определения положения объектов. Исследования автором упаковочных закономерностей пространства показали, что в природе действуют два противоположных полюса симметрии [54]. На одном полюсе расположена симметрия повтора (регулярный порядок), присущая открытым системам (например, кристаллическим решеткам). На противоположном полюсе находится симметрия подобия⁽⁴⁰⁾, присущая закрытым системам с центром симметрии. Так вот, симметрия подобия присуща преимущественно живым системам, а в ее основе лежит кластерный принцип упаковки пространства, когда порядок упаковки формирует не внешнее поле, а центр упаковки – ядро системы. И именно для кластерных структур наиболее удобной является полярная система координат, которая ближе к полюсу "живой симметрии".

По моему мнению, различие, различие между открытыми и замкнутыми структурами, описываемое полярной и декартовой системой координат, – одно из фундаментальных различий организации материи во Вселенной, сопоставимое с различием таких понятий, как пространство и время. И можно предположить, что это различие изначально было "распределено" между двумя первичными западными цивилизациями – Египтом и Вавилоном. Египет заложил основу для развития системы открытых структур, Вави-

---

40 Ее впервые описал как отдельный вид симметрии в 1960 г. Шубников [93].

лон – для системы закрытых структур. Если разместить на одном полюсе символ геометрии Египта – прямую линию, а на другом символ геометрии Вавилона – круг, то мы получим первичное разделение представлений о симметрии мира на открытые и замкнутые пространства, пространства организации мертвой и живой материи, пространства симметрии повтора и симметрии подобия. Таким образом, простейший, казалось бы, вопрос о выборе типа доминирующего образа в геометрии между цивилизациями при ближайшем рассмотрении выводит нас на такие глубокие проблемы устройства мира, что становится ясно – миры двух первых западных цивилизаций изначально были ориентированы на перпендикулярные по отношению друг к другу дороги познания.

Любопытно и то, что замкнутый мир Вавилона породил кастовую (замкнутую) социальную систему, а открытый мир Египта породил открытый социальный мир.

Второе фундаментальное различие философских систем Египта и Вавилона в том, что в Вавилоне огромное место занимали среды и стихии, что совершенно отсутствовало в Египте. Причина, видимо, в том, что системная матрица египетской цивилизации основывалась на паре "объект-объект", а в этой паре все взаимоотношения могли иметь только четкие, детерминированные отношения, исключаящие какую-либо неопределенность. В основе же системной матрицы вавилонской цивилизации лежала пара "объект-среда", в которой одна часть задавала определенность, а другая выводила на таинственный, размытый и до конца не определяемый мир сред и стихий. Отсюда такая их заметная роль в религиозных системах. Потусторонний мир Вавилона полон духами всех мастей, религия насыщена магическими заклинаниями, попытками с их помощью воздействовать на стихии (вызывать бури, дожди, грозы и т.п.).

Напротив, религиозная система Египта лишена средовой компоненты. Все, чему они поклоняются, нуждается в сохранении объектной оболочки, поэтому все, что имеет хоть какую-то религиозную ценность, мумифицируется, вплоть до тел священных животных.

Это различие проявляется во всем, но приведем лишь одно сравнение из области космологической картины рожде-

ния мира. Вот как представлялось рождение мира и богов египтянам, которые в гимнах прославляли главного бога-созидателя Ра:

Хвала тебе, великий бог, родивший остальных богов!
Сам себя создавший,
Сотворивший небо и землю,
Создавшей себя силой плоти своей,
Создал ты тело свое сам, –
Нет отца, зачавшего тебя,
Нет матери, родившей тебя,
Нет места из которого ты вышел... [19, с. 320].

И совершенно на другой основе построен миф о рождении мира в Вавилоне. Согласно этому мифу, изначально был хаос (среда) – Тиамат. Родившиеся из недр среды Тиамат боги наводят порядок – создают мир объектов. Тиамат противится этому и стремится уничтожить богов. В возникшем грандиозном противостоянии первичной среды (хаоса) и первых объектов (богов) побеждают последние, что приводит к дальнейшему доминированию именно объектов. Тема борьбы объектов (богов, порядка) и среды (хаоса, стихий) проходит через всю мифологию и культуру Вавилона красной нитью. И эта же тема вообще отсутствует в культуре Египта, где если и возникает противостояние, то только между объектами, например между богами или богами и людьми.

Глава 5.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ ИНДИИ И ВАВИЛОНА

Если сравнивать попарно цивилизации Запада и Востока, то наибольшую трудность для анализа представляет собой пара Индия-Вавилон. По сумме системных признаков это почти цивилизации-близнецы. Обе системы имеют вертикальную доминанту, обе основаны как на объектах, так и средах. Но в западном Вавилоне Система имеет рациональное воплощение, поэтому она объектна, конкретна и поддается расчетам и числовому моделированию, а в восточной Индии Система имеет иррациональную основу, поэтому в ней доминирует неопределенность, таинственность, а количественные характеристики в конечном итоге уходят в бесконечность.

В нашей модели разница между ними всего лишь в такой "мелочи", как расположение в этой паре сред и объектов приоритетов. В Вавилоне на первом месте стоят объекты, а в Индии – среды (см. табл. 3). На первый взгляд перестановка местами этих двух категорий не играет существенной роли и не должна приводить к серьезному различию в мировоззренческих системах двух цивилизаций. Но в совокупности с общим различием между рационализмом Запада и иррациональностью Востока это создает практически различные миры, общность которых становится заметной лишь на фоне сравнения их с еще более далекими друг от друга системами Египта и Китая.

Поскольку в Вавилоне на первом месте стоят объекты и доминирует рациональное начало, то здесь все конкретно, предметно, все поддается упорядочиванию, исчислению. Но все-таки эта Система отличается от египетской, так как в ней

играет роль и компонент "среды". Поэтому конкретность, исчисляемость и детерминированность Системы Вавилона присутствует лишь на верхних этажах ее иерархии, там, где рассчитанный навеки вперед ход планет-божеств определяет заранее установленный порядок сил. Уже в среднем мире детерминированность исчезает, боги, подверженные гневу и другим преходящим страстям, могут наслать на землю ураганы, ливни, наводнения и прочие стихийные бедствия. А в самом нижнем слое вавилонского мира уже доминирует хаос стихий демонических сил, здесь действует мир бесконечного и неопределенного числа духов, которые заполняют собой все "щели" этого нижнего мира, мира жизни людей.

В Вавилоне боги имеют антропоморфный характер, это личности с конкретным обликом и конкретным местом на небе, они стабильны в своих перемещениях по небу, в своих функциях и внешнем виде, они занимают четкое место в иерархии. И главное – они управляют стихиями, а не стихии управляют ими.

Наиболее ярким и знакомым образом такого бога (хотя и не вавилонского) является Зевс, который не просто направляет стихии, а порождает их из себя. В вавилонской Системе стихии как бы выходят из объектов. В Индии, согласно принципу системной дополнительности, – все наоборот. Там стихии порождают объекты. Если попытаться представить разницу между этими двумя мирами в европейской культуре, то символом индийской Системы может быть наиболее яркий и знакомый образ – Афродита, выходящая из пены морской. Стихия океана порождает объект. В самой Индии это известный образ Брахмана, восседающего на лотосе и порождаемого Мировым океаном – первичной средой эфира. Брахман не плавает в океане, как может показаться западному человеку, поверхностно знакомому с этим образом, а именно порождается им, он возникает из неопределенной стихии океана, как греческая Афродита из пены.

Рассмотрим эти принципиальные различия между двумя системами более детально.

На самом верху Системы Вавилона Вселенная делилась на четыре главные части – небо, землю, воду и подземное царство. У каждой из этих четырех частей есть свой конкретный антропоморфный правитель – соответственно Ану,

Энлиль, Эа и Нергал. Однако не только четыре основные среды Вселенной подчинены богам, но все без исключения другие среды, стихии и силы управляются и часто просто порождаются ими, следовательно, объекты здесь стоят первыми в расстановке приоритетов вавилонской Системы.

Так, например, Бела – царь всех духов земли, ему подчинены все демонические силы, он бог воздуха и бурь, он возбуждает стихии, если видит беззакония людей. Другой бог – Эа живет в глубине морской, он властитель подземных источников, от которых рождаются ключи и реки, дающие плодородие стране, он владыка рек. Более того – он творец всего в этом мире, в том числе и человека, и даже богов.

В соответствии с принципом первичности объектов, когда бог по какой-то причине перестает действовать, подчиненные ему силы природы иссякают. Так, например, когда Таммуз умер и сошел в мир мертвых, то во время его отсутствия земля оставалась бесплодной, а стада пали.

Бог дождя, грозы и вообще всех атмосферных явлений, происходящих между небом и землей, Рамман, использует бури в качестве вестников, а молнии как оружие. По слову Сина, бога Луны, произрастают растения и увеличивается плодородие стад. Красавица Иштар, богиня любви, отвечает за плодородие земли.

Вавилонское представление о том, что мир состоит из сред и объектов, причем объекты в нем первенствуют, нашло свое отражение в классическом вавилонском мифе о сотворении мира.

Согласно этому мифу, изначально был хаос, водная пучина – среда, впрочем, эта среда имела конкретный облик – чудовища Тиамат. В этом элементе мифа уже проявляется неразрывность связи объект-среда. Тиамат одновременно и среда и объект. Родившиеся из недр среды Тиамат боги решили навести порядок в хаосе – создать мир объектов. Тиамат, узнав об этих замыслах, решила, в свою очередь, уничтожить богов. Возникло грандиозное противостояние первичной среды (хаоса) и первых объектов (богов). И дальше события разворачивались в полном соответствии с представлением о том, что в паре объекты-среды в Системе Вавилона доминируют объекты. Из богов выделяется главный герой – Мардук, который берется победить хаос. За это он

требует от остальных богов полного подчинения, т.е. установки в мире иерархического порядка. Получив на совете богов одобрение (здесь удивительное сочетание выборности на совете и возникающего затем верховенства власти одного бога), Мардук вступил в единоборство с Тиамат и, убив ее, создал из ее тела небо со звездами, землю с растениями, животными и воду с рыбами. Завершением мироздания являлось сотворение человека, созданного из глины и из крови одного из богов, казненного за измену богам и помощь Тиамат.

В этом мифе нашло свое емкое отражение три основных свойства Системы Вавилона: наличие пары объекты-среды, победа объектов над средами, установление вертикали власти в виде иерархии. Причем объектный мир создается в конечном итоге не из среды (как это свойственно многим мифам Востока), а из тела чудовища. Таким образом, из первичного вселенского тела создаются не только объекты (звезды, растения, рыбы, люди...) но и среды (небо, земля и вода).

В этом главном космологическом мифе Вавилона мы видим следующую последовательность превращений. Изначально существовала богиня хаоса Тиамат, которая одновременно и нераздельно была и средой и объектом. Затем из нее (как из среды) появились высшие объекты (боги), которые мгновенно оказались главными действующими лицами в мифе. Они решили расчленить хаотическое тело Тиамат на составные части этого мира – на три среды и на объекты. В результате именно боги управляют миром, они навели порядок, поставив на первое место объекты, и сами организовались в иерархическую пирамиду, передав полномочия верховной власти одному из своих представителей – Мардуку.

Если сравнить этот миф с арийским мифом из Ригвед, легшим в основу индуизма, в котором первоначальный Пуруша (некоторая неопределенная среда, олицетворяющая вселенную) разделяет себя сам на составные части и порождает из этих частей среды и объекты, то четко проявляется различие между системами двух цивилизаций.

Х., 90 (Пуруша)

Пуруша – тысячеглавый,
Тысячеглазый, тысяченогий,

Со всех сторон покрыв землю,
Он возвышался (над ней еще) на десять пальцев.

В самом деле, пуруша – это вселенная
(выделено мной. – С. С.),
Которая была и которая будет.
Он также властвует над бессмертием.
Потому что перерастает (все) благодаря пище.

Таково его величие,
И еще мощнее этого (сам) Пуруша.
Четверть его – все существа.
Три четверти его – бессмертие на небе.

...Луна из его духа рождена,
Из глаза солнце родилось,
Из уст – Индра и Агни,
Из дыхания родился ветер.

Из пупа возникло воздушное пространство,
Из головы развилось небо,
Из ног – земля, стороны света – из уха.
Так они устроили миры. [49, с. 235–236]

Мы видим, что в Индии мир возникает из среды – Пуруши по добровольному его решению, здесь нет борьбы объектов (богов) со средой. Первичная среда (Вселенная) величественна и вечна, и она создает из себя конкретные среды и объекты, являясь инициатором и исполнителем акта рождения мира, в котором главенствуют среды над объектами.

В Системе Вавилона среда вторична, поэтому она должна подчиняться воле объектов, первичные объекты (боги) рождаются из первичного хаоса сами, по своей воле, среда сразу же становится им антагонистом. Но объекты в Вавилоне выше, поэтому боги побеждают Тиамат, а затем преобразуют ее, создавая из нее другие объекты. Главные действующие лица – объекты, а не среда, которая выполняет роль инертной массы, "сырца", роль "вселенской глины" и в дальнейшем становится вопреки своей воле материалом для создания объектно-средового мира.

В Системе Индии во всех мифах мир рождается в результате внутренней потребности первичного начала, это добровольный *мирный* акт творения, рождения мира.

В Системе Вавилона все построено на противостоянии, на борьбе, на победе объектов над средой, это типично рационалистический антагонистический западный взгляд на мир.

Приведем еще один, более поздний миф (из упанишад) о сотворении мира, который весьма ярко характеризует отличие системной сути индийской цивилизации.

"Вначале здесь не было ничего. Все это было окутано смертью или голодом, ибо голод – это смерть. Он, (зовущийся смертью, – пожелал): "Пусть я стану воплощенным" – и сотворил разум. Он двинулся, славословя, и от его славословия родилась вода...

То, что было пеной воды, затвердело и стало землей. Он изнурил себя. И от него, изнуренного и воспламененного, возник блеск, его сущность, который есть огонь.

Он разделился на три части: треть – солнце, треть – ветер. Он же и дыхание, разделенное на три части. Восток – его голова, та и другая стороны – передние конечности. Запад – хвост, та и другая стороны – бедра, юг и север – бока; небо – его спина, воздух – брюхо, эта земля – грудь. Так твердо стоит он в водах..." [75, с. 69].

Итак, здесь даже первичное ничто (голод, смерть) добровольно желает преобразования, рождения мира. Именно в результате внутреннего порыва этой первичной среды (а не воздействия на нее со стороны объектов) рождаются разум, славословие, вода, земля, огонь, ветер, дыхание... И лишь где-то потом, попутно появляется и самый важный объект всех первичных цивилизаций – Солнце. Среды порождают среды, лишь затем – объекты. И поскольку среды не имеют (по определению) конкретных границ в пространстве и времени, то они все потенциально бесконечны. Бесконечные среды легко порождают из себя бесконечное количество объектов. Поэтому так легко в Индии возникает 333 миллиона богов, не считая бесчисленного количества демонов.

Среды текучи и расплывчаты, они постоянно меняют свое состояние. Поэтому порождаемые и управляемые ими объек-

ты (боги, например) становятся в Индии удивительно изменчивыми и неопределенными. Так, Шива имеет 10 воплощений, причем самых разных и даже противоположных по своим качествам. Поэтому боги в Индии многоруки и многолики (рис. 13), у них на самом деле несчетное количество образов.

Рис. 13. Многоликие и многорукие боги Индии.

И совершенно по-другому выглядят боги в Вавилоне. Они конкретны, имеют постоянный антропоморфный облик, их действия практически всегда соответствуют их месту в божественной иерархии. Невозможно представить себе в Вавилоне бога с четырьмя руками и множеством лиц.

Аналогично различаются и иерархия божеств в этих двух цивилизациях.

В Вавилоне наверху находится Мардук – бог мудрости, бог, который возвысился над другими равными ему богами благодаря своей силе и решительности (он победил хаос). В этой мифе отражается процесс постепенной (индуктивной) концентрации политической власти вокруг Вавилона, что привело к победе над социальным хаосом, над постоянными военными столкновениями в Междуречье. Ниже Мардука тройка богов, которые управляют средами, причем Ану – изначально высший бог вавилонского пантеона, несмотря на свое небесное расположение, все-таки имеет конкретные функции и может быть описан.

В Индии высшее божество – Брахман. Нет более неопределенного божества в мире, чем он. Это бог-Абсолют, поэтому он в принципе непостижим и недостижим, его невозможно даже представить, и все изображения Брахмана – чистая условность.

И именно в образе Брахмана в наиболее выпуклой форме находит свое отражение системный принцип среда-объект:

"Поистине, существует два образа Брахмана: воплощенный и невоплощенный, смертный и бессмертный, неподвижный и двигающийся, существующий и истинный.

Воплощенный – тот, который отличен от ветра и воздушного пространства; это смертный, это неподвижный, это существующий. Сущность этого воплощенного, этого смертного, этого неподвижного, этого существующего – солнце, которое греет, ибо оно – сущность существующего.

А невоплощенный – это ветер и воздушное пространство; это бессмертный, это двигающийся, это истинный. Сущность этого невоплощенного, этого бессмертного, этого двигающегося, этого истинного – пуруша, который в диске солнца, ибо он – сущность истинного" [75, с. 87].

Воплощенный Брахман – это мир существующий, мир смертный, мир объектов, его сущность – самый выдающийся объект видимого мира – Солнце.

Невоплощенный Брахман – это мир среды и стихии, это ветер и пространство, это бессмертный мир, мир истинный, это и есть пуруша – "главная" Вселенная.

Тот факт, что именно невоплощенный мир, мир сред в упанишадах называют истинным, а воплощенный мир (мир объектов) подвергается всевозможного рода критике, показывает, что в индийской Системе на первом месте все-таки стоят среды, а не объекты.

Самым ярким представителем объектного мира в приведенной выше цитате является Солнце, что вполне объяснимо, ведь в ближайшем космическом пространстве именно Солнце – главный объект, самое массивное тело в центре всей системы объектов, дающее им энергию.

Но истинное содержание этого главного объекта находится внутри, его сущность – пуруша, своего рода "душа" солнца. Но и пуруша появляется лишь в результате цепочки порождения сред:

"Говорят так: "Чем это было?". Он сказал ему: Ни существующим, ни несуществующим, ни существующим и несуществующим одновременно. От этого родилась тьма, от тьмы – первоначало существ, от первоначала существ – пространство, от пространства – ветер, от ветра – огонь, от огня – воды, от вод – земля. Так возникло яйцо. Просуществовав год, оно разделилось надвое. Из нижней половины возникла земля, из верхней – небо; в середине – божественный пуруша..." [76, с. 217–218]

В данной концепции мир изначально появился в виде мировой тьмы (в других местах упанишад ее называют хаосом или первичным эфиром), затем возникло некоторое информационное первоначало всех существ (зерна мирового духа – см. главу 7). Наконец, информационная структура порождает физическое пространство, из которого возникают четыре фазовых состояния – воздух, огонь, вода, земля. Эти четыре физические среды вместе создают первичное яйцо, которое порождает уже землю и небо. А божествен-

ный пуруша возникает как бы между ними, как все объединяющее и обобщающее начало.

Можно задать риторический вопрос: а где же Демиург? Где боги, или, другими словами, где объекты? Мы видим, что в религиозной системе Индии в отличие от Вавилона боги играют второстепенную роль, поэтому иногда о них вообще нет ни слова в космологических мифах. А если они и упоминаются, то лишь где-то на вторых ролях и как результат трансформации сред:

"Вначале этот мир был водой. Эта вода сотворила действительное, действительное – это Брахман. Брахман сотворил Праджapati, Праджapati – богов. Эти боги почитали действительное..." [75, с. 135].

Таким образом если боги в Вавилоне появляются в первом же акте творения и сразу приступают к активному преобразению среды, "захватывают власть" во Вселенной, а дальше уже не уступают ее стихиям, то в Индии боги появляются мимоходом, как нечто малосущественное. Боги почитают действительное – следовательно, они имеют дело только с объектами, с воплощенными явлениями. Но объекты в Системе Индии стоят на втором месте по значимости. Поэтому мир даже после появления богов по-прежнему основан на средах:

"Тогда Гарги Вачакнави стала спрашивать его. "Яджнявалкья, – сказала она, – все здесь выткано вдоль и поперек на воду. На чем же выткана вдоль и поперек и вода?" Яджнявалкья ответил: "На ветре, Гарги". – "А на чем же выткан вдоль и поперек ветер?" – "На мирах воздушного пространства, Гарги". – "А на чем же вытканы вдоль и поперек миры воздушного пространства?" – "На мирах *гадхарвов*, Гарги"..." [75, с. 102].

Эта идея о первичности мировой среды и вторичности богов проходит красной нитью через всю культуру Индии, и она, скорее всего, была привнесена в нее ариями, так как уже в Ригведах (созданных еще до прихода ариев в Индию) мы встречаем эту мысль, выраженную весьма однозначно:

лостный, Система Индии, образно говоря, представляет мир как некое безбрежное и бесконечное во времени дыхание первичной среды, из которой по ее же "желанию" возникают все объекты этого мира и все физические среды. И так же как свободно они возникают, так свободно они опять растворяются в этой среде. Именно поэтому так трудно уместить эту модель мира в западное сознание, которое предельно рационалистично и конкретно. Для западного сознания мир без главенства объектов вообще невозможен, и поэтому оно попадает в тупик, пытаясь постичь истинную сущность восточных учений. Тот факт, что в них на первом месте стоят среды, делает их для западного исследователя непостижимо сложными, поэтому они получают название "мистических".

Вавилонская модель мира гораздо ближе к западному мировоззрению, ибо в ней меньше неопределенности, в ней есть руководители всех процессов, они конкретны и стабильны во времени. Выше них стоит только физический закон, который хотя и неявно, но управляет их действиями через периодическое вращение планет в Солнечной системе. Но и в Вавилоне немалую роль (хотя и вторичную) играют среды. Особенно явно – в астрологической системе. Именно через изменение эфирной сетки в Солнечной системе происходит воздействие расположения планет на земную жизнь [68]. К сожалению, эта связь просто не осознается современной западной наукой, которая по своей сути все-таки ближе к Египту, чем к Вавилону.

Западная религия – христианство полностью переняло идею сотворения мира от Вавилона. Бог-Творец, который за семь дней из первичного хаоса создает небо, землю, животных, растения, человека – это доведенный до высшей точки монотеизма вавилонский бог Мардук, который в прежних мифах создавал мир вместе с другими богами. И как слабый след (не до конца отредактированный текст) эти *другие боги* проскальзывают в Библии: "И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас..." (Бытие, 3.22). Так и представляется за этой фразой совет богов во главе с Мардуком.

И здесь дело даже не в том, списан ли образ Бога в Ветхом Завете с Мардука или нет. Суть вопроса в том, что сама система создания мира в Библии не отличается по систем-

ной сути от вавилонской, здесь антропоморфный Господь (ведь Он создал человека по образу и подобию своему) создает мир из первичной среды по собственной воле. А человека он создает из "шумерской" глины. Ничего подобного не было ни в Египте, ни в Индии, ни в Китае.

Более того, как уже отмечалось, в христианской идее Троицы есть Бог-Отец – главный объект Троицы и Дух Святой – главная среда Троицы. Естественно, что, несмотря на единство Троицы, главным в ней является Бог-Отец, и в этом четко просматриваются вавилонские корни христианства – доминанта объекта над средой. И поэтому стоит особенно внимательно отнестись к тому, что православие борется за полностью равноправное положение всех членов Святой Троицы. Видимо, в системной основе срединной культуры, принявшей христианство, отсутствует доминирование объекта над средой. Следовательно, в спорах о Святой Троице вопрос не лежит в плоскости церковной схоластики, он гораздо глубже – в системной основе срединной культуры.

И здесь в очередной раз можно вспомнить о Брахмане – великой среде Вселенной, которая порождает богов как частный случай собственной эманации. Здесь первичная среда самопроизвольно – причины иногда объясняются (например, тоска одиночества), иногда не объясняются, начинает разделяться и создает из себя весь мир. Парадоксально, но именно эта индуистская система самопроизвольного происхождения мира была со временем взята на вооружение западным материализмом. Научное объяснение происхождения Вселенной в своей принципиальной основе отвергает ее творение одним Сущим, т.е. разумным началом, и взамен предлагает версию самотворения, которая аналогично индуистским мифам о происхождении Вселенной из первичной среды. Разница лишь в том, что первичная среда индуизма одухотворена, она живая (целостность иррационализма Востока), а первичная среда европейской космологии мертва и безлика (рационализм Запада). Поэтому, если уж говорить о полном совпадении, то системная основа современной космологии ближе к даосизму Китая, ибо в нем, как было показано, вообще отсутствуют объекты, а следовательно, личностное начало и одухотворенность.

Дао безлико и безлично, оно везде, оно меняется и все производит, но не имеет никаких признаков чувств, желаний и прочих атрибутов биологической жизни. Не случайно поэтому в последние годы в западной науке стали появляться такие работы, как "Дао физики" [35], в которых западные ученые – популяризаторы науки, обосновывают генетическое родство современной физики с китайской философией. Почему этот процесс идеологического сближения не начался раньше? Причина в том, что до недавнего времени в западной физике было распространено заблуждение (основанное на конечной скорости света), что Вселенная целостно не связана. Но опыты подтвердили мысленный эксперимент Эйнштейна-Розена-Подольского и показали обратное. И хотя объяснения этим парадоксальным фактам до сих пор не найдены, они для некоторых физиков стали сигналом к тому, что Вселенная едина и целостна, что она во всех своих частях взаимосвязана. И хотя западная физика еще не дошла до идеи разумного начала Вселенной, которая свойственна индийской Системе, она уже сделала полшага в сторону Востока, обратив свой взор к даосизму.

Глава 6

МОЗГ СВЕРХЦИВИЛИЗАЦИИ

Разделение на рациональный Запад и интуитивный, мистический Восток – не выдумка поэтов, оно имеет системный характер.

Аналогичное разделение имеет и мозг человека, в котором за формальное, рациональное мышление отвечает левое полушарие, а за интуитивное, эмоциональное – правое. Подобная аналогия лежит на поверхности, и мимо нее пройти невозможно.

В этой главе мы будем **сравнить будущую Ноосферу с неким подобием человеческого мозга**: Запад – аналог левого полушария, а Восток – правого. Следовательно, западная наука – рациональная, логическая, мужская часть общемирового сознания. Она стремится классифицировать и дифференцировать мир. Наука же Востока, наоборот, стремится к целостному восприятию мира, к его синтезу и гармоничному единству.

"Полушария мозга" (краткая справка)

"Основные различия в работе полушарий головного мозга человека впервые обнаружил американский ученый лауреат Нобелевской премии Р. Сперри, который однажды в лечебных целях рискнул рассечь межполушарные связи у больных эпилепсией и с изумлением обнаружил, что два полушария единого доселе мозга ведут себя как два совершенно различных мозга и даже не всегда до конца понимают друг друга. Человек, у которого было отключено правое полушарие, а работало левое, сохранял способность к речевому общению, правильно реагировал на слова, цифры и другие условные знаки, но часто оказывался беспомощ-

ным, когда требовалось что-то делать с предметами материального мира или их изображениями. Когда отключали левое, а работало одно правое полушарие, пациент легко справлялся с такими задачами, хорошо разбирался в произведениях живописи, мелодиях и интонациях речи, ориентировался в пространстве, но терял способность понимать сложные словесные конструкции и совершенно не мог сколько-нибудь связно говорить. В дальнейшем эти различия были подтверждены в многочисленных экспериментах и психофизиологических исследованиях.

Вот мы и подошли к основному, на наш взгляд, различию между двумя типами мышления. Оно сводится к принципам составления связного контекста из отдельных элементов информации. Левополушарное мышление из этих элементов создает однозначный контекст. То есть из всех бесчисленных связей между предметами и явлениями оно активно выбирает только некоторые, наиболее существенные для данной конкретной задачи. Так, например, слово "коса" может означать или форму женской прически, или участок суши, вдающийся в море, или сельскохозяйственное орудие. Даже такие простые и по видимости однозначные понятия, как "стол" или "стул", могут иметь и другие значения (в диетологии "стол" – это отнюдь не предмет мебели). Ну а в конкретном предложении слова приобретают единственно нужное в данном случае значение. Именно в таком создании однозначно понимаемого контекста и состоит, на наш взгляд, стратегия левополушарного мышления. При этом совершенно не обязательно, чтобы использовались именно слова. Это могут быть и любые другие условные знаки. Так, специалисты, говорящие на разных языках, совершенно однозначно прочитывают инженерные схемы или географические карты и даже обсуждают свои проблемы на языке математики. Более того, даже образы могут быть использованы для формирования однозначного контекста. Мы прекрасно знаем плакаты и "художественные" полотна, легко поддающиеся однозначной трактовке и пересказу.

На противоположных принципах основана стратегия правополушарного мышления. Оно создает многозначный контекст благодаря одновременному схватыванию практически всех признаков и связей одного или многих явлений.

Если логико-знаковое мышление формирует модель мира, удобную для анализа, но в чем-то условную и ограниченную, то образное мышление создает новой и полнокровный, натуральный образ мира. Отдельные свойства, грани образов взаимодействуют друг с другом сразу в нескольких "смысловых плоскостях", что, собственно, и создает эффект многозначности.

...Наши полушария "работают" по-разному. Левая половина мозга отвечает за логические операции, счет, установление последовательностей, тогда как правое полушарие контролирует инициативу и творчество.

Правое полушарие делает все сразу, целостно, ищет и устанавливает связи инстинктивно, интуитивно, предпочитает образы, помогает нам в понимании метафор и в восприятии юмора. А на чем же основана интуиция правого полушария? Часто на фактах, проанализированных левым полушарием. Левая доля предпочитает последовательности, выделяет детали, стремится к классификации информации, делает конкретные выводы, устанавливает причинно-следственные связи, любит грамматику и слова.

Правая доля мозга существенно превосходит левое в способности ориентироваться в пространстве, в восприятии музыки, в опознавании сложных образов, которые нельзя разложить на простые составные части: в частности, в опознавании человеческих лиц и эмоциональных выражениях на этих лицах.

Оба полушария выполняют равно важные функции. Левое упрощает мир, чтобы его можно было легко проанализировать и соответственно повлиять на него. Правое полушарие схватывает мир таким, какой он есть, и тем самым преодолевает ограничения, накладываемые левым.

Без правой (творческой) доли мозга мы бы превратились в высокоразвитые компьютеры, в счетные машинки, тщетно пытающиеся приспособить многозадачный мир к своим ограниченным программам. Поэтому все попытки ученых создать искусственный интеллект увенчались провалом, так как моделировалось только левое (логическое) полушарие головного мозга.

Мозг и тело связаны следующим образом: правое полушарие контролирует левую половину тела, а левое – пра-

вую половину. Тренируя левую часть тела, мы тренируем творческую долю, а правую – логическую долю мозга.

У большинства людей доминирует определенное полушарие. Это связано с особенностью образовательных систем: тренировать какое-то из полушарий в большей мере. С рождения ребенок почти в равной степени (гармонично) пользуется возможностями, заложенными в разных долях мозга. Затем, из-за однонаправленности современных учебных заведений, одно полушарие берет вверх. Например, в математических школах мало развивают творческое мышление, хотя математика – самая творческая наука. А в музыкальных школах или в консерваториях редко тренируют логическое мышление. В результате у многих людей развито только одно полушарие".

(http://metaphor.nsu.ru/misc/num1/num1_roten.htm)

Сравнение Запада с рациональным левым полушарием, а Востока – с иррациональным левым стало в настоящее время общим местом. При этом имеется в виду некоторое общее культурное различие. Но в последнее время стали появляться результаты исследований деятельности головного мозга, которые показывают, что различие лежит гораздо глубже. Приведем два примера.

Так, у японцев есть две дополняющие друг друга системы письменности, одна из которых рассчитана в первую очередь на восприятие левым полушарием, а другая – правым.

"Нарушение способности к чтению и письму (дислексии) связывают с анатомическими аномалиями левого полушария. Однако степень проявления и частота дислексий могут зависеть от языка, на котором человек учится читать. Так, среди населения стран Запада число дислектиков составляет 1–3% населения, в Японии их число в 10 раз меньше. В японском языке используется два вида письма: кана, где символы соответствуют слогам, и кандзи, где символами служат иероглифы, отображающие не звуки, а понятия или предметы. При поражении левого полушария мозга вследствие инсульта японские больные сохраняли способность читать слова на кандзи, но теряли возможность чи-

тать на кана. Данные факты подтверждают возможность локализации зрительно-пространственного восприятия правой половиной мозга. Известно, что некоторые американские дети, страдающие дислексией, успешно обучились читать по-английски, представленном в виде китайских иероглифов"

<http://cerebral-asymmetry.narod.ru/Sergienko.htm>

Пример второй: недавно было установлено, что китайцы в большей части воспринимают мир правым полушарием.

"Левое и правое полушария человеческого мозга выполняют свои функции в определении внешних звуков. Обычно левое полушарие имеет преимущество в понимании языка, а правое – лучше приспособлено к восприятию музыки. Какие факторы определяют различия между ними? Этот вопрос уже давно представляет собой сложную проблему для научных кругов, существуют две различные точки зрения. Исследовательская группа под руководством профессора Чэнь Линя из Института науки о жизни при Китайском научно-техническом университете после глубокого изучения того, как китайцы воспринимают тоны своего языка, доказала, что на раннем этапе его понимания – 200 миллисекунд после входа звука в ухо – анализ тонов китайского языка осуществляется правым полушарием, как это происходит при восприятии музыки. Одновременно результаты проведенного исследования показали, что китайцы чаще используют правое полушарие, чем люди на Западе, которые говорят по-английски. Вот почему они должны обратить больше внимания на освоение его потенциала. Эти результаты были опубликованы 19 декабря 2006 г. во всемирно известном научном журнале "Труды Национальной Академии наук" (США)".

(www.russian.northeast.cn/sysem/2006/12/22/000008534.shtml).

Мы не будем здесь дальше углубляться в детали этого различия и в причины его возникновения. Остановимся на уже имеющихся общих выводах и будем в дальнейшем считать, что человечество изначально обладало зачатками но-

осферного сознания, в котором роль левого полушария всегда выполняли западные цивилизации, а роль правого – восточные. В настоящее время мир развивается благодаря стремительным успехам западноевропейской цивилизации. Поэтому мировая культура чрезмерно рациональна. С прошлого века это стали осознавать и на самом Западе. Но, несмотря на повсеместное увлечение йогой, восточной культурой и восточным мистицизмом, западное мировоззрение по-прежнему остается западным, ибо оно в принципе не может стать иным. И в результате даже на Востоке, в первую очередь в научном мире, под влиянием современной западной науки доминирует рациональный подход.

Но в прошлом ситуация была иногда принципиально иной – целые эпохи наука на Западе молчала, а в это время мир развивался только на Востоке. На основании анализа истории науки в моей работе [69] был сделан вывод, что мир развивается попеременно – то на Востоке, то на Западе. Поэтому вполне логично предположить, что в будущем наступит эволюционный застой на Западе, во время которого активизируется восточная ветвь Цивилизации, и именно она станет локомотивом человечества. И уже сегодня есть первые признаки такой перемены – быстрый рост экономики ЮВА и рост ее влияния на мировую политику.

Тенденция к ослаблению рациональной компоненты в Цивилизации проявляется и в более тонких областях, чему пример статья Левона Амдиляна (опубликована 26 сентября 2005 г.):

Конец информационной эпохи

"В условиях слишком частой и быстрой смены "технологической подложки" современного общества экономическая мысль не всегда успевает идеологически и концептуально оформлять глобальные сдвиги в обществе..."

Идеологический вакуум, возникший на месте лопнувшего интернет-пузыря после краха "новой экономики", постепенно стал заполняться идеями, призванными дать ответы на ряд принципиальных вопросов...

Академические умы давно утратили монополию и первенство в "объяснении" технологических сдвигов. В последние годы эту нишу все активнее осваивают журналисты

и предприниматели. Именно они отчеканили термины, заменившие привычные "экономику знания", "новую экономику" и "информационную эпоху": сегодня все чаще говорят о "концептуальной эпохе", "веке дизайнеров", "веке коллективных технологий" (participation age), "креативной экономике".

С нашей точки зрения, наибольший интерес представляют несколько недавних теорий, построенных вокруг довольно неожиданных попыток разобраться наконец, как устроен человеческий мозг, и на основе полученных ответов выяснить, куда же движется современное общество.

Список литературы:

Daniel H. Pink. A whole new mind: moving from the information age to the conceptual age. New York: Riverhead books, 2005;

Jeff Hawkins. On intelligence. New York: Times books, 2004

Steven Johnson. Emergence: the connected lives of ants, brains, cities and software. New York, London, Toronto, Sydney, Singapore: Scribner, 2001

Steven Johnson. Mind wide open. New York, London, Toronto, Sydney: Scribner, 2004.

В первую очередь, стоит остановиться на трудах Дэниела Пинка и Джеффа Хокинса. Пинк (бывший спичрайтер Белого дома, автор нескольких бестселлеров и статей в Wired, New York Times, Fast Company и других изданиях) начинает свою книгу с предупреждения: большинство молодых людей, которые, следуя настоятельным рекомендациям родителей, выбирают профессии юриста, бухгалтера, программиста, совершают серьезную ошибку. В настоящее время ключи от "ворот королевства" перешли в другие руки. Будущее принадлежит совершенно иному типу людей – художникам, изобретателям, дизайнерам, рассказчикам, то есть тем, кто способен "видеть картину целиком". Мы уходим от экономики и общества, построенных на логических, линейных, "компьютеробразных" процессах и способностях – "информационная" эпоха сменяется "концептуальной".

Около века в западном обществе, и в частности в США, превалировало редуccionистское и глубоко аналитическое мышление, определявшее и соответствующий подход к жизни. Основу общества составлял работник – "высокообразованный и опытный манипулятор информацией". Но

ситуация изменилась. Благодаря действию ряда факторов – материальному изобилию, усиливающему наши нематериальные желания, глобализации, экспортирующей "беловоротничковую занятость" за границу, новым технологиям, полностью устраняющим некоторые виды трудовой деятельности, – мы вступаем в новую эпоху. В основе этого перехода простой феномен – функциональные различия двух полушарий человеческого мозга. Левое полушарие управляет нашими логическими и аналитическими действиями. Правое полушарие делает поведение человека нелинейным, эмоциональным, интуитивным и холистическим. Левое отвечает за текст, правое за контекст. Левое анализирует детали, правое дает общую картину. Задача левого – понять, что говорится, правого – как это говорится. Информационная эпоха была эпохой левого полушария, концептуальная – станет эпохой правого.

Те, у кого левонаправленное мышление (left-directed thinking), обычно становятся юристами, бухгалтерами, инженерами. Обладатели правонаправленного мышления (right-directed thinking) идут в изобретатели, советники, актеры. Работник информационной эпохи отличается способностью приобретать и применять теоретическое и аналитическое знание. Сегодня резко возрастает роль носителей преимущественно правонаправленного мышления. Когда наступило глубокое насыщение рынка и прямых (материальных) потребностей, в развитых странах на первое место выдвинулись люди, способные в условиях изобилия товаров с одинаковыми потребительскими свойствами придать им такие дополнительные качества, которые "заставят" покупателя выбрать именно товар конкретного производителя. Это достигается в первую очередь благодаря усилиям дизайнеров (один из самых ярких примеров "правильной" профессии в "концептуальную эпоху"). Можно ли было раньше встретить в супермаркетах ершик для чистки унитазов, созданный одним из ведущих дизайнеров мира? Казалось бы, зачем нужны свечи, если существуют дешевые и разнообразные электрические лампочки? Тем не менее в прошлом году американцы накупили свечей на 2,4 млрд. долларов – сумма, вполне сравнимая со всем российским рынком IT-технологий двухлетней давности.

Вследствие перехода к новой эпохе, предсказывает Дэниел Пинк, значительно упадет престижность степени MBA (master of business administration). Новым кумиром станет MFA – master of fine arts. Если конкурс на доступ к программе MBA Гарварда в США составляет сейчас десять человек на место, то в Школе изящных искусств Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе этот показатель равен 30 к 1. Потребность в MBA в развитых капиталистических странах не исчезнет – просто она будет "аутсорситься" в Индии и Китае. То же относится и к программированию. В конце концов, прежде чем программисты (например, индийские) смогут изготавливать, развивать, тестировать или улучшать программный продукт, должны поработать неординарные мозги, которые изобретут что-то новое или "задумают невероятное"

(<http://www.ibusiness.ru/opinion/229657/>)

Означает ли активизация Восточной ветви Цивилизации окончательный конец эпохи рационализма? Если говорить о *доминирующей* роли рационализма в современном мире, то да.

Логично предположить, что в отдаленном будущем попеременное доминирование Запада и Востока прекратится, и человечество вступит в фазу гармоничного сочетания рационального и иррационального начал. Такое сочетание свойственно любому нормальному человеку, который в жизни опирается как на разум, так и на интуицию.

В связи с этим возникает существенный вопрос, какая именно культура будет регулировать гармонию между рациональным и иррациональным? На помощь может прийти опять-таки аналогия из функциональной структуры головного мозга человека.

Человек – целостная система, и оба полушария действуют большей частью согласованно. Что же их связывает? В первую очередь промежуточный отдел – мозолистое тело, которое имеет свои ответвления в наиболее важных центрах обоих полушарий.

Мозолистое тело (*краткая справка*)

"Мозолистое тело – тяж нервных волокон, соединяет левое и правое большое полушарие головного мозга. Осущес-

твляет обмен нервными импульсами между ними, обеспечивая их координированную работу" (<http://www.c-cafe.ru/words/77/7572.php>).

Мозолистое тело при этом не просто связывает два полушария, но от него существенно и зависят некоторые творческие особенности человека:

"Неврологические исследования показали, что интенсивная практика игры на музыкальных инструментах приводит к заметному увеличению участков коры головного мозга, слоя серого вещества, наиболее тесно связанного с высшими мозговыми функциями. МРТ-исследования свидетельствуют, что у музыкантов, начавших заниматься музыкой до 7 лет, мозолистое тело на 10–15% толще, чем у людей, не занимающихся музыкой или начавших изучать ее позже этого возраста (<http://www.bookap.by.ru/okolopsy/evolution/gl18.shtm>)

Более того, есть некоторые ученые, которые убеждены, что только на перекрестье рационального и эмоционального могла возникнуть вся культура человечества:

"...К середине двадцатого столетия наука располагала достаточно большим количеством данных, теорий и гипотез в области изучения функциональной межполушарной асимметрии, которые стали основой современных представлений о взаимоотношениях между полушариями и базой для дальнейших исследований. Известна гипотеза К. Сагана (1977), согласно которой наиболее творческие создания культуры – правовые и этические системы, искусство и музыка, наука и техника – являются результатом именно совместной работы правого и левого полушарий. Саган даже предполагает, что "человеческая культура является функцией мозолистого тела" (цит. по [Спрингер, Дейч, 1983])." (<http://cerebral-asymmetry.narod.ru/Sergienko.htm>)

Известны и последствия потери связи между правым и левым полушарием человеческого мозга – возникает ситуация, когда "правая рука не знает, что делает левая".

"...У больных, мозолистое тело которых было перерезано в зрелом возрасте (обычно с целью предотвращения распространения эпилептического припадка с одного полушария на другое), возникает характерный синдром "расщепленного мозга", при котором каждое полушарие начинает работать независимо от другого".

(http://wsyachina.narod.ru/biology/brain_12.html).

Нарушение деятельности мозолистого тела приводит к множеству болезней, например, к дислексии.

"Многие серьезные проблемы учебной деятельности связаны с особенностями анатомического строения мозга и его функционирования. Два полушария головного мозга, кора которых обеспечивает высшую нервную деятельность, неодинаковы как по своим размерам, так и по функциям.

Отсутствие слаженности в работе левого и правого полушарий – основная причина трудностей в учебе, в том числе и возникновения дисграфии и дислексии у ребенка.

Между двумя полушариями существует анатомическая связь – мозолистое тело. Для слаженной, совместной работы обоих полушарий требуется их функциональная связь.

Функциональная связь полушарий формируется в период младенчества. Именно период ползания является важнейшим этапом для ее полноценного формирования. Уже в младенческом возрасте (в процессе деятельности тела) закладывается качество взаимодействия полушарий мозга.

Если в младенчестве ребенок ползает много и достаточно продолжительное время, то благодаря постоянным скрестным движениям рук и ног (правая рука – левая нога, левая рука – правая нога) складывается и координация движений, и координация деятельности полушарий мозга между собой, и координация мозга и тела в целом. В этом случае у ребенка естественным образом формируется совместная деятельность полушарий, т.е. какое бы полушарие в данный момент ни работало, второе помогает ему. Таким образом, мозолистое тело становится "мостом" между полушариями.

Если же период ползания у ребенка сокращен, двигательная активность ребенка невысока или в развитии ре-

бенка вообще "выпал" этот период (малыш встал и пошел), то в дальнейшем появляется излишний сознательный контроль за действиями тела. В наиболее тяжелых случаях такой ребенок похож на сороконожку, которая раздумывает, с какой ноги ей пойти. В этом случае активность одного из полушарий "выключает", блокирует деятельность второго полушария. Мозолистое тело становится своеобразным барьером, разделяющим одно полушарие мозга от другого и каждое из полушарий от одноименной половины тела. Вследствие чего у такого ребенка нарушается взаимодействие мозг – тело и координация полушарий отсутствует.

Каждый из способов взаимодействия полушарий мозга, возникнув в младенчестве, позднее закрепляется и сказывается на всей деятельности ребенка – как физической, так и интеллектуальной.

Если у малыша сформирована совместная деятельность полушарий (мозолистое тело является "мостом" между полушариями), то это становится полноценной основой дальнейшего развития и успешного обучения ребенка.

Если взаимодействие между полушариями головного мозга отсутствует (мозолистое тело является "барьером"), то это становится препятствием и дефектной основой дальнейшего развития и обучения ребенка. Кроме того, такой ребенок испытывает трудности в обучении, которые сказываются на его нервно-психическом здоровье.

Объединить два полушария в единое целое, соединить их усилия – вот путь устранения трудностей обучения, решение проблем и в учебе, и в других видах деятельности ребенка"

(<http://www.dyslexia.ru/index.php?id=8>).

Приведенная информация показывает, что полноценное развитие личности возможно лишь в гармоничном сочетании иррационального и рационального начал. Возникает вопрос, а уместно ли всю эту психофизическую информацию перенести в виде аналогий на два полушария Земли? Вполне, потому что Запад и Восток действительно выполняют роль левого и правого полушария некоего общечеловеческого сознания, которое только формируется и в будущем станет полноценным мозгом Сверхцивилизации.

В этой связи особую роль будет играть срединная цивилизация, которая соединяет Запад и Восток. И развивая аналогию, можно перефразировать заключительную фразу из предыдущей цитаты: "объединить два полушария в единое целое, соединить их усилия – вот путь устранения трудностей" развития Человечества, вот задача для срединной цивилизации.

Что же такое "срединная цивилизация", которая может быть сопоставлена с мозолистым телом мозга?

Срединная цивилизация

В главе 1 мы уже рассматривали классификацию научных цивилизаций на западные и восточные, при этом выделили две из них как минимум очевидно срединные: Античную (1500 г. до н.э. – 500 г. н.э.) и Российскую (начало с 1000 г.). Важно отметить, что особую роль срединной цивилизации до возникновения античной цивилизации выполняла еврейская, которая служила мостом между Египтом и Междуречьем в период их активной фазы. Аналогичную срединную роль предположительно выполняет буддистский Тибет, который служит мостом между Индией и Китаем. Как будет показано далее, у всех этих локально-срединных цивилизаций, возможно, есть общая родина.

Заметим, что если географическое расположение еврейской и Античной цивилизации отражало разделение мира на восток и запад внутри Западной ветви (так же как и расположение Палестины между западным Египтом и восточным Вавилоном), то географическое расположение Российской цивилизации является срединным для Запада и Востока в рамках всего Старого Света, т.е. как минимум для Евразии, и поэтому отражает более масштабное разделение мира на Запад и Восток. Именно эта географическая область задолго до того, как на части ее возникло Московское государство, несла в себе потенциал срединной культуры, что прослеживается в периоды, уходящие в прошлое на 10 000 лет назад. Евразийская срединная культура существовала издавна, причем независимо от того, какой именно этнос, раса, народ, империя или государство выполняли эту роль [27]. Очевидно, что не Россия создала этот евразийский

центр, а наоборот – евразийское срединное пространство сформировало на очередном этапе собственной эволюции такую страну, как Россия. Именно поэтому невозможно не согласиться с А. Дугиным, что попытки России уйти от своей исторической миссии быть евразийским центром, стать, например, европейской страной, ничего кроме бедствий ей не приносили. Ведь для этого России необходимо целиком переселиться в Европу, покинув евразийское пространство. Поэтому как бы европейцы ни стремились переделать на свой манер Россию, они никогда не смогут этого сделать, ибо проблема здесь не в русском характере, а в системных закономерностях организации всей Цивилизации, изменить которые не дано никому.

Тема евразийской самобытности – отдельная огромная тема, которую мы здесь поднимать не будем. Рассмотрим лишь одну весьма любопытную ее особенность, обнаруженную П.Н. Савицким в начале XX в.

"За последние века мы знаем четыре столицы, каждая из которых администрировала в свое время все пространство евразийских низменностей-равнин; это два Сарая, Москва и Петербург. Все четыре города на географической карте располагаются на одной прямой, а именно по линии, соединяющей устье Волги с устьем Невы. Эта линия есть как будто "ось разворачивания" почвенно-ботанических зон приуральной России. От XIII к XVIII веку административный центр этих низменностей равнин перемещался по этой линии с юго-востока к северо-западу: каждая более поздняя столица расположена на северо-запад от более ранней: Новый Сарай на северо-запад от Старого, Москва – на северо-запад от Нового Сарая, С.-Петербург на северо-запад от Москвы. В XX веке этот процесс пошел в противоположном направлении: столица вернулась в Москву. Возможно, что процесс на этом не остановится. В широкой перспективе представляется вероятным дальнейшее перемещение столиц на юг и восток, может быть, в Среднее или Нижнее Поволжье" (цит. по [84, с. 234]).

Более того, к этой закономерности можно добавить еще одну [57]: оказалось, что все нашествия на Русь-Россию

с Запада "упирались" в эту самую ось (рис. 14). Все эти факты дают основание предполагать, что эта ось есть линия культурного и геополитического раздела между Западом и Востоком в Старом Свете.

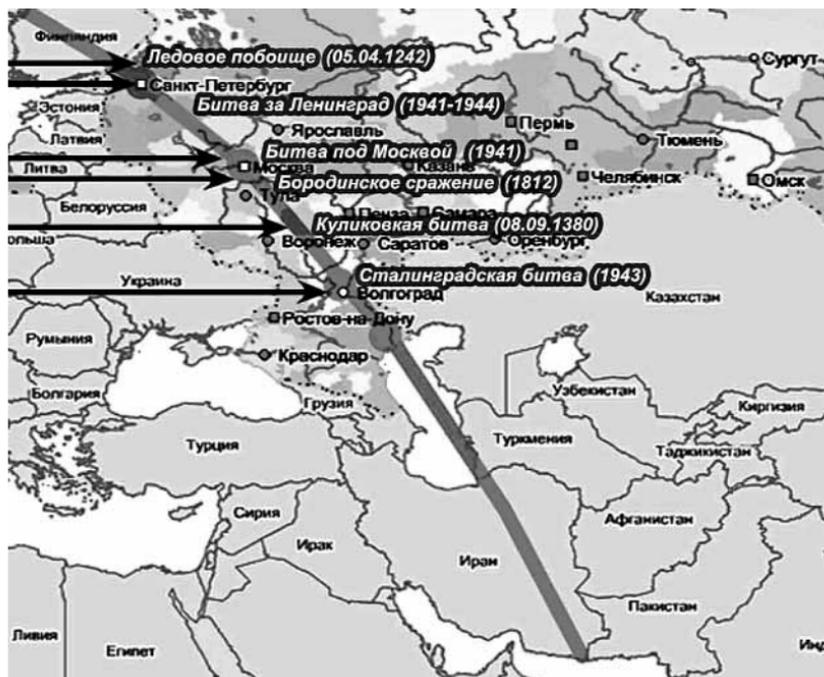

Рис. 14. Ось Савицкого, который открыл первым поразительную закономерность. Оказалось, что Евразийское пространство России всегда управлялось столицей, которая располагалась четко по оси Петербург-Москва-Царицын. Сначала это был Старый Сарай, потом Новый Сарай (ставки Золотой Орды на Ахтубе (притоке Волге)). Затем столицей стала Москва, потом Санкт-Петербург, потом опять Москва. Автор провел эту закономерность дальше и обнаружил, что все нашествия Запада никогда не пересекали эту ось на восток. Начиная с 1242 (ледовое побоище) и заканчивая 1943 (Сталинградская битва и блокада Ленинграда) западные войска всегда останавливались (мистическая вещь!) как перед стеной перед этой условной линией. Своим юго-восточным концом ось Савицкого проходит через Иранское нагорье (родину Ариев и первых элементов цивилизации (домашние животные и земледелие) и уходит в сторону западной Индии.

Поэтому в дальнейшем мы уйдем от геополитических сравнений и перейдем к гипотезе о том, что между Западом и Востоком изначально существовала некая особая срединная культура, которая с самого своего зарождения выполня-

ла роль связующего моста между рациональной и иррациональной ветвью Человечества. Для того чтобы определить ее конкретное наполнение, мы упростим исходные предпосылки и будем считать, что "ось Савицкого" является медианой этого срединного пространства (см. рис. 2). И поэтому чем ближе к ней располагается та или иная культура, тем большая часть ее свойств относится к срединной культуре в целом. Можно выделить (пусть и условно) срединную полосу, которая занимает от "оси Савицкого", к примеру, по 200 км на запад и восток, такого рода полоса будет своим южным краем захватывать устье великой реки – Инда.

Не любопытно ли, что эта полоса пересекает Белуджистан (рис. 15), который, по оценкам многих исследователей, является родиной многих первых элементов цивилизации (рис. 16), в частности, ключевых домашних животных (козы, овцы, коровы и лошади), приемов земледелия и даже письменности. Единственное, что не найдено в Белуджистане, – это города, но зато их было немало чуть восточнее, в Хараппе, расцвет которой приходится на период с 2500 по 1500 г. до н.э. А учитывая уникально высокий уровень городской культуры Хараппы, естественно предположить, что он не мог возникнуть мгновенно на пустом месте, следовательно, возможно, городская культура могла прийти в Хараппу из Белуджистана, где она, видимо, и зародилась изначально. Впрочем, это предположение пока не имеет археологических подтверждений.

Почему нам так важно точно определить области на планете, откуда стартовала Цивилизация? Для обычного подхода к истории это совершенно не принципиально. Но для "системной географии", в рамках логики которой мы строим нашу модель полушарий "мозга" Сверхцивилизации, если выяснится, что глобальные творческие импульсы, преобразующие облик человечества, исходят из особых срединных областей, занимающих промежуточное положение между западными и восточными полюсами отдельных культур, в этом случае можно будет сделать далеко идущие выводы.

Как уже отмечалось, цивилизация – это особая форма развития человечества, которая отличается от предыдущего его состояния по множеству признаков – сельскохозяйственный

Рис. 15. Белуджистан расположен также на оси Савицкого.

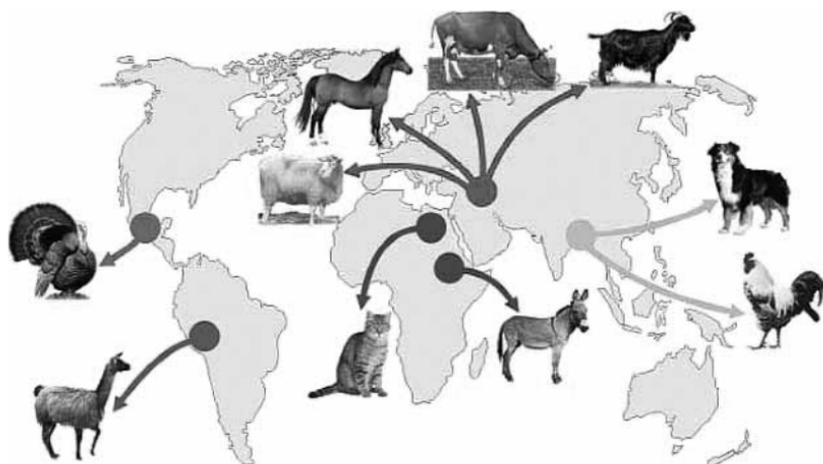

Рис. 16. Родиной первых и наиболее важных для животноводства домашних животных (коза, баран, корова и лошадь) является Иранское нагорье, которое расположено на оси Савицкого.

образ жизни (в отличие от прежнего, присваивающе-собира-
 тельского), появление письменности, общей для большей

части населения религии, городов и соответствующего городской жизни административного аппарата управления. Переход к цивилизации – самая первая социальная инновация общечеловеческого масштаба, комплексная реформа, которая и позволила человечеству окончательно выйти из своего животного прошлого. Очевидно, что цивилизация не могла возникнуть мгновенно, что все ее компоненты появлялись отдельно, обрабатывались и в определенный ключевой момент сложились в комплекс новой общественной жизни. Появление каждого из компонентов было отдельной большой инновацией. Скорее всего, сначала появились домашние животные, затем земледелие, позже возникли города, письменность и прочие атрибуты цивилизации. Как показывает археология, основной "пул" из домашних животных был создан на Иранском нагорье – в южной части срединной полосы (см. рис. 30). Первые приемы земледелия также возникли, скорее всего, в срединной полосе.

"Первые производящие культуры. Скотоводство и земледелие в некоторых районах Индостана появились довольно рано, в конце мезолита (ок. VI тыс. до н.э.), и получили широкое развитие в неолите. Например, имеются данные, что в долине Кветты в Белуджистане (Западный Пакистан) в неолите, ок. 5100 до н.э., выращивали пшеницу и ячмень. Возможно, был одомашнен крупный рогатый скот. Вероятно, в отдельных местах жители с помощью каменных дамб собирали или отводили воды сезонных паводков. Развитие неолитических культур на Индостане происходило неравномерно. Так, если в долине Инда уже ок. IV тыс. до н.э. существовали поселения оседлых земледельцев и скотоводов, то в Центральной и Южной Индии земледельческие культуры появились гораздо позднее".

<http://www.krugosvet.ru/articles/72/1007253/1007253a17.htm>

Остается нерешенным вопрос – где возникли первые города? Считается, что самыми древними городами являются Библ и Иерихон (7–6 тыс. до н.э.), но окончательно этот вопрос еще не решен. Возможно, что первые города появились также в Белуджистане, учитывая высокий уровень го-

родской культуры Хараппы, ведущей свое происхождение, по последним данным, именно от Белуджистана. Впрочем, можно отметить, что если первые города возникли все-таки не там, а в Палестине, то эта область также относится к срединной, она соединяет два крыла Запада – восточное и западное (см. выше).

Итак, если задаться вопросом – где были изобретены первые компоненты цивилизации, то самый вероятный ответ – в срединной полосе, в районе Ирана и Белуджистана. Но если задать другой вопрос – а где эти изобретения получили массовое внедрение, где они были превращены в "индустрию", то ответ будет другим – в долинах крупных рек, в первую очередь в долине Нила.

Нам же важно здесь отметить, что предположение о том, что развитие человечества шло по заранее составленному плану, в котором роль рационального компонента отводилась Западу, а роль иррационального – Востоку, находит дополнительное подтверждение в том, что между ними всегда была особая энергетическая зона – срединная полоса, в которой возникла первая крупная инновация человечества. Тот факт, что в настоящее время в России, которая находится в этой же полосе, наблюдается высочайшая активность творческой энергии человечества [1], можно интерпретировать таким образом, что человечество готовится к следующей крупнейшей инновации – выводу в космос промышленного производства.

Можно предположить, что возникновение цивилизации и ее дальнейшее развитие шло по принципу симметричного пространственного импульса. Вероятнее всего, главные инновации возникли в срединной полосе, затем они широко распространились как на запад, так и на восток. Можно предположить, что именно срединная цивилизация Белуджистана породила две цивилизационные ветви: одну на восток – Хараппа, Индия, Китай; другую на запад – Вавилон, Палестина, Египет.

Безусловно, это лишь предварительная гипотеза, но она имеет вполне понятную логику, в которой Цивилизация возникает в одном, наиболее благоприятном для этого месте, а затем распространяется в разные регионы, создавая два полюса – западный и восточный. С того времени, когда это рас-

щепление произошло, мир постоянно стремится к восстановлению единства. В частности, одним из главных мотивов похода Александра Македонского был мотив воссоединения Запада и Востока в единое целое. Как ни парадоксально, но таким же (пусть и подспудным) был главный мотив завоеваний Чингисхана, который пошел на это объединение уже с Востока. В прошлом веке, когда экспансия Запада на Восток достигла своего предела (Тоффлер, Фукуяма), многим показалось, что Запад навсегда победил Восток и в будущем гегемония рационального Запада продлится вечно. Это, безусловно, иллюзия. Оптимальным состоянием для всего мира является гармоничное сочетание западной и восточной ветви, а не доминирование одной из них. И такое оптимальное сочетание по своей сути должна обеспечивать срединная цивилизация, как бы она ни называлась в будущем.

Кстати, миграция арийцев с северо-востока в Индию шла, скорее всего, вдоль той же срединной полосы, и их приход в Индию – возможно, всего лишь один из актов перемещения срединной культуры арийцев с юга на север и обратно на юг. Поэтому вполне вероятно, что прогноз Савицкого в отношении перемещения столицы России в Нижнее Поволжье сбудется, и, более того, не исключено, что в конечном счете столицей срединной культуры через 500 лет станет какой-либо индийский город, расположенный на этой же оси, например Мумбай.

И еще одна любопытная закономерность: если продлить срединную линию дальше на северо-запад, то она пройдет не очень далеко от Нью-Йорка, столицы современного мира, нового Вавилона, в котором собран и Восток и Запад и в одном котле варятся народы всего мира. Впрочем, продление такого рода условных линий – процедура весьма спорная, ведь, скорее всего, "ось Савицкого" – всего лишь аппроксимация линии гораздо более сложного геополитического разделения. И пока от нас скрыта ее геологическая основа и всякого рода экстраполяции данной закономерности нуждаются в тщательном обосновании.

Если теперь от чисто географического расположения срединной территории перейти к ее культурным признакам, то необходимо признать, что функцию мозолистого тела выполняла, выполняет и будет выполнять арийская раса.

И можно предположить, что не арийская раса породила срединную культуру, а потенциал срединной культуры, системная необходимость в ней породила арийскую расу.

В настоящее время функцию срединной цивилизации выполняет Россия. Поэтому вполне закономерно, что на Россию оказывали сильнейшее влияние как Восток, так и Запад. Закономерно и то, что при этом Россия так и не стала ни Востоком, ни Западом, она сохранила свою срединную сущность даже после 90-х годов прошлого века, когда культурное, экономическое и политическое воздействие Запада стало тотальным и казалось, что Россия навсегда "уплывает" в западное цивилизационное пространство.

И в этой срединной устойчивости России нет ничего удивительного. Ведь если принять версию, что вся Цивилизация исходно складывается подобно мозгу человека в систему, в которой заранее заложено разделение на рациональный Запад и иррациональный Восток, а эти две полярные половины соединяются в целое срединной культурой, то никакое воздействие ни Запада, ни Востока не изменит ее срединной сущности. Как воздействие Запада не сделает Восток западным и наоборот. Первым на Западе это осознал Киплинг, сегодня это осознали уже и многие другие.

Если теперь перейти к ситуации взаимного влияния Запада, Востока и срединной культуры, то здесь ситуация гораздо сложнее. Для Срединной культуры важно быть одновременно западной и восточной, не теряя своего синтезирующего свойства. Чтобы приобрести свойства восточной культуры, необходимо прожить под мощным влиянием Востока, чтобы стать отчасти западной, нужно прожить под мощным влиянием Запада. Именно это, как известно, и происходило многие века с Россией. Поэтому можно предположить, что попеременное воздействие на ее культуру двух "полушарий" мира, воспринимаемое некоторыми российскими мыслителями болезненно, на самом деле – закономерный исторический процесс, высшей целью которого является как раз формирование полноценной срединной цивилизации. Поэтому если быть логичным, то необходимо понимать – без глубокого проникновения в культуру России как Запада, так и Востока миссию срединной культуры ей не выполнить.

Но любое воздействие имеет ответную реакцию, поэтому возникает вопрос, в чем же историческая роль срединной культуры в развитии того же Запада и Востока. Можно предположить, что она не просто служила мостом между двумя этими столь разными мирами, но и давала им импульсы целостного гармонического единства. Для этого срединная культура должна была с самого зарождения проникать в оба мира, пронизывать своими "корнями" все наиболее важные центры развития, как на Западе, так и на Востоке. В чем же сказывалось это проникновение? Может быть, в тех волнах вольной или невольной миграции ее населения, с генами которых на Запад и на Восток уходили искорки творческого характера?

Насколько обоснованно предположение о том, что сегодня именно Россия может выполнять роль срединной культуры? Этот вопрос неоднократно рассматривался в книгах автора [57; 61; 66]. Здесь мы лишь вкратце затронем данную тему.

Россия как цивилизация зародилась под воздействием восточной окраины европейской цивилизации. Торговая деятельность варягов, которые искали обходные пути по восточным окраинам Европы, и культурное воздействие Византии (восточного крыла Античной цивилизации) – вот те факторы, которые привели к возникновению новой цивилизации. Первое время Русь в западной Европе воспринимали как свою восточную окраину, но через несколько столетий полярность воздействия изменилась на 180 градусов. Русь стала западной окраиной Монгольской империи, и более 200 лет ее развитие происходило под мощнейшим влиянием Востока. К 1500 г. это влияние сильно уменьшилось, Россия, пройдя через полосу смут и колебаний в выборе дальнейшей модели развития, постепенно стала приобретать центристские, срединные свойства. Это был первый проблеск осознания своего особого положения в мире, и недаром именно в это время родилась известная формула "третьего Рима". Но для окончательной стабилизации в срединном статусе новой цивилизации историческая ситуация в тот момент еще не сложилась – рядом начинался мощный пассионарный подъем Европы, который к концу XVII в. достиг такого уровня, что не считаться с ним стало невоз-

можно. Петр I понял это прекрасно, поэтому резко изменил геополитический курс России, повернув ее вновь к Западу. И 200 лет после этого Россия вновь считалась восточной окраиной Европы, заблудшей и отставшей "овцой", которую необходимо наставить на путь истинный, что попытался, в частности, сделать Наполеон.

Однако уже в XIX в. в России стало нарастать понимание того, что это не так, что Россия – отдельная от Европы, самостоятельная цивилизация. Наиболее явственно эту идею сформулировал П. Данилевский [24]. Этот вывод подтвердила сама история, когда после крушении царизма буржуазный (европейский) путь, казавшийся единственно логичным, вдруг (для западников) был практически мгновенно отвергнут (крах буржуазной революции), и на вооружение была принята враждебная существовавшему в Европе порядку коммунистическая идеология. И хотя она родилась в Европе, и ее автором был немецкий еврей, который создавал ее в первую очередь для Запада, она все-таки в своей основе была во многом восточной идеологией. И недаром эта идеология до сих пор живет в Китае, который насквозь пропитан генами социализма. Принятие коммунистической идеологии позволило России в очередной раз сыграть роль срединной цивилизации, теперь уже в XX в., так как эта идеология надежно защитила страну от "дружбы" с Западом и сделала ее союзниками многие восточные страны, в первую очередь Китай.

Ничего другого в XX в. Россия и не могла принять. Своей идеологии, собственного мировоззрения она к XX в. еще не выработала (история показывает, что собственная идеология появляется лишь на третьем этапе развития цивилизации [69]). Плестись же в хвосте Европы в качестве сырьевого придатка для молодой и самостоятельной научной цивилизации было неприемлемо, ибо это закрывало путь к независимому развитию. Поэтому одной из причин принятия Россией коммунистической идеологии было стремление обособиться от доминирующего влияния Запада, вследствие чего она и приняла модель развития, в которой причудливо сочетались коммунистические идеи всемирного интернационального единства, общинной (по сути, восточной) структуры общества и глубинное ощущение уни-

кальности своей культуры как носительницы некоторой особой миссии мирового масштаба.

Руководство СССР быстро осознало, что одними идеями свое особое положение в мире не отстоишь, нужна техническая база. Но превращение страны в промышленную уперлось в гигантскую инертность крестьянских масс (более 90% населения России), которые не были готовы к тому, чтобы переселяться в города и менять общинную жизнь на фермерскую (последнюю пытался внедрить по прусскому образцу еще Столыпин). Более того, чтобы сохранять свою независимую цивилизационную линию развития, России необходимо было создать техническую базу, копируя ее полностью у враждебного Запада. Потребовались титанические усилия, которые привели к тому, что прыжок в индустриальное западное существование Россия совершила под деспотичным управлением (парадокс!) восточного типа. Сталин смог сделать то, что не могли сделать слабенькие буржуазные силы России, — он превратил Россию в западную по экономической основе страну, организовав ее жизнь опять же по западным лекалам (теория коммунизма пришла из Европы), но на восточный манер. Однако длительное копирование западного способа производства не могло не привести в конечном счете общество и к политическим изменениям в сторону Запада. Поэтому влияние Востока с его общинным (социалистическим и феодальным одновременно) стилем жизни было отброшено к концу XX в., и Россия в 90-х годах предприняла вторую за столетие (и четвертую за всю историю) попытку пойти по западному пути развития. Но тут в который раз проявилась срединная основа России. Западные рецепты не дали ей гармоничного развития, выбор этого пути привел к чудовищному социальному напряжению между основной массой населения и прозападной верхушкой. Осознавая опасность такого перенапряжения, политическая элита России постепенно стала корректировать курс страны, стремясь вывести его на срединную линию, линию баланса между Западом и Востоком. Отсюда популярность в последнее время евразийских идей в российской правящей элите, повышенное внимание к Китаю, восстановление дружественных отношений с арабским миром, уже осязаемые признаки несогласия с Западом, четкая

позиция протеста против монополярного (американского) мира.

Можно ли будет в ближайшем будущем удержать курс России *точно* между двумя полюсами? Вряд ли... Главных причин как минимум две. Во-первых, еще не оформился восточный полюс силы – Китай. Биполярного равновесного мира пока еще нет, поэтому влияние Запада на Россию гораздо сильнее, чем влияние Востока. Вторая причина в том, что собственные геополитические силы России как срединной культуры еще недостаточно сильны. Россия пока не сформировалась как срединная цивилизация, все еще впереди. Согласно оценкам автора, это произойдет примерно через 150–200 лет. А до этого момента России предстоит лавировать между Западом и Востоком в соответствии с изменением их общемирового влияния. И в России попеременно будет доминировать то западная модель развития, то восточная. Но в целом Запад, видимо, будет оказывать влияние более сильное, так как в настоящее время именно западная ветвь Цивилизации лидирует в развитии человечества. Более того, по прогнозам автора [69], в ближайшие 500 лет миром в целом будет править Североатлантическая мировая империя (аналог Римской империи), поэтому не считаться с ее влиянием будет просто невозможно. И задача России в этой ситуации не противостоять Западу, а позиционировать себя как промежуточную цивилизацию между Западом и Востоком.

Кстати, срединное положение России аналогично срединному положению Палестины в далеком прошлом – между западным Западом (Египтом) и восточным Западом (Вавилоном), а также срединному положению античной цивилизации, которая впитала в себя культуру как Египта, так и Вавилона. И как показывают некоторые исторические и культурные исследования, в этой общности есть нечто большее, чем простая аналогия.

"В Древней Европе физическое и культурное разрушение обществ неолита, поклоняющихся Богине, также начинается в пятом тысячелетии до н.э., во времена Первой Курганской волны, по выражению Гимбутас. "Благодаря датировке радиоуглеродным методом сейчас можно просле-

дить несколько миграций степных скотоводов, или "курганского" народа, которые пронесли по доисторической Европе", – сообщает Гимбутас. Эти повторяющиеся нашествия и последующие культурные шоки, а также перемещения населения были сосредоточены в трех больших потоках: первая волна – 4300–4200 годы до н.э., вторая волна – 3400–3200 и третья волна – 3000–2800 годы до н.э. (даты выверены дендрохронологическим методом).

"Курганцы" принадлежали к племенам, которые ученые называют индоевропейскими, или арийскими, и которые в наше время Ницше, а затем Гитлер провозгласили единственной истинно европейской нацией. В действительности они не были европейцами по происхождению, так как пришли с северо-востока Евразии. Не были они и индийцами, до арийского вторжения в Индии жил другой народ, дравиды.

Однако термин "индоевропейцы" остался. Он относится к длинной череде вторжений кочевников с севера континента. Возглавляемые сильными жрецами и воинами, они принесли с собой мужских богов войны и гор. Арийцы в Индии, хетты и митанне в Месопотамии, лувийцы в Анатолии, курганцы в восточной Европе, ахейцы и позднее дорийцы в Греции постепенно насаждали свою идеологию и стиль жизни на завоеванных территориях.

Были вторжения и других кочевников. Наиболее известен семитский народ, который мы называем еврейским, пришедший из южных пустынь и вторгшийся в Ханаан (позднее названный Палестиной по имени филистимлян, одного из проживавших на этой территории народов). Нравственные принципы, которые мы связываем с иудаизмом и с христианством, и акцент на стремлении к миру, делаемый во многих современных церквах и синагогах, как-то заслонили от нас то обстоятельство, что первоначально древние семиты были воинственным народом, предводительствуемым кастой воинов-жрецов (левитское племя Моисея, Аарона и Йешуа). Как и индоевропейцы, они тоже принесли с собой жестокого и злого бога войны и гор (Иегову, или Яхве). И постепенно, как читаем в Библии, тоже насаждали свою идеологию и стиль жизни на захваченных территориях и среди покоренных народов.

Это поразительное сходство между индоевропейцами и древними евреями привело к заключению, что у них могут быть некие общие истоки или, по крайней мере, какие-то элементы взаимного культурного проникновения. Но важны даже не эти ненайденные кровные или культурные связи. Важно то, что определенно объединяет эти народы: структура общественной системы и идеологии.

У них было две общих черты: первая – общественная система, в которой мужское господство, мужское насилие и иерархическое и авторитарное строение общества были нормой, и вторая – в отличие от обществ, заложивших основу западной цивилизации, типичным способом получения материальных богатств здесь было развитие не технологий производства, а все более эффективных технологий разрушения”.

<http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=450&page=13>

Общность культуры арийцев, хеттов, митанн, лувийцев, курганцев, ахейцев и позднее дорийцев с семитской культурой, отмеченная в приведенной цитате, может быть, и не столь глубока, как представляется автору цитированной работы, но возникает любопытное предположение. Возможно, что некий *срединный дух*, родившийся где-то в пределах срединной полосы (вдоль "оси Савицкого"), породил различные народы, которые объединяло универсальное (восточно-западное) отношение к жизни, породил срединные культуры разных масштабов, активизировавшихся в разные эпохи в различных местах, но все – в пределах этой полосы. В разные эпохи, в разных условиях они выполняли различные функции в развитии человечества, но объединяло их одно – стремление к соединению западной и восточной ветвей, какой бы мощи они ни были и на какой бы территории это ни происходило. Кроме того, все срединные народы и культуры объединяло стремление к творчеству, к развитию общества, постоянный "бег от застоя", желание продвинуть мир на очередную ступень развития.

Поскольку положение России напоминает положение Израиля в Палестине, когда он оказался под попеременным влиянием западно-западной (Египта) и западно-восточной (Вавилона) цивилизаций, то возникает вопрос, сумеет ли Россия выдержать это попеременное давление, как его вы-

держал в свое время еврейский народ? Ведь через Израиль прокатывались волны влияния то с Запада, то с Востока, его тянули в свои союзники и египетские фараоны, и вавилонские цари. И во время столкновений этих двух мощных цивилизаций еврейской цивилизации доставалось с обеих сторон. Но именно это жесткое воздействие двух полюсов и сделало еврейскую цивилизацию через некоторое время *матрицей* Запада. Сделает ли такое же попеременное воздействие Запада и Востока из России истинно срединную цивилизацию? Сможет ли Россия, пройдя через множество волн полярного воздействия, не разрушиться как культура, а сформироваться как "мозолистое тело" Ноосферы?

Фантазия № 3

Все, что происходит в истории человечества, имеет по крайней мере двойной смысл. Первый – прагматичный и объяснимый простыми причинами. Второй – высший, который остается тайным для большинства людей. Тайный смысл истории – это ее божественный текст, который мы еще не научились читать. Он есть во всем, в каждом действии каждого человека на земле. Но события имеют свою иерархическую структуру. Есть события мелкие, а есть события эпохальные, в которых заключена огромная информация.

Так, например, плавание Одиссея было для греков просто приключением одного из своих представителей. Но для истории это было знаком судьбы – создать в Италии (куда плавал Одиссей) через 1000 лет величайшую империю мира – Римскую империю.

Другой пример – полет в космос Гагарина. На первом плане – это успех советской техники и народа. Но на втором плане это же событие имеет символический смысл – это подсказка, согласно которой именно России предстоит возглавить выход человечества в космос, в новую среду обитания.

Аналогичные подсказки разбросаны по всем произведениям культуры. В том числе и по фильмам. Безусловно, есть фильмы проходные, хотя и они несут на себе символическую печать, которую можно прочесть при правильном понимании этой проблемы. Но есть фильмы знаковые, которые несут в себе ключевую информацию.

Одним из таких знаковых фильмов стал "Пятый элемент". Если убрать спецэффекты и игру актеров, то остается сухой идеологический остаток.

Миру угрожают силы хаоса, силы уничтожения. Из более развитой цивилизации (судя по тому, кто им помогает на Земле, — от высших сил) на Землю спешит помощь. Но миссия терпит катастрофу при приземлении. Западная цивилизация, достигшая небывалого технического развития, возрождает это неожиданное послание в лице уникальной красавицы. Но та сбегает от технократического общества, которое заражено вирусами сил деструкции. Ей нужно встретиться с тайными служителями вечной силы добра, ибо только они могут помочь осуществить эту миссию. Все заканчивается победой сил добра над силами разрушения в последнюю секунду. Технократический мир при этом служит лишь фоном и безучастно наблюдает за этой борьбой.

Теперь дадим этому сюжету расшифровку. Спасительницу мира не случайно играет славянская актриса — Мила Йовович. Именно славянская раса может спасти весь мир в будущем от грядущей катастрофы, от хаоса разрушения. Технократический мир Запада слишком заражен изнутри вирусом этого разрушения, чтобы он смог ему противостоять. Западный мир может лишь наблюдать и отчасти помогать. Суть спасения — собрать воедино четыре элемента мира — воздух, землю, воду и огонь. Причем окончательная сборка возможна лишь благодаря одухотворенному акту со стороны пятого элемента — жизненной силы.

Наша интерпретация. Четыре элемента — это четыре древние философские системы. Египет — воздух, Вавилон — вода, Китай — земля, Индия — огонь. Собрать их вместе и пустить луч света в космос (выход в космос) может лишь пятая цивилизация — Россия.

Пять элементов вместе создают известный в математике симплекс четырехмерного пространства с пирамидкой, который на плоскости превращается в известный символ. Этот символ наполнен золотым сечением — сотни пропорций, которое является главным математическим символом биологической жизни (и жизни вообще).

Спасительница (Россия) сначала терпит аварию (катастрофа России в конце XX века), но с помощью Запада она воскрешается (Запад будет активно участвовать в восстановлении экономики России, ибо только вместе с ней он сможет противостоять

грядущей экологической катастрофе). Но после воскрешения Россия уходит от контроля Запада и идет своим путем, ибо в Западе таится вирус разрушения (потребительское общество). Ей помогают простые люди Запада (актер Брюс Уиллис), а также древние тайные силы мира, которые ждут ее прихода и готовы к нему (все те мыслители, которые живут вне западных идеологических рамок). России, чтобы спасти весь мир, необходимо собрать вместе все компоненты четырехмерной конструкции, для этого ей необходимо оживить философские системы Египта, Вавилона, Китая и Индии и вдохнуть в них жизнь...

Вот такая фантазия...

Кроме чисто соединительной, гармонизирующей роли мозолистое тело выполняет в мозгу человека еще одну весьма важную функцию – творческую.

Творческая функция срединной культуры

Вернемся к известной гипотезе К. Сагана о том, что наиболее творческие создания культуры являются результатом совместной работы правого и левого полушарий, что "человеческая культура является функцией мозолистого тела". Если опираться на эту гипотезу, то, используя аналогии, можно предположить, что человеческая Цивилизация была изобретена именно срединной культурой. А из этого предположения следует три вывода. Первый – центр первичных инноваций в любых областях должен находиться во все времена на местах срединных культур (пространство вокруг оси Савицкого, Палестина, Тибет и т.п.). Причем наиболее глобальные инновации должны были рождаться на срединной территории. Второй – все наиболее инновационно активные процессы на земле имеют в своей основе корни, уходящие в срединную культуру, возможно, в арийскую расу. Третий – все малые инновации осуществляют в любых культурах и народах представители именно срединной культуры, носители ее генетических корней.

Исходя из этих предположений возникает весьма любопытная картина инновационных процессов в ходе развития человечества. Самые глобальные инновации рождались на

территории срединной культуры (полоса вдоль "оси Савицкого"). В частности, зарождение фундаментальных основ цивилизаций (переход от потребительского к сельскохозяйственному обществу) происходило на территории, близкой к Белуджистану.

Инновации масштабом пониже зарождались на срединных территориях внутри Запада и Востока. В частности, возможно, такие элементы цивилизаций, как торговые города, родились в Палестине.

Инновации совсем мелкие рождались в разных местах земного шара благодаря активной деятельности людей, в генах которых были элементы срединной культуры. При этом центры активной инновации так или иначе находились на перекрестье локальных западно-восточных связей.

Сегодня это предположение подтверждается примером России, которая, несмотря на развал экономики, по данным Всемирного экономического форума [1] все равно занимает 6-е место в мире по количеству произведенного инновационного продукта. При этом расчеты не учитывают еще трех факторов – роль эмигрировавших из России ученых, вывозимых из России "в темную" инновационных разработок и уровня самих разработок. Можно предположить, что если оценивать именно фундаментальные инновации и учитывать роль мигрантов и работ, выполненных в частном порядке, то место России в инновационном процессе вполне может оказаться первым. А если учесть, что в генах многих ученых и изобретателей так или иначе присутствовали, в частности, славянские элементы (например, Тесла, Пригожин и др.), то доля изобретательской активности срединной культуры вырастет в еще большей мере.

Следовательно, есть нечто общесистемное во всех этих фактах. Поэтому вопрос о творчестве следует рассмотреть отдельно.

Философия творчества

В связи с поднятым вопросом о роли срединной цивилизации и ее предполагаемой творческой особенности необходимо попытаться дать системное определение творчества.

На первый взгляд в этом вопросе все очевидно и прозрачно. Но есть два аспекта, которые нуждаются в детальном рассмотрении.

Прежде всего следует отметить, что созидательный акт и акт разрушения – две стороны одной медали. Невозможно создать что-то новое, не разрушив старого. Если мы строим новый дом, то должны расчистить площадку от старых построек или от прежнего ландшафта – срубить деревья, снять плодородный слой и т.п. Если мы выдвигаем новую парадигму, то разрушаем старую. Например, теория Коперника отвергла систему Птолемея. Эта особенность творческого процесса проявляется не только в деятельности человека, но и в космических масштабах. Взрыв Сверхновых вызывает сжатие газово-пылевых облаков, в результате рождаются новые звезды.

Аналогично и обратное. Если только разрушать, то любая система самоуничтожится. Поэтому любое разрушение должно завершаться актом созидания. И в этом плане очень характерны слова известной песни: "Мы старый мир насилия разрушим до основания, а затем, мы наш мы новый мир построим..."

Следовательно, творчество в любом его проявлении невозможно без разрушения. Другой вопрос – сочетаются ли в одной личности обе стороны этого процесса? Возможно, что созидатели активизируются после того, как поработают разрушители, которые расчищают площадку от старых форм. Если это так, то созидательная и разрушительная деятельность идут бок о бок, но не смешиваются в одной и той же личности. Впрочем, если разбирать конкретные примеры, то вопрос повисает в воздухе. Например, Цезарь, который разрушил прежний уклад Рима и разгромил всех своих врагов в гражданской войне, под конец жизни за несколько лет заложил правовые основы империи, которые просуществовали 500 лет в Риме и еще 1000 лет после этого в том или ином виде в Византии. Сам ли Цезарь создал эти системы или он нашел творцов и дал им задание построить нечто новое на месте разрушенного? Можно предположить, что такое разделение творческого процесса на разрушительную и созидательную фазу характерно и для целых культур. Например, Чингисхан прошелся по Старому Свету, сметая

на пути прогнившие феодальные системы Востока [84]. Но за его спиной созидательной деятельностью занимался Елюй Чуцай, которого Чингисхан из пленного китайского мудреца превратил практически в своего канцлера, который организовал административную и финансовую части империи. Монгольские войны разрушали старое, а китайские мудрецы за ними вслед создавали новое.

Поэтому приведенные выше исторические аналогии по поводу агрессивности арийской культуры следует дополнить тем, что в ней всегда присутствовало две ветви. Одна агрессивная, кочевая, наступательная, другая – созидательная, спокойная и мирная. И недаром, видимо, именно поэтому в Индии на базе арийской культуры возникла религия индуизма, в которой созидание (Брахман) и разрушение (Шива) почитаются одинаково, где возникла философия буддизма, в которой вообще отрицается привязанность к каким-либо формам материи. Бог Шива в индуизме имеет не менее десяти манифестаций, из которых наиболее важные две: Махадева – причина и источник мира, идентифицируемый с Брахманом, и Махакала – бог разрушения и смерти (*рис. 17*). И поэтому вывод автора приведенной выше цитаты об исключительно разрушительной функции семитской и арийской культуры отражает лишь половину истины. Вторая половина заключается в том, что арийская культура как культура срединного типа несет в себе и творческое начало.

Надо отметить, что любое рассмотрение какой-либо расы или нации только с одной позиции и вне исторического глубокого контекста является очень рискованным, так как приводит обычно к неверным вводам и оценкам. Исторический процесс развития человечества, с моей точки зрения, глубоко логичен, и лишь ограниченность нашего ума и общее невежество приводит нас часто к поверхностным оценкам и выводам. Проблема этих ошибок кроется чаще всего в отсутствии системного подхода к истории, в одностороннем предвзятом отношении, в выпячивании какой-то одной особенности или функции развития и пренебрежения остальными гранями исторического бытия человечества. Увы, такова в большей части современная идеология. И необходимо, чтобы прошло немало лет, прежде чем истинно системный взгляд на историю позволит увидеть ее высшую логику.

Рис. 17. Разрушающий все миры танец Шивы.

Вернемся, однако, к собственно творческому, созидательному процессу.

Начнем с того, что новое знание не может появиться в результате формального процесса мышления. Новое знание появляется только в результате озарения, в результате нелогического процесса. Более того, оставаясь в рамках строгой логики, можно получить даже абсурдные (с точки зрения здравого смысла) выводы, можно доказать, что черное – белое и наоборот. Одним из примеров таких логических ловушек являются апории Зенона. Формальные рассуждения всегда проходят в рамках уже известных истин, т.е. в замкнутой сис-

теме. Любая замкнутая система по определению уже не может содержать в себе ничего нового, так как это новое размыкает ее, делает ее открытой⁽⁴¹⁾. Следовательно, левое полушарие не может творить, но оно участвует в творчестве, *формулируя проблемы*, решение которых требует творческого акта.

Предположим теперь, что за творческий процесс ответственно правое интуитивное, иррациональное полушарие. Ведь именно через него, погружаясь в некое мистическое состояние, человек открывает какие-то новые знания. Не даром же для того, чтобы погрузиться во вселенский информационный поток, восточные мистики практикуют глубокую медитацию, одним из важнейших элементов которого является полное отключение сознания (т.е. работы левого, рационального, полушария). Здесь можно попасть в другую ловушку – спутать получение новой информации с актом творения. А это далеко не одно и то же, ибо новые знания не всегда ведут к творческому преобразению мира.

Рассмотрим простой пример. Уподобим на некоторое время человечество детишкам, которые играют в песочнице⁽⁴²⁾. Построенные из сухого песка различные формы постоянно рассыпаются. Один из малышей в конце концов ставит задачу – сделать песок более стойким. Два мальчика, которые оказались самыми развитыми и умели читать, взялись решить проблему радикально с помощью нового знания. Они побежали в детскую библиотеку и стали искать в ней информацию

---

41 Безусловно, данный вывод не означает абсолютной бесплодности логических рассуждений и логики как таковой вообще. Путем перестановки местами известных истин, созданием методом комбинаторики из них новых конструкций и т.п. формальных процедур можно всегда упорядочить известную область знаний, сделать ее более удобной для понимания и использования. Следовательно, формальные рассуждения позволяют оптимизировать имеющиеся знания. И очевидно, что именно благодаря формальным процедурам можно обнаружить так называемые парадоксы – локальные области знания, которые не соответствуют действительности. Таким образом, именно формальные процедуры позволяют обнаружить слабые места в системе знаний, а следовательно, в системе общей жизнедеятельности общества.

42 Такое сравнение корректно потому, что развитие человечества постоянно ведет его к новым знаниям и возможностям, а старые знания и возможности воспринимаются со временем буквально детскими. Следовательно, любые знания об окружающем мире относительны и соответствуют нашим возможностям на данном этапе развития.

для решения этой актуальной проблемы. Один из них прочитал, что куличики из песка можно сделать более прочными, если песок предварительно смочить. Другой забрался в литературу посерьезнее и вычитал, что песок можно упрочнить до состояния камня, если смешать его не только с водой, но и с цементом. Оба мальчика с криком "Эврика!" вернулись в песочницу. Спрашивается, чей вариант будет принят детишками? Ответ очевиден – тот, который проще, в котором нужно всего лишь полить песок водой из соседней лужицы. Добыть цемент и научиться делать из него раствор, лепить затем из этого раствора формы – это избыточно сложная информация для детской песочницы. Более того, поскольку проверить эту информацию дети не могут, они будут с недоверием слушать второго мальчика, а может быть, даже объявят его фантазером и выгонят из своей компании. И он уйдет от них в слезах и будет думать, что нет пророка в своей песочнице.

Этот простейший пример приведен для того, чтобы проиллюстрировать очевидную истину – познание бесконечно и информационный океан знаний не имеет границ. Поэтому проблема творческого процесса стоит не только в получении нового знания, а еще и в том, чтобы получить именно то знание, которое на данном этапе развития способно помочь *реально* решить назревшую проблему, реально продвинуть общество на очередную ступень развития.

История науки полна примеров того, как преждевременные открытия оставались не востребованными и даже жестко критикуемыми на протяжении тысячелетий. Наиболее яркий пример – гелиоцентрическая модель Солнечной системы. Известно, что первым ее ясно сформулировал Аристарх Самосский в III в. до н.э., за 1800 лет до Коперника. А приняло ее человечество окончательно лишь в XIX веке, т.е. спустя более чем 2000 лет! Причем кроме Аристарха Самосского к этой же идее приходили: Пифагор (VI в. до н.э.), Чжан Хэн (I-II вв. н.э.), Арьябхата (V-VI вв. н.э.), Бируни (X-XI вв. н.э.).

Сегодня мы наблюдаем реабилитацию других древних идей. Как оказалось, многие современные космологические представления о Вселенной оказались удивительно близки к той модели, которую более 2000 лет назад "открыли" индийские философы, а современная микрофизика вплотную подошла к теории мира, которая уже более 2000 лет извест-

на китайской философии [25]. Спрашивается, как древние мыслители могли открыть то, что стало доступно пониманию лишь в XX в.? Ведь современная наука приходит к этим теориям, опираясь на наблюдения, в которых используются очень мощные телескопы, а микрофизика пришла к своим новейшим представлениям, анализируя данные, полученные на гигантских ускорителях. Очевидно, что ничего этого не было ни у индийцев, ни у китайцев, ни у Аристарха Самосского. Откуда же они тогда получили эти знания? Единственный, на мой взгляд, разумный ответ заключается в том, что во Вселенной есть некое информационное поле, в котором уже записаны все знания о мире, причем как прошлые, так и будущие. Ибо знания любого уровня – это всего лишь некоторое упрощенное, схематическое представление об истинных природных процессах. Почему бы не предположить, что кроме реальных физических процессов во Вселенной есть место и неким виртуальным процессам, которые имеют чисто информационную природу? Если человечество изобрело способ упрощенного представления о физике мира, то почему мы лишаем такой возможности Творца Вселенной?

Человек – как часть Вселенной, как ее мыслящая субстанция – неизбежно должен быть связан с этим информационным полем. При этом у любого человека при общении с этим полем возникает три существенные проблемы. Первая, как туда проникнуть, вторая – как выбрать из всего многообразия различных схем и моделей ту, которая наиболее полезна. И третья – как оттуда вернуться в обычный мир, не повредив по пути собственное сознание. Невольно приходит на ум известная сказка об Али-Бабе и сорока разбойниках, который, попав в пещеру с сокровищами, должен был выбрать там только одну вещь – лампу Алладина. Помните, ему запрещалось брать там что-либо другое! Трудно попасть в пещеру информационных сокровищ, очень трудно найти там нужную информацию и крайне трудно успеть выйти оттуда до того момента, как пещера не закроется навсегда или туда не придут злые разбойники, которые отрубят тебе голову (что по сути дела символизирует безумие).

Следовательно, творчество и познание нового – не одно и то же. Узнавая мир, мы его не преобразуем, а лишь лучше понимаем. Творческий процесс предполагает преобразование

мира на базе новой информации, но и новая информация – лишь часть необходимых предпосылок для творчества. Причем далеко не всякая новая информация полезна человеку, а лишь та, которая позволяет ему реально увеличить свои возможности и решить актуальные проблемы. Следовательно, для творческого акта человеку необходимо проникнуть во вселенскую информационную базу не просто так, не ради постижения абсолютного знания (которого просто нет), а с четко сформулированным заданием.

Поэтому для начала позитивного творческого процесса нужны как минимум два исходных компонента: четкая задача, решение которой стало предельно актуально для общества, и возможность получить из бесконечного информационного вселенского источника информации новые знания, которыми ранее общество не обладало. Поэтому никакая новая информация не может быть полезной до тех пор, пока ее потребность не становится крайне актуальной. И если завтра к нам прилетят инопланетяне и сообщат о том, как создавать новые звезды, мы не сможем воспользоваться этой новой информацией, и она не приведет к творческому процессу.

Внешнюю потребность (и оценку возможности) определяет левое рациональное полушарие человеческого мозга. Новую (действительно новую) информацию добывает из информационного поля Вселенной правое полушарие. И вот здесь-то становится понятным, почему за творческую способность ответственно мозолистое тело, ведь именно оно регулирует взаимодействие двух половинок мозга. Именно в мозолистом теле могут только и сойтись эти два важных компонента творчества – актуальная задача (из левого полушария) и новая информация (из правого полушария). Каждая из половинок мозга работает по-своему. Левая рационально оценивает мир, определяет его количественные характеристики, делает расчеты, при этом она отбрасывает все неопределенное и неясное. Правая воспринимает мир через интуицию, видит в мире нечто таинственное и неопределенное, некое колебание среды⁽⁴³⁾.

---

⁴³ Кстати, если говорить о том, какая из половинок мозга воспринимает в первую очередь среды, а какая – объекты, то ответ лежит на поверхности. Правая часть мозга видит во всем среды, а левая – объекты. Именно поэтому на Западе доминируют объекты, а на Востоке – среды.

В принципе, если мир достаточно комфортен и избыточен для человека, потребность в творчестве не возникает. Познание и преобразование мира для человека сопряжено с необходимостью решения каких-либо назревших проблем. Поэтому очень важно, чтобы эти проблемы были четко и ясно осознаны, сформулированы. Ибо от четкости постановки задачи зависит и успех похода за новыми знаниями в бесконечную информационную библиотеку Вселенной.

Если за творческие процессы действительно отвечает срединная часть мозга, то вполне логично предположить следующее. Интуитивная правая его половина сохраняет постоянную связь со вселенским источником информации, в котором есть информация всех видов. Но поскольку человек развивается постепенно, ему нужны не все знания сразу, а в каждый конкретный момент развития – только определенная их часть. Поэтому правое полушарие, хотя и способно выйти на самые сложные знания мира, этого не делает до тех пор, пока не получит "заказ" на конкретную информацию. Человечество развивается постепенно, и поэтому ему нужны на каждом этапе вполне определенные знания. Получение этих знаний по заданию левого полушария (формализующего ситуацию в деятельности человека) от правого, которое способно выйти на любой уровень вселенских знаний, координирует срединная часть – мозолистое тело. Именно **на стыке реальных задач и новых знаний происходит акт творчества.**

В этой модели левое полушарие, рационально оценивающее мир, выявляет его недостатки и слабые места. Оно формулирует исходную цель и посылает ее через мозолистое тело в правое полушарие. Правое полушарие постоянно связано с информационным полем, но не погружается в него до тех пор, пока не получает задание от левого полушария. И поскольку творчество в его истинном прагматичном смысле – это всегда акт взаимодействия левого и правого полушарий, то за него может отвечать лишь срединная часть мозга – мозолистое тело. И поэтому гипотеза Карла Сагана весьма логична и, скорее всего, верна.

Рациональное мышление решает задачи выживания человека в природной и социальной среде, используя ранее полученные знания до тех пор, пока не заходит в тупик. Оно

осознает тупик и отсутствие средств к выходу из него как кризис, формулирует проблему. Затем включается в работу правое полушарие, через которое человек погружается в глубины вселенского информационного моря и возвращаясь оттуда с самыми разными решениями. Часть этих решений оказывается неверной, часть – неосуществимой, и только одно решение актуально и правильно. А поскольку за взаимодействие правого и левого полушарий отвечает срединная часть, мозолистое тело, то именно оно и является главным оператором творчества.

Эта аналогия ведет нас к очень интересным выводам. Западная культура, отвечая за деятельную формальную внешнюю сторону развития человечества, в целом способна лишь к комбинаторике, зато она лучше восточной может ставить четкие практические задачи. Восток же вообще не ставит перед собой задачу преобразования окружающего мира, он погружен в океан вселенского бытия и вынужден меняться в основном под воздействием активного Запада. Осознание глубин вселенского бытия приводит Восток к созданию систем, подобных индуизму, в которых одновременно живут все уровни знания о мире, от самого примитивного язычества и тотемной философии, до бесконечных глубин постижения тайн Вселенной в образе Брахмана. Таинственная глубина нирваны или Брахмана содержит в себе сразу весь мир, сразу все знания всех уровней. Но актуальное использование этих знаний для Востока невозможно без помощи Запада. Поэтому Восток, который всегда был глубже Запада, развивается постоянно в позиции догоняющего. И если бы не импульсы со стороны европейской цивилизации, то, например, Индия так до сих пор бы и оставалась страной раджей и слонов, в которой бесконечно мудрые брахманы и йоги знали о Вселенной почти все, а крестьяне так и продолжали ковырять землю мотыгами.

Сочетание же в себе одновременно глубины Востока и прагматизма Запада несет в себе срединная культура, которая за всю историю человечества могла воплощаться в разные этнические и национальные формы, в виде отдельных народов блуждавшие по миру, все время оказываясь в фокусе взаимодействия между Западом и Востоком. Представители этой срединной культуры, будучи рассеяны

по всему миру, становились творцами в любой цивилизации Запада или Востока. Но так же как истинное творчество возможно лишь через активную работу мозолистого тела, так же и необходимо признать, что глобальное творчество цивилизации возможно лишь на пересечении двух полярных миров, а это пересечение исходно лучше всего осуществляется либо народами срединной культуры, либо отдельными ее представителями, либо генетически связанными с ними личностями.

Рациональный Запад создал массовое конвейерное производство, максимально далеко отстоящее от творчества, ибо любые отклонения от технологического процесса вызывают в нем сбой (даже если эти отклонения ведут к локальному улучшению). Да, конвейер постоянно совершенствуется, но в процессе налаженного производства любые изменения являются нарушением технологического процесса. В целом творчество в процессе производства является недопустимым. И наверное, поэтому конвейерное производство, монотонный труд так невыносимо тяжок для творческих натур и так плохо приживается в срединных цивилизациях, в частности в России [61].

Интуитивный Восток при этом долгие тысячелетия оставался сельскохозяйственным, ведь сельский труд – это всегда общение с природой, а она живая и неповторимая. На Востоке при этом получили мощное развитие всевозможные религиозные и мистические течения. На Востоке путь до вселенского информационного поля гораздо короче, но путешествия туда носят не столько творческий, сколько познавательный характер.

Индийский путь к Сверхцивилизации

Рассмотренные аналогии между структурой головного мозга и структурой цивилизаций Старого Света, безусловно, не исчерпываются тремя системами (рациональной, интуитивной и творческой). Мозг человека устроен гораздо сложнее, и возможно, что история Цивилизации в ее исторической ретроспективе всего лишь повторяет формирование головного мозга. В этом случае возникает вопрос о глу-

бине этой аналогии. Целесообразно ли пытаться продолжить это сравнение и искать в дальнейшем сопоставление тех или иных культур с различными отделами головного мозга? При этом особый и очень интересный вопрос возникает о том, какую именно культуру можно сопоставить с какой частью головного мозга, которая играет в его работе отдельную, интегрирующую роль:

"Нет никаких оснований считать, что кора головного мозга состоит из различных слоев со специфическими первичными функциями, такими, как рецепция, ассоциация и проекция. С функциональной точки зрения они представляют собой целостную систему..." [100, S. 301].

Вопрос о том, какая именно культура отвечает за интегральное существование человечества, очень актуален, ибо именно в этой культуре в первую очередь должны возникать наиболее целостные (и объективные) модели развития человечества.

Сравнивая цивилизации с отдельными системами мозга человека, мы можем пойти дальше и предположить, что эволюция Цивилизации во многом повторяет логику эволюции человеческого мозга, а, следовательно, эмбриональное развитие мозга может быть вполне адекватной моделью развития Цивилизации. Если эта аналогия имеет под собой какие-либо основания, то возникает увлекательная задача сопоставления этапов становления цивилизаций с этапами формирования мозга плода в утробе матери, что перекликается с идеей об эмбриональной сущности человечества [67].

Еще более глобальный вопрос возникает, если воспринимать отдельные культуры, народы и расы как аналоги не только структур головного мозга, но и организма человека в целом. Идея подобия человека, неба и государства, как было выше показано, очень популярна в китайской философии. Но так же часто она встречается в индийской философии. Причем в ней организмический подход является неотъемлемым атрибутом почти всех классификаций и моделей мира. Особенно это проявляется в классификациях, которыми насыщены упанишады. Приведем здесь лишь одну из ряда многих подобных.

Таблица 6

Божественные отверстия	Дыхание	Чувство	Божество	Форма почитания и соответствующая награда
Восточное	Дыхание в легких	Глаз	Солнце	Жар и пища
Южное	Дыхание, разлитое по телу	Ухо	Луна	Счастье и почет
Западное	Дыхание, идущее вниз	Речь	Огонь	Свет божественного знания и пища
Северное	Общее дыхание	Разум	Дождь	Слава и красота
Верхнее	Дыхание, идущее вверх	Кожа	Ветер, пространство	Сила и величие

Источник: [77, с. 186]

Именно потому, что мир воспринимается в индийской Системе всегда подобным живому организму, очень часто всем структурам видимого и невидимого мира уподобляются какие-либо органы или функции живого существа, а чаще всего самого человека. Именно в Индии Бог создал не только человека, но и мир в целом по образу и подобию своему.

"Ты почитаем и богат, обучен ведам и наслышан в упанишадах. Куда же ты пойдешь, освобожденный от своего тела?". – "Я не знаю, почтенный, куда я пойду". – "Так, поистине, я скажу тебе, куда ты пойдешь". – "Говори, почтенный".

"Поистине, Индха – имя того *пуруши*, который в правом глазу. Его, являющегося Индхой, зовут скрыто Индрой; ведь боги таковы, что им приятно скрытое и враждебно открытое.

А то, что в образе *пуруши* в левом глазу, это его супруга Вирадх. Место их соединения – пространство в сердце, их пища – красный комок в сердце, их покров – то, что подобно сети в сердце; путь, по которому они идут, – артерия, идущая

щая вверх от сердца..." – "...Какой свет имеет человек?" – "Атман служит ему светом – при свете Атмана он сидит, ходит взад и вперед, совершает деяние, возвращается назад".

"Кто этот Атман?" – "*Пуруша*, состоящий из познания, находящийся среди чувств, свет внутри сердца. Оставаясь одним и тем же, он блуждает по обоим мирам, словно думая, словно двигаясь. Ведь находясь во сне, он выходит за пределы этого мира и образов смерти.

Поистине, этот *пуруша*, рождаясь и входя в тело, соединяется со злом, уходя и умирая, он оставляет зло позади".
[75, с. 119]

Завершая эту тему, стоит отметить, что согласно ранним исследованиям автора [66], творческий процесс является самым сложным из всех видов деятельности человека. И он занимает поэтому в иерархии видов деятельности высший, четвертый уровень, который сопоставим в природе с высшим фазовым состоянием вещества – плазмой. Огонь, согласно концепции автора является одновременно и высшим явлением созидания, и главным процессом разрушения. Все новое рождается в огне, в плазме, когда процесс взрывного разрушения скачкообразно переходит в процесс появления новой структуры. Автор убежден, что особенность видеть мир четырехмерным, а следовательно, живым, иерархичным, эволюционирующим, была исходно заложена в арийской культуре. Кстати, это была единственная древняя культура (доцивилизационная), в которой с древности существовал бог огня (Агни), а огонь, как известно, четвертое фазовое состояние вещества и то, что на самом деле отделило человека от животного мира. Именно поэтому, как отмечал Дандекар, только в древней арийской культуре возник культ огня [23]. И именно поэтому до сих пор в индуизме существует традиция сжигания умерших, при которой душа вместе с пламенем и дымом устремляется в высшие слои тонкого мира.

Конечно, впоследствии арии разнесли этот культ огня по всему миру, так, наверное и возникли боги огня в других цивилизациях, например, в Древней Греции (Гефест).

Глава 7

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И МОДЕЛИ МИРА ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА

В древней восточной культуре есть поразительные по своей глубине описания происхождения мира, особенно понятные именно сегодня, когда современная космология дошла до более глубокого понимания истоков вселенной:

"Было предначало начала. Небесный эфир начал опускаться, земной эфир стал подниматься. Инь и Ян соединились. Переплетаясь, поплыли, клубясь, в космическое пространство. Окутанные благом, тая внутри гармонию. Свиваясь и сплетаясь, стремясь прийти в соприкосновение с вещами, но так и не осуществив предвестия.

Было начало начала. Небо затаило свой гармоничный [эфир], и он еще не опустился. Земля хранила [свой] эфир, и он еще не поднялся. Пустота, небытие, тишина, безмолвие. Молчащее занебесье, небытие, похожее на сон. Эфир плыл, составляя великое единство с тьмой.

Было небытие. Тьма вещей во множестве пустила корневища и корни, образовались ветви и листья, зеленый лук и поднебесные грибы. Сочная трава ярко заблестела, насекомые встрепенулись, черви зашевелились, все задвигалось и задышало. И это уже можно было подержать в руке и измерить.

Было небытие... Бескрайнее, безбрежное. Нельзя ни измерить его, ни рассчитать. Все слито в Свете.

Было предначало бытия и небытия. Оно обнимает небо и землю. Формирует тьму вещей, составляет великое единство с тьмой хаоса..." [25, с. 104–105].

И удивительно именно то, что западная наука, пройдя этап чисто механистических представлений об истоках возникновения мира, вплотную подошла к той же идеологической основе, что и Восток тысячи лет назад.

Западная наука сформировалась на фундаменте античной, а та, в свою очередь, на базе двух предшествующих цивилизаций – Египта и Вавилона.

Влияние же восточных цивилизаций и их культурных достижений на Запад началось с большим запозданием, лишь в XVII в. И при первом же знакомстве на многих европейских ученых восточная философия произвела сильнейшее впечатление:

"Знаменитый немецкий философ и математик Лейбниц, живший в XVII веке, ознакомившись с "И-цзином", не переставал выражать восторг и считал, что расположение восьми триграмм впервые в истории человечества выдвинуло идею о двоичной системе счисления в математике, что является огромным достижением. Современные электронно-вычислительные машины основаны именно на двоичной системе счисления" [34, с. 28–29]

Но в целом после некоторого периода очарования наступил длительный период скептического отношения к восточной науке и ее методологии.

"Впервые письменные древнеиндийские памятники стали известны на Западе в XVII-XVIII вв. Европейцев буквально потряс открывшийся перед ними мир, но естественное чувство восхищения порой уступало место "суперкритицизму"... В Европе утвердилось представление о "созерцательности", "пассивности", "застойности" индийской культуры" [9, с. 4].

Второй всплеск интереса к восточной философии возник благодаря открытию в XX в. квантовой физики и развитию космологии. Эти открытия потребовали новых взглядов на материю и на историю Вселенной. И здесь оказалось, что многие отвергаемые ранее "фантазии" древних мудрецов

Китая и Индии гораздо лучше передают суть современных представлений о Вселенной, чем традиционные европейские теории. Лестные отзывы о восточной науке стали высказывать такие корифеи современной науки, как Н. Бор, Р. Оппенгеймер и ряд других физиков.

Но эти отдельные признания все равно не изменили в целом отношение Запада к восточной науке как к науке оторванной от реальности и метафизичной. И лишь появление теории голографической Вселенной Д. Бома и К. Прибрама (см. [73]) стало первой попыткой системного пересмотра западного представления о природе. А в 70-х годах XX в. вышла книга Ф. Капры "Дао физики" [35], в которой он тщательно исследовал те пересечения, которые возникли в современной физике с восточными мистическими учениями. Эта книга, а также ряд подобных ей постоянно переиздаются по всему миру, хотя официальная наука старается не замечать такого рода исследований. Но в целом можно утверждать, что в XX в. западное самомнение было поколеблено и оказалось, что современная физика, чем дальше она развивается, тем становится ближе идеологически различным восточным учениям.

Автор убежден, что древние мудрецы Востока, не имевшие тех наблюдательных и экспериментальных данных о Вселенной и микромире, которыми современная наука стала располагать только в XX в., благодаря медитации сумели проникнуть в самые сокровенные принципы организации нашего мира, поэтому намного опередили медленно идущий к этим же истинам Запад. Это лишний раз подтверждает мысль о том, что существуют различные методологии познания мира, а современная наука использует лишь одну из них – индуктивное обобщение накопленных наблюдений и экспериментальных результатов. Поэтому весьма примечательно, что в результате многовекового движения по этому пути западная наука в конечном итоге стала приходить к общим выводам, к которым восточная наука пришла гораздо раньше, опираясь на совершенно иные методы познания мира.

Автор шел к восточным истинам собственным путем.

Все началось с исследования закономерностей масштабной периодичности и подобия Вселенной. Первая публикация в 1981 г. (ж-л "Знание-сила") лишь очертила контуры этой темы [52]. Потребовалось еще 20 лет кропотливого

труда, направленного на систематизацию огромного массива справочных данных, чтобы установить более детальную картину [59]. Она оказалась на удивление красивой, гармоничной и целостной. Объекты Вселенной расположены вдоль масштабной оси (логарифм размеров, масс и т.п.) строго периодически (*рис.18*). За основание логарифмической оси наиболее удобным оказалось взять число 10. При этом четко выделяется 6 классов объектов, или 12 полуклассов. Каждый из 12 полуклассов занимает на логарифмической оси точно по 5 порядков. Всего же от фундаментальной частицы Планка до размера Метагалактики при такой периодичности весь диапазон существования объектов Вселенной занимает точно 60 порядков ($12 \times 5 = 60$).

Эта модель построена исключительно на базе достоверно известных современной науке данных о размерах и свойствах различных объектов Вселенной. И тем более удивительными оказались многие параллели, которые возникли при ее построении с некоторыми древними восточными концепциями.

Так, например, в структуре числовой гармонии Вселенной ведущую роль играют те же два числа, которые венчают китайскую арифмосемиотику, – 10 и 12 (*рис. 18*).

"К шанской эпохе восходят археологические свидетельства использования двух числовых комплексов – из 10 и 12 так называемых в китаеведении "циклических знаков". С эпохи Ранней Хань эти знаки стали называться соответственно "небесными стволами" (тянь гань) и "земными ветвями" (ди чжи).

... "Небесные стволы" и "земные ветви" сочетаются парами, в которых первым стоит "ствол", а второй – "ветвь": цзя-цзы, и-чоу, бин-инь и т.д. Таким образом, получается 60 пар, образующих шестидесятеричный цикл (чжоу), в котором имеются подциклы из 6 наборов "небесных стволов" и 5 наборов "земных ветвей". Шестерка считалась числом силы инь, а пятерка – Ян" (www.eremeev.by.ru).

Безусловно, периодам 10 и 12 китайские философы придавали совершенно иной смысл, числа 5 и 6 имеют здесь также другое смысловое содержание, а вывод о 60-ричном цикле

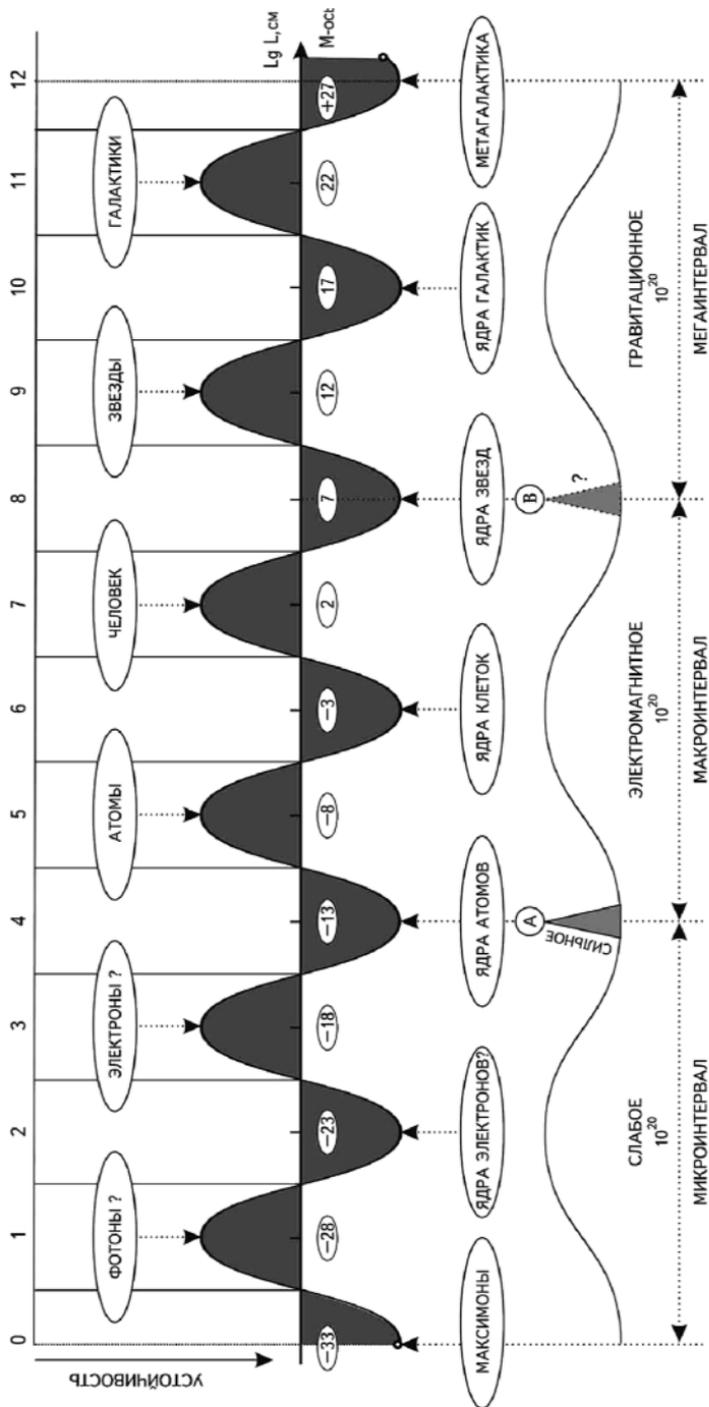

Рис. 18. Масштабно-гармоничная модель Вселенной – "Волна Устойчивости" [59].

на первый взгляд не имеет никакого отношения к масштабной структуре Вселенной. Именно так сначала и относился автор к различного рода числовым совпадениям, которые обнаруживались по ходу исследования масштабной гармонии. Я их замечал, они меня удивляли и интриговали, но понять связь масштабной гармонии Вселенной с описываемыми в китайской и индийской науке циклами я не мог. Понимание кардинально изменилось лишь после того, как исследование чисто гармонических законов числового ряда [64] обнаружило, что подобного рода структура ($12 \times 5 = 60$) является универсальной для всех без исключения гармоничных процессов в природе. Ее проявление можно найти как минимум в трех фундаментальных процессах – числовой структуре часов, числовой структуре периодичности устройства Вселенной и в числовой структуре музыкальной гаммы.

Следовательно, открытая автором числовая структура масштабной организации Вселенной – всего лишь один из вариантов реализации общего гармонического закона природы. Только после этого открытия автору стало ясно, что независимо от того, какая область природы исследуется, в ней всегда есть место числовой структуре $12 \times 5 = 60$. Стало понятно, почему именно в вавилонской науке эти же числа играли огромную роль. Именно отсюда ведет свое происхождение числовая структура циферблата часов – $12 \times 5 = 60$ минут. А причина, по которой этот числовой закон был открыт именно в Вавилоне, очень проста. Как было показано выше, именно в этой цивилизации в первую очередь исследовались циклические законы природы.

Безусловно, можно предположить, что китайские мыслители позаимствовали эту числовую структуру у вавилонян, но, возможно, они пришли к ней самостоятельно.

Кроме отмеченной выше параллельности числовой структуры, были найдены и другие (смысловые) параллели с восточными учениями.

Вернемся к структуре масштабной периодичности. Исследование закономерностей масштабной гармонии [59] показало, что единственным объяснением такой периодичности является гармоническое взаимодействие двух основных сил Вселенной. Одна из них идет из глубин материи, изнутри объектов, она определяет базис Вселенной, другая сила явля-

ется отраженной, она идет снару-
 жи, извне и определяет разнообра-
 зие и изменчивость мира. Их
 пересечение в каждой точке
 масштабной оси и порождает все
 многообразие объектов мира
 (рис. 19). Причем каждая из них
 задает на любом масштабном
 срезе Вселенной свой слой объ-
 ектов. Базисная (внутренняя)
 и эволюционная (внешняя) вол-
 ны определяют спектры устойчи-
 вых параметров (в частности,
 размеров), которые заселены ре-
 альными телами (начиная от эле-
 ментарных частиц и заканчивая
 галактиками). И везде эти две
 волны задают бимодальное рас-
 пределение внутри одного класса
 объектов. Так, например, все хи-
 мические элементы распределе-
 ны в двух размерных группах
 (рис. 20). Аналогичное бимод-
 альное распределение имеет
 и распределение стран по разме-
 рам (рис. 21). Также две моды
 имеют в своем распределении
 и всех звезды (рис. 22). При этом
 левая (внутренняя) группа объ-
 ектов всегда меньше по размерам
 правой (внешней).

Сила, идущая из глубин мате-
 рии, определяется, по мнению
 автора, пульсациями базисных

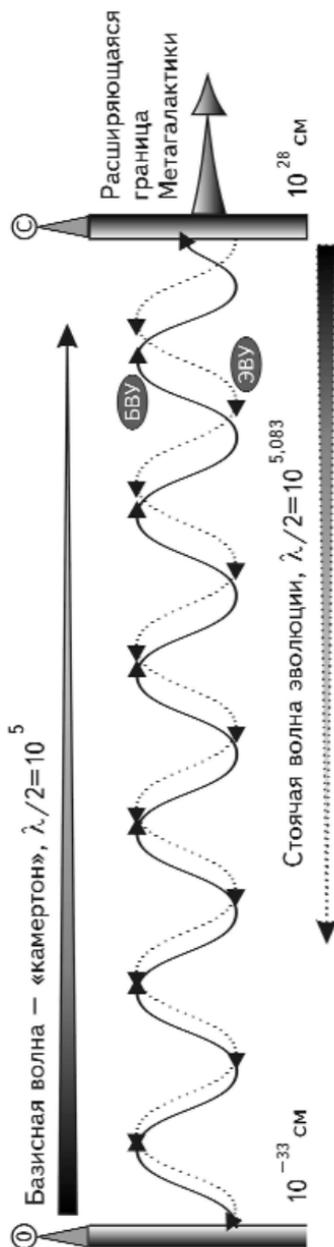

Рис. 19. Все объекты Вселенной порождаются при взаимодействии двух энергетических потоков. Один идет изнутри материи (слева направо), это иньская камертонная энергия Вселенной. Она отражается от границ Метагалактики и устремляется обратно – вовнутрь материи (справа – налево) – это янская обертоновая энергия Вселенной.

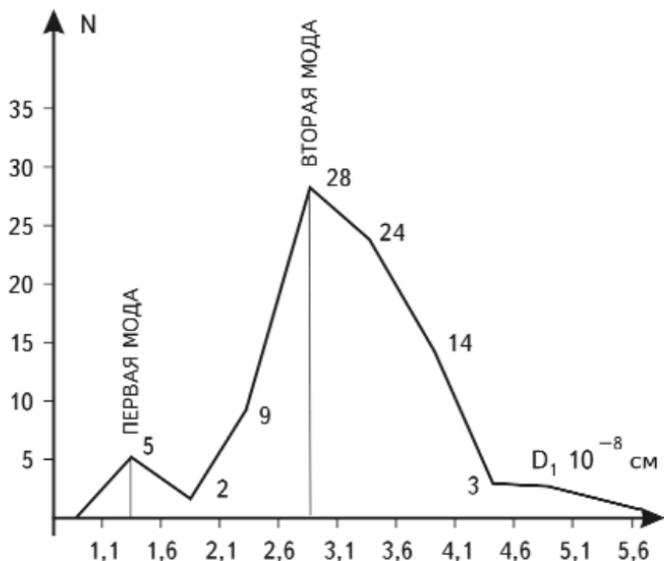

Рис. 20. Распределение по диаметрам всех химических элементов. Левая мода – базисные иньские элементы. Правая – эволюционные янские элементы. Левая мода порождена камертонными масштабными частотам Вселенной, а правая – обертовыми масштабными гармониками.

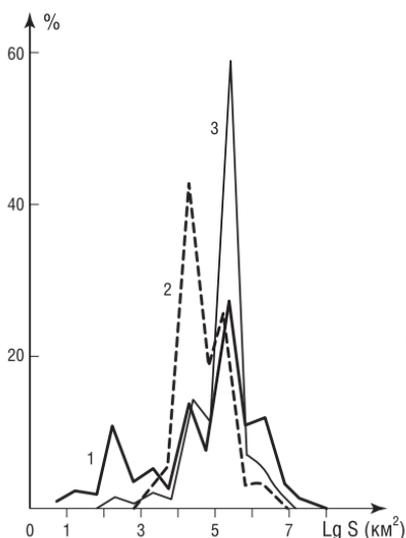

Рис. 21. Распределение социальных территорий по размерам (S – площадь). 1. – страны мира; 2. – области СССР; 3. – штаты США, регионы Китая, Индии, Бразилии

Кривая №1 показывает статистическое распределение всех стран мира по размерам. Вычисления условных размеров из площадей показали следующее. Наиболее представительные моды: 130 км (30 стран) и 450 км (58 стран) (см. табл. 1.3). Еще одна значимая мода – 15 км (24 страны) представлена карликовыми и островными государствами. Мы видим, что большинство стран мира так или иначе тяготеет к размерам блоков земной коры, или к двум наиболее устойчивым

размерам на М-оси в выбранном нами для рассмотрения классе №8. Кстати, ближе всего к точному космологическому размеру (162 км) условный размер Великобритании.

Кривая №2 показывает статистическое распределение областей бывшего СССР. Фактически все внутреннее региональное распределение в СССР имеет бимодальный характер.

Первая мода – 180 км (65 областей) и вторая мода – 420 км (37 областей).

Кривая №3 показывает обобщенное распределение по размерам внутренних регионов крупных стран мира: США, Бразилия, Индия – штаты, Китай – провинции.

Из табл. 1.3 видно, что в каждой стране выделяются те же две моды, причем вторая – около 450 км наиболее весомая. Общее количество регионов в первой моде – 150 км равно 17, а вторая мода – 450 км представлена 73 регионами.

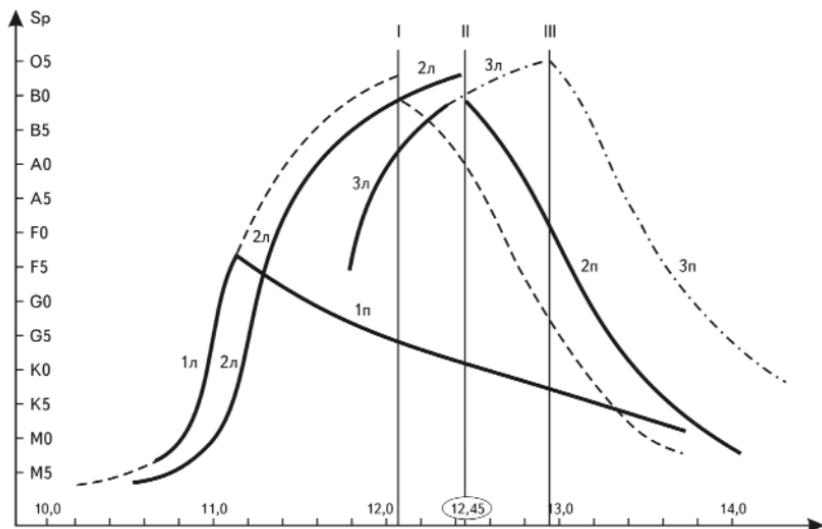

Рис.22. Распределение звезд по размерам. В основном они делятся на два класса – звезды Первой эпохи звездообразования и второй эпохи. Звезды первой эпохи – старые и небольшого размера. Звезды второй эпохи имеют гораздо большие размеры, это молодые и активные звезды.

частиц (максимонов, или планкеонов). Суперпозиция их сложных многомерных колебаний задает стабильный период в 105. Избыток энергии этих колебаний создает энергетический "подпор" изнутри материи, обеспечивает энергию расширения, он отвечает за движения изнутри наружу (яркое проявление этих сил – слабое взаимодействие). Эти силы консервативны и не зависят от времени, они создают базисную сетку размеров, базовую структуру материи Вселенной.

Сила, идущая снаружи, служит своего рода сдерживающим ободом для расширяющейся Вселенной (яркое проявление этих сил – гравитационное взаимодействие), она создает граничные условия, которые порождают эволюционный спектр масштабных колебаний, создающий все изменяющиеся структуры нашего мира. Эти колебания создают масштабно-обертонный спектр Вселенной, который постоянно меняется по мере ее расширения, что приводит к непрекращающимся изменениям во Вселенной, ведет в конечном итоге к эволюции ее структуры.

Очевидно, что эта феноменологическая картина повторяет основополагающие принципы китайской философии. Две силы – инь (внутренняя) и ян (внешняя) также разделяют мир на два класса объектов, причем на всех уровнях иерархии и во всех проявлениях. Сила инь идет изнутри, сила ян – снаружи. Объекты ян всегда несколько больше объектов инь (сравним, например, параметры мужчины и женщины).

"В древнекитайской космологии подразумевалось, что вертикальная троичность установилась при развитии мира из "изначальной пневмы" (юань ци), которая имеет срединное положение и дифференцируется на силы ян и инь, соответственно устремляющиеся вверх и вниз. Таким образом, образуются Небо и Земля, являющиеся источниками взаимопроницающих энергий:

Небо – это великая сила ян, Земля – это великая сила инь, человек находится в центре, как и все сущее. Небо непрерывно обращено книзу, его жизненные начала истекают вниз. Земля непрерывно получает от верха, ее жизненные начала сливаются с верхом. Оба начала соединяются в центре, поэтому Человеку удобно находиться посередине. Оба начала постоянно соединяются и взаимодействуют, сливаясь в центре, они сообща порождают все сущее. Все сущее воспринимает эти два начала, отчего образуются формы, путем их слияния создаются его свойства"

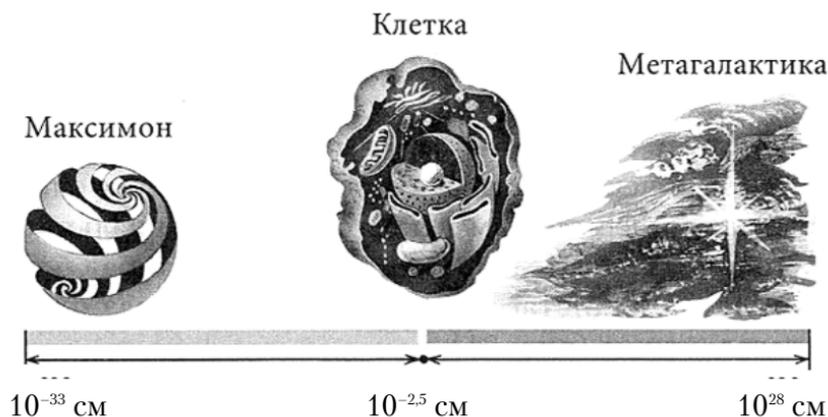
(www.eremeev.by.ru).

Итак, мир согласно китайской философии состоит из первичного эфира (пневмы-цы), который благодаря движению (и) разделяется на два начала.

Именно такой принцип порождения объектов открыл заново для себя автор, когда размышлял над природой объектов с учетом масштабно-гармоничных колебаний. В созданной модели объекты – это оформившаяся часть гигантской среды эфира, в которой происходят непрерывные изменения, а гармонические колебания и задают весь спектр разнообразия вещественного мира.

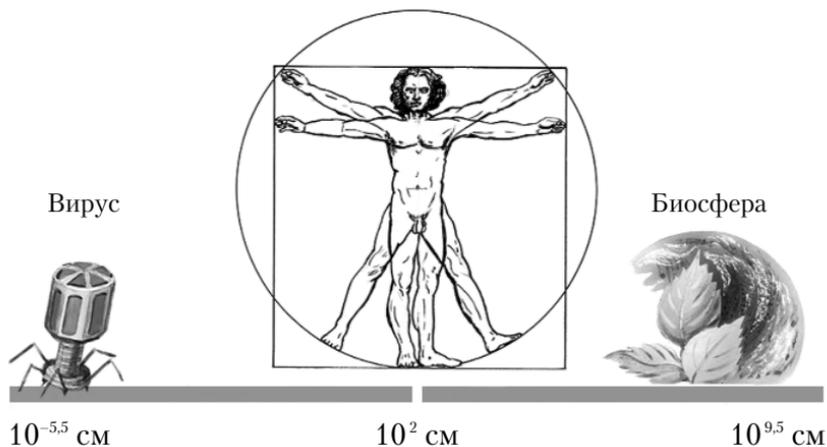
Кроме того, в приведенной выше цитате содержится идея, которая перекликается с главным идеологическим стержнем построения масштабной картины Вселенной. Дело в том, что на масштабной оси жизнь расположена в самом центре (*рис. 23 и 24*). В этой структуре легко угадывается китайская триада: Небо, человек, Земля, в которой человек занимает центральное место.

Автор более 20 лет искал ответ на вопрос – что же является причиной такой строгой периодичности масштабной структуры Вселенной. И в конце концов, пришел к выводу – ее порождают масштабно-гармонические колебания в среде эфира. Многомерные колебания создают устойчивые трехмерные объекты, которые являются всего лишь узлами (имеющими меньшую размерность) этих многомерных колебаний. Следовательно, объектный мир Вселенной является результатом сложной интерференции многомерных колебаний первичной среды – эфира. А каждый объект

Рис. 23. В центре всего масштабного диапазона вселенной находится живая клетка, которая во столько раз больше фундаментальной длины, во сколько раз она меньше Метагалактики.

существует в этой среде не сам по себе, а как некая часть этой сложной интерференционной многомерной картины [59].

Рис. 24. В центре масштабного диапазона Биосферы находится человек, которые во столько раз больше вируса, во сколько раз он меньше всей Биосферы.

Ну разве не удивительно, что за несколько тысяч лет до этого "смелого" и "нового" вывода, к таким же умозаключениям пришли древние мыслители Китая?!

"По мнению создателей арифмосемиотики, все в мире подвержено изменчивости (и), находится в движении (дун) и бесконечных циклических взаимопревращениях (бянь хуа). Поэтому мир в целом понимался как некий самодостаточный эволюционирующий полиритмический организм. Части этого организма взаимосвязаны, взаимозависимы, "резонируют" друг с другом по определенным законам и правилам. Задача "благородного мужа" (цзюнь цзы) – постичь эти законы и правила сполна и тем самым слиться всем своим существом с мировой целостностью, обретая ее могущество, как об этом говорится, например, в "Си цы чжуани" (I, 3)" (www.eremeev.by.ru).

"На 8-м году правления чжоуского Ю-вана (782–771 гг. до н.э.) историограф Бо, отвечая на вопросы чжэнского правителя Хуань-гуна, говорил: "А ведь гармония фактически рождает все вещи"..." [34, с. 33].

Приведенные выше цитаты вполне можно было бы применить к тому пониманию масштабной гармонии, которое было открыто автором задолго до знакомства с китайской философией. Это свидетельствует о том, что законы мира едины и не важно, каким путем мы приходим к конечным выводам.

Другой параллелизм с идеями масштабной периодичности [59] мы наблюдаем в метафизике Индии. Как уже было показано, системообразующей идеей метафизики этой цивилизации является масштабная ось. Сам факт того, что именно индийцы придумали позиционную десятиричную систему счисления, свидетельствует о том, что в основе их миропредставления лежит кластерная свертка, которая позволяет создавать множество иерархических уровней. Символом этой свертки, заложенным теперь на подсознательном уровне в культуру человечества, является идея представления очередного разряда десятичной шкалы обычными цифрами, расположенными на своем месте. Таким образом, десятка сворачивается в единицу следующего уровня, сотня – в единицу следующего уровня и т.д. Именно такая система записи числа привела к появлению логарифмической системы счисления, без которой вообще невозможно было бы исследовать масштабные закономерности больших объектов, в том числе и Вселенной. Идея об иерархическом устройстве материи Вселенной, скорее всего, родилась именно в Индии, об этом свидетельствуют многие модели, дошедшие до наших дней, в частности модель мира буддизма:

"...Вселенная состоит из бесконечного множества сферических "галактик" (чаккавала) которые организованы в соприкасающиеся триады (в местах соприкосновения таких трех чаккавала находится один из видов ада – локантарика). Каждая чаккавала окружена стеной из высоких гор (чаккавала-паббата). В каждой такой "галактике" есть собственные Солнце и Луна. В центре чаккавала располагается священная гора Меру; именно она первая возникает после того, как мир в очередной раз подвергается разрушению...

На разных уровнях горы Меру располагаются девалока (букв. "миры богов"). Их шесть... Понятие "девалока" применяется и в более широком смысле, когда оно включает

также и брахмалока – миры, которые с сакральной точки зрения представляют собой более высокие ступени иерархии и соответственно располагаются над перечисленными выше шестью лока..." [36, с. 71–72].

Можно предположить, что священная гора Меру – аналог масштабной оси Вселенной (М-оси), и тогда шесть уровней этой горы – шесть основных масштабных этажей Вселенной, на которых "обитают": фундаментальные частицы (1), элементарные частицы (2), атомы (3), макрообъекты (4), звезды (5), галактики (6) (см. рис. 33). В этом случае название горы "Меру" ассоциируется с термином "мера", который и лежит в основе понимания масштабной структуры Вселенной. Мера – это средство измерения и одновременно граница проявления чего-либо, что обозначает предел развития, после которого наступает свертка и появляется новый уровень. Поэтому не исключено, что древние индийские мыслители, используя медитацию, сумели "рассмотреть" принципы организации масштабной структуры Вселенной, описав ее в привычных для себя терминах и понятиях.

Спрашивается, а что же тогда в масштабной структуре Вселенной "брахмалоки" – миры, которые располагаются над шестью лока?

И здесь мы возвращаемся к главной идее авторского замысла [58], которая в настоящее время реализована лишь наполовину. Эта идея заключается в том, что М-ось Вселенной является всего лишь одним из важнейших параметров, задающих структуру организации материи. Вторым важнейшим параметром является параметр сложности систем. Например, на М-оси в области 10–100 микрон можно выделить множество объектов природы, которые обладают при одинаковых размерах различной сложностью – частицы минералов, космические пылинки, космические шарики, клетки организма, одноклеточные, например радиолярии, и, наконец, половая клетка. Аналогично на масштабе 10–1000 км расположены нейтронные звезды, белые карлики, астероиды, малые планеты, гранулы на солнце, биогеоценозы, социумы и т.п. Очевидно, что, несмотря на одинаковые размеры, они имеют разную степень сложности. Но в науке нет критериев, по которым можно сравнивать сложность таких разноплановых систем, как звезд

ды и социумы, клетки и пылинки. Хотя интуитивно очевидно, что биосистемы сложнее минералов (при одинаковых размерах), нет количественных, строгих параметров, которые бы позволили четко определить их место на *шкале сложности*. Поэтому автор поставил перед собой задачу найти общесистемные критерии сложности для всех объектов Вселенной без исключения и расположить их в зависимости от их системной сложности на различных уровнях над М-осью. Как показали первые шаги, сделанные в этом направлении, решение этой задачи автоматически приводит к решению другой – выявлению общего алгоритма эволюции систем, независимо от их масштаба и природы. Но если даже ограничиться статикой – определением некоторых общесистемных критериев сложности, то в совокупности с периодическим законом распределения объектов вдоль М-оси такой критерий позволит создать общую классификацию всех объектов Вселенной. Такая классификация была бы аналогична таблице элементов Менделеева и стала бы общей матрицей для всех объектов природы, что позволило бы заложить основы для общей теории систем. На пути к решению этой задачи автору удалось найти некоторые основные принципы такого подхода, которые были в предварительном виде опубликованы в 80–90-х годах прошлого столетия [53–56]. Но окончательное решение этой проблемы затянулось ввиду чрезвычайной сложности правильного выбора категорий, необходимых для четкого описания единых принципов построения всех систем без исключения: физических, химических, биологических, социальных, психологических, информационных и т.п. Автор полагает, однако, что поставленная 30 лет назад задача все-таки будет в ближайшие годы выполнена, ибо к настоящему времени удалось прояснить многие сложные моменты, которые препятствовали ее окончательному построению.

Информационное поле Вселенной

Во время поиска теоретических основ, задающих масштабную периодичность в 12 классов, автор пришел к созданию модели многомерных гармонических колебаний эфирной среды [59]. Для этого неизбежно было введение в модель так называемого обертонового масштабного спектра (*рис. 25*).

И оказалось, что на первом оберitone масштабных колебаний возникают трехмерные образования (названные автором *зернами*) размером в 30 микрон, которые состоят из фундаментальных частиц (10^{-33} см), размеры которых в 10^{30} раз меньше самих зерен. Эти зерна появляются во Вселенной с первых мгновений ее существования, до рождения всех элементарных частиц, не говоря уже о звездах и галактиках.

Анализ свойств этих гипотетических частиц привел автора к выводу, что каждая из них состоит из 10^{90} фундаментальных частиц и поэтому обладает потенциально невероятной высокой информационной емкостью – $10^{90!}$ (90 факториал – $90! = 90 \times 89 \times 88 \times 87 \dots$). По сути дела, они обладают информационной емкостью, с которой не может сравниться ничто во Вселенной, кроме самой Вселенной. Более того, при вполне допустимых условиях информационная емкость самой Вселенной не может быть выше информационной емкости этих зерен! И этот вывод – не логический парадокс. Из теории информации известно, что информационная емкость напрямую зависит от количества элементов в информационной системе, потому что именно благодаря их перестановкам возможно записывать информацию. Безусловно, Вселенная содержит гораздо больше фундаментальных частиц (10^{180}), но они не свободны и распределены (разобраны) между зернами. Поэтому количество зерен во Вселенной потенциально может быть равно количеству фундаментальных частиц внутри каждого зерна. Если записывать информацию внутри одного носителя, каковым является зерно, то она по своему потенциалу равна всей информации Вселенной, которую можно записать с помощью перестановки самих зерен. Более того, вся Вселенная состоит из 10^{78} нуклонов, следовательно, потенциальная возможность записи информации на обычных физических (элементарных) частицах на многие порядки меньше того потенциала, которым обладает каждое зерно. Конечно, если говорить о сумме информации, которая содержится во Вселенной с учетом той, что сосредоточена в зернах, то она несравненно выше информации внутри одного зерна. Но если вычесть из вселенского информационного поля информацию, распределенную внутри зерен, то именно в этом случае можно говорить о том, что информационная емкость Вселенной не выше информационной емкости одного зерна размерами в 30 микрон. Поэтому, образно говоря, Все-

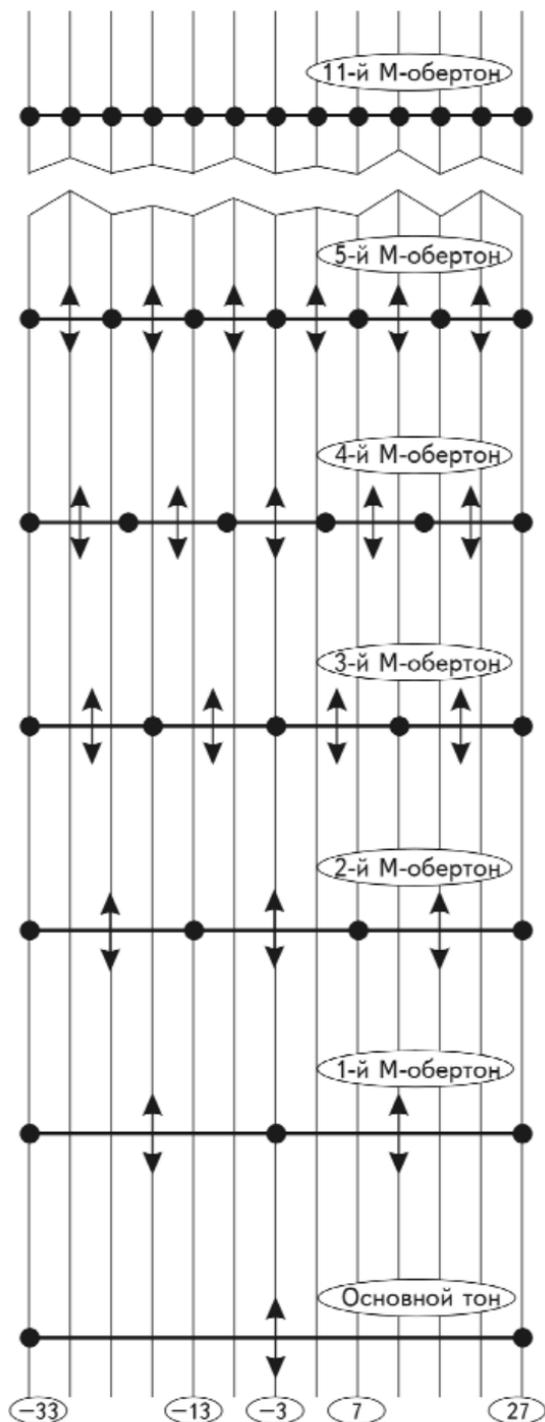
ленная представляет собой гигантский компьютер, оперативными ячейками памяти которого (а возможно, и активной информационной деятельности) являются зерна.

В первой работе, где были опубликованы теоретические рассуждения на эту тему, автор назвал их "зернами мирового духа" [59]. Насколько оправданно это название – вопрос открытый. Но то, что они являются зернами вселенской информации, а возможно, и зернами мирового разума, – почти не вызывает сомнений.

Несмотря на чисто теоретическую сущность этого открытия, в его правильности убеждает то, что без введения понятия этих зерен вообще невозможно получить какое-либо разумительное объяснение масштабной периодичности Вселенной. А то, что она реально существует, было показано на огромном феноменологическом материале [59], поэтому можно считать это неоспоримым фактом. И до тех пор пока не будет найдено иное теоретическое обоснование этого факта, будет существовать и гипотеза о зернах мирового духа.

Разнообразные свойства этих зерен и их влияние на жизнь Вселенной автор рассмотрел в двух последующих работах [63; 65]. Вкратце они таковы. Зерна обладают предельной устойчивостью к внешним воздействиям и практически неуничтожимы ни в каких космических катаклизмах. Более того, в моделях пульсирующей Вселенной они неуничтожимы даже при полном исчезновении в ней каких-либо элементов вещества. Зерна являются носителями всей информации Вселенной и поэтому служат информационным (невидимым) каркасом всех вещественных систем (от элементарной частицы до галактики). Информация внутри зерен накапливается по мере эволюции Вселенной и записывается навечно. **Размеры зерен точно соответствуют среднему размеру живой клетки**, поэтому возникает предположение, что появлением биологической жизни во Вселенной мы обязаны как раз деятельности этих зерен. В этом случае сама биологическая жизнь – есть результат эволюции отдельных зерен. Можно предположить, что поскольку условия для эволюции в различных местах Вселенной не одинаковы [62], то она протекает с различной скоростью. Поэтому часть зерен исходно накапливает информацию (развивается) быстрее. Следовательно, во Вселенной существуют зерна различных уровней развития. Когда от-

Рис. 25. Масштабно-гармоничная модель Вселенной – "Волна Устойчивости" [59].

дельные зерна достигают такой сложности, что могут создавать сверхсложные биологические системы, они преобразуются уже в клетки. Именно благодаря этому во Вселенной зародилась биологическая жизнь, вероятность появления которой без информационной матрицы зерен практически равна нулю (это много раз показывали расчеты [67]). Но необходимо отметить, что белковая жизнь – всего лишь один из этапов эволюции информационных зерен Вселенной. В этом случае можно говорить о жизни вообще как манифестации информационных зерен. Тогда можно утверждать, что жизнь зародилась во Вселенной с первых ее мгновений в виде зерен мирового духа, на определенном этапе зерна воплотились в белковую форму, но в будущем жизнь может развиваться и до форм, обладающих гораздо большим потенциалом, чем белковые (скорее всего, в отдельных местах Вселенной она уже достигла гораздо большей сложности и могущества). Другими словами, можно говорить о божественном уровне развития, который стоит в иерархии сложности выше белкового уровня. Отметим, что все эти выводы – не плод фантазии, а следствие логических и вполне очевидных рассуждений, основанных на многомерной гармоничной эфирной модели Вселенной.

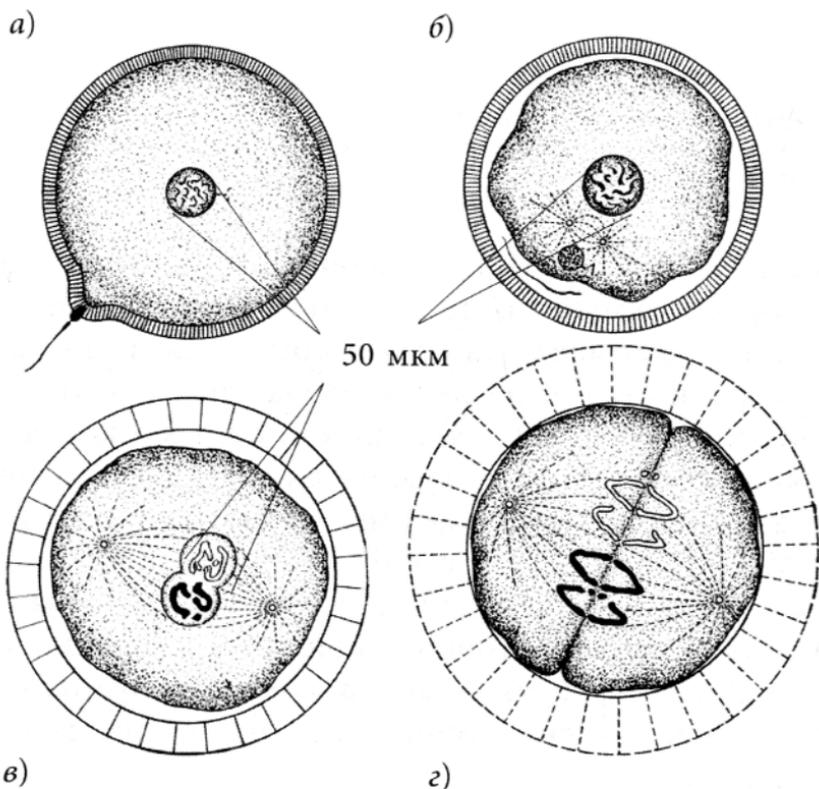
Отдельный вопрос – взаимосвязь зерен и человека как личности. Каждый человек начинает свой путь из масштабного центра Вселенной, так как его первый шаг в бытие начинается с момента слияния двух ядер внутри женской половой клетки (рис. 26). Логично предположить, что в этот момент соединяются два зерна мирового духа, что приводит к созданию новой личности вселенского масштаба, которой до этого никогда не было (и никогда подобной не будет), и она обладает потенциальной памятью обо всей истории Вселенной. Такой вариант развития можно назвать аддитивным, так как изначально в нем личность складывается из нескольких зерен мирового духа. В этом варианте в основе любой личности лежит двойственная информационная структура, что всегда будет приводить к внутреннему спору и противоречиям, поскольку не может существовать двух одинаковых информационных зерен во Вселенной. Дальнейшее развитие зиготы и формирование организма, как можно предположить, идет путем сборки его из разных зерен. Можно сравнивать это со сбором войска под командованием военачальника. Зерен во Вселенной так много,

что их вполне хватит на то, чтобы собрать личность, состоящую из огромного количества клеток (а следовательно, и зерен). Безусловно, уровень развития вспомогательных зерен должен быть на порядки ниже уровня развития двух первичных, так сказать, затравочных зерен. В этом варианте каждая клетка организма наделяется отдельным зерном, которое имеет собственную информационную историю. И здесь можно говорить о некоей коллективной душе каждого человека, душе, которая собрана из множества отдельных зерен, существовавших до этого самостоятельно.

Другой вариант создания личности – голографический. Информационное зерно, достигшее определенного уровня сложности, получает возможность воплотиться в человека. Оно определяет родителей для своего будущего воплощения и в момент соединения двух половых клеток прикрепляется к ним (заземляется). Дальнейшее развитие зародыша происходит путем создания для каждой новой клетки голографической копии первичного зерна, которое является в этом случае аналогом души человека. В этом варианте в основе каждого человека лежит единственное зерно мирового духа, которое выполняет свою задачу очередного этапа развития.

В обоих вариантах все, что происходит с человеком, записывается навечно в информационную ячейку Вселенной – каждое движение, каждый порыв, каждая мысль. Поэтому очень многие действия личности определяются предыдущим опытом зерна мирового духа, его памятью. Если опыт до этого был успешным и длительным, то личность с первых шагов своего развития действует очень эффективно и добивается в обществе большого успеха. Если предыдущий опыт был незначительным и содержал массу неверной информации, то действие личности сопряжено с постоянными ошибками (неудачами), что приводит ее к сложной судьбе, и так до тех пор, пока она не исправит все свои ошибочные представления о мире.

Жизнь каждой личности – это всего лишь одно из миллиардов мгновений материальной реализации зерна мирового духа. И лишь часть этих мгновений может приходиться на воплощение в человеческом облике. А подавляющее большинство предыдущих воплощений – длинная череда реализации более простых формы материи. Целью же развития зерна мирового духа является восхождение по эволюционной лестнице

Рис. 26. Лишь один из 200 000 000 сперматозоидов пробивает оболочку женской клетки (а) и проникает внутрь нее для осуществления процесса оплодотворения. После этого головка сперматозоида, которая по объему намного меньше женского первичного ядра, начинает постепенно увеличиваться в размерах, превращаясь в мужское первичное ядро (б), пока не достигнет приблизительно объема ядра яйцевой клетки, т.е. около 50 мкм. После этого оба первичных ядра начинают сливаться (в). Слиянием ядер обеих клеток, происходящим абсолютно точно в масштабном центре Вселенной, заканчивается процесс оплодотворения и начинается онтогенетическое развитие нового организма (г).

це Вселенной. На определенном этапе зерна, воплощавшиеся много раз в людей, достигают такого совершенства, которое позволяет им в очередном воплощении превратиться в сущность более высокого уровня (например, божественного).

В рамках этой логики становятся понятными представления о душе и иной жизни в различных религиях. Так, например, в индуизме отмечается поэтапное постепенное восхож-

дение зерна мирового духа, в буддизме же ставится задача мгновенного прорыва на самый высокий уровень развития. В христианстве задача выглядит более прагматично – переход в царствие Небесное, в котором каждый человек станет соратником Христа, следовательно, приобретет божественную природу.

Поскольку Вселенная живет по строгим законам, отклонение от которых приводит к потере энергии и темпов развития, то нарушение этих законов – главная опасность для любой личности. Неправильное поведение (ложь в том числе) записывается как неверный опыт в информационном зерне и в следующем рождении становится фундаментом для дальнейших действий. Если фундамент "кривой", то и действия ведут личность по кривой траектории. А это вызывает серьезные проблемы, рассогласование с гармоничным строем мира, что приводит к сигналу – информация нуждается в исправлении. В этот момент личность либо корректирует свое поведение (через покаяние, прозрение), либо продолжает повторять неверные действия. Во втором случае она лишь закрепляет неверную информацию, что в следующем рождении приводит к еще более тяжелым последствиям. Собственно, именно так, через систему проб и ошибок, и развивается каждое информационное зерно. Оно выбирает в новой для себя ситуации ту или иную модель поведения, реализует ее на практике и по результатам вносит коррекцию в свое дальнейшее поведение. Чем сильнее отклонение – тем жестче коррекция, тем больше неудач и бед приходится на личность в очередном ее воплощении. И в этой кармической задаче нет ничего необычного, ведь обучение любому виду деятельности (начиная с первых шагов ребенка) сопровождается пробами и ошибками. Поэтому если воспринимать жизнь каждого человека как школу, как очередной этап обучения зерна мирового духа, то невозможно представить, чтобы это обучение происходило без проб и ошибок. Кстати, именно в буддизме этот вывод сформулирован наиболее четко. В нем нет понятия греха, а есть лишь невежество и прозрение (избавление от незнания).

Следовательно, в рамках модели развития информационных зерен Вселенной мы получаем множество выводов, которые повторяют основные религиозные правила, выработанные человечеством за многие тысячи лет. Поэтому лю-

бопытно было бы найти какие-либо аналогии зерну мирового духа в религиозно-философских системах Востока.

Наиболее близкие идеи мы находим в индуизме. Именно отсюда ведет свое происхождение представление о хрониках Акаши – в переводе на английский – "Akashic Records". Акаша (akasha) в переводе с санскрита – "мировой эфир". Древние индийские мыслители считали, что все, что происходило, происходит и будет в этом мире записано в этих хрониках, т.е. в мировом эфире. Наряду с другим представлением индуизма – Атманом, эта идея создает аналогичную картину мира, в которой есть специальные информационные ячейки.

Краткая справка из Интернета

Атман (санскр. आत्मन्, ātman, "самость, душа", высшее "я") – одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма: вечная, неизменная духовная сущность индивидуума. Веданта отождествляет атман с брахманом – космическим (объективным) духовным началом.

Атма, Атман (Atma, Atman)

Истинное Я, в противоположность ложному индивидуальному Я личности, которое человек считает собой. В философии веданты атма есть единый, присутствующий во всем сущем Абсолютный Дух, свободный от любой обусловленности и от любых признаков субъекта и объекта, от разума и от материи, хотя он часто проявляется в форме отдельных Я...

Эквивалентным понятием в философии санкхья является пуруша, однако пуруши рассматриваются не как единственный Дух, но как неисчислимое их множество. На этом высочайшем уровне мышления, однако, вне категорий разума и тела, Многообразие и Единство неразличимы. Существует еще один сходный термин, пратьягатман, который подчеркивает внутреннюю сущность атмы ("пратья" здесь означает "внутреннее").

Душа индивидуальная и мировая. Дух. "Я". Самость. Аспект Брахмана, единого божественного начала. Субстанциальная психика. Дыхание. В "Ригведе" выступает как ветер. Все представления об атмане связаны с поисками сущности собственного "я" человека. В упанишадах атман выступает как разумное

духовное начало. Словосочетание "Брахман-Атман" выражает единство субстанциальной души с трансцендентным безличностным Брахманом. **Атман называют тонкоматериальной субстанцией, образованием из первоэлементов материи (бхута), ментальным образованием, которое имеет духовные способности (маномая).** Его считают бесформенным (арупи) состоянием сознания (саннамайя), многослойной тонкоматериальной структурой (выделено мной. – С. С.). Согласно адвайта-веданте, атман един и вездесущ. В "Атхарваведе" это мировая душа (адхьятма). Адхьятмавидья – учение о душе.

Атман (санскр. atman – сам себя; тело; сущность, душа, дух, мировой дух) – кардинальное понятие инд. мысли, означающее безначальное и непреходящее, "субстанциональное" духовное начало индивида, онтологически внеположенное его телу и всей психоментальной структуре. Первые свидетельства об А. как о духовно-сущностном начале человека содержатся в Атхарваведе (X.2.32) и в др. гимне того же собрания, где достигший совершенства в воздержании знает того А., который мудр, непреходящ и "вечно юн" (X.2.43–44). Инд. мысль рано начинает осваивать идею единства сущности микро– и макрокосма: в "Шатапатха-брахмане" прямо утверждается, что А. есть правитель и царь всех существ (XIV.5.5.15). В том же тексте цитируется и вдохновенное наставление мудреца Шандильи, согласно которому **весь этот мир умещается в А. во "внутреннем сердце", что меньше рисового, горчичного или просяного зернышка или даже сердцевины рисового зернышка** (выделено мной. – С. С.) и одновременно больше, чем Земля, атмосфера, небо и все миры, и это вседействующее, всежелающее, всеобоняющее, всеощущающее, всеохватывающее, "молчаливое" и ничем не обусловленное начало есть "мой А.", сокровенный, и он же – Брахман, в которого знающий "войдет" после смерти (X.6.3). Начиная с Брахман, Араньяк и Упанишад А. отождествляется с абсолютным началом бытия всего мироздания – Брахманом. (<http://ariom.ru/wiki/Atman>)

Итак, мы видим, что согласно индуизму Атман состоит из первоэлементов и он меньше даже сердцевины рисового зернышка (очень близко к 30 микронам!). Но при всем этом информация, в нем записанная, такова, что она больше, чем Земля и все миры... Возникает предположение, что теоретически

открытое зерно мирового духа, появляющееся неизбежно сразу же за появлением Вселенной как узел стоячей волны второй масштабной гармонии, и есть то самое образование, которое в индуизме уже несколько тысяч лет называется Атманом.

Аналогом индивидуального Атмана являются и известные монады Лейбница:

"Монады, согласно Лейбницу, суть неделимые, простые субстанции, своего рода последние кирпичики мироздания, "истинные атомы природы". Но, в отличие от атомов Демокрита, монада – духовная единица бытия, своего рода "излучение божества". Монады не могут быть уничтожимы, они вечны и существуют всегда независимо от того, что происходит с конкретными физическими телами. Монады не имеют конкретных физических и геометрических характеристик, они скорее суть "метафизические", нежели естественно-научные, точки. Поэтому они не протяженны в физическом смысле и возникают из непрерывных "излучений божества". При этом монады индивидуальны и отличаются друг от друга, как отличаются между собой разные индивиды. Согласно Лейбницу, "никогда не бывает в природе двух существ, которые были бы совершенно одно как другое". И поскольку они существуют не в пространстве в физическом смысле, ибо пространство делимо, а монады неделимы, то они не изменяются под действием внешних событий. Но это нельзя трактовать так, что монады существуют не изменяясь. Наоборот, они находятся в непрерывном изменении, они динамичны". (<http://www.fos.ru/filosofy/12056.html>)

Как видим, монады Лейбница в отличие от Атмана нематериальны и не имеют размеров, что, с точки зрения автора, является свидетельством идеализма Лейбница, который в целом был характерен для западной науки того времени. Западная философия, огрубляя мир, представляя его как сумму взаимодействия вещественных тел, в противовес этому впадала в другую крайность – полное отрицание материальной сущности тонких информационных процессов.

Любопытно в связи с этим рассмотреть, как возникла идея Атмана в упанишадах. Приведем некоторые цитаты,

которые характеризуют первые образы Атмана в представлении древних индийских мыслителей.

"Он (Атман) проник сюда до кончиков ногтей, как нож в ножны, как огонь в пристанище огня. Его не видят, ибо он неполон. Дышащий, он становится дыханием, говорящий – речью, видящий – глазом, слышащий – ухом, понимающий – разумом. Это лишь имена его дел. Кто почитает лишь то или иное из них, не обладает знанием... Этот Атман – след всего сущего... Кто знает это, тот находит славу и похвалу.

Этот Атман дороже сына, дороже богатства, дороже всего остального. Он – самое сокровенное... Лишь Атмана следует почитать дорогим. Кто почитает дорогим лишь Атмана, у того дорогое не погибнет...

...И поистине, этот Атман – мир всех существ. Когда он совершает подношение и жертву – он мир богов; когда произносит веды – мир *риши*... когда доставляет животным траву и воду – мир животных; когда в его домах поддерживают существование звери, птицы и все, вплоть до муравьев, то он – их мир...

Вначале все это было лишь Атманом, единственным..." [75, с. 75–77]

"Поистине, этот Атман – повелитель всех существ, царь всех существ. Подобно тому, как все спицы заключены между ступицею колеса и ободом колеса, так все существа, все боги, все миры, все дыхания, все Атманы заключены в этом Атмане" [75, с.92].

"Он, этот Атман, определяется так: "Не это, не это". Он непостижим, ибо не постигается; неразрушим, ибо не разрушается, неприкрепляем, ибо не прикрепляется, не связан, не колеблется, не терпит зла. Таковы восемь оснований, восемь миров, восемь богов, восемь пуруш" [75, с. 112].

"Когда этот Атман, впад в слабость, словно впадает в умопомрачение, то эти жизненные силы собираются вокруг него. Взяв с собой эти частицы света, он спускается в сердце. Когда этот пуруша в глазу возвращается назад, то человек перестает познавать образы.

"Став единым, он не видит", – так говорят. "Став единым, он не обоняет", – так говорят... Когда его сердце начинает светиться, с этим светом этот Атман выходит через глаз, или через голову, или через другие части тела. Когда

он выходит, за ним выходит жизненное дыхание; когда выходит жизненное дыхание, за ним выходят все жизненные силы. Он становится познанием, он следует за познанием. Тогда им овладевают знание, и деяние, и прежний опыт...

Подобно тому как золотых дел мастер, взяв кусок золота, придает ему другой, более новый, более прекрасный образ, так и этот Атман, отбросив тело, рассеяв незнание, превращается в другой, более новый, более прекрасный образ, подобный образу отцов, или *гандхарвов*, или богов, или Праджapati, или Брахмана, или других существ..." [75, с. 125].

"Погляди назад на прежних людей, погляди вперед на будущих – **Подобно зерну**, созревает смертный; **подобно зерну** (выделено мной. – С. С.), рождается он вновь" [76, с. 97].

"Единый бог, скрытый во всех существах, воспринимающий, **Атман внутри всех существ** (выделено мной – С. С.),

Надзирающий за действиями, обитающий во всех существах, свидетель, мыслитель, единственный и лишенный свойств" [76, с. 128].

"Этот состоящий из разума пуруша, сущность которого – свет, находящийся внутри сердца, подобно зерну риса или ячменя. Он – владыка всего, повелитель всего. Он правит всем тем, что существует" [76, с. 136].

"Поистине, из этого Атмана возникло пространство, из пространства – ветер, из ветра – огонь, из огня – вода, из воды – земля, из земли – травы, из трав – пища, из пищи – человек" [76, с. 84].

"Поистине, этот Атман, – возглашают мудрецы, – блуждает здесь по телам, словно не подвластный добрым и недобрым плодам действий..." [76, с. 135].

"Поистине, он – великий нерожденный Атман, состоящий из познания, находящегося среди чувств. В этом пространстве в сердце лежит господин всего. Он не становится от хорошего деяния большим и не становится от плохого деяния меньшим. Он – властитель всего, он – повелитель существ, он – хранитель существ. Он – мост, служащий границей для разделения этих миров. Брахманы стараются познать его изучением вед, жертвоприношением, деянием, подвижничеством, постом. Познавший его становится аскетом... Поистине, зная это, древние мудрецы не желали пото-

мства. "Что делать с детьми нам, у которых этот Атман и этот мир", – говорили они. И поднявшись над стремлением к сыновьям, над стремлением к богатству, над стремлением к миру, они вели жизнь странствующих монахов.

... в гимне сказано:

Это вечное величие Брахмана

Не возрастает и не уменьшается от деяния.

Пусть он познает его природу; познав его,

Он не оскверняется злым деянием.

Поэтому знающий это, сделавшись успокоенным, укрощенным, воздержанным, терпеливым и собранным, видит Атмана в самом себе, видит все как Атмана. Зло не одолевает его – он жжет все зло. Свободный от зла, свободный от страсти, свободный от сомнения он становится брахманом...

...Поистине, не ради супруга дорог супруг, но ради Атмана дорог супруг. Поистине, не ради жены дорога жена, но ради Атмана дорога жена... Поистине, не ради богов дороги боги, но ради Атмана дороги боги... Поистине, не ради всего дорого все, но ради Атмана дорого все. Поистине, лишь Атмана следует видеть, следует слышать, о нем следует думать, следует размышлять... Поистине, когда Атмана видят и слышат, когда думают о нем и познают его, то все становится известно...

...С дыханием этого великого существа вышли *Ригведа*, *Яджурведа*, *Самаведа*, *Атхарвангираса*, *итихаса*, *пураны*, науки, *упанишады*, *шлоки*, *сутры*, *анувьякхьяны*, *вьякхьяны*, жертвы, подношения, еда, питье, этот мир, и тот мир, и все существа. Все они вышли с его дыханием" [75, с. 127–130].

"Поистине, смертно это тело и охвачено смертью. Оно – местопребывание этого бессмертного, бестелесного Атмана. Поистине, наделенный телом охвачен приятным и неприятным – ведь у того, кто наделен телом, нет избавления от приятного и неприятного. Бестелесного же, поистине, не касается ни приятное, ни неприятное..." [77, с. 139].

"...Атман не имеет ничего различного между собой ни внутри, ни снаружи, но весь состоит из познания. Возникнув из этих элементов, он исчезает в них..." [75, с. 131].

"Ибо единый Атман существ пребывает в каждом существе;

Он представляется одним или во множестве, словно отражение месяца в воде.

Когда в горшке заключено пространство и горшок разбивают,

То разбивается горшок, но не пространство – такова же жизнь, подобная горшку" [76, с. 226].

"Ом! Тогда Ангирас сказал: "Пуруша бывает трех видов, а именно: внешний Атман, внутренний Атман и высший Атман. Тот, у кого есть оболочка, кожа, ногти на руках, мясо, волосы... глаза, уши; кто рождается и умирает – тот зовется внешним Атманом.

Теперь – о внутреннем Атмане. Кто благодаря постижению земли, воды, огня, воздуха, пространства, желания, ненависти... и прочего, наделен признаками памяти; кто благодаря высоким, низким, коротким... звукам, а также танцам, пению... бывает слушающим, обоняющим, пробующим на вкус, думающим, постигающим, действующим; кто распознающий Атман, пуруша; кто изучает *пураны*... тот зовется внутренним Атманом.

Теперь о высшем Атмане: Он – тот, которого следует почитать как священный слог Ом; который открывается думающему о высшем Атмане в размышлении о йоге – сдерживании дыхания, прекращении деятельности чувств и полном слиянии; **подобный семени смоковницы, зерну проса, столысячной части расщепленного кончика волоса;** (выделено мной. – С. С.) который недостижим, непостижим, не рождается, не умирает, не засыхает, не сгорает, не дрожит, не разрушается, лишен свойств, свидетель всего, чистый, неделимый по природе, единственный, тонкий, лишенный частей, непятанный, без самомнения, лишенный звука, прикосновения, вкуса, вида, запаха, лишенный сомнения, лишенный ожидания, всепроникающий. Он немислимый и неопишувмый, очищает нечистое и оскверненное, он бездеятельный, нет у него связи с прошлыми существованиями... Этот пуруша зовется высшим Атманом" [76, с. 224–225].

Итак, мы видим, что в индуизме Атман выполняет роль информационного поля Вселенной и одновременно является индивидуальной основой всех объектов, в том числе и личности – Атман может иметь свое воплощение в чувствующем человеке. Во многих местах указывается на его мельчайшие размеры (меньше зерна), но при этом гига-

нтскую информационную емкость. Отмечается его неуничтожимость и то, что он является "свидетелем всего".

Иногда Атману приписываются три ипостаси: внешняя, внутренняя и высшая. Это указывает на то, что создатели упанишад считали – обличье человека определяется его внешним Атманом, Атман внутри человека постигает мир через него. И есть высший Атман, в котором сохраняется вся информация о событиях во Вселенной, который является частью всемирного духа, частью общего информационного поля Вселенной. В этой модели Вселенной каждое существо на земле, каждая травинка, камешек и пылинка – все имеет в своей основе Атмана. Поэтому общение с миром на уровне Атмана – самое достоверное, оно позволяет проникнуть в информационную сущность всех явлений, всех объектов, всех процессов и получить через них полное представление об истинной природе мира. Это одушевление всего мира – свойство индийской философии и то, против чего выступает западный объектный рационализм, лишенный представления об информационной матрице Вселенной.

Если сопоставить эти представления с той моделью информационного зерна, которую мы описали выше, то становится ясно – они подобны. Действительно, с одной стороны, каждое зерно индивидуально и неповторимо, оно не уничтожимо и живет вечно. С другой стороны, есть множество зерен, которые вместе создают общее информационное пространство Вселенной. Как они взаимодействуют друг с другом? Только на уровне воплощенных объектов (и субъектов) или также и на уровне эфирного взаимодействия? Скорее всего, они взаимодействуют всеми возможными способами, одновременно являясь частью общего вселенского процесса эволюции материи, поскольку своим существованием обязаны всей Вселенной целиком, следовательно, они реагируют на общевселенские процессы мгновенно, тонко ощущая жизнь Вселенной как свою собственную жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее время различия между цивилизациями во многом теряют свою первозданную резкость и силу, мир постепенно становится все более глобальным и универсальным. При этом может возникнуть иллюзия, что этот процесс завершится в будущем полным стиранием граней между различными цивилизациями.

Безусловно, сближение различных культур способствует большему взаимопониманию между ними, что позволяет лучше налаживать мировое разделение труда и мировое взаимодействие. Но у этого процесса есть и обратная сторона медали. Унификация мира по западным стандартам не просто стирает разнообразие его краски и делает мир "серым и однообразным", она ведет мир к грандиозному тупику. Как показал проведенный в данной работе анализ, каждая цивилизация несет в себе только часть целостной картины мира. Поэтому даже если одна из них становится более успешной, это лишь свидетельствует о временной актуальности именно ее системы, а не о том, что все остальные цивилизации должны отказаться от своей собственной самоидентификации и полностью перестроиться под лидера.

Временное лидерство западной цивилизации обусловлено, как было показано в данной работе, тем, что она развивает самую простую (и фундаментальную) часть общего системного потенциала человечества, идет по пути самому короткому и простому. Именно поэтому она и достигла практического успеха раньше других. Но строительство здания не заканчивается на этапе полного завершения цикла закладки его фундамента.

И в наше время все более явственно проступает перспектива краха лидерства западной цивилизации, которая, дойдя до предела своих возможностей, столкнулась со множеством неразрешимых в ее рамках проблем. В первую очередь с проблемой исчерпания экологического ресурса планеты. На эту гроз-

ную перспективу западная цивилизация среагировала вполне "адекватно" и практически – в ее недрах родилась и продолжает развиваться идея спасения мира через сохранение на планете ограниченного количества жителей, не больше миллиарда. Эта идея получила красивое название "золотого миллиарда", у нее есть ярые сторонники даже в России (например, Бестужев-Лада [7]). Но за скобками ее публичного обсуждения всегда остается вопрос, каким образом растущее сегодня население сократится в численности в шесть (!) раз. История показывает, что такое резкое сокращение (а для плавного просто не хватит времени и экологического ресурса) происходит либо в результате социальных потрясений грандиозного масштаба, сопровождающихся тотальной войной всех против всех, либо вследствие катастрофических эпидемий. Поскольку предполагается сохранить только "золотой миллиард", то вариант с эпидемиями становится крайне сложным осуществить технически. Следовательно, остаются лишь социальные потрясения, в результате которых погибнет весь "не золотой" мир. Надо четко осознавать, что переход к варианту "золотого миллиарда" – это дорога через ад мирового масштаба, ад, в котором будет происходить взаимное и тотальное истребление пяти миллиардов жителей планеты, оказавшихся за скобками западной цивилизации.

Для непосвященных в эту проблему может показаться, что, во-первых, западная цивилизация с ее "гуманистическими" принципами никогда не допустит такого варианта развития событий. А во-вторых, есть другие, постепенные пути сокращения численности жителей в шесть раз. Но у тех, кто достаточно хорошо знает историю человечества, такого рода иллюзий нет. Перед лицом смертельной опасности все гуманистические лозунги забываются, и в XX в. это хорошо показали две мировые войны. И не дай Бог, чтобы эти войны оказались лишь репетициями Третьей мировой, которая может разразиться в XXI в. в результате очередного ресурсного кризиса.

Но если подняться над этими рассуждениями в область мета-логики цивилизаций, то окажется, что вариант уничтожения "лишних" миллиардов имеет под собой и другое основание. Ведь если Запад примет окончательно идею о том, что только его вариант развития является правильным и перспективным, а все остальные цивилизации оказались бесплодными и ничего ценного уже в себе не несут, кроме простого "сырья" – человеческого ма-

териала, то вполне логичным становится путь использования этого сырья в целях переработки его под западные стандарты. А все, что окажется при этом не стандартизованным, подлежит утилизации, как ненужный хлам. И поэтому между идеей избранности западной цивилизации, которая родилась задолго до того, как человечество осознало угрозу экологического кризиса, и идеей о необходимости сократить численность жителей земли до "золотого миллиарда" различие практически исчезает. Идея собственной исключительности Запада находит простое якобы "неоспоримое" подтверждение в рамках грозящего миру кризиса. Ясно, что если на Земле нет места для шести миллиардов, а есть только для нормальной жизни одного миллиарда, то этим миллиардом будет западный мир. Около 100 лет назад произошла катастрофа с "Титаником", которая, как считает автор, является знаковой для последующих общемировых событий. Когда оказалось, что спасательных лодок на всех не хватает, пассажиров нижних палуб просто закрыли и обрекли на верную смерть, лишив их даже малейшего шанса на спасение. Так поступили едва ли не лучшие представители западного мира – старшие чины морского флота Великобритании. Вряд ли иначе будут действовать их идейные потомки в случае мировой катастрофы.

Спрашивается, а что остается Западу перед этой угрозой? Что может спасти человечество, которое стремительно увеличивается в численности, одновременно увеличивая потребление на душу населения? Ведь ресурсы планеты не безразмерны, следовательно, иного выхода, как сокращение численности, просто нет. Так думает большинство людей, которые знакомы с сутью этой проблемы, и в рамках возможностей современной науки и техники они правы.

Но экологическая катастрофа для человечества – не новость. Первая такая катастрофа наступила для скотоводческих племен Северной Африки. И ее преодоление привело к появлению грандиозной инновации – рождению первой городской цивилизации в Древнем Египте. Продуктивность территории при этом выросла на порядок. И такого рода грандиозные события после этого происходили не раз в других регионах мира и на другом уровне развития общества. При этом каждый раз спасала человечество грандиозная инновация, которая кардинально меняла не только способ использования ресурсов окружающей среды, но и образ жизни в целом.

Надвигающийся на человечество очередной экологический кризис может быть преодолен только путем грандиозной планетарной инновации. Масштаб такой инновации несоизмеримо выше тех технических усовершенствований, которыми сегодня занято чуть ли не все человечество. Масштаб такой инновации должен соответствовать масштабу надвигающейся катастрофы, следовательно, он должен найти выход из экологического тупика планетарного масштаба – необходимо справиться с проблемой парникового эффекта. Нужно найти выход для избыточного тепла, которое является неизбежным сопровождением любой деятельности человечества на планете. И пока нет никакого другого выхода, кроме вывода избыточного тепла в космос, который может стать для планеты гигантским "кондиционером".

Возможно, что с этой проблемой справится сам Запад. Но как показывает анализ развития науки, к 2000 г. его творческий потенциал оказался почти полностью исчерпан. Запад способен в ближайшие столетия лишь на технологические усовершенствования ранее открытых физических процессов. Технологические усовершенствования, безусловно, смогут за счет повышения КПД несколько отсрочить наступление экологической катастрофы, но не смогут ликвидировать ее угрозу в принципе. Здесь нужны революционные открытия и нужна консолидация усилий всего человечества.

Эта еще раз показывает, что развитие человечества невозможно без творчества. А как свидетельствует вся история, творческий процесс всегда локален, он всегда связан с определенным этапом развития очередной научной цивилизации. Именно локальные цивилизации являются субъектами творчества планетарного масштаба. Как невозможен коллективный крик "Эврика!" строя солдат или бригады строителей, так и невозможно коллективное творчество в масштабах всего человечества. Творчество всегда основывалось на яркой *индивидуальности* личности, на ее порыве к вершинам неизведанного, на личной любознательности и честолюбии. И этот вывод масштабируется на уровень цивилизаций. Как показывает история развития науки [69], творческий процесс всегда шел локально в отдельных культурах, и мир всегда развивала одна-единственная цивилизация. Поэтому, если глобализация пойдет настолько далеко, что уничтожит фундаментальные глубинные культурные и системные различия между отдельными цивилизациями, она нанесет чело-

вечеству вред, который будет несопоставимо больше, чем тот оперативный выигрыш, который можно получить на пути унификации технической, экономической и других сфер. В этом случае человечество станет творчески бесплодным, а следовательно, перестанет развиваться, что равносильно его гибели.

Следовательно, создать новый уклад в мире сможет одна из новых локальных цивилизаций, которая придет на смену западной, исчерпавшей свой крупномасштабный ресурс творческого преобразования мира. Следовательно, вопрос о сохранении цивилизационного разнообразия – вопрос жизни и смерти для всего человечества. Но более того, как показывает анализ возникающей ситуации, на новом витке развития человечества индивидуальный творческий порыв новой цивилизации только тогда принесет успех, когда будет опираться на потенциал и помощь всех остальных цивилизаций. Поэтому одновременно с задачей активизации индивидуального творческого потенциала новой цивилизации возникает задача гармонического синтеза всех локальных цивилизаций. А такого рода синтез невозможен без понимания их сущностных основ, понимания тех принципов, на базе которых строится вся их жизнь. Следовательно, возникает планетарного масштаба задача организации диалога цивилизаций, диалога, основанного не на монополярном управлении ими одной из цивилизаций (пусть и самой на сегодня могущественной), а на принципах многополярного мира. И естественно, возникает задача определения возможного варианта создания такого многополярного мира, причем варианта не горизонтального (равные и одинаковые полюса), а многоуровневого, сложно функционально организованного. Возникает задача построения плана будущего многополярного мира, основанного на единстве в разнообразии, единстве разных уровней и единстве разных систем мировоззрений. Возникает задача создания мысленной модели будущей Сверхцивилизации, которая была бы не Солярисом, т.е. разумным бульоном, а разумно организована на разных уровнях масштабной структуры.

Для решения этой задачи необходимо рассматривать все возможные варианты. Один из них – представление о том, что в развитии мира изначально была заложена модель поблочного параллельного роста различных частей общего будущего целого. Как показал анализ этой идеи, в ней есть очень интересная логика, которая требует дальнейшего тщательного исследования.

Кроме того, есть все основания полагать, что в человечестве разделение на Запад и Восток отражает не просто географический факт, а несет в себе глубинный системный принцип, согласно которому Запад – это мировое рациио, а Восток – мировая интуиция. И по аналогии с работой мозга человека можно предположить, что разделение между ними и создает предпосылки для творческого процесса биосферного масштаба. А сам творческий процесс обеспечивается за счет активизации срединных культур, которые соединяют рациональный запрос и возможность интуитивного нахождения ответа на него. Следовательно, стирание различий между Востоком и Западом приведет к полной остановке мирового развития.

Этим выводам, казалось бы, противоречит факт полного исчезновения древних цивилизаций, которые, как было показано в данной работе, несли в себе глубинные системные принципы, отличавшие их от других цивилизаций. Но если рассматривать вопрос глубже, их системные принципы не исчезли бесследно, они продолжают жить в недрах западноевропейской цивилизации. Следовательно, западноевропейская цивилизация является продуктом поэтапного синтеза различных системных блоков, каждый из которых предварительно был создан в процессе развития всего Запада. (Сегодня возникает, впрочем, вопрос о полноте этого синтеза).

По мнению автора, человечество вплотную подошло к осознанию того величественного замысла, который предполагает создание в будущем мощной Сверхцивилизации. Причем последняя не только соединит в себе все лучшее, что было создано западноевропейской цивилизацией и цивилизациями Востока, но и "дособерет" невоспринятые ранее современной наукой элементы вавилонской и египетской цивилизации.

Следовательно, интеграции различных цивилизаций в Сверхцивилизацию будет предшествовать новое, еще более масштабное Возрождение, в процессе которого заново будут открыты величайшие достижения культур Востока и первичных цивилизаций Запада. И вслед за этим "Новым Возрождением" последует процесс создания новой цивилизации, фундамент которой будет как минимум в четыре раза шире современного.

В этом прогнозируемом процессе каждая из цивилизаций является необходимым элементом общей конструкции. А сов-

ременное состояние строительства Сверхцивилизации можно оценить как завершение первой фазы – окончание закладки фундамента. Вещественный, объектный фундамент общей картины мира действительно создан. Именно поэтому современная наука стала столь эффективной технологически, именно поэтому человечество получило столь бурный импульс развития. Но в стороне от заверщенного фундамента лежат пока еще не востребованные блоки и элементы будущего здания. Они созданы предшествующими цивилизациями заранее и параллельно во времени процессу создания фундамента. Если использовать эту аналогию дальше, то становится понятным невосприимчивость западной культуры ко многим разработкам Востока. Ведь строителям, когда они закладывают фундамент, элементы корпуса будущего здания будут лишь помешать. Они нужны на следующем этапе, а в процессе закладки фундамента их место – за пределами строительной площадки. Можно предположить, что именно так же западной цивилизации долгое время мешали эти избыточные с ее точки зрения конструкции восточных цивилизаций и многие элементы систем Древнего Египта и Вавилона. Поэтому они всегда отодвигались за рамки современной западной научной парадигмы. Но придет время, и все, что было временно отложено, окажется необходимым для продолжения строительства грандиозного сооружения будущего общего дома человечества. И новая научная парадигма уже не будет считать избыточным созданные в древнем мире элементы познания мира.

Если уйти от этой аналогии, то главный вывод, который можно сделать на основании проведенного здесь исследования, заключается в том, что системная основа современной научной картины мира является принципиально недостаточной для получения целостной парадигмы. А не имея целостной парадигмы, человечество не сможет развиваться гармонично, не сможет дальше продвигаться в своем росте к Ноосфере.

Принципиальная же недостаточность современной парадигмы заключается в первую очередь в том, что она опирается лишь на часть полной системной матрицы познания, которую автору удалось выявить в ходе проделанной здесь работы. Именно поэтому современная парадигма и не способна приступить к освоению энергии эфира и создать целостную масштабно гармоничную теорию развития материи во Вселенной.

И понять эту недостаточность легче всего, сравнивая системы представлений о природе и обществе четырех первичных цивилизаций древности.

Автор полагает, что анализ системного различия концептуальных основ первых четырех цивилизаций, проделанный в этой работе, наглядно показал их изначальную системную ценность. Такая ценность вообще не стареет и не теряет своей актуальности со временем. Да, каждая из проанализированных систем по-своему неполна, ибо она опиралась лишь на одну из граней системного представления о мире. Но вместе они представляют собой уже некую законченную целостную картину действительности, из которой современная наука изучает в лучшем случае третью часть.

Мы показали, что, используя один из четырех методов познания – системный дедуктивный метод, рожденный в Древнем Китае, можно составить некий общий системный план становления Сверхцивилизации. Но как уже отмечалось ранее, возможны еще три других методологически разных подхода к созданию целостной картины. Один из наименее применяемых – также восточный, организмический, который развивался в Индии. Там весь мир неизбежно представляется как единый организм, поэтому во всех его описаниях проводятся параллели с органами этого организма. Вселенная представляется там как некое огромное тело некоего живого существа, наделенного руками, глазами, ногами, сердцем и душой. А в соответствии с принципом подобия аналогично устроены и любые другие системы. Следовательно, опираясь на организмический подход, мы можем представить себе модель Сверхцивилизации как некоего живого организма, в котором отдельные культуры и цивилизации выполняют роль рук, ног, сердца, печени и т.д.

В завершение данной работы отметим те вопросы, которые в рамках данного исследования остались нерешенными.

Первый вопрос. Анализируя каждую из четырех первичных цивилизаций, мы акцентировали внимание на их "ядре самобытности". При этом вокруг этого ядра каждая из цивилизаций обрастала своего рода периферией, в которой шло индуктируемое другими цивилизациями развитие в рамках других принципов. Таким образом, например, в индийской цивилизации можно найти египетские, вавилонские, античные и китайские включения, каждое из которых там хотя и развито по-

своему, но в системной своей сути обязано появлением другим цивилизациям. Так получилось, что для Запада в первую очередь стали понятны и видны именно эти периферические области цивилизаций Индии и Китая, остальное же (ядро) он отнес к метафизике и мистике.

Наличие в каждой из цивилизаций полифонической периферии при поверхностном их анализе создает иллюзию схожести всех первичных цивилизаций. Это приводит зачастую к неверному выводу о том, что все цивилизации пытались повторить тот путь развития, который успешно прошла западная цивилизация, но у них это плохо получилось.

На самом деле у каждой цивилизации получилось все отлично, так как каждая первичная цивилизация прошла свой путь до конца. Но понять это нам мешает западнцентристское восприятие мира. Поэтому так важно отделить периферию системы каждой из цивилизаций от ее ядра. Эту проблема в книге была лишь слегка затронута, и она еще ждет своего тщательного анализа.

Второй вопрос. В данной работе автор умышленно ограничил системную основу анализа до предельного минимума. Выделив в качестве основных принципов всего две пары – горизонталь и вертикаль, объекты и среды, мы почти не использовали многие другие важные критерии – тип пространства и времени, размерность, динамичность и статичность... Такое ограничение было вынужденным, ибо в случае расширения базы системных принципов на первом этапе можно было бы потерять простоту восприятия. Но при этом, безусловно, системные различия между четырьмя первичными цивилизациями не ограничиваются выбранными здесь принципами. И в будущем еще предстоит создать полноценные системные матрицы для каждой из цивилизаций.

Третий вопрос. В данной работе основной акцент был сделан на системном методе анализа. Лишь отчасти мы затронули другой вариант, индийский, – организмический, который требует высокой одухотворенности и умения строить анализ на сложных аналогиях.

Но кроме китайского и индийского подхода к этой же цели можно было бы идти еще египетским и вавилонским путем.

Египетский подход предполагает индуктивное обобщение накопленных фактов, именно он стал основой современной за-

падной парадигмы, именно в рамках этой традиции автор исследовал общность цивилизаций в предыдущей книге цикла – "Эстафета цивилизаций". Но этот путь также нельзя считать завершенным, он пока лишь обозначен.

Вавилонский подход практически не затрагивается в работах автора. Этот подход – путь через определение цикличности этапов развития человечества, что нашло отражение не только в астрологии, но и во всевозможных моделях истории, в которых используются глобальные циклы, например в 25 765 лет (полный цикл земной прецессии, этот период также известен как Платонов год), который разбиваются на 12 эпох, что дает период в 2147 лет. В эзотерической культуре данный метод широко известен как раз в связи с выделением различных эпох. В частности, эзотерики полагают, что в настоящее время закончилась эпоха Рыб и началась эпоха Водолея.

Уже только перечень глобальных вариантов исследования логики эволюции человечества показывает, какая разнообразная и грандиозная работа еще предстоит, чтобы создать действительно полноценную и логическую модель пути человечества к Ноосфере, к Сверхцивилизации.

Предпринятая же автором попытка дать некие ориентиры в этой работе, изложенная в трех первых книгах цикла ("Логика эволюции человечества", "Эстафета цивилизаций" и "Сверхцивилизация"), является не более чем заявкой на такого рода исследование, заявкой, которая пока лишь больше ставит вопросы, чем дает на них окончательные ответы. Но автор надеется, что сама постановка проблемы в разрезе целостного и логического развития человечества, развития полифонического, гармоничного и разнообразного в своих отдельных частях, развития, при котором, как в эстафете, передается от региона к региону, от культуры к культуре, от эпохи к эпохи факел познания, факел творческого преобразования человечества, является интересной для большинства читателей, мировоззрение которых складывалось под влиянием одной из версий – западной. Поэтому главной задачей данной работы было показать возможность расширения картины восприятия истории человечества.

Литература

1. *Агеев А.И.* Кто заказывает музыку // Экономические стратегии. 2006 (44). № 2, с. 5.
2. *Ален К.У.* Астрофизические величины. М.: Мир, 1977.
3. *Альбедиль М.Ф.* Индуизм: творящие ритмы, СПб.: "Азбука классики", "Петербургское востоковедение", 2004.
4. *Аргуэльес Хозе.* Майянский Фактор: Внетехнологический Путь. – <http://www.koob.ru>
5. *Ассеев В.А.* Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание. Л.: ЛГУ, 1977.
6. *Бердяев Н.А.* Судьба России: Книга статей. М.: Эксмо, 2007.
7. *Бестужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация. М.: Владос, 1998.
8. *Блохинцев Д.И.* Философские вопросы современной физики. М.: Изд. АН СССР, 1952.
9. *Бонгард-Левин Г.М.* Древнеиндийская цивилизация. Философия, религия, наука. М., Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1980.
10. *Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* Индия в древности. СПб.: Алетейя, 2001.
11. *Брайс С. Де Витт.* Квантовая гравитация // В мире науки. 1984. № 2, с. 58
12. *Бьювел Р., Джильберт Э.* Секреты пирамид. М.: Вече, 1997.
13. *Вайнберг С.* Гравитация и космология. Принципы и приложения общей теории относительности. М.: Платон, 2000.
14. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории: физика в поисках самых фундаментальных законов природы. М.: Едиториал УРСС, 2004.

15. *Васильев Л.С.* Древний Китай. В 3 т. М.: Вост. лит., 1995. Т. 3: Период Чжаньго (V-III вв. до н.э.), 2006.
16. Всемирная история в десяти томах. Т. I, М.: ГИПЛ, 1955.
17. Всемирная история в 10 томах. Т. II, М.: ГИПЛ, 1956.
18. Всемирная история в 10 томах. Т. III, М.: ГИПЛ, 1957.
19. Всемирная история в 24 томах. Т. 1. Каменный век. Минск: Литература, 1996.
20. Всемирная история в 24 томах. Т. 2. Бронзовый век. Минск: Литература, 1996.
21. *Грин Б.* Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиск окончательной теории. Пер. с англ. / Под ред. В.О. Малышенко. Изд. 3-е, испр. М.: КомКнига, 2007.
22. *Даймонт М.* Евреи, Бог и история. М.: Имидж, 1994.
23. *Дандекар Р.Н.* От вед к индуизму: Эволюционирующая мифология. М.: Вост. лит., 2002.
24. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
25. Дао дэ Цзин. Книга пути и благодати. М.: ЭКСМО, 2004
26. *Дорфман Я.Г.* Всемирная история физики с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1974.
27. *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997.
28. *Еремеев В.Е.* Чертеж антропокосмоса. 2-е изд., доп. М.: АСМ, 1993.
29. *Еремеев В.Е.* Арифмосемиотека "Книги перемен". М.: Компания "Спутник+", 2001.
30. *Иванова Л.В.* Индуизм. М. 2003.
31. Иллюстрированная история религий. В двух томах. Издание второе. Т. I. Валаам: ИО Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1992.
32. Иллюстрированная история религий. В двух томах. Издание второе. Т. II. Валаам: ИО Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1992.
33. Иллюстрированная энциклопедическая библиотека под ред. В. Бутромеева, М.-Рыбинск: Деконт+, Рыбинский дом печати, 1996.
34. История китайской философии. Пер. с кит. В.С. Таскина. М.: Прогресс, 1989.

35. *Капра Ф.* Дао физики. Киев: София, М.: ИД "Гелиос", 2002.
36. *Касевич В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
37. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007.
38. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2 т. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
39. *Кулаков А.Е.* Религии мира: пособие для учащихся. М.: АСТ, 1996.
40. *Ливрага Х.А.* Фивы. М.: Новый Акрополь, 1995.
41. *Лысенко В.Г.* Универсум вайшешики (по "Собранию характеристик категорий" Прашастапады). М.: Вост. лит., 2003.
42. *Матюшин Г.Н.* Тайны цивилизаций. История древнего мира, М.: АСТ-пресс-книга, 2002.
43. *Марков М.А.* О природе материи. М.: Наука, 1976.
44. Махабхарата. Рамаяна. М.: Изд-во "Художественная литература", 1974.
45. *Мюллер Х., Сухонос С.И.* Закон наиболее плотной упаковки по всем степеням свобод биопространства // В сб.: Доклады МОИП 1982. Общая биология. М.: Наука, 1985, с. 98–102.
46. *Паннекук А.* История астрономии. М.: Наука, 1966.
47. *Перель Ю.Г.* Развитие представлений о Вселенной. Изд. второе. М.: ГИФ-МЛ, 1962.
48. Ригведа. Мандалы I-IV, изд. 2-е, исправл. М.: Наука, 1999.
49. Ригведа. Мандалы IX-X, изд. 2-е, исправл. М.: Наука, 1999.
50. *Самюэлс Р.* По тропам еврейской истории. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993.
51. Сто лет Тунгусской проблеме. Новые подходы: сб. статей / Под ред. В.К. Журавлева и Б.У. Родионова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2008.
52. *Сухонос С.И.* Взгляд издали // Знание-сила. 1981, № 9, с. 31–33.
53. *Сухонос С.И.* Определение понятия системы // Тезисы докладов областной научно-практической конференции "Кибернетика и проблемы управления научно-техничес-

ким и социально-экономическим прогрессом". Волгоград, 1982, с. 17–23.

54. *Сухонос С.И.* Бердииков В.Ф. Упаковочная модель возникновения устойчивых отдельностей. Л., 1985, 29–86. Деп.: ВНИИТЭМР, с. 1–44.
55. *Сухонос С.И.* Системная модель развития пространственных представлений // Труды XXIV и XXV научных конференций аспирантов и молодых специалистов. Секция "История физики". Москва, 1982–1983 гг. АН СССР. Институт истории естествознания и техники, с. 30–43. Деп.: ВИНТИ. № 1726–В86, 1986.
56. *Сухонос С.И.* Развитие и эволюция пространственных представлений // В сб.: Семиодинамика. Труды семинара. СПб.: Изд-во общества ведической культуры, 1994, с. 86–96.
57. *Сухонос С.И.* Россия в XXI веке. М.: Агар, 1997.
58. *Сухонос С.И.* На пороге четырехмерной цивилизации // В сб.: Логос Вселенной / Альманах "Интегральные знания". Вып. первый. М.: Белые альвы, 1999, с. 5–32.
59. *Сухонос С.И.* Масштабная гармония Вселенной. М.: София, 2000.
60. *Сухонос С.И.* Кипящий вакуум Вселенной, или Гипотеза о природе гравитации (предварительное сообщение). М.: Новый центр, 2000.
61. *Сухонос С.И.* Российский ренессанс в XXI веке. М.: Планета, 2001.
62. *Сухонос С.И.* Гравитационные бублики. М.: Новый центр, 2002.
63. *Сухонос С.И.* Жизнь в масштабе Вселенной // В кн.: Человек в масштабе Вселенной, с. 7–138. М.: Новый центр, 2004.
64. *Сухонос С.И.*, Третьяков Н.П. Числовая структура Вселенной // В кн.: Человек в масштабе Вселенной. М.: Новый центр, 2004, с. 167–206.
65. *Сухонос С.И.* Вселенская сила нравственности. М.: Новый центр, 2005.
66. *Сухонос С.И.* Силы России. Прошлое, настоящее и будущее. М.: Новый центр, 2006.
67. *Сухонос С.И.* Логика эволюции человечества. М.: Экономика, 2008.

68. *Сухонос С.И.* Эфирная версия Тунгусского феномена // В кн.: Сто лет Тунгусской проблеме. Новые подходы: сб. статей / Под ред. В.К. Журавлева и Б.У. Родионова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2008, с. 292–329.
69. *Сухонос С.И.* Эстафета цивилизаций (в рук.).
70. *Сухонос С.И.* Матрица социальных элементов. Путь наверх (в рук.).
71. *Сухонос С.И.* Пять вопросов к мировым религиям (в рук.).
72. *Тантлевский И.Р.* История Израиля и Иудеи до разрушения Первого Храма. СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2005.
73. *Талбот М.* Голографическая Вселенная. Пер. с англ. М.: Издательский дом "София", 2004.
74. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
75. Упанишады в 3-х книгах. Книга 1. Брихадараньяка упанишада. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, НИЦ "Ладомир", 1991.
76. Упанишады в 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, НИЦ "Ладомир", 1991.
77. Упанишады в 3-х книгах. Книга 3. Чхандогья упанишада. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, НИЦ "Ладомир", 1991.
78. *Урманцев Ю.А.* Симметрия природы и природа симметрии (философские и естественные аспекты). М.: Мысль, 1974.
79. УФН, т. 170, № 4, с. 446 (2000).
80. УФН, т. 171, № 3, с. 306 (2001).
81. *Фицджеральд Ч.П.* История Китая. М.: Центрполиграф, 2005.
82. *Фолта Я., Новы Л.* История естествознания в датах. М.: Прогресс, 1987.
83. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ, Ермак, 2005.
84. *Хаара-даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие // Арабески истории, Вып. 2. Пустыня Тартари, с. 36–274. М.: ДИ-ДИК, 1995.
85. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис, 1994. № 1, с. 34.
86. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005.

87. *Хокинг С.* Кратчайшая история времени. СПб.: ТИД "Амфора", 2007.
88. *Хорган Дж.* Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб.: Амфора/Эврика, 2001.
89. *Цветов В.Я.* Пятнадцатый камень сада Рёандзи. 3-е изд., дораб. и доп. М.: Политиздат, 1991.
90. *Шимони А.* Реальность квантового мира // В мире науки. 1988. № 3.
91. *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
92. *Шохин В.К.* Школы индийской философии: Период формирования (IV в. до н.э. – II в. до н.э.) М.: Вост. лит., 2004.
93. *Шубников А.В.* Симметрия подобия // Кристаллография. 1960, № 5, с. 489–496.
94. *Шуцкий Ю.К.* Китайская классическая "Книга перемен" / Сост. А.И. Кобзев. 2-е изд., испр. и доп. Под ред. А.И. Кобзева. М.: Вост. лит., 2003.
95. *Эйнштейн А.* Эфир и теория относительности // Собрание научных трудов. Т. 1. Работы по теории относительности 1905–1920. М.: Наука, 1965.
96. *Эйнштейн А.* Эфир и теория относительности // Собрание научных трудов. Т. 3. Работы по теории относительности 1905–1920. М.: Наука, 1966.
97. *Эррикер К.* Буддизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
98. *Янчили В.Л.* Квантовая теория гравитации. М.: Едиториал УРСС, 2002.
99. A Concise History of Science in India. Delhi, 1970.
100. *Fulton J.F.* Physiologie des Nervensystems. Stuttgart: F.-Enke-Verlag, 1952.
101. *Needham J.* Science and Civilization in China. V. 1–7. With the research assistance by Wang Ling. Cambridge Univ. Press, 1954–1963. Особенно см.: Physics and physical technology. V. 4, pt 1, 1962.

Выходные сведения и т.д.